

*"Многими скорбями надлежит нам
войти в Царствие Божие"*

(Деян. 14, 22)

**ХРИСТИАНСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
НА СТРАДАНИЯ И СКОРБИ
В СПАСЕНИИ ЧЕЛОВЕКА**

Сборник статей

Издательство Мурманской епархии
2020 год

Христианские воззрения на страдания и скорби в спасении человека. Сборник статей и выступлений. Мурманск, изд. Мурманской епархии, 2020. – 390 с.: ил.

В 2010 году в селе Варзуга проходила очередная историко-богословская конференция «Третьи Феодоритовские чтения» на тему «Христианские воззрения на страдания и скорби в спасении человека». Материалы сборника, вышедшего по ее итогам, имели большой успех и вызвали живой отклик читателей.

Предлагаемая книга – сборник статей и выступлений, затрагивающих эту узловую тему смысла христианской жизни, прозвучавшую не только в ходе конференции, но и на иных площадках в последующие годы.

Путь страданий со Христом как уникальная возможность исцеления человеческой природы

*Игумен МИТРОФАН (Баданин),
кандидат богословия, настоятель
Успенского прихода села Варзуга*

Дорогие участники конференции «Третьи Феодоритовские чтения»!

Наша работа проходит в уникальном месте, в селе Варзуга, первом русском поселении на Кольской земле. Это древнее поморское село, что на Терском берегу Белого моря, удивительным образом сохранилось в полноценном виде. Это единственное во всей Мурманской области место, обладающее не только уникальными памятниками деревянного зодчества, но и всеми признаками самобытной культуры русских поморов.

Наша встреча для разговора о «Христианских воззрениях на страдания и скорбь в спасении человека» именно в этом поморском поселении представляется не случайной. Эти берега Кольского полуострова с большим трудом, кровью и скорбями многих поколений монахов и мирян переходили под державу Российскую. И не случайно за дату основания

села принят, согласно законам историографии, 1419 год – год жестокого разорения Варзужского погоста «мурманами», поскольку именно это событие явилось первым упоминанием поселения Варзуга в письменном источнике.

Особое богатство села – сама река Варзуга, сохранившая уникальную популяцию северного лосося – варзужской семги. Эта удивительно красивая, благородная рыба может существовать лишь в содружестве с моллюском «жемчужницей речной» (*Margaritifera margaritifera*). Без этого природного симбиоза размножение семги было невозможно. Река Варзуга – последняя из европейских рек, в которой еще существует популяция жемчужницы. Варзужский жемчуг – последний речной жемчуг в мире.

Картина Г. Мясоедова «Страдная пора. Косцы». 1887 г.

Повседневный труд российского крестьянина-христианина всегда был страданием, вся жизнь как «страда». Что уборочная, что посевная. Это и есть терпение скорбей, страдание за прародительский грех. Ибо *«проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей, в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят»* (Быт. 3, 19)

«Жемчужница речная»
(*Margaritifera margaritifera*),
одна из диковинок реки
Варзуги

I.

Почему, приступая к раскрытию темы нашей конференции и размышляя о роли страданий в деле спасения человека, мы вспомнили о моллюске, рождающем в себе прекрасную жемчужину? Потому, что эта красота рождается в нем от страданий. Находясь в своей створчатой раковине, моллюск чувствует себя достаточно комфортно и занят удовлетворением своих естественных потребностей, вовсе не задумываясь об уходящем времени и необходимости «собирать в себе нетленное сокровище». И тогда некое постороннее тело, небольшая песчинка проникает сквозь створки раковины и начинает раздражать нежное тело моллюска. В целях уменьшения этих столь досаждающих ему болезненных ощущений моллюск выделяет перламутровую

жидкость, которая постепенно обволакивает песчинку. Эта терпеливая работа длится годами. Таким образом внутри рождается сокровище-жемчужина. И эта жемчужина – незаменимая красота венцов, ожерелий и окладов церковных икон – надолго переживает тленное тело моллюска.

В современном мире все усилия человеческой цивилизации направлены на устранение любой возможности проникновения этих досаждающих «Божьих песчинок» за плотно замкнутые створки человеческой души. Так называемый научно-технический прогресс, буквально обрушившийся на человека в конце XIX века, громко заявляя о скором решении жизненных проблем и неурядиц, о всемерной защите от скорбей и болезней, в действительности сделал и продолжает делать человека все более несчастным. Богоборческая направленность вектора этих «прогрессивных» усилий очевидна и в духовном смысле оказывается деградацией, поскольку предполагает попытку изолировать человека от посылаемых Богом испытаний. В этой связи вспоминаются справедливые предчувствия наступающего века «прогресса» и реакция на него императора Александра II в одной из его резолюций: «Что еще за "прогресс"?! Прошу слова этого не употреблять более в официальных бумагах»¹.

Пытаться, уповая на «мудрость века сего», уклониться, защититься или откупиться от скорбей, испытаний и болезней, источником которых является Господь со Своим промыслом о спасении человека, – есть пустая трата сил и времени нашей земной жизни. Стойкое и смиренное принятие скорбей во имя Христа и таким образом соучастие

¹ Скальковский К. Маленькая хрестоматия для взрослых. СПб., 1904. С. 145.

Император Александр II, «Освободитель», один из любимых императоров России. Закончил свою жизнь мученически в 1881 году, погибнув от взрыва, устроенного террористами. Россия сама породила и вырастила первых террористов, возведя этих подлых людей в ранг героев. И до тех пор, пока улицы наших городов носят имена этих бандитов: Желябова, Перовской, Воронского, Каляева и им подобных, Россия будет наказываться и люди продолжат погибать от рук их верных последователей – террористов нашего времени

в страданиях Господних – верный путь врачевания человеческой природы и приобщения вечной жизни. И другого пути у нас нет, ибо мы знаем, что *«многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие»* (Деян. 14, 22).

II.

Нести бремя скорбей, не унывая и не отчаиваясь, – труд не из легких, но и награда уготована небывалая. И нет в человеческом языке таких слов, которые могут описать, что же приготовил Своим угодникам Тот, Кто может ВСЁ: *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»* (1 Кор. 2, 9). Истинно так – приготовил и ждет, чтобы наградить нас, ибо Сам Спаситель делился этой радостной вестью со Своими учениками: *«Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство»* (Лк. 12, 32).

Так что, по справедливому слову апостола Павла, *«нынешние временные страдания наши ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас»* (Рим. 8, 18). Ему вторит и другой первоверховный апостол: *«как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете»* (1 Пет. 4, 13).

К этой важной мысли утешения *«всех труждающихся и обремененных»* на ниве Христова крестоношения апостолы возвращаются неоднократно: *«кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, ...когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный»* (2 Кор. 4, 17; 5, 1).

В чем же принципиальное отличие страданий со Христом от повседневных страданий мира сего? Страдание всей земной твари носит онтологический характер и является следствием исполнения Божественного закона, согласно которому грех, допущенный человеком, вызывает искажение во всем материальном мире, уродуя и приводя к деградации все творение Божье. Именно потому еще во времена наших праотцов и объявил Господь о возникновении этой новой ситуа-

Картина И. К. Айвазовского «Среди волн». 1898 г.

Человеку на море страшно. Так было всегда и по-другому в этом мире никогда не будет. Человек, связавший свою жизнь с морем, вставший на дерзновенный путь личного общения с этой могучей, непостижимой стихией, неизбежно придет к глубокой внутренней перемене всего своего существа и постигнет особое состояние духа, которое можно определить как дух морского богоискательства

Картина Н. Н. Дубовского «Море. Парусники.». 1900 г.

О страде на море – поморская поговорка: «Море – горе, а без него – вдвое»

ции во Вселенной: *«проклята земля за тебя»* (Быт. 3, 18). Эта вселенская катастрофа наступила сразу после совершения людьми первого в истории человечества греха.

Человек от своего сотворения был наделен от Господа особой властью над миром и величайшей ответственностью перед всем творением, ибо *«благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте...»* (Быт. 1, 28). Но, увы, «земля», материя как основа творения, как суть «всякой твари», повредилась грехом человека, в ней появился изъян, болезни, мучения. С тех пор *«вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами... в себе стенаем, ожидая... искупления тела нашего»* (Рим. 8, 22; 23).

Однако возможность упомянутого апостолом *«искупления тела нашего»* касается только лишь христиан и есть как раз путь исцеления, врачевания тех последствий греха, которые живут в материи нашего тела, в той самой *«проклятой земле»*.

Путь этого исцеления открыл нам Христос, Спаситель мира. *«Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни»*, и в Своем человеческом Теле Господь наш, *«муж скорбей, изведавший болезни»*, воспринял то самое «проклятие», повреждение «земли», ибо *«наказание мира нашего [было] на Нем»* (Ис. 53, 4; 5). То есть всю тяготу, что наследует человек в своем теле вследствие грехопадения, исказив «образ и подобие Божие», Христос Спаситель берет на Себя, принимая «образ и подобие человека». О том и слова апостола: *«приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек»* (Флп. 2, 8). Это был акт величайшего смирения Бога перед немощами падшей твари, перед homo peccator (человеком грешным), Господь *«смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной»* (Флп. 2, 9). Этот путь страданий Христа принес благодатнейший плод: *«ранами Его мы исцелились»* (Ис. 53, 5).

Учение о спасении человека добровольными страданиями воплотившегося Христа отражают самую суть, сердцевину величественных событий, произошедших во Вселенной две тысячи лет назад, когда Господь *«отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3, 16). Наша любовь и благодарность к Спасителю зиждется на понимании всецелой добровольности Его страданий, понесенных *«нас ради человек и нашего ради спасения»*. О том и слова обращения Христа к иудеям в Иерусалимском храме: *«Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. От этих слов опять произошла между Иудеями распря»* (Ин. 10, 18).

И в наше время мир, который не принимает Христа, естественно, не принимает и этого пути страданий, предложенного Христом, добро-

вольно пройденного Им Самим ради исцеления человеческой грехов-ной природы.

Тайновидец и апостол Иоанн Богослов в своем Апокалипсисе дает картину тяжких страданий мира, упорствующего в своем безбожии в последние времена при завершении человеческой истории: «*Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания, и хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих*» (Откр. 6, 11). Таков итог бесплодных страданий мира, отрекшегося от Христа и «*во зле лежащего*».

Каким же образом крестные страдания, понесенные лично Богочеловеком Христом, могут даровать исцеление падшей природе другого человека-христианина, ставшего на путь спасения?

В подвиге Спасителя мы видим исцеление Его личной, человеческой природы, произошедшее через страдания. В Своем Воплощении

Картина В. В. Васнецова «Воины Апокалипсиса». 1887 г.

«*Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он [как] победоносный, и чтобы победить. И когда Он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч. И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными*» (Откр. 6, 2–8)

Господь воспринял нашу человеческую смертную, тленную, страстную природу, то самое *«наказание мира нашего»*. Через страдания до смерти на Кресте Он этой природе вернул в Себе ее первоначальное совершенство – *«образ и подобие Божие»*. Об этом слова апостола: *«Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, Вождя спасения их совершил через страдания»* (Евр. 2, 10). То есть, в церковнославянском варианте, Богу Отцу *«подобаше Начальника спасения страданьями совершити»*.

О том, каковым стало это исцеленное, совершенное человеческое тело Христа, в Евангелии говорится достаточно подробно. Фантастические свойства этого удивительного, возрожденного творения Божьего, которые демонстрировал Своим ученикам в течение сорока дней Воскресший Господь, не могут не восхищать каждого из нас и не вдохновлять на устремленность к этому совершенству.

Но каким образом этот факт достижения через страдания на Кресте Богочеловеком Христом благодатных перемен в природе Своего тела влияет на наши возможности приобщиться этой тайны? Почему, если *«Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо»*, то *«ранами Его мы исцелились»* (1 Пет. 2, 24)? В какой мере, если *«Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь»* (Евр. 2, 18)?

В Таинстве Причастия мы в полной мере приобщаемся этого *«честнаго и пресвятаго»* Тела и *«честных и святых»* Крови Господа нашего Иисуса Христа. Через эту благодатную возможность христиане, составляющие Христову Церковь, сами становятся Его мистическим Телом. *«Чаша благословения не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?»* – свидетельствует о том апостол Павел, – *«Один Хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного Хлеба»* (1 Кор. 10, 17).

Собственно, в этих усилиях христиан по преумножению и приобщению Тела Христа и состоит наше главное *«дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами ...но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть Христос, из Которого все тело, составляемое и совокупаемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви»* (Еф. 4, 12; 16).

Вот тот единственно возможный путь преодоления поврежденности, «падшести» нашей природы, следуя которым Господь *«уничужденное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, [которою] Он действует и покоряет Себе всё»* (Флп. 3, 21).

Однако может ли простой смертный, еще в этой земной жизни, хоть немного сам приблизиться к этому результату, достигнутому для нас Богочеловеком Христом Спасителем? Возможно ли наше соработни-

чество с Господом, «синергия» в исцелении нашего тела, в восстановлении утраченного нами «образа и подобия Божьего»?

Безусловно, возможно, но в этом устремлении к созиданию в нас Тела Христова, для достижения этого Преображения, потребуется пройти путем «скорбей Христовых», ибо, по слову Господа, «раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если Меня гнали, будут гнать и вас. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете» (Ин. 13, 16; 15, 20).

Потому и радуется «блаженный» апостол Павел, вновь возвращаясь к теме благодатности принятия пути скорбей в жизни христианина: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас, и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1, 24).

Картина художницы И.В. Штань (Рачковой) «Апостол Павел». 2008 г.

Потому и радуется «блаженный» апостол Павел, вновь возвращаясь к теме благодатности принятия пути скорбей в жизни христианина: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас, и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1, 24)

Поврежденная грехом человеческая природа, как и любое иное повреждение, искажение, болезнь – для своего исцеления, восстановления в целостности требует труда, усилий, подвига, лекарства, оперативного вмешательства и тому подобного, а все эти действия немислимы без страданий. И только таким образом я *«усмиряю и работаю тело мое»* (1 Кор. 9, 27).

«Переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа» (2 Тим. 2, 3), – наставляет своего ученика апостол Павел и раскрывает нам величественную цель этого спасительного делания, – *«чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых»* (Флп. 3, 10, 11).

Человеческое существо наше болеет и глубоко поражено, *«изъязвлено»* грехом. Это наше хроническое заболевание беспокоит любящего нас *«Врача душ и телес»*, однако прописанные Им лекарства подчас бывают очень горьки, и процесс врачевания оказывается достаточно болезненным и близким к хирургическому вмешательству.

Но, с другой стороны, человек, принявший в сердце полную готовность пострадать, принимающий страдания с благодарностью, становится непобедимым, он неуязвим для злобы князя тьмы, он в себе одерживает победу над миром, который *«лежит во зле»* (1 Ин. 5, 19). Эта парадоксальная мысль об исцеляющей силе скорбей, о принятии страданий с кротостью и смирением, высшую степень звучания обретает в житиях святых мучеников. Новомученик Российский святитель-хирург Лука (Войно-Ясенецкий), подводя итог выпавшим ему в жизни жестоким испытаниям за веру во Христа, пишет: *«Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу»*.

Эта уверенность во всепобеждающей силе страданий со Христом и за Христа остается неизменно твердой в течение двух прошедших тысячелетий, как свидетельство истинной веры всех поколений христиан, от первоучеников первых веков до новомучеников века XX: *«я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа. Ибо когда я немощен, тогда я силен!»* (2 Кор. 12, 7–11).

Именно таких людей избрал Себе Господь, *«очистив Себе народ особенный, ревностный к добрым делам»* (Тит. 2, 14). Народ Христов есть *«род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет»* (1 Пет. 2, 9).

«Вы друзья Мои, – говорит нам Господь, – Я уже не называю вас рабами.., Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод.. Я назвал вас друзьями» (Ин. 15, 15).

III.

Избранничество человека Богом, особая угодность Господу ясно открывается в скорбях и болезнях, сопровождающих жизненный путь

такого христианина. «Всякий человек, о котором особенно печется Господь, – замечает преподобный Исаак Сирин, – познается по непрестанно посылаемым ему скорбям...». И нет у Господа иного пути для человека, вставшего на путь спасения и пожелавшего достичь Царствия Небесного: *«Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие»* (Деян. 14, 22). «Потому что без скорбей сердце не может умереть для земли, – поясняет святитель Игнатий (Брянчанинов), – и ожить для Бога и вечности».

Современный мир, вслед за иудеями, с иронией взиравшими на распятого Христа, придумывает все новые способы заставить и каждого христианина отказаться от этого пути и «сойти с креста». *«Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него»* (Мф. 27, 40), – так мир искушал Господа две тысячи лет назад. Не так давно появилась новая лукавая формула этого предложения: «Почему надо к вере приходиться от скорбей, от болезней? Неужели нельзя прийти к Богу от радости? Почему в церкви все так скорбно, печально... Давайте будем радоваться!»

И современный «христианский» мир Запада всеми силами стремится веселиться и развлекаться, придумывая «хеллоуины», «валентины», карнавалы и так называемое «рождество», из которого на законодательном уровне удалено слово «Христово». Главное в такой «радости» – это «Санта», индейка, фейерверки и шоу. Но за отступление от Креста Христова придется ответить, и слово Божье исполнится в срок: *«горе вам, смеющихся ныне! ибо восплачете и возрыдаете»* (Лк. 6, 25).

Обо всем этом две тысячи лет назад ясно предупреждал нас покидающий этот мир Спаситель: *«истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет»*. И далее Господь укрепляет нас, призывая потерпеть эти временные скорби: *«Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас; и в тот день... о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам»* (Ин. 16, 20).

Человеку, живущему вне церковной благодати, не понять, что такое праздник души, каковой может быть истинная радость, – радость человека, живущего «во Святом Духе». Господь щедро награждает и укрепляет всех, идущих Его путем, *«ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия»* (2 Кор. 8, 2).

Внутреннее неприятие, отторжение благ мира сего христианином, которое подчас представляется блажью и безумием человеку современного мира, по своей сути, есть инстинктивное оберегание

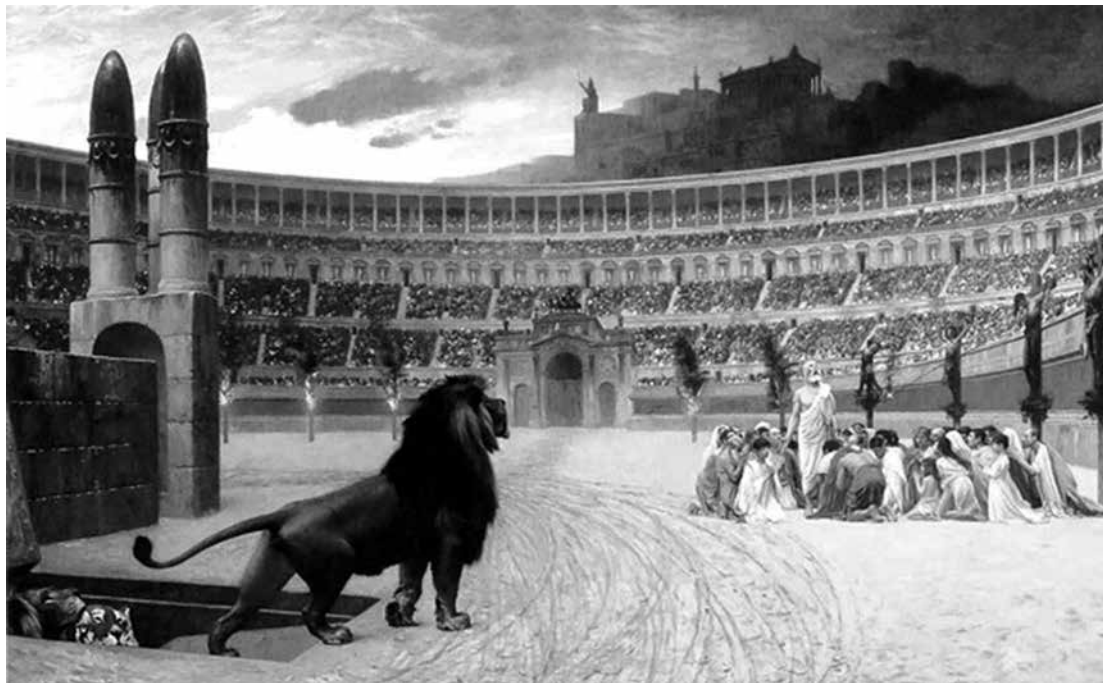

На картине «Христианская Дирцея в цирке Нерона» (худ. Г. И. Семирадский, 1897 г.) изображена казнь христианки во время языческих игр. Христианская мученица, приговоренная к смерти, для увеселения римлян исполняет роль Дирцеи, мифологической супруги фиванского царя, которая была казнена путем привязывания за волосы к рогам свирепого быка

Картина Ф. Бронникова «Мученик на арене цирка». 1869 г.

«Мученик» (martyros) значит по-гречески, прежде всего, «свидетель», и лишь практические последствия этого свидетельства о своей вере в виде пыток и казней привели к ассоциации данного слова с физическими мучениями и смертью за Христа

Картина Ж. Л. Жерома «Последняя молитва христиан перед казнью». 1883 г. Готовность христиан следовать за Христом по пути крестоношения до смерти породила тысячи верующих, принявших подвиг мученичества и исповедничества. То есть свидетельствовавших о своей вере во Христа перед лицом власти имущих, этой веры не имеющих

Римские катакомбы Сан-Каллисто (скульптор Стефано Мадерно).

Скульптура св. Цецилии, одной из первых мучениц в истории христианства. Именно таким после мучений и казни было найдено тело святой мученицы римскими христианами в 230 году от Р. Х.

Картина М. Караваджо «Распятие апостола Петра». 1601 г.

Все, кто читали Новый Завет, наверняка помнят слова апостола Петра: *«Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчёта в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением»* (1Пет. 3, 15). Эту готовность явил апостол перед мучителями императора Нерона. По преданию, апостол Петр, приговоренный к казни через распятие, упросил мучителей распять его вниз головой, считая себя недостойным повторить образ Распятия Христова

Картина К. Брюллова «Осада Пскова». 1839 г.

Страдания целых народов создают духовность нации, формируют жизнестойкий народ

Картина П. Рыженко «Прощание с царским конвоем». 2004 г.

Отречение императора Николая II – начало крестного пути страданий России в XX веке. «Ни к одной стране мира судьба не была так жестока, как к России», – вскоре напишет Уинстон Черчилль

Поклонный восьмиметровый крест, установленный на месте Варзужского городища. Вся средневековая Россия была страной «городищ» – деревянных защитных сооружений. Страдание и смерть были совсем рядом

Картина М. В. Нестерова «Лисичка». 1914 г.

Добровольное христианское подвижничество, пост, аскеза и иное «утеснение» своей жизни приносят благодатные плоды исцеления человека от разрушающей силы греха. И даже сверхосторожная тварь Божья – лисичка – больше не опасается такого нового человека, изливающего благодать Святого Духа на всю окружающую природу

в себе того самого пути крестоношения и всяческое уклонение от соблазна «сойти с Креста». Это есть принятие с верою в своем сердце недвусмысленных слов Божьего определения: *«горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете»* (Лк. 6, 24).

Несколько упрощая, можно утверждать, что существует лишь два варианта развития событий в жизни человека, вставшего на путь спасения. Либо добровольная нищета, терпение невзгод, всяческое утеснение плоти – царский путь, по которому шли подвижники веры с самых первых веков христианства, либо придется принять неумолимые уроки Божьи и идти по пути спасения через скорбные обстоятельства жизни и болезни.

Жития святых Крайнего Севера Руси оставили нам удивительно яркие примеры успешной реализации этих вариантов Промысла Божьего о спасении человека.

IV.

Так, например, преподобный Феодорит, просветитель Кольский, всю свою жизнь, «от младых ногтей», всячески утеснял и смирял «грешную плоть свою», следуя *«тесными вратами и узким путем, ведущими в Жизнь»* (Мф. 7, 13). С семи лет он занимается переписыванием книг при Ростовском монастыре Иоанна Богослова. В одиннадцать лет он уже послушник на Соловецких островах. В двенадцать – принимает постриг с именем Феодорита. В течение восемнадцати лет пребывает в послушании у *«многолетнего и премудрого» Соловецкого старца Зосимы, «восходя ко преподобию по ступеням добродетелей»²*, а затем на двадцать лет уходит на *«богомыслие и молчание»* в Лопарские пустыни. Крестит языческие народы Крайнего Севера, создает лопарскую азбуку, основывает монастыри и церкви. Стоит у истоков Российской державной государственности, исполняя важнейшие дипломатические поручения царя Иоанна Грозного.

Глубоким старцем, уже в возрасте девяноста лет, он продолжает свою апостольскую миссию на Крайнем Севере, окормляет Кандалакшский и Печенгский монастыри, не забывая и крещеных им лопарей, при этом *«не щадяще ни старости, ни немощного тела, сокрушенного многими летами и великими трудами»*. *«Воистину сие удивления достойно, – справедливо замечает князь Андрей Курбский, – как в такой старости и такие неудобные и жестокие пути претерпевал. Летом плавающе по морю, зимой на прыткошествующих оленях ездяще, по непроходным пустыням Лопарским»*.

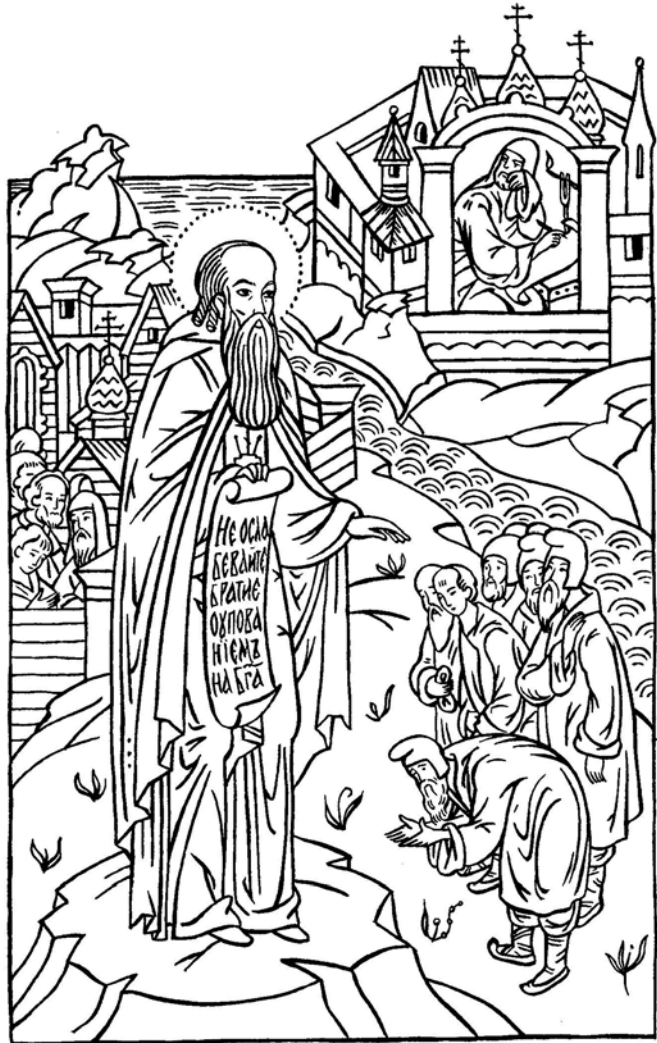
² Здесь и далее о Феодорите: Курбский Андрей. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986. С. 326–344.

Деталь иконной прориси жития прп. Феодорита, повествующей о великой скорби, выпавшей настоятелю Кольского монастыря Феодориту к его семидесяти годам. «Нетерпимо было древнему супостату человеческого рода завистливыми глазами своими видеть столь возрастаемое здесь благочестие. И разьедаемый ненавистью враг начинает действовать. Наущает супостат человеческого рода братию монастыря и шепчет невидимо в уши и глаголет им в сердце: «Тяжел и неподъемен вам путь, которым ведет вас игумен. Никто из человек не может вытерпеть этот его Устав. Как это можно без имений жить и только своими руками хлеб добывать? И сложившиеся с диаволом, новоначальные монахи в неистовстве хватают старца святого и бьют нещадно, и не только из монастыря извлекают, но и от страны той изгоняют, как врага некоего». (Князь А. Курбский. Повесть о Феодорите). Художник И. Куксенко

Иконная прорись жития прп. Трифона Печенгского, повествующая о разбойной юности атамана Митрофана (будущего Трифона), о тяжело пережитой им кончине его возлюбленной Елены и уходе на Крайний Север, на реку Печенгу, в скорби и покаянии. Художник И. Куксенко

Преподобный Трифон Печенгский, креститель лопарей. Благодатный итог жизни великого старца – восхождение от мрака страстей и греха на Фавор Православной святости. Иконная прорись. Художник И. Куксенко

И далее Курбский делает верное заключение о роли скорбей и страданий в формировании истинного угодника Божьего: *«Какие храбрые обретаются старцы в Православной земле, на правоверных догматах воспитанные! Чем более престареют и изнемогут телом, тем большую храбрость и ревность ко благочестию во Господе полагают и проникаются Богом и живут под покровом Вышнего».*

Деталь иконной прориси жития прп. Варлаама Керетского. Феодорит Кольский как духовный отец благословляет прп. Варлаама на беспремерный подвиг – трехлетнее плавание вокруг Кольского полуострова с гробом убиенной матушки, жены Варлаама

Пример иного образа принятия скорбей на пути спасения являет нам житие другого Кольского подвижника – преподобного Трифона Печенгского, бывшего разбойника, ставшего великим святым Крайнего Севера.

Личный подвиг спасения Печенгского старца состоял в тяжелой борьбе со своей неукротимой, непомерно страстной, сластолюбивой натурой и в преодолении *«острожелчия»*, гневливости и ярости как наследия «атаманского» прошлого. Изначальной причиной прихода подвижника в Лопарские пустыни была не задача миссионерства, как, например, мы видели в житии преподобного Феодорита, а внутренний духовный кризис, наступивший вследствие личной драмы и породивший насущную потребность глубокого покаяния в грехах прошлой удалой и веселой жизни. О том, что это была за жизнь, упоминает голландский дипломат и исследователь Салинген, описывая свою беседу с Трифоном в 1564 году: «Много народу ограбил и разорил он [Трифон] и много крови пролил, в чем раскаялся и о чем горько сожалел»³.

³ Филиппов А.М. Русские в Лапландии в XVI веке. Сообщение Симона Ван Салингена // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 302.

Житие Трифона ясно свидетельствует о тяжелых скорбях и испытаниях, посылаемых ему Господом на пути *«совлечения ветхого человека и облечения в нового»*. Это и драма с возлюбленной Еленой, и изнурение пустынножительством, и страдания от лопарских колдунов, и тяжелейшие конфликты с монастырской братией...

Житие покровителя северных мореплавателей, преподобного Варлаама Керетского, являет нам пример особого Божьего избранничества, сугубого призвания человека к подвигу непомерных страданий. Жестокое испытание, которое попустил Господь и которое привело Варлаама к тяжкому греху убийства своей горячо любимой жены, казалось бы, могло перечеркнуть его судьбу и низвергнуть Варлаама в бездну греха и отчаяния. Однако Господь предвидит иное.

Варлаам дает нам образец всецелого доверия воле Божьей, возвещенной ему духовным его отцом, преподобным Феодоритом Кольским. И Варлаам совершает невозможное. Его трехлетнее плавание по нашим северным морям на поморском карбасе на веслах находится за пределами человеческих возможностей. Это немыслимое для простого смертного страдание, жесточайшее покаянное делание, хождение с гробом убиенной супруги в любую погоду и круглый год вокруг Кольского полуострова, потрясло не только современников, но и, пройдя сквозь века, оставило неизгладимый след в сердце каждого морехода Русского Севера на все времена.

Практически все подвижники Крайнего Севера были награждены от Господа удивительным долголетием. И каждый из них всей своей долгой жизнью ревностно претворял в жизнь Божественное повеление: *«Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми Крест свой, и следуй за Мною»* (Мф. 16, 24). Без жертвенной любви и самоотвержения, без терпения в несении своего Креста и посылаемых на жизненном пути подчас непомерных испытаний человек не состоится как творение Божье, он не реализует смысла своего рождения на земле и умирает «пустоцветом».

Решение этой фундаментальной духовной задачи плюс наступающие в нас через раскаяние в грехах прошлой жизни благодатные перемены – открывают нам единственно возможный путь подлинной победы над нашим врожденным нездоровьем. Выполнение Божественных заповедей устраняет сам источник нашей скорби, исцеляет болезнь, исправляет тяжелую жизненную ситуацию. Это есть радикальное решение проблемы скорбей и болезней в жизни человека. Все остальные приемы и методы мира сего лишь скользят по поверхности внешних обстоятельств, приносят временное облегчение и, не устраняя внутренних духовных причин болезни, откладывают на потом решение главной задачи жизни – спасения души человека для вечности.

История преобразования: «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие»

(Деян. 14, 22)

Это история преобразования фрейлины Императорского Двора Анны Вырубовой – в монахиню Марию (Танееву). Между этими двумя фотографиями лежит целая эпоха, долгий путь непомерных скорбей и испытаний, тяжкий процесс рождения нового человека во Христе.

В 1920-е годы в СССР была опубликована кощунственная фальшивка, так называемый «Дневник Анны Вырубовой», подложность которого была сразу же разоблачена даже в среде советских критиков и ученых. «Дневник» был наполнен грязными и пошлыми измышлениями и нацелен на всяческую дискредитацию Царской семьи и ее окружения.

Авторами-исполнителями этого большевистского идеологического заказа считаются советский писатель А. Н. Толстой и профессор истории П. Е. Щеголев.

Вырубова Анна Александровна (урожд. Танеева, 1884 – 1964) прапраправнучка фельдмаршала М. И. Кутузова. В январе 1904 года Анна Танеева была назначена городской фрейлиной с присутствием на балах и выходах императрицы Александры Фёдоровны. Став близкой подругой императрицы, она много лет находилась рядом с императорской семьей, сопровождала ее во многих путешествиях и поездках

В этом пасквиле Вырубову представляют коварной властолюбивой особой, любовницей Распутина, участницей диких оргий, которые тот якобы устраивал. После революции, когда при аресте было проведено медицинское освидетельствование Вырубовой, Анна оказалась девственницей. Однако это не помешало упомянутому выше члену Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Щеголеву сочинять свои литературные гнусности.

Ниже мы приводим выдержки из подлинного дневника Анны Вырубовой, опубликованного ею в Париже в 1922 году. (Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни / предисл. Ю. Ю. Рассулина. М., 2000).

«Железнодорожная катастрофа 2 января 1915 года. ...Не доезжая 6 верст до Петербурга, вдруг раздался страшный грохот, и я почув-

стновала, что проваливаюсь куда-то головой вниз и ударяюсь о землю; ноги же запутались, вероятно, в трубах отопления, и я почувствовала, как они переломились. На минуту я потеряла сознание. Когда пришла в себя, вокруг была тишина и мрак. Затем послышались крики и стоны придавленных под развалинами вагонов раненных и умирающих. Я сама не могла ни пошевелинуться, ни кричать; на голове у меня лежал огромный железный брус, и из горла текла кровь. Я молилась, чтобы мне скорее умереть, так как страдания мои были невыносимы... Четыре часа я пролежала под обломками без всякой помощи. Прибывший врач, подойдя ко мне, произнес: «Она умирает, ее не стоит трогать!» Солдат железнодорожного полка уложил мои сломанные ноги, покрыв меня своей шинелью, так как шуба моя была изорвана в куски (было 20 градусов мороза)». (сс. 95-96)

«Трубецкой бастион Петропавловской крепости. ...Первый момент заключения – черная беспросветная скорбь и отчаяние. Железная кровать; вокруг на каменном полу – лужи воды, по стеклам течет вода, мрак и холод; крошечное окно у потолка не пропускает ни света ни воздуха, сырость и затхлость. В углу клозет и раковина. Железный сто-

Анна выжила, хотя и осталась калекой на всю жизнь. Передвигаться теперь она могла лишь в инвалидном кресле-каталке или на костылях; в более поздние годы – с палочкой. На фото 1916 года Анна Вырובהва и великая княжна Ольга Николаевна

лик и кровать приделаны к стене. На кровати тоненький волосяной матрас и две грязные подушки. Через несколько минут я услышала, как поворачивали ключи в двойных или тройных замках огромной железной двери, и вошел какой-то ужасный мужчина с черной бородой, с грязными руками и злым, преступным лицом, окруженный толпой наглых отвратительных солдат. По его приказанию солдаты скинули тюфячок с кровати и вторую подушку, и потом начали срывать с меня образки, кольца. Этот субъект заявил мне, что он здесь вместо министра юстиции и фамилия его Кузьмин, он бывший каторжник, пробывший на каторге в Сибири 15 лет. <...>

Я сильно голодала. Два раза в день приносили полмиски какой-то бурды, вроде супа, в которую солдаты часто плевали, кидали стекло. Часто от него воняло тухлой рыбой, так что я затыкала нос, проглатывая немного, чтобы только не умереть от голода... Ни разу за все эти долгие месяцы мне не разрешили передать пищу из дома. <...>

Жизнь наша была медленной смертной казнью. Я никогда не раздевалась и спала по 4 часа, укрываясь своим пальто. Было очень холодно от мокрого пола и стен. <...> Просыпаясь, я грелась в единственном теплом уголке камеры, где снаружи видимо была печь: часами простаивала я на своих костылях, прислонившись к этой сухой стене. <...> Главный мучитель Трубецкого бастиона – «доктор Серебрянников». Он обходил камеры почти каждый день. Толстый, со злым лицом и огромным красным бантом на груди. Он сдирал с меня при солдатах рубаишку, нагло и грубо глумясь...». (с. 172-174)

Еще будучи в Петрограде, Анна дала обет Богу, что если они с мамой выживут и окажутся в Финляндии, то она пострижется в монахини. В декабре 1920 года Вырубовой удалось вместе с матерью нелегально перебраться в Финляндию, однако действующий в то время на территории Финляндии Свято-Троицкий Линтульский женский монастырь (рядом с г. Терийоки – ныне Зеленогорск) не мог взять ее в свои насельницы из-за инвалидности.

Тем не менее, свой обет пред Господом Анна выполнила. Это осуществилось 14 ноября 1923 года на Валааме, в Смоленском скиту. Ее монашеский постриг, с именем Мария, был совершен настоятелем Валаамского монастыря игуменом Павлином, духовником ее стал валаамский старец иеросхимонах Ефрем (Хробостов). Постриженная «в тайную монахиню», Мария продолжила жить в миру, исполняя монашеские обеты при приходской церкви. Монахиня Мария (Танеева), по воспоминаниям, жила уединенно, избегая людского общения и посвящая свою жизнь молитве, она послужила Господу в иноческом сане 38 лет.

Монахиня Мария (Танеева) со своим духовником после пострига в Смоленском скиту на острове Валаам

«Жизнь А. А. Вырубовой была поистине жизнью мученицы, и нужно знать хотя бы одну страницу этой жизни, чтобы понять психологию ее глубокой веры в Бога и то, почему только в общении с Богом Анна Александровна находила смысл и содержание своей глубоко несчастной жизни... Бесконечно добрая, детски доверчивая, чистая, не знающая ни хитрости, ни лукавства, поражающая своею чрезвычайно искренностью, кротостью и смирением, нигде и ни в чем не подозревающая умысла, считая себя обязанной идти навстречу каждой просьбе, А. А. Вырубова, подобно Императрице Александре Феодоровне, делила свое время между Церковью и подвигами любви к ближнему, далекая от мысли, что может сделаться жертвою обмана и злобы дурных людей» (из воспоминаний князя Жевахова Н. Д.).

«Что сказать об Анне Вырубовой – монахине Марии?.. Вы лучше придите на православное Ильинское кладбище к её могилке, постояте и помолитесь. Почувствуйте, как легко молиться здесь, как тихо и умиротворенно становится на душе» (слова прихожан Покровского храма г. Хельсинки).

Могилу монахини Марии (Танеевой) посещают все больше и больше людей. Сюда они приносят свои печали, скорби, болезни и обретают душевный мир и утешение. Известны случаи благодатной помощи и исцелений.

Тайная монахиня Мария (Танеева)
в 50-е годы XX века

На могиле монахини Марии, что на Ильинском кладбище в Хельсинки, всегда живые цветы и следы заботливых рук

Опыт страдания в православно-аскетической перспективе

*ХОРУЖИЙ Сергей Сергеевич,
доктор физико-математических наук,
профессор Института философии РАН,
почетный профессор ЮНЕСКО,
директор Института синергийной
антропологии, г. Москва*

Классическая европейская культура Нового Времени немало потрудились над тем, чтобы создать образ христианства как мрачной религии, религии страха и подавления человека, религии, культивирующей страдание во всех его формах – болезни, скорби, умерщвления плоти. И нельзя сказать, чтобы подобный образ был полностью и совершенно лишен оснований. Прежде всего, христианство решительно утверждает не только неизбежность, имманентность страдания (как одного из главных стигматов падшей природы твари), но и теснейшую его связь с прохождением христианского пути ко спасению. Кульминация земной жизни Христа – Крестный Путь страдания, и приобщение христианина ко Христу означает и приобщение к Его страданиям, так что страдание неотъемлемо внедрено в икономию¹ спасения. «Нет скорбей – нет спасе-

¹ Икономиа (греч. - устройство дома, дел) – принцип решения церковных вопросов с позиции снисхождения, практической пользы, удобства. (Прим. ред.).

ния», – говорил прп. Серафим Саровский, а о. Александр Ельчанинов, известный духовный писатель и пастырь русской эмиграции, писал: «Если со Христом, то и со страданиями».

Эти общие положения проявляются во множестве конкретных следствий. Страх Божий – действительно одна из ведущих установок христианского сознания; формула «умерщвление плоти» широко употребляется в христианской аскезе; а покаянные труды в православии включают в себя жесточайшее самообличение, самоосуждение, острые переживания своей греховности и вины пред Богом и ближними. Важную роль в аскетическом опыте играют слезы, «плач духовный» – настолько важную, что, скажем, в древнесирийской традиции сам термин «монах» в буквальном смысле означал «плачущий». Уже одна знаменитая картина «темницы кающихся» в Пятом Слове «Лествицы» достаточна, чтобы говорить всерьез о культе страдания в православной аскезе.

И все же вывод о таком культе был бы поспешным и неверным. Стойким мотивом в аскетике проходят и предостережения против чрезмерного, непосильного поста, против самоистязаний, вообще – против культивации страдания как такового, как самоцели; звучат наставления о строгой необходимости подчинять все самоиспытания духовным задачам подвига. Следующее вскоре за описанием темницы Слово Седьмое носит название «О радостотворном плаче», и стоящий здесь эпитет-оксюморон весьма важен и характерен. Св. Иоанн в этом Слове говорит: «Плач и печаль имеют внутри себя заключенные радость и веселие, подобно меду в восковой ячейке» (7, 49). Действительная структура сознания оказывается здесь не однородно-страдательной, а двойственной, двуполярной, и наряду с полюсом страдания в ней присутствует также полюс радости и веселия, ликования и любви. Притом именно этот второй полюс получает в конечном итоге первенство. Лествичник пишет: «Слезы об исходе души рождают страх; а когда страх породит небоязненность, тогда воссиявает радость; когда же достается в удел нескончаемая радость, тогда выходит цвет святой любви» (7, 56). «*Радуйтесь и веселитесь!*» – сказано христианам уже в Нагорной Проповеди (Мф. 5, 12), и у Лествичника, как и во всей исихастской аскезе, веселие о Господе – стойкий лейтмотив. Напротив, уныние – смертный грех, его одоление – Тринадцатая ступень Лествицы, и «ничто не уготовляет так монаху венцов, как борьба с унынием» (13, 12).

При всей лаконичности, даже скупости, эти указания прп. Иоанна точны и глубоки. В них, на поверку, намечается цельная линия христианского отношения к страданию и скорби. Ключевое понятие тут – «**претворение**», изменение самой природы и сути человеческого страдания. Уже и в Новом Завете оно, хотя и не присутствует явно, как

термин, служит основой отношения к скорбям и страданиям (ср., напр.: «Печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь... но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости» (Ин. 16, 20–21); «Печаль ради Бога производит... покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (2Кор. 7, 10) и др.). В аскетическом дискурсе², а за ним и во всей сфере христианского душепопечения, христианской психологии, принцип претворения последовательно выступает центральной рабочей установкой христианской культуры чувств. Одно из первых упоминаний этого принципа мы встретим уже и в «Лествице»: «Божие заступление есть обновление души, подавленной печалию, и оно чудным образом претворяет болезненные слезы в неболезненные» (7, 55). Попытаемся дать самое краткое описание этого благодатного претворения.

Прежде всего, аскетическая антропология обрисовывает и настойчиво подчеркивает ту двойственную, амбивалентную структуру феномена страдания, в рамках которой совершается претворение. **Есть два облика страдания, и претворение – это переход от одного из них к другому.** Облик первый – это страдание в его сырой эмпирической реальности, как боль телесная и душевная, невыносимые ощущения, нарушение и невозможность нормальной жизни, утрата тех или иных необходимых слагаемых существования. От этого облика идут прямые выходы, следствия к самым разным губительным, негативным явлениям: к опустошенности, ожесточению, озлоблению, к отчаянию, к искажению видения мира, нарушению связей с ближними. Возникает опасность изоляции, замыкания в своем страдании, отсюда – деформации сознания и личности, а в конечном итоге – их разрушения.

Другой же облик во многом противоположен. Как издавна описывалось в духовной литературе, страдание может оказаться духовной возможностью, послужить побудительным толчком, материалом, ареной для духовного углубления страждущего человека. В его опыте есть духовно поучительные, душеполезные элементы, оно может быть одухотворенным и промыслительным, т.е. направляющим человека по пути духовного восхождения. «Когда человек находит в себе силы согласиться на испытание, посылаемое Богом, он делает этим огромный шаг вперед в своей духовной жизни... Страдания имеют положительную силу и смысл... Они заставляют человека открыть глаза на себя и мир, обращают его к Богу», – пишет уже упомянутый нами о. Александр Ельчанинов³. А у известного христианского апологета минувшего века Клайва Льюиса можно найти такой афоризм: «Страдание – мегафон Бога». Особенно, пожалуй, часто говорится о душеполезности

² Дискурс – сложное коммуникативное понятие, включающее в себя как сами тексты, посвященные той или иной области человеческой жизни и знаний, так и все сопутствующие факторы: восприятие мира участниками, их мнения, установки, цели, стоящие перед ними, и прочее, необходимое для адекватного понимания этих текстов. (Прим. ред.)

³ Священник Александр Ельчанинов. Записи. М., 1996. С. 23, 94.

болезней; так, Ельчанинов пишет: «Болезнь – не несчастье, а поучение и Божие посещение... Болезнь – школа смирения... самое благоприятное время для возвращения в свое сердце, к Богу»⁴.

Однако, хотя рассуждения о благотворности страдания в христианской литературе весьма обильны и нередко пространны, очень часто подобные поучения и наставления (в том числе и у Ельчанинова) оставляют в тени важнейшее обстоятельство: эта благотворность рождается и осуществляется лишь при определенных условиях, которые вовсе нельзя считать выполненными всегда и автоматически. Напротив, если страдание предоставлено самому себе, отдано обычному течению мирской жизни – оно тогда пребудет в своем обычном эмпирическом облике, который отнюдь не открывает для человека никаких духовных перспектив, но лишь обезображивает тело и душу, является лишь несчастьем и сугубым злом. Страдание промыслительное и духоносное – это не данность, а задание, это высшая ступень страдания, тот его облик, который не возникает сам собой, а может лишь создаться путем преодоления и претворения другого облика, губительного и опустошающего страдания. Именно об этом претворении говорят Лествичник и другие исихастские учителя, и именно в нем заключается существо проблемы страдания в христианской духовной жизни. Необходимо ответить на два тесно связанных вопроса:

– в чем содержание и суть претворения страдания из губительной силы в духовно благотворное явление? иными словами, что именно должно произойти со страданием?

– как осуществляется претворение?

Ответ на первый вопрос достаточно очевиден: он определяется тем, что все стороны, все явления в жизни христианина обретают свой смысл, когда ставятся в связь с фундаментальным смыслопорождающим отношением: отношением христианина ко Христу. Отношение к Богу конститутивно для человека, из этого отношения формируются его личность и идентичность. Соответственно, опыт страдания также будет созидательным, а не разрушительным для личности человека, если в этом опыте открывается и реально переживается связь с искупительным страданием Христа, приобщение к этому страданию; или, иными словами, если этот опыт вводится в христоцентрическую перспективу. Если страждущий христианин доподлинно сумел достичь восприятия и переживания своего опыта в этой перспективе, как опыта, имеющего родство и единство со страданием Христовым, тогда этот опыт углубляется и трансформируется, «жало страдания» теряет силу – и так совершается искомое претворение страдания.

Но следует попытаться увидеть ближе, конкретней, что же это реально значит, «введение в христоцентрическую перспективу»,

⁴ Там же. С. 69, 25, 27.

переживание собственного страдания в свете страданий Спасителя. Чем отличаются, что особое несут в себе искупительные страдания Христа? Решающее слагаемое в них – то, что они животворимы и одухотворяемы жертвенною любовью, что опыт их в качестве главного элемента включает в себя опыт любви. Отсюда мы можем заключить, что введение опыта страдания в христоцентрическую перспективу означает, прежде всего, рождение и укрепление в сознании страждущего опорного экзистенциального отношения **Страдание – Любовь**. Если переживание страдания тем или иным путем сопрягается, сливается воедино с любовью, то опыт страдания, сумевший вместить в себя и опыт любви, несет в себе и приобщение Христовым страданиям. И в этом смысле подобный опыт – христоцентричен, соответствует христоцентрической перспективе.

Картина И. Глазунова «Распни Его» 1969 г.

«Чем отличаются, что особое несут в себе искупительные страдания Христа? Решающее слагаемое в них – то, что они животворимы и одухотворяемы жертвенною любовью, что опыт их в качестве главного элемента включает в себя опыт любви... Если переживание страдания тем или иным путем сопрягается, сливается воедино с любовью, то опыт страдания, сумевший вместить в себя и опыт любви, несет в себе и приобщение Христовым страданиям»

Здесь мы уже постепенно переходим ко второму вопросу. Если претворенное, одухотворенное страдание – это страдание, проникнутое и насыщенное любовью, – как можно достичь этой проникнутости? На это едва ли возможен простой и краткий ответ; сейчас мы лишь попробуем обозначить некоторые вехи. Прежде всего, очевидно, что здесь заведомо нет и не может быть формальных правил, инструкции, общего рецепта. Подвизаясь в претворении страдания, страждущий христианин выходит за пределы своего индивидуального мира, расширяя свой опыт сверхиндивидуальными, интересубъективными восприятиями, на которых зиждется опыт любви. Эти восприятия принадлежат сфере личного общения, и, как таковые, они уникальны и непредсказуемы, непрограммируемы. Опыт любви никогда не может иметь ни регламентированного наперед хода, ни гарантированного успешного исхода, ибо они, эти ход и исход, зависят от внутренней реальности данного, единичного страждущего человека, от всей его неповторимой ситуации.

Отсюда ясна и другая важная особенность. Претворение страдания в страдание промыслительное и духоносное не может вменяться страждущему как обязанность, точно так же, как в подвиге достижение его вершины, обожения, не может вменяться в обязанность подвижнику. Эта параллель с подвигом содержательна и может быть продолжена. Страждущий стремится к претворению страдания, как подвижник к обожению; однако стремление и того, и другого осуществляется в такой стихии, где заведомо невозможно продвижение, расчисленно и предопределенно достигающее намеченной цели. В претворении страдания, благодаря наличию опыта любви, также происходит размыкание человека, и в нем также необходимо присутствие и действие благодати (хотя формы ее присутствия и пути ее стяжания страждущим требуют отдельного тщательного раскрытия). И, наконец, как прохождение подвижником ступеней Лествицы нуждается в определенном участии аскетического сообщества, так и в претворении страдания очень существенно участие и содействие ближних, существенна помощь сострадания. Христианское сострадание – это общение любви, в котором совершается совместное вхождение со страждущим в икономию любви Христовой, что есть и икономия Его страданий и жертвы. Это совместное вхождение и восхождение, черпающие путеводную поддержку в опыте мучеников и святых, – та высшая форма, которую принимает общение любви, когда участники общения соединены принадлежностью к Церкви. Особым его отличием является опять-таки нерегламентируемость, ненормативность, а точнее – сверхнормативность человеческого участия и сострадания, которую они обретают благодаря приобщению к искупительной любви Христа. В священном событии Искупления, которое распространяется на всех, на каждого

независимо от его свойств и деяний, дан образец и одновременно источник христианской любви, благодатной и принципиально сверхнормативной, не ограничивающей себя никакими барьерами. У нас в России, в истории русского христианства, мы видим замечательнейший пример такой любви в служении русских старцев. Мы знаем, какую поразительно чуткой и действенной была помощь старцев в людских страданиях, насколько реально она продвигала человека к претворению своего страдания.

Старцы времен гонений XX века. Подвижники Богородице-Рождественской Глинской пустыни: схимитрополит Серафим (Мажуга), схиархимандрит Андроник (Лукаш) и схиархимандрит Серафим (Романцов), ныне причисленные к лику святых Украинской Церковью

Раскрывающаяся здесь совместная, соборная икономия православного отношения к страданию очень важна. Можно вспомнить в этой связи, что в двадцатом столетии – не в последнюю очередь, в силу его страшных событий и катастроф – проблема страдания стала одной из центральных проблем как религиозной, так и философской мысли. Она продумывалась и решалась с очень разных позиций, но безусловно преобладающим был взгляд, для которого страдание выступало как проблема изолированного сознания и одинокого, предоставленного самому себе человека. Весьма влиятельный, глубоко разработанный пример такой трактовки страдания представил, в частности, европейский экзистенциализм. Однако описанный нами взгляд

Картина Д. Бельюкина «Белая Россия. Исход». 1992 г.

Уходящие в эмиграцию русские люди. Их души полны страдания утраты привычного и дорогого мира, осознания наступившей катастрофы жизни...

Боль телесная и душевная, невыносимые ощущения, нарушение и невозможность нормальной жизни, утрата необходимых слагаемых существования. Что принесет это жестокое испытание – опустошенность, ожесточение, озлобление, отчаяние...

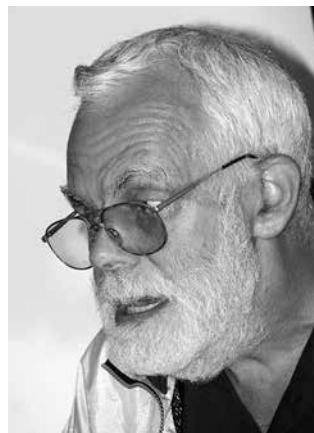
Но страдание может оказаться духовной возможностью, послужить побудительным толчком, материалом, ареной для духовного углубления страждущего человека. «Когда человек находит в себе силы согласиться на испытание, посылаемое Богом, он делает этим огромный шаг вперед в своей духовной жизни... Страдания имеют положительную силу и смысл... Они заставляют человека открыть глаза на себя и мир, обращают его к Богу»

православной традиции принципиально отличен: здесь феномен человеческого страдания связуется с жизнью церковного Тела и вводится в универсум любви Христовой. Он приобретает новые, соборные измерения христианского сострадания и за счет них, с их помощью испытывает претворение. И претворенное страдание, переживаемое как участие в страданиях Христа, становится очищающей и созидательной силой в жизни христианина.

Проблема смысла страдания в контексте современного опыта

Попытка философского рассмотрения

*МАЛАХОВ Виктор Аронович,
доктор философских наук, главный
научный сотрудник Института
философии им. Г. С. Сковороды
НАН Украины, г. Киев*

Наряду с бесчисленными конкретными человеческими страданиями (так сказать, «страданиями от»: от чего именно страдает человек, от болезни ли, бедности, несчастной любви, духовной неустроенности и т. д.) и поисками путей их облегчения, внимание богословов и философов издавна занимает вопрос об отношении к страданию как таковому, как к неизбежной стороне всякого человеческого существования, – вопрос о смысле страданий, о его приятии или неприятии. О том, как предстаёт эта тема, несомненно важная для христианского взгляда на жизнь, в условиях нашей современности, я и попытаюсь высказать здесь несколько соображений.

Как известно, христианству изначально присущи некоторые общие основополагающие установки в понимании страданий и скорбей человеческих. Чаще всего указывается на то, что страдание попускается Господом,

Когда мы видим, как рядом с нами мучается незащищенное человеческое существо, например, ребёнок, непосредственное чувство наверняка подскажет нам, что в этот самый момент уместнее не читать ему наставления о смысле переносимых им мучений, а попытаться его от них избавить. Факт нестерпимости чужих страданий должен оставаться для нас, как людей с совестью, изначальноным, определяющим

чувство наверняка подскажет нам, что в этот самый момент уместнее не читать ему наставления о смысле переносимых им мучений, а попытаться его от них избавить. Разумеется, ребёнок – если перед нами ребёнок – может страдать и оттого, что его некто наказывает и, предположим, наказывает по заслугам. Всё равно, даже если мы знаем или догадываемся об этом, факт нестерпимости чужих страданий должен оставаться для нас, как людей с совестью, изначальноным, определяющим. Как люди с совестью, мы поймём, почувствуем, что даже в случае страданий, по-видимому, вполне заслуженных, как-то нехорошо, не «по-Божески» обращаться к страдающему существу с увещаниями типа: «Пострадай, пострадай! Всё правильно! Авось твои страдания тебя чему-нибудь да научат!». Тем более – а таких случаев, согласитесь, в жизни немало, – когда вопрос о том, за что же и во имя чего страдает тот или иной человек рядом с нами, остаётся для нас самих без

дабы способствовать вразумлению человека и спасению его души; что страдание, таким образом, никогда не может быть ниспослано нам «сверх меры». Поэтому роптать на страдание нельзя; признавая его неслучайность, его укоренённость в Божьем Промысле, надлежит выносить его со смирением, настойчиво постигать и реализовывать его смысл. В отличие от древнего и новейшего стоицизма, христианство всегда учило не презирать страдание, а воспринимать его как определённый жизненный урок. Утверждение принципиальной осмысленности страданий – общая позиция христианской философско-богословской мысли вплоть до наших дней, позиция, вошедшая, как говорится, в плоть и кровь православной культуры, православного понимания человеческой жизни. И здесь я вовсе не хотел бы смущать тех, кого означенная позиция удовлетворяет вполне, так что никаких вопросов более не остаётся.

Тем не менее, непосредственное нравственное чувство (которое, вообще говоря, редко ошибается, хотя зачастую может быть превратно истолковано) нередко говорит нам именно о бессмысленности, абсурдности, напрасности тех или иных человеческих страданий. Когда мы видим, как рядом с нами мучается незащищенное человеческое существо, например, ребёнок, упомянутое непосредственное

ответа. Нет, сперва попытайся освободить ближнего своего от гнёта излишних страданий – а уж потом и доискивайся вместе с ним сокровенного смысла пережитого, и втолковывай ему, ради его наставления и поддержки, что страдал он не напрасно, что из опыта перенесённых страданий он должен извлечь определённые уроки и т. д.

Особенно обостряют проблему смысла или бессмысленности человеческих страданий известные катастрофы последнего столетия, во многих отношениях превзошедшие всё доселе известное человечеству: мировые и гражданские войны, Голодомор, Холокост, нацистский и сталинский террор, катастрофы промышленные, военные, техногенные... Отнюдь не безрелигиозность и не недостаток благоговения перед Божьим Промыслом, а чувства сострадания и острой боли за поруганную человечность заставляют целый ряд наиболее чутких философов и богословов последнего столетия задаваться сакраментальным вопросом: а был ли вообще Бог в Аушвице? Был ли Он в сёлах, где люди выли, умирая от голода? Был ли Он в местах атомных бомбардировок? В состоянии ли христианский взгляд на страдание вместить, выдержать этот грандиозный опыт XX века?

Тем, кому подобные вопросы покажутся излишне дерзкими, лишёнными религиозной почтительности, возражу: безбожно и бесчеловечно как раз было бы, после всего пережитого, их себе не задавать, отмахиваться от них, как от надуманных. Однако чему именно этот беспрецедентный опыт страданий, раз уж он выпал на долю миллионов людей, должен нас сегодня учить?

Одного из крупнейших западных философов последнего столетия Э. Левинаса (1905–1995) – по происхождению еврея из Ковно, семья которого погибла в 1941 году, – размышления об упомянутом горестном опыте привели к необходимости различать между собственным страданием человека («моим страданием») и страданием других. Своё собственное страдание человек должен уметь преодолевать, должен уметь распознавать его скрытое значение – но вот страдание другого изначала предстаёт перед нами как «взрыв... абсурдности»¹; и первая задача наша в этой связи, прежде любых рассуждений о смысле или отсутствии такового, – попытаться снять с нашего ближнего бремя страданий, освободить его от боли. Величайшей парадигмой (образцом) этого «тщетного» человеческого страдания, этого «не подлежащего оправданию... страдания в другом человеке»² для Левинаса и предстаёт Холокост – «тотальное» истребление евреев гитлеровцами. Ужас Холокоста, как и других подобных чудовищных событий последнего столетия, – не только в самих по себе страданиях и гибели огромных масс людей, но и в онтологической бессмысленности, «тщетности» этих страданий, которые никаким добытым при их посредстве опы-

¹ Левинас Е. Марне страдания // Левинас Е. Між нами: Дослідження Думкипро-іншого. – Київ, 1999. – С. 107.

² Там же. – С. 113, 114.

Жертвы политики социальных экспериментов большевизма, породившей голод 1932–33 годов. Начиная с 1931 года в пяти областях СССР – в Западной Сибири, на Урале, на Средней и Нижней Волге – имели место серьезные неурожаи. Однако самой тяжёлой ситуация была на Украине, Северном Кавказе и в Казахстане. Последующее катастрофическое развитие ситуации в стране стало следствием проведения бесчеловечной политики в отношении деревни, политических репрессий и ультра-радикальных экономических реформ в конце 1920-х – начале 1930-х годов в СССР

и безоглядной. И вот такого рода деятельное сочувствие, в свою очередь, уже никогда не бывает «тщетным». Однако оно базируется не на отвлечённых предположениях о конечном смысле страданий как таковых, а на остром чувстве уязвимости каждого индивидуального человеческого существа.

Изложенные соображения Левинаса, на мой взгляд, заслуживают того, чтобы отнестись к ним со всей серьёзностью. В современной философской литературе едва ли отыщется другой автор, столь глубоко вникающий в сложнейшую ткань человеческой нравственности; не случайны постоянные упоминания в его работах другого великого знатока души человеческой – Ф. М. Достоевского. Да и не один только Левинас, но и целый ряд других писателей, мыслителей недавнего времени, кое-кто из которых лично удостоился получить от «века-волкодава» (О. Э. Мандельштам) недюжинную пайку страданий, хлебнуть прелестей лагерной жизни и т. п., упоминали в той или иной связи о т. н. негативном опыте – опыте, которого вовсе не должно было бы

Прибытие новой партии заключенных в Освенцим (Auschwitz). На заднем плане узнаваемые главные ворота комплекса немецких концлагерей Аушвиц-Биркенау (нем. Auschwitz-Birkenau). В Освенциме в 1940–1945 годах было уничтожено от 1,1 до 1,6 миллиона человек, большинство из которых составляли евреи

иметь человеческое существо, о чрезмерных, поистине бессмысленных мучениях, которые не красят и не умудряют личность, а разрушают её, объективно делают её хуже – более жестокой и злобной, чем она была бы без них. Увы, не только телесное, но и духовное существо человека зачастую может быть разрушено, сломлено посредством тех же физических страданий, например, в пыточной камере, когда за дело берутся умелые палачи⁴, – где уж тут искать созидательный смысл причиняемых мук! Повторяю, перед самими собой мы можем ставить «героическую» задачу одолеть любое страдание, выдержать любую пытку – но мы не вправе, исходя именно из нравственных соображений, требовать подобной нестигаемости от других. Ибо человек хрупок, уязвим, и, любя своих ближних, каковы они есть, следует уважать и эту их уязвимость: быть может, в этом – один из основных нравственных уроков истекшего столетия. Как бы то ни было, наличие в опыте современного человека страданий «избыточных», разрушительных, бессмысленных – факт, который мы нравственно вынуждены признать. Однако какие выводы должны мы из признания этого факта сделать – как христиане и как люди с совестью, восприимчивые к проблемам и горестям своего времени?

Левинас, как мы помним, строго различал «моё страдание» и «страдание другого». Это различие восходит к одному из важнейших прин-

⁴ См., напр., поразительное по искренности тона и нравственной точности описание изменяющегося самоощущения человека под пытками: Амери Ж. Пытки // За гранью понимания (богословы и философы о Холокосте). – Киев, 2003. – С. 142–167.

Выжившие польские евреи в день освобождения американскими войсками в 1945 году. Фото из Национального архива США

ципов философской мысли нашего времени, принципу соотнесения «я» и «ты», «я» и «другого»⁵. Человек не может, не в состоянии жить один и жить только ради себя, да и понять его жизнь и сознание, исходя из такой его самодостаточности, невозможно. Нет никакого «я» там, где нет, хотя бы в самой отдалённой перспективе, некоего «ты» (или «Ты»), там, где нет «другого». В наши мысли о себе, хотим мы этого или не хотим, сознаём мы это или нет, всегда подмешиваются мысли о других, о тех, кто нас окружает; сама наша жизнь есть непрестанное общение с другими, непрестанная обращённость к нашему «ты» (или «Ты») – иначе бы нас попросту не существовало. Именно поэтому, кстати, человек «обречён» постоянно решать те или иные нравственные вопросы – это не случайная добавка к основному содержанию его жизненных забот, а, можно сказать, самоё существо последних...

Из сказанного, надеюсь, ясно, что различием между «моим» и «твоим», «своим» и «инаковым» в этике пренебрегать невозможно. Одно дело – стыдить других, другое – самому быть человеком стыдливым; одно дело – возводить обвинения на своих ближних, совсем другое – обладать способностью сознавать собственную ответственность, чув-

⁵ См. основополагающую в этом отношении работу: Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. – М., 1995. – С. 15–92.

ствовать собственную вину. Точно так же и отношение к своему страданию с точки зрения этики не может не отличаться, причём радикальным образом, от отношения к страданию другого – в этом смысле Левинас, безусловно, прав.

Вместе с тем, нельзя забывать, что для христианского взгляда на рассматриваемую здесь проблему существенными оказываются не только «я» и «ты», «я» и «другие», но и сама человеческая общность, высшим прообразом которой является Церковь Христова. «...Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (Мф. 18, 20), – говорит Христос. Подобная собирательность, соборность – подлинная основа всего христианского устройства жизни, и любые подходы к теме «я–ты–отношений» в русле собственно христианства в той или иной мере отображают эту его фундаментальную черту⁶. Опора на живой опыт созидаемой Церковью человеческой общности не устраняет, разумеется, значимость и экзистенциальную напряжённость отношений между «я» и «ты», «я» и «другими», но вводит эти отношения в более широкий контекст, придаёт им многомерный, подлинно межчеловеческий характер. Соответственно, и страдание под таким углом зрения раскрывается не только как «моё страдание» и «страдание другого» (хотя, повторяю, само по себе это различие очень важно), но и как феномен межчеловеческий, в своей основе равно присущий и нам, и нашим ближним, феномен, объединяющий нас с ними узами сопричастности.

Да, есть случаи, есть множество ситуаций, когда принять человеческое страдание, т. е. признать его оправданным и осмысленным, мы не можем, и в большинстве своём это случаи, когда мы сталкиваемся с непомерными страданиями других, – ибо на собственные страдания, как уже неоднократно отмечалось, мы, в принципе, роптать не должны (хотя зачастую и ропщем). Классический пример анализа подобного рода ситуаций представляет роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Попытаемся вникнуть в ход рассуждений писателя повнимательнее.

Итак, всем, разумеется, памятна ярко выписанная Достоевским сцена «бунта» Ивана Карамазова в своём возмущении безмерными страданиями человеческими и, прежде и очевиднее всего, страданиями неповинных детей, отвергающего «мир Божий» и чаемую в нём «высшую гармонию». «Не стоит она слезинки хотя бы одного только... замученного ребёнка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «Боженьке!»⁷ «...Я не Бога не принимаю, пойми ты это, – втолковы-

⁶ См., напр.: Аверинцев С. С. Мы призваны в общение // Аверинцев С. С. София – Логос. Словарь. – К., 2006. – С. 790–795; Зізіулас Іоан. Буття як спілкування. Дослідження особистості і Церкви. – К., 2005. – 276 с.; Прот. Михаил Аксёнов-Меерсон. Созерцанием Троицы Святой... Парадигма Любви в русской философии троичности. – К., 2007. – 328 с.

⁷ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. – В 30 т. – Л.: Наука, ЛО, 1976. – Т. 14. – С. 223.

Палачи Освенцима «в редкие минуты отдыха», май 1944 года. Фото из коллекции Мемориального музея Холокоста в США

вает Иван в откровенном разговоре брату своему Алёше, – я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять»⁸. А потому и свой «билет» Творцу Иван «почтительнейше» возвращает.

Не следует, однако, забывать, что в том же романе Достоевский представляет и иные, по-своему не менее убедительные, позиции относительно безвинных человеческих страданий и «злодейств», из которых последние зачастую проистекают. Одна из этих позиций принадлежит старцу Зосиме. Словно бы в назидание Ивану, возмущённому царящей в «мире познания» злой жестокостью, Зосима поучает: «Если же злодейство людей возмутит тебя негодованием и скорбью уже необоримую, даже до желания отомщения злодеям, то более всего страшись сего чувства; тотчас же иди и ищи себе мук так, как бы сам был виновен в сем злодействе людей. Приими сии муки и вытерпи, и утолитя сердце твоё, и поймёшь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как Единый безгрешный и не светил. Если бы светил, то светом своим озарил бы и другим путь, и тот, который совершил злодейство, может быть, не совершил бы его при свете твоём»⁹.

Наконец, не менее последовательна в своём роде и позиция Мити Карамазова, при всей своей очевидной экзальтированности то и дело отзывающаяся то «философией»¹⁰, то «эффикой»¹¹. Категорически отрицающая свою виновность в убийстве отца, Митя, тем не менее, воспринимает грозящее ему явно несправедливое наказание как суровую и вместе с тем спасительную жизненную правду. Для сердца, действи-

⁸ Там же. – С. 214.

⁹ Там же. – С. 291–292.

¹⁰ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. – В 30 т. – Л.: Наука, ЛО, 1976. – Т. 15. – С. 28.

¹¹ См.: Там же. – С. 27.

тельно уязвлённого жалостью к страдающим ближним («и чувствует он... что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и чёрная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слёз от сей минуты ни у кого...»¹²) и постигнутого проповедуемую Зосимой истину о виновности каждого «за всех и за вся»¹³, добровольно принятое страдание – целительный способ душевного возрождения, нового обретения полноты и смысла собственного бытия. «Господа, – возглашает Митя на суде, – все мы жестоки, все мы изверги; все плакать заставляем людей, матерей и грудных детей, но из всех – пусть уж так будет решено теперь – из всех я самый подлый гад! Пусть!.. Но гром грянул. Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очищусь! Ведь, может быть, и очищусь, господа, а?»¹⁴

Характерно, что Митя не только ощущает нравственную необходимость своего страдания (оттого и отвергает бегство в Америку: «От страдания ведь убежал! Было указание – отверг указание, был путь очищения – поворотил налево кругом... От распятия убежал!»¹⁵), но и понимает его как позитивную жизненную ценность, как фактор, возвращающий жажду жизни. «Ты не поверишь, Алексей, – при свидании в остроге, накануне суда, говорит он брату, – как я теперь жить хочу, какая жажда существовать и сознавать именно в этих облезлых стенах во мне зародилась!.. Да и что такое страдание? Не боюсь его, хотя бы оно было бесчисленно. Теперь не боюсь, прежде боялся... И, кажется, столько во мне этой силы теперь, что я всё поборю, все страдания, только чтобы сказать и говорить себе поминутно: я есмь! В тысяче мук – я есмь, в пытке корчусь – но есмь! В столпе сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце, – это уже вся жизнь...»¹⁶ Более того, там, «под землёй», в мире страданий, куда направляется Митя, есть место и радости: «О да, мы будем в цепях, и не будет воли, но тогда, в великом горе нашем, мы вновь воскреснем в радость, без которой человеку жить невозможно, а Богу быть, ибо Бог даёт радость... Каторжному без Бога быть невозможно, невозможнее даже, чем некаторжному! И тогда мы, подземные человеки, запоём из недр земли трагический гимн Богу, у Которого радость! Да здравствует Бог и Его радость! Люблю Его!»¹⁷

Жалость к другим, и собственное страдание, и чувство вины, и сознание незаслуженного и всё-таки заслуженного наказания, и тяжкий труд, и самоотречение, и жажда бытия, и любовь к Богу, и радость этой правды, этой любви – всё это вместе сказывается в характере и обра-

¹² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. – Т. 14. – С. 456–457.

¹³ Там же. – С. 290.

¹⁴ Там же. – С. 458.

¹⁵ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. – Т. 15. – С. 34.

¹⁶ Там же. – С. 31.

¹⁷ Там же.

зе чувствований Митеньки Карамазова просто, нераздельно и убедительно, формируя своего рода целостный образ жизни, преодолевающий беспричинность и бессмысленность чужого страдания («Отчего бедно дитё?»¹⁸) осмысленным приятием страдания собственного. Образ этот, надо сказать, доселе сохраняет свою неотразимую привлекательность для русской православной культуры.

Разумеется, хочется верить, что в мире Божьем всё имеет свой смысл. Но если так, то, быть может, имеет свой смысл и очевидная бессмыслица, и, в частности, явно лишённые смысла человеческие страдания также ниспосылаются нам не случайно?

Ещё представители святоотеческой традиции неоднократно указывали, что сама богооставленность может приобретать для человека спасительное и промыслительное значение. В частности, прп. Максим Исповедник, различая четыре вида богооставленности (богооставленность домостроительная, ради испытания, ради отеческого назидания и в силу отпадения от Бога), заключает их рассмотрение выводом о том, что все они «спасительны и преисполнены Божией Благодати и Премудрости»¹⁹. Почему не помыслить то же самое и о видимой бессмысленности тех или иных испытываемых людьми страданий? Не содержит ли она в себе своего рода метасмысл – смысл высшего порядка, прообразующий сам характер задач, встающих перед человеком на его жизненном пути?

Напомню, что человек, согласно христианскому воззрению, есть существо, обладающее свободой воли. Наивно было бы полагать, будто всё в его поведении фактически предопределено свыше. Это не так, потому-то он и должен нести ответственность за преступления, ошибки и глупости, совершённые по собственной воле. Однако где есть свобода, там вся полнота смысла не может быть предположена заранее: Господь по Своей благодати оставляет человеку простор для его собственного смыслотворчества, более или менее совершенного, доброго или дурного, – оставляет, если позволительно так выразиться, своеобразные зоны бессмысленности, которые мы призваны заполнить собственными помыслами и делами, за каковые и несём ответственность.

Так что поистине нет оснований «инкриминировать» Богу злодеяния и ошибки, совершённые людьми, недостойно распорядившимися собственной свободой, – сколь бы ужасающи эти злодеяния ни были. Как свободное существо, человек сам должен отвечать перед Богом и людьми за свои поступки, сам – с упованием на помощь Божию – преодолевать затруднения, вытекающие из последствий собственных действий, сам – наполнять свою жизнь и деятельность искомым

¹⁸ Там же.

¹⁹ Максим Исповедник. Главы о любви // Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. Аскетические и богословские трактаты. – М., 1993. – С. 144–145, 295–296.

смыслом, в истоках своих вытекающих из Божьего Промысла, но обязательно несущих на себе отпечаток его, человека, собственной внутренней устремлённости основополагающих ценностей его бытия.

И, например, вспоминая трагическую гибель АПРК «Курск», десять лет назад потрясшую Россию и мир и до сих пор отзвучившуюся незатухающей болью в сердцах родных и друзей погибших моряков, не следует, мне кажется, усматривать в произошедшем какой-то специальный замысел Божий, реализованный столь страшной ценою безвинных человеческих жертв. Реалистичнее и, быть может, благочестивее допустить изначальную бессмысленность случившегося как следствия цепи тех или иных ошибок или горестного стечения обстоятельств, бессмысленность, побудившую многих и многих людей приложить усилия, дабы этот смысловой вакуум заполнить. Заполнить его обновлённым чувством солидарности перед лицом общей беды, деятельным состраданием к потерпевшим, возрождением веры и патриотизма. Сегодня уже можно утверждать с уверенностью, что трагедия, о которой идёт речь, сыграла свою роль в консолидации российского общества, в возврате к нравственным ценностям, казалось бы, окончательно дискредитированным на торжище «лихих 90-х». Важно, однако, помнить, что всё могло сложиться и иначе – и хранить благодарность людям, оказавшимся способными откликнуться на приключившееся несчастье по-человечески. И если «всё происходящее с нами есть не что иное, как уроки воспитания от нашего Небесного Отца»²⁰, то уроки эти, как у действительно хорошего педагога, менее всего напоминают механическое натаскивание на «правильный» ответ: уважая в нас дарованную Им же свободу, Господь ценит и оценивает наши самостоятельные решения, споспешествует нам в творческом взыскании смысла, возможном лишь как восстание против видимой бессмыслицы бытия, бессмысленности и нестерпимости (для нас) страданий наших ближних.

В одном из своих интервью митрополит Антоний Сурожский с неодобрением отозвался о некоем настоятеле монастыря, который, узнав о том, что приведенные в монастырь дети-сироты по неведению не соблюдали пост в течение трёх дней, не допустил никого из них к Причастию, сказав: «Запомните, дети: у Бога ничего просто так не бывает»²¹. Продолжая, как представляется, мысль владыки, хотелось бы сказать: как раз у Бога-то, быть может, «просто так» и бывает: «просто так» и «за так», сверх всякой меры – и любви, и благодати, и радости, и страданий тоже. А вот как принять этот дар и как им распорядиться – это уже проблема человеческая, наша.

Однако вернёмся к ситуации человека, присутствующего при страдании своего ближнего, страдании, о котором, как мы уже видели,

²⁰ Митрофан (Баданин), игумен. Неугасимая лампада «Курска». К десятилетию событий 12 августа 2000 года. – СПб.; Мурманск, 2010. – С. 89.

²¹ Антоний Сурожский, митрополит. «Берегитесь, братья мои, священники!» // Церковь и время. – 1999. – № 2. – С. 57.

«Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (Ф. М. Достоевский). И евангельская жертвенная любовь к ближнему, заповеданная нам Христом, по сути своей, как нетрудно убедиться, начинается именно с сострадания

заранее нельзя предположить, что оно оправданно, осмысленно, не случайно. Какие конкретные этические установки можно вывести для такой ситуации, исходя из очерченного общего взгляда на страдание как таковое?

Прежде всего, очевидно, что страдание ближнего вызывает к нашему состраданию. В той же мере, в которой первое изначально предстаёт перед нами как нечто лишённое смысла, напрасное, как то, чего не должно быть, – второе неизменно обладает очевидной полнотой жизненного смысла, более того, выступает как начало, способное придать смысл всему нашему существованию в целом. Деятельно сострадать кому-либо – значит в какой-то мере уже иметь представление о том, для чего ты живёшь.

Показательно, сколь часто история мировой культуры и в религиозных, и в светских своих образцах доносит до нас ощущение истинности, непреложности сострадания – ощущение, совсем не часто сопровождающее иные, более лёгкие и радостные человеческие чувства.

Картина С. Симакова «Святые Борис и Глеб». 1989 г.

«Жалеть – значит любить», – гласит известная русская пословица. Именно жалость, просветлённая радостным умилением и любовью, выступает своего рода нравственной доминантой культа особо почитавшихся ещё в Киевской Руси святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Именно святые Борис и Глеб создали на Руси особый чин «страстотерпцев» – самый парадоксальный чин русских святых

«Сердце мудрых – в доме плача» (Еккл. 7, 4); именно сострадание, побуждающее нас облегчать страдания наших ближних, делить с ними их заботы и труды, носить их «бремена» (Гал. 6, 2), создаёт в человечестве ту реальную нравственную связь, без которой вся проповедь «высокой» морали зачастую, следует опасаться, выглядела бы пустой болтовнёй. В этом смысле, по словам князя Мышкина у Достоевского, «сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества»²². И евангельская жертвенная любовь к ближнему, заповеданная нам Христом, по сути своей, как нетрудно убедиться, начинается именно с сострадания – хотя, укрепляясь и развиваясь в сердце человеческого, она и способна порою достигать высот, обычному состраданию ещё неведомых.

Наряду с состраданием наш язык и наше сознание неспроста выдвигают понятие жалости. Следует уяснить, что сострадание и жалость – переживания не тождественные. Если сострадание, как уже упоминалось, есть чувство активное, побуждающее того, кто его испытывает, к действенной помощи ближним, то жалость, как правило, охватывает нас именно тогда, когда, сочувствуя чьим-либо страданиям, симпатизируя, сопереживая кому-либо, мы, тем не менее, реально не можем ему помочь. Так нам может быть жалко хорошего человека, страдающего неизлечимой болезнью, девушку, увядающую в одиночестве, просящего милостыню ребёнка... С «подачи» Максима Горького, обуреваемого нищезанятием, в отечественной культуре советского периода укоренилось жестокое представление о том, что жалость, мол, «унижает человека». Однако в традиционном нравственном мире Руси, равно как и в церковном опыте православного человека, жалость – понятие почитаемое. «Жалеть – значит любить», – гласит известная русская пословица. Именно жалость, просветлённая радостным умилением и любовью, выступает своего рода нравственной доминантой культуры особо почитавшихся ещё в Киевской Руси святых страстотерпцев Бориса и Глеба. «Человеческую слабость, жалостную беззащитность»²³ юных князей – отнюдь не умаляющую величие их духовного подвига – отмечает такой тонкий знаток древнерусской агиографии, как Г.П. Федотов. Именно святые Борис и Глеб, – указывает в этой связи Г.П. Федотов, – «создали на Руси особый... чин «страстотерпцев» – самый парадоксальный чин русских святых»²⁴.

Да, чувство жалости не предполагает, что человек, его испытывающий, окажет реальную помощь тем, кого он жалеет. Однако самого этого человека – всякого, способного её изведать, – жалость преобразует внутренне. Её трудно искусственно вызвать в себе, но ещё

²² Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. – В 30 т. – Л.: Наука, АО, 1973. – Т. 8. – С. 192.

²³ Федотов Г. П. Святые Древней Руси (X–XVII ст.). – 4-е изд. – Paris, 1989. – С. 25.

²⁴ Там же. – С. 30. См. также скромную работу автора этих строк: Малахов В. А. Сказания про Бориса і Глеба: тема жалості // Несторівські студії: Книга та книжність в духовній культурі Київської Русі. – Київ, 2008. – С. 44–53.

труднее, если уж она нас настигла, от неё отделаться. Пусть она недостаточно «эффективна» в смысле прямого воздействия – она пробуждает скрытые ресурсы нашей души, делает нас более чуткими, открывает в человеке дар слёз, о которых ещё преподобным Иоанном Лествичником было сказано, что «если бы человеколюбие Божие не даровало нам оных, то поистине редки были бы и едва обретались бы спасающиеся»²⁵.

Да и того, на кого жалость направлена, она, вопреки упомянутому выше нищенско-советскому предрассудку, по неизвращённой духовной сути своей никак не «унижает», напротив, утверждает в его достоинстве и силах. Положа руку на сердце: кто из нас в минуту жизни трудную хотя бы раз не ощутил нужды в простой человеческой жалости? Человека же, не желающего или не способного нравственно поддержать других, недаром именуют безжалостным; надо признать, что последнее столетие немало потрудились над тем, чтобы как раз последнему понятию придать несвойственный ему положительный смысл, да только язык не обманешь.

И всё же, наблюдая страдание ближних, естественно испытывать желание им реально помочь. Перечислить и классифицировать возможные пути и способы такой помощи, разумеется, невозможно, да и никакой необходимости в этом нет. Упомяну в этой связи лишь одну характерную, часто встречающуюся ситуацию, когда в наших силах, сколь бы ни были они скудны, оказывается сделать то, что может существенно облегчить положение страдающего поблизости человека. Я имею в виду простую заботу о том, чтобы не оставлять человека наедине с его страданием.

Если задаться вопросом о том, чем отличается собственно страдание от боли, да и разного рода неприятных человеческих ощущений вообще, трудно пройти мимо следующей констатации: подлинное страдание всегда включает в себя предвосхищение будущего, овладевающий чувствами страх перед тем, что по-настоящему невыносимое ещё впереди и вот-вот наступит. Вот как раскрывает эту подоплёку человеческого страдания Левинас: «Мы не просто познаём страдание как неприятное ощущение... Вся острота страдания обусловлена невозможностью его избежать... Невозможность отступить назад. Здесь будущее отрицание воли в состоянии страха, неизбежность того, что не подчиняется силе, включается в настоящее, здесь мной завладевает «иное»... Но при этом превращении «я» в вещь мы ещё присутствуем; становясь вещью, мы не овеществляемся полностью... Страдание двусмысленно: зло в настоящем уже воздействует на «для-себя» воли, однако для сознания зло ещё в будущем»²⁶.

²⁵ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. – СПб., 1996. – С. 87.

²⁶ Левинас Э. Тотальность и Бесконечное // Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное. – М.: СПб., 2000. – С. 237–238.

«Боль и сострадание». Наблюдая страдание ближних, естественно испытывать желание им реально помочь. Положа руку на сердце: кто из нас «в минуту жизни трудную» хотя бы раз не ощутил нужды в простой человеческой жалости?

Так что надо понимать: человек, охваченный страданием, всегда словно бы на подъёме страшной волны, грозящей его поглотить: он и испытывает реальные мучения, и сознаёт-переживает реальное же их нарастание, предел которого, в принципе, ему не представлен никак. В томительном предощущении ещё неизведанного апогея страданий естественно возникает страх оказаться в одиночестве, страх быть покинутым на произвол судьбы и грядущих мук. И вот мы должны, и часто действительно имеем возможность – даже если мы не священники, не врачи и т.д. – сделать так, чтобы наш страдающий ближний уверился: в тот страшный наступающий миг, на гребне следующей волны он будет, по крайней мере, не одинок...

Уже упоминавшийся здесь митрополит Антоний Сурожский рассказывал как-то о том, что во время Второй мировой войны ему довольно часто приходилось иметь дело с ранеными, которым медицина уже не могла помочь. Однажды в госпиталь привезли молодого крестьянина, который был смертельно ранен. «Я, – вспоминает владыка Антоний, – им занимался как врач, но в какой-то вечер мне захотелось с ним просто побыть, посидеть. Я пришёл в палату. Другие раненые спали, а он лежал с открытыми глазами. Я подошёл, спрашиваю: «Как ты себя чувствуешь?» – «Я умираю». – «Тебе страшно?» – «Умереть мне не страшно, но страшно умирать одному». – «Один ты не умрёшь. Я с тобой буду сидеть до момента, когда ты перейдёшь из временной жизни в вечную». Он мне сказал: «Это невозможно, это может длиться часами, и вы не сможете сидеть всю ночь рядом со мной!» – «Смогу!» – Он подумал и говорит: «Да, но я всё равно этого знать не буду. В какой-то

момент моё сознание потускнеет». Я ответил: «Мы вот что сделаем. Я сейчас сяду рядом с тобой и мы будем разговаривать. Ты можешь мне рассказать про мать, про жену и детей, про свою ферму, про свои поля... будешь мне говорить о том, что сейчас наполняет твоё сердце. В какой-то момент ты начнёшь уставать, тебе станет утомительно разговаривать, но ты ещё сможешь на меня смотреть. Тогда я возьму тебя за руку, и ты возьмёшь меня за руку, и мы будем так сидеть. Ты будешь лежать, молча глядя на меня, и я буду тоже глядеть тебе в глаза. В какой-то момент ты ещё больше ослабеешь, глаза твои закроются, и тогда у нас будет одна точка соприкосновения: я буду изредка пожимать твою руку, чтобы ты знал, что я тут, а ты в ответ будешь пожимать мою. Так постепенно мы пройдем через врата смерти». Мы сидели так час-другой. Изредка он пожимал мою руку: тут я или нет? В ответ я пожимал его руку: да, я тут. В какой-то момент его рука открылась: он умер. В тот день я остро ощутил, насколько важно, когда человек умирает, ему не остаться в одиночестве – не в том смысле, чтобы вокруг него толпились люди, что-то делали, но чтобы умирающий чувствовал: он не одинок. Пока он слышит, видит, – всё хорошо. Но в какой-то момент у него возникает потребность чувствовать твою руку. Когда он пожмёт твою руку, нужно ответить, чтобы он знал, что ты здесь, и только тогда его оставить, когда он отпустит твою руку, перестанет дышать, то есть будет уже мёртв.

Я не знаю, насколько это осуществимо в обстановке больницы или хосписа, но если это возможно... – это надо делать. Притом совершенно не обязательно, чтобы это делал священник, – это может быть любой человек, кто готов передать умирающему сознание, что он не оставлен. Тогда в момент смерти он, отпуская твою руку, будет знать, что нет разлуки...»²⁷

Такой вот простой рассказ одного из светочей христианской мысли нашего времени.

...Оглядываясь на пройденный путь в нашем исследовании феномена человеческих страданий, можно, думается мне, с достаточной уверенностью говорить о том, что и страдание как таковое, и даже сама, порой возмущающая нас, очевидная бессмысленность, абсурдность тех или иных конкретных его проявлений имеют для человека страдающего некий высший учительный смысл. Опять-таки, не в наших возможностях раскрывать здесь этот смысл, хотя бы в основных его чертах, с притязанием на какую бы то ни было полноту. Однако в завершение этого очерка хотелось бы привлечь внимание читателя, по крайней мере, к трём принципиальным аспектам значимости человеческих страданий, особенно ярко выступающим на фоне нашей современности.

²⁷ Антоний Суворжский, митрополит. «Друг друга тяготы носите». Беседа со священником Христофором Хиллом. Оксфорд, 27 мая 2001 года // Церковь и время. – 2001. – № 4. – С. 49–50.

Итак, во-первых, принципиально важно, что опыт страданий – разумеется, страданий собственных – предстаёт для каждого как ничем иным не заменимая школа терпения, школа трезвости в понимании себя и собственных возможностей. Именно страдание свидетельствует нам о реальности окружающего мира, оказывающего сопротивление нашим субъективным намерениям и притязаниям, о своеобразии межчеловеческих отношений, в упругом сплетении которых мы должны найти надлежащее место для себя, о собственной нашей греховности и несовершенстве. Подлинное страдание – это то, над чем никто не в состоянии возвыситься, да и притязать на такое возвышение было бы, по сути, проявлением гордыни (как уже упоминалось, в этом основной смысл полемики христианства со стоицизмом). Для всякого человеческого существа страдание, ниспосылаемое Господом, – это сообщение неведомого, это доверенная ему тайна; не уважая эту тайну в себе, как могу я уважать её в других? Как могу считаться всерьёз с уязвимостью, физической и душевной хрупкостью других людей – тех, кто меня окружает?

Нет, не презирать страдание, а терпеть его, полагаясь на помощь Божью, и извлекать из этого претерпевания необходимые жизненные и нравственные уроки – таков, по-видимому, правый путь человека страдающего.

В нашем отношении к самим себе воспитываемая опытом страданий терпеливость проявляется прежде всего в приятии собственной жизни как бесценного дара Божьего, в умении выносить любые тяготы и невзгоды, зачастую переполняющие её.

Как писал Э. Левинас, «высшее испытание свободы – не смерть, а страдание»²⁸. В памяти и в опыте современных поколений глубоко запечатлелась жестокость ситуаций, в которых сила страдания перевешивает для измученного человека страх смерти. Незыблемой истиной христианства остаётся, однако, благоговение перед дарованной Господом жизнью, какова бы она ни была. Возвращение людям восприимчивости к позитивным ценностям жизни со всеми её радостями и горестями – думаю, одна из насущных задач искусства и культуры наших дней, осознающих свою духовную ответственность.

Равным образом – если не более – существенно нравственное начало терпения в наших отношениях к другим, где оно непосредственно и проявляется как терпимость, толерантность, способность прощать. Не буду повторять в этой связи известные всем наставления Евангелия; неоднократно уже упомянутый на предшествующих страницах опыт последнего столетия заставляет нас быть особенно бережными к людям, которые нас окружают, ценить в них начала света и добра, на какой бы почве они ни произрастали, терпеть не только их заблужде-

²⁸ Левинас Э. Тотальность и Бесконечное // Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное. – С. 238.

ния и слабости, но и их глубинную инаковость. При этом, чтобы наша толерантность к другому не оставалась только иллюзией, необходимо всерьёз задумываться и о том, как трудно этому другому быть толерантным по отношению к нам самим.

Во-вторых, один из важнейших аспектов учительного смысла страдания видится в том, что оно раскрывает перед испытывающими его трудное и трудовое человеческое призвание, приобщает их к «изначальной трудности бытия человека в мире»²⁹. Напомню, что само русское слово «страдание» непосредственно связано со «страда»; «страдати» первоначально и означало «трудиться». Суровое божественное предначертание согрешившему Адаму: «*В поте лица твоего будешь есть хлеб*» (Быт. 3, 19) знаменует водворение последнего в «мир действия», где усилие, труд и страдание являются необходимыми взаимосвязанными условиями поддержания и развития жизни. Тот, кто хочет в этом мире чего-то добиться, должен быть готов приложить для этого усилие, должен быть готов за это пострадать. Соответственно, сострадание означает добровольную готовность разделить с ближними тяжесть их жизненной «страды», их усилия, их труд.

В-третьих, наконец, страдание – это и необходимый момент всякого духовного познания; как общее правило, мы поистине познаём, научаемся понимать и ценить то и только то, что мы выстрадали, чем «переболели». Возможно, разумеется, и познание чисто инструментальное, утилитарное, направленное, в конечном счёте, на подчинение реальности нашим потребностям и наслаждениям. Однако такое «схватывающее», «завладевающее» познание, познание на уровне овладения определёнными «ноу хау», при всей своей прагматической эффективности никогда не представляет нам вещи такими, каковы они подлинно суть. Нет, надо в известном смысле вещь от себя отпустить, пережить боль лишённости, чтобы постичь то, что мы утратили; надо дать этой вещи самостоятельность, чтобы она явила нам собственную внутреннюю жизнь. Тем более это касается понимания других людей, наших ближних: надо прочувствовать и их самобытность, «инаковость», непохожесть на нас самих, надо уметь видеть и преодолевать болевые моменты в общении с ними, чтобы это общение становилось более адекватным и глубоким. Взгляд начальника на подчинённого, ценящий в последнем исполнительность и ищущий, как этой исполнительности добиться, – не лучший способ понять стоящего перед нами Другого, каков он есть «в себе и для себя», как сказал бы Гегель.

Так что страдание (и именно страдание) нередко «учит» нас даже в буквальном смысле слова, т. е. предоставляет нам новые возможности

²⁹ Нестеренко В.Г. Страдательность – нравственность – культура // Онтологічні проблеми культури : Зб. наук. праць. – Київ: Наукова думка, 1994. – С. 151. Воспользуюсь случаем, чтобы привлечь внимание читателя к содержащемуся в цитируемой работе глубокому анализу темы страдания в философско-этическом аспекте.

постижения бытия. Как не вспомнить в этой связи слова Гёте, гениально переведённые на русский язык Ф. И. Тютчевым:

Кто с хлебом слёз своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел,
Тот не знаком с небесными властями...

* * *

С особой настойчивостью напоминать об учительном смысле страдания вынуждает характерная особенность современного умонастроения, которую можно определить как боязнь страдания как такового. По-видимому, именно в стремлении отстраниться, дистанцироваться от перенасыщенного страданиями опыта XX в. (не исключая, разумеется, и роли иных цивилизационных факторов) современный человек, как нетрудно заметить, зачастую подпадает под власть инстинктивного отворачивания ко всему, сопряжённому со страданием: отворачивания к самоограничению, изнурительному труду, продолжительным усилиям, «чрезмерному» душевному или умственному напряжению и т.д. Вместо этих необходимых условий человеческого становления утверждается культ поверхностных наслаждений, прагматической эффективности, эгоистического «успеха» (причём, по возможности, «успеха» мгновенного, как вспышка). «Два в одном!», «Ощути разницу!», «Полюби Себя!» – подобные навязчивые клише современной рекламы суть не просто эффектная выдумка её создателей; как умело запущенный поплавок, они обозначают куда более глубокие подспудные течения времени, в котором мы живём.

В таких обстоятельствах с особой силой звучат для нас, нынешних, сказанные две тысячи лет назад слова апостола Павла: «...*Не сообразуйтесь с веком сим*» (Рим. 12, 2). Обращаясь к этому высказыванию, С.С. Аверинцев толковал мысль апостола применительно к условиям нашей современности: «...Наша душа, наш дух не должны угодливо подлаживаться к духу времени, к наличному – и преходящему – состоянию мира»³⁰. Христианская мысль, христианское отношение к жизни должны уметь там, где это необходимо, оказывать сопротивление времени; этим они свидетельствуют о себе как о духовной реальности.

...В каждом из Евангелий есть (даже буквально почти совпадающие) высказывания, в которых Господь настойчиво утверждает одну и ту же мысль: «*Сберегший душу свою потеряет её; а потерявший душу свою ради Меня сбережёт её*» (Мф. 10, 39; ср.: Мф. 16, 25; Мр. 8, 35; Лк. 9, 24; Лк. 17, 33; Ин. 12, 25). И ещё: «*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*» (Ин. 15, 13). И ещё: «*Истинно,*

³⁰ Аверинцев С.С. Будущее христианства в Европе. Опыт ориентации // Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. С. 767.

истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Ин. 12, 24). (Как известно, именно последнее высказывание Достоевский избрал в качестве эпиграфа к своему роману «Братья Карамазовы»).

Вне готовности к самопожертвованию, к страданию человек попросту теряет контакт с Богом, если Бог для него – Христос. Жить сообразно приведенным выше наставлениям Евангелия – это даже не просто «рецепт» спасения, победы над смертью; это просто сама жизнь души человеческой, к которой нас и обращает Господь. Голос этой сопротивляющейся диктату «века сего» правды Божьей, правды человеческой должен быть слышен сегодня.

Малоизвестные факты истории г. Кандалакши 20–30-х годов XX века

*ЛОСКУТОВ Дмитрий Сергеевич,
заведующий краеведческим отделом
Центральной библиотеки г. Кандалакши,
руководитель проекта возрождения
культуры поморского мореплавания
«Путь Варлаама»*

*Народ, забывающий свою историю,
обречен её повторить.
Джордж Сантаяна¹*

Кандалакша – это древнее русское поселение на Крайнем Севере, у которого очень богатая история. Но если говорить о кандалакшской истории, то в ней видны два раздела, два краеугольных камня, на которых она держится. Первый – это деяния преподобного Феодорита, крещение лопарей, появление Кандалакшского монастыря; второй – это XX век, советское время, появление города Кандалакши как промышленного центра в 1938 году.

Случайно или нет, но эти два события, такие разные по характеру, объединяются в одно общее движение просвещения и заселе-

¹ Джордж Сантаяна (George Santayana) (1863–1952) – философ и литератор, представитель критического реализма и философии жизни, классик американской философии. (Прим. ред).

«На спецпоселение. Начало крестного пути». В тридцатые годы особой категорией репрессированного населения СССР были объявлены так называемые «кулаки» и «подкулачники». Это – наиболее умелые и трудолюбивые крестьяне русской деревни, имевшие большие семьи и крепкие хозяйства, твердые моральные и нравственные устои

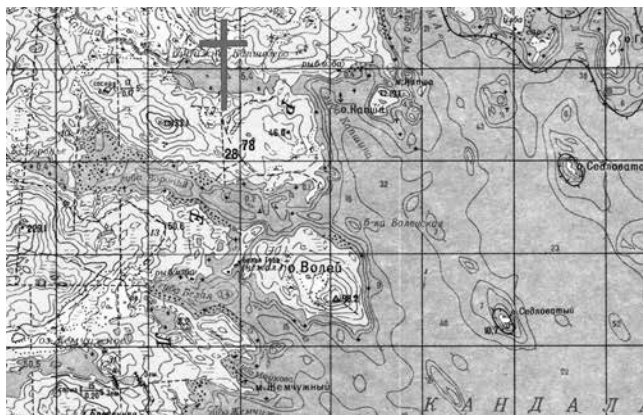
ния Кольского края. В том и другом случае присутствовали страдания. (Без этого, наверное, невозможно никакое рождение). Но при этом представляется важным достичь понимания – что это были за страдания? Осознанные аскетические страдания подвига поста и молитвы в случае с преподобным Феодоритом Кольским. Подвижник высочайшего духовного уровня, он шёл на страдания добровольно ради Богоискательства, Богоприближения, Преображения, выполняя свою миссию просвещения Края. Безусловно, страдания в его жизни присутствовали в полной мере, поскольку святому приходилось, что называется, «сходиться врукопашную» с суровой северной природой – тайгой и тундрой, дикой лопью². Эти осознанные, Христа ради страдания дали небывалые плоды – Крещение лопарей и просвещение всего Кольского края светом Евангельской веры. Человек шёл на осознанные страдания и достиг столь впечатляющих результатов.

Время совсем иных страданий наступило для Кандалакши в 20–30 годы XX века.

Накануне революционных событий население Кандалакши насчитывало около 1500 человек³. И вот, вскоре наступило время «заботы партии и правительства»: «Благодаря постоянной заботе Советского

² Стужа зимой, летом гнус, дожди, неблагоустроенное жильё (возможно в пещерах), лопари, которые были язычниками и доставляли неисчислимые горечи преподобному Феодориту.

³ Сорокин А.В. Кандалакша в датах [электронный ресурс]. – Кандалакша, 2004.

Предполагаемое место «Командировки» в устье реки Капши

правительства о развитии экономики и производительных сил в Мурманском округе, темпы роста населения из года в год возрастали». Так, с 1920 по 1939 гг. среднегодовой прирост населения составлял 14600 человек, а с 1926 по 1939 гг. – 20600 человек. В 1940 году население Мурманской области составляло уже 318 тыс. 400 человек. Таким образом, за 20 лет борьбы советского народа за освоение богатств Кольского полуострова (1920–1940 гг.) население Мурманского края увеличилось почти в 23 раза. Проблема трудовых ресурсов – самая трудная социальная проблема Кольского Севера – была в основном решена в кратчайшие исторические сроки. Большая заслуга в этом деле принадлежит Ленинградской областной партийной организации и её гениальному руководителю Сергею Мироновичу Кирову»⁴.

Таким образом, если говорить о Кандалакше, то численность её населения увеличилась с 1,5 тыс. в двадцатом году до 50 тысяч к сороковым годам⁵, то есть в 33(!) раза. Понятно, какими методами это достигалось и какой ресурс был использован – это жесточайшие репрессии и принудительная высылка спецпереселенцев в эти отдаленные и суровые края.

В Кандалакше в конце двадцатых – начале тридцатых годов располагался штаб третьего отделения Управления Соловецкого лагеря особого назначения (УСЛОН). Соловецкий лагерь, зародившийся в начале двадцатых годов на островах Соловецкого архипелага как полигон, где концентрационная система обретала своё страшное лицо, к концу десятилетия выплеснул свою деятельность и на материк. Центром одного из отделений-филиалов УСЛОНа, занимавшихся лесоразработками, стала Кандалакша.

⁴ Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). – Мурманск, 1993. – С. 35.

⁵ Сорокин А.В. Кандалакша в датах [электронный ресурс]. – Кандалакша, 2004.

«Спецпереселенцы»

«Из отчета комиссии А. М. Шанина коллегии ОГПУ об обследовании Соловецких лагерей: <стиль и орфография сохранены>

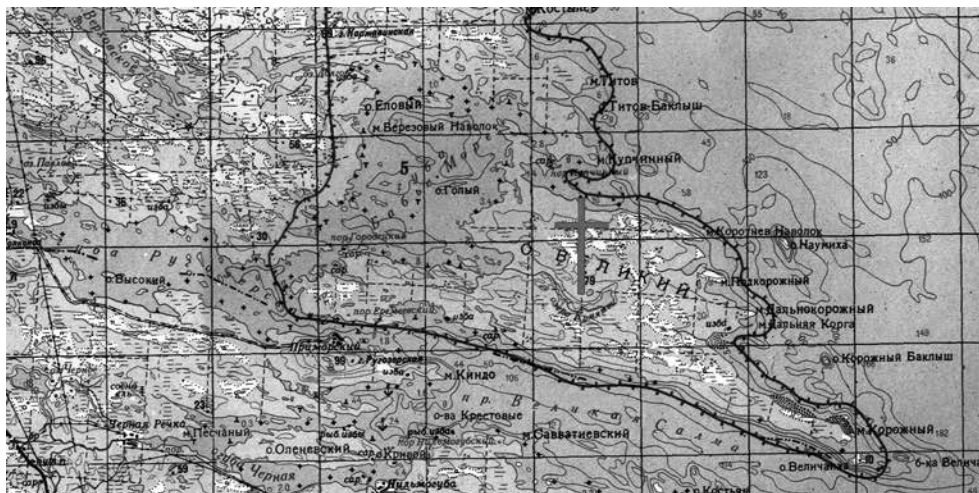
Начало мая 1930 г.

Сов. секретно

Москва. Во исполнение постановления коллегии ОГПУ от 3/4–30 года об обязательном выезде специальной Комиссии в Соловецкие лагеря для всестороннего обследования, таковая в составе: т.т. Еремина, Мейера, Бердичевского, Рапопорта, Демиденко, Берензона, Балашова, Эйхманса и по приезде в гор. Кемь кооптированного пред[седателя] ГПУ АКССР тов. Иванченко, под моим председательством 15-го апреля приступила к работе.

К моменту приезда Комиссии Управление Соловецких лагерей состояло: из самого Управления, находящегося в г. Кемь, 5 лагерей, именуемых отделениями, и отдельного Кемского пункта. Вышеуказанные 5 отделений расположены в следующих районах:

1-е отделение расположено на острове Революции (быв. Попов остров); имеет в своем составе 16 667 заключенных, находящихся как на самом острове, так на работах в районах, охватываемых данным отделением, т. е. а). Кемь-Ухтинский тракт по месту нахождения лесных

«Командировка» на острове Великом

разработок (Пано-зерско-Юшкозерская дистанция), б). Лесоэкспортная дистанция бассейна рек: Летняя, Поньгома, Воньга и Кузема; в). Разноволокский пункт — Сорокский рыбный район; г). отдельные погрузочные и другие мелкие работы на ж/д станциях в означенных районах и д). Конд-Остров, на котором содержится нерабочая часть УСЛОНа.

2-е отделение — центр отделения ст. Май-Губа, имеет в своем составе 10 074 человека заключенных, занятых на лесозаготовительных, лесоразделочных и лесопогрузочных работах вдоль линии ж/д от ст. Кяпесельга до ст. Олимпий и лесные разработки и дорожные работы по линии Парандово-Ругозерского тракта.

3-е отделение — центр ст. Кандалакша, имеет заключенных 9700 человек, находящихся а). на лесоразработках Колвицкой, Бабинской лесных дач (Колвицкая и Бабинская дистанция), б.) на лесозаготовительных, лесоразделочных и лесопогрузочных работах вдоль линии ж/д к северу от ст. Энгь-Озеро до Мурманска включительно, г). на земляных работах в Мурманске, д). на рыбных промыслах в Кандалакшской губе и е). рыбная фактория в селении Териберка на океанском берегу Кольского полуострова.

4-е отделение — центр остров Соловки, имея заключенных 15 834 человека, занятых на различных предприятиях — 9209 человек и 6625 ничего не делающих.

Примечание: 5-м Отделением была названа Байкальская экспедиция, ныне вошедшая в состав Сибирских лагерей.

6-е отделение — центр: разъезд «Белый» (Мурманской ж/д), имеет в своем составе 2340 заключенных, занятых на постройке ж/д ветки к апатитовым разработкам.

Кемский отдельный пункт – обслуживающий, главным образом, Управление Соловецкими лагерями и отдельные базы и предприятия в г. Кемь, имея в своем составе 2710 заключенных.

Таким образом, к моменту обследования в Соловецких лагерях находилось 57 325 заключенных, из коих мужчин – 54 973 и женщин 2352...»⁶.

Девять тысяч семьсот человек, о которых говорит Шанин А.М.⁷, обеспечивали сырьём лесозавод №4, находившийся на берегу залива в черте нынешнего города. Штаб «отделения» находился в Кандалакше, а сами лесозаготовки, которые назывались «командировками», были разбросаны по всему Кандалакшскому району.

Ниже приводится документ, свидетельствующий об атмосфере жизни и условиях содержания заключённых: «...В качестве метода обследования лагерей Комиссией применялся личный опрос всех арестованных по следственным и дисциплинарным делам и заключенных в общих бараках.

Как твердо установленный факт, необходимо констатировать общую запуганность заключенных: жалобы на жестокость режима удавалось получить исключительно в отсутствии администрации, давая гарантию, что избиений больше не будет. Несмотря на это, уже на Лесозаводе № 4 поступило значительное количество жалоб и заявлений, подтвержденных при следственной проверке.

Объективная картина режима на Лесозаводе такова: прежде всего Комиссией осмотрен карцер. Это дощатый сарайчик площадью в одну квадратную сажень, без печи, с громадными дырами в потолке, с которого обильно течет вода (в этот день была теплая погода), с одним рядом нар. В этом «помещении» буквально друг на друге в момент прибытия Комиссии находилось 16 полураздетых человек, большинство из которых пробыло там от 7 до 10 суток. <...> Только накануне приезда Комиссии арестованным стали давать кипяток; ранее это считалось излишней роскошью.

По поступившим жалобам Комиссией было опрошено 8 человек, туловища и руки которых были покрыты явными даже для неопытного глаза кровоподтеками и ссадинами от избиений. <...> Мотивы избиений – легкие дисциплинарные проступки, иногда – побеги и попытки к ним. Контингент избивающих – надзиратели, конвоиры, стрелки, десятники, комсостав охраны – в подавляющем большинстве из заключенных...»⁸.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 116. Л. 1–3, 74–76; 79–82; 95–98, 113–123. Машинопись. Ссылка приводится по данным портала «Архив Александра Яковлева», адрес в Интернете: <http://www.alexanderyakovlev.org/> Далее: портал «Архив Александра Яковлева».

⁷ Шанин Александр Михайлович (1894–1937) – сотрудник органов ВЧК–ОГПУ. Из крестьян. Окончил земское начальное училище. В 1904–1915 гг. работал в хозяйстве отца, кухонным мальчиком в трактире, служащим на складе, конторщиком. В 1915–1918 гг. в действующей армии. С 1918 г. большевик. В 1919–1920 гг. в РККА. В 1920–1921 гг. находился в распоряжении Особого отдела ВЧК, до 1922 г. заведовал отделом личного состава Управления делами ВЧК, зам. начальника Административно-организационного управления. Комиссар госбезопасности 2-го ранга. В 1937 г. – расстрелян. Информация с портала «Архив Александра Яковлева».

⁸ Из доклада комиссии А.М. Шанина Коллегии ОГПУ о положении заключенных в Соловках // ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 116. Л. 102–112; опублик.: Исторический архив. 2005. № 5. С. 70–76. Портал «Архив Александра Яковлева».

«...В 3 отделении на к[омандиров]ке «Кандалакша» был начальником некто Евстратов Андрей Самойлович. Здоровый парень, косая сажень в плечах. Этот занимается тем, что «ласкает», как он выражается.

– Ведите его сюда, я его обласкаю.

«Ласкает» он всегда здоровенной палкой. Однажды он на к[омандиров]ке «Кандалакша» в своей комнате так «ласкал» одного заключенного, что тот весь в крови лишился сознания. И что больше всего возмутительно – это то, что [как] человек сознательный, [он] выбирал палку с гвоздями. <...> Посадит, бывало, прошлой зимой Евстратов кого-либо в карцер, как правило, разденет его, а карцер – дощатая пристройка к бараку для дров. Замерзнет заключенный и кричит во все горло: «замерзаю, спасите», а пугливо проходящие вольные граждане только, озираясь, покачивают головами. Привезли однажды (в прошлую зиму) из Колвицы в Кандалакшу партию больных заключенных. Все грязные, раздетые, часть из них – уже мертвецы, а другие на глазах умирают: его берут с саней, кладут на снег, и он тут же на глазах умирает. Всю эту картину видят проходящие мимо вольные граждане⁹.

Однажды я был в Кандалакшском РИКе. Смотрю, из кабинета председателя выходит группа людей. Это были члены РИКа, только что закончили какое-то заседание. Все они как-то оживленно разговаривали между собой, говорили что-то о УСЛОНе. Вдруг слышу: «Что это они делают? палками людей убивают? грязь на советскую власть льют?». Фамилию говорившего я забыл, он в Кандалакше известен под кличкой Пароход. Кстати, скажу: все население Кандалакши крайне антисоветски настроено...»¹⁰

На сегодняшний день, в результате проведенных бесед с местными жителями, изучения местности, различных источников, а также следуя логике событий тех лет, можно говорить о существовании в те годы пяти Колвицких «командировок», «командировок» на острове Великом и в губе Капша.

Условия жизни на «колвицких командировках» иллюстрируют следующие рассказы. Матушка местного жителя села Колвицы, пойдя в «нужник»¹¹, обнаружила в нём прячущегося человека. Оборванный, грязный, голодный, страдалец попросил что-нибудь поесть. Она принесла ему картошки, только заключённый съел картошку, прибежали охранники с собаками и натравили псов на беглеца. На глазах у женщины собаки этого человека растерзали.

Другой случай рассказали женщины этого же села: «Шёл «этап» заключенных – очередное пополнение на лесозаготовки – и одна из

⁹ Далее будет подтверждение этому случаю из ещё одного источника.

¹⁰ Из свидетельских показаний заключенного СЛОНа о насилии и издевательствах над заключенными, данных комиссии А. М. Шанина // ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 120. Л. 123–126; опубли.: Исторический архив. 2005. № 5. С. 76–78. Портал «Архив Александра Яковлева».

¹¹ В деревнях «нужники» – туалеты – до сих пор часто находятся на улице, на некотором расстоянии от дома.

групп расположилась в нашем доме. Заключённые эти были голодны настолько, что съели пойло для скота».

Подобный же случай рассказывали мне родственники, жившие на Нижней Кандалакше. В дом однажды постучал голодный «услонец» (так местные жители называли заключённых и даже пугали ими детей) и попросил картошки, ему дали – он ушёл. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

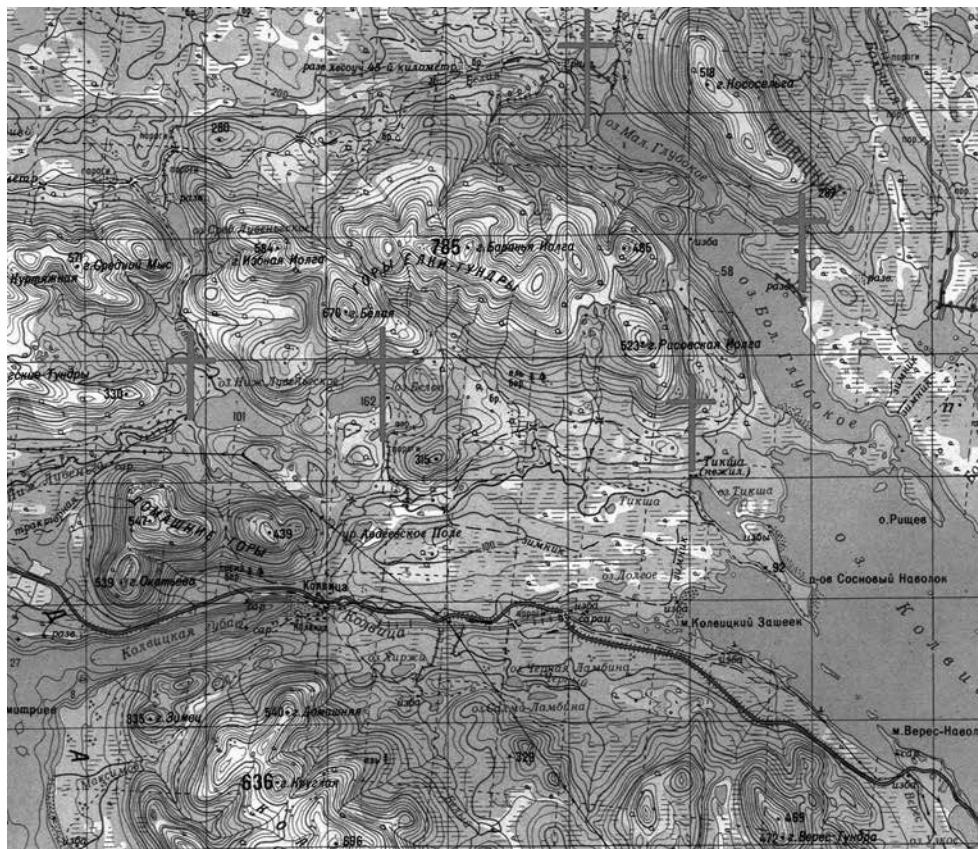
Приведу несколько примеров на эту же тему из книги Николая Игнатьевича Киселева-Громова «С.Л.О.Н. Соловецкий лес особого назначения». «...В зиму с 1929 на 1930 год из 3-го отделения Лагерей в Кандалакше была направлена на Колвицкие командировки, находящиеся в 30 километрах северо-восточнее станции Кандалакша, партия женщин. Чтобы попасть из Кандалакши на Колвицу, надо перейти замерзшую речку Нива и потом через деревню Лувеньга идти по льду Кандалажского залива. Зимой с океана дует постоянный сильный ветер и наносит сугробы снега. Дороги никакой нет, надо идти прямо по цельному снегу, часто по пояс. Холод в этих местах страшный. Мороз достигает более 40 градусов – не забудем, что эти места находятся за полярным кругом.

Отправлявшиеся женщины были все уже старушки, большей частью монахини (на Колвицких командировках они должны были работать в качестве прачек), ни теплой одежды, ни валенок ни у одной из них не было, и они выступили в своих дырявых деревенских кофтах и холщовых юбках; вместо валенок им выдали лапти с онучами. У некоторых из них были одеяла, которыми они себе закутывали головы и плечи; другие шли, повязав головы обыкновенными платками.

Пройти им предстояло 30 километров в два приема, с небольшим отдыхом. При этом им совершенно не выдали на дорогу хлеба. Старухи были уже перед тем обессилены долгими мытарствами по пересыльным тюрьмам, мучительной дорогой до Попова острова, жизнью на последнем и путешествием с Попова острова до Кандалакши. Теперь, идя голодными по глубокому снегу против сильного ледящего ветра, они быстро выбились из сил и, еще не дойдя до Лувеньги, двадцать пять из них замерзли. Чекист Хаджимуратов, сопровождавший эту партию, в своем рапорте в ИСО¹² донес, что на восьмом километре от Кандалакши женщины окончательно устали и он разрешил им отдохнуть. Через час стал поднимать их, чтобы идти дальше; 25 из них не встали; он тогда пострелял над их головами из винтовки, думая пугать и этим заставить встать; заметив, что они уже окоченели, оставил их там, а остальных повел к Колвице.

Как только этот рапорт был получен, начальник ИСО срочно командировал к месту происшествия нескольких чекистов под начальством

¹² Инспекционно-информационно-следственный отдел.

Предполагаемые места Колвицких «командировок»

сотрудника ИСО Малиновского с приказанием вырубить во льду проруби и спустить в них трупы замерзших. ИСО не хотело, чтобы их увидели карелы, которые часто проезжают там с обозами, нагруженными продуктами для СЛОНовских командировок на Колвице...¹³

...Отсутствие у заключенных сносной собственной одежды, совершенная непригодность, в условиях сурового севера, СЛОНовской, и наличие раздетых — все ведет к массовому обмораживанию заключенных. В зиму на 1930 год на одних только Колвицких командировках (в 30-ти километрах северо-восточнее станции Кандалакша) в одну неделю обморозилось 850 человек.

Обычно обмороженные оставляются на месте. Там они, если чудом не выздоровеют, погибают. Эти 850 человек были привезены на ст. Кандалакша, где находится штаб 3-го отделения СЛОНа. Привезли их потому, что иначе посланным вместо них новым заключенным негде было жить на командировке. В качестве представителя ИСО я при-

¹³ Киселёв-Громов, Н.И. «С.Л.О.Н. Соловецкий лес особого назначения». Архангельск, 2009. С. 55.

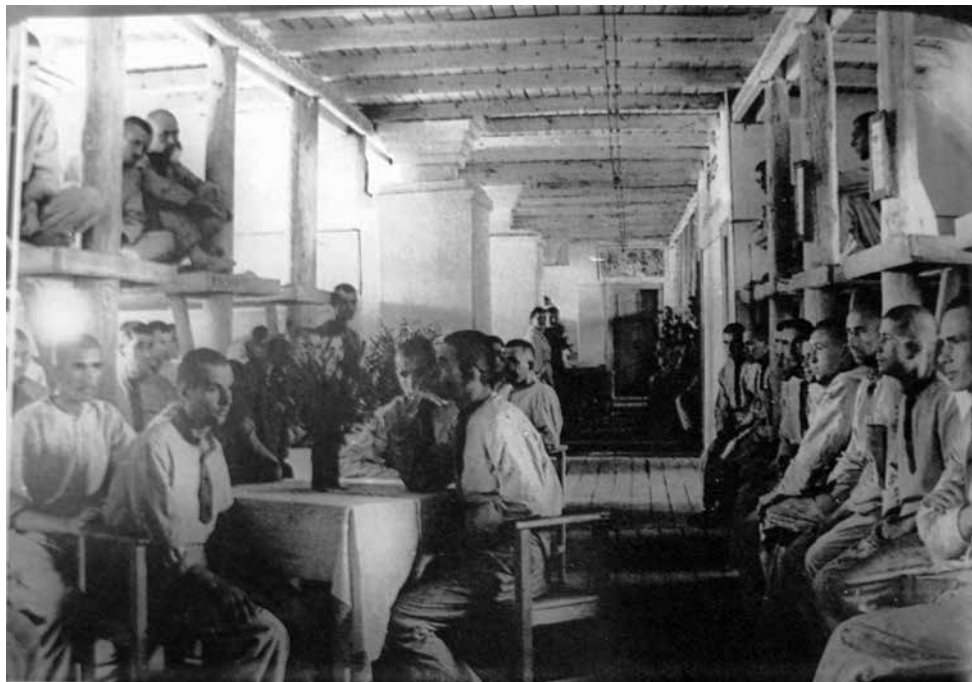

«Враги народа» на стройках коммунизма

нимал их. Несмотря на 30-градусный мороз, одежда с них была снята и оставлена работающим в лесу. Полуголые обмороженные лежали на саях, прикрытые сеном. Многих сняли с саней уже мертвыми. Еще живых перетаскали в холодный барак и положили на голые нары. Лазарет 3-го отделения, рассчитанный всего на 45 больных, принять их не мог; оказать какую-нибудь реальную помощь он тоже не мог: там не было ни медикаментов, ни перевязочного материала; в другие лазареты их тоже не послали: зачем расходовать, чтобы выпустить из лазарета калеками? На что советской власти калеки? ИСО приняло меры лишь к тому, чтобы этот случай не сделался гласным для кандалакшского «вольного» населения. Это было достигнуто: все 850 человек, как один, умерли от заражения крови. Всех их ночью живые «шакалы» свезли на саях в Кандалакшский залив и там сбросили в заранее приготовленные большие проруби...»¹⁴

О «Командировке» на острове Великом. «...В ноябре 1929 года из первого отделения СЛОН было направлено на командировку «Великий остров» двести человек заключенных. Партию сопровождали четыре чекиста-надзирателя со старшим по конвою Леоновым Петром. Вот что рассказывал Леонов в ИСО по возвращении из командировки:

¹⁴ Там же. С. 45 – 46.

Образцово-показательные условия жизни в бараке создавались к приезду высокого начальства

— До станции Пояконда (Мурман. жел. дор.) «шакалов» довез благополучно. На Пояконде высадил, накормил на командировке пшеном и через полчаса погнал на «Великий остров». До деревни «Черная Речка» все шакалы, кроме троих, дошли благополучно. Трое, в рот йодом мазанных каэров, ослабели и стали отставать от партии. Но я всё-таки догнал их до «Черной Речки». Но когда погнал партию от «Черной Речки» дальше, — тут началась мне с ними беда; то один, то другой шакал стали отставать от партии. Упадет, паразит, на землю и плачет. «Не могу, говорит, гражданин начальник, итти, ей-Богу, не могу, сил нет... Из Ленинграда, гражданин начальник, нас отправили — дали в тюрьме по куску хлеба, — ей-Богу, не больше килограмма, и по четыре воблы... Говорит, а сам плачет. — Трое суток мы ехали до Попова острова, — два раза дали только воды... Гражданин начальник, клянусь детьми: ей-Богу, не могу итти, хоть убейте!» — и плачет, паразит. Я и так, и сяк с ним: «Скоро, говорю, дойдем до командировки». А он, паразит: «Убейте, говорит, лучше меня, гражданин начальник! не могу итти...»

Думал-думал я, что мне с ними делать, и решил: взял одиннадцать человек каэров и одного попа и заставил их нести этих паразитов — два человека за руки, а два за ноги. Взяли и понесли.

Вожди народа на стройках светлого будущего

Прошел я от «Черной Речки» пять километров, а всего значит, от Пояконды пятнадцать и — новое дело. Уже не трое шакалов, а целых семь попадали и плачут «Гражданин конвоир, хоть убейте, не можем итти, нет сил, отощали»... Я заставил и этих нести... Кругом лес? идем по колено в снегу; дороги, как следует, я не знаю; наступила ночь, — на три метра ниче-го впереди не видно... Слышу, мои шакалы начинают плакать. Бросают свое барахло, сундуки, котелки; снимают с себя верхнюю одежду и тоже бросают по дороге. Ослабели. Что, думаю, делать?

Взял и остановил всю партию. «Партия, стой!» — кричу, а сам не знаю, где у меня передние: партия растянулась чуть не на километр. Остановил, стянул всех в кучу. — «Ну, говорю, — отдыхайте, разводите костры». Развели мои шакалы костры, погрелись, отдохнули, попили кипятку и через час опять двинулись в путь.

Не прошли и пяти километров, как трое шакалов опять упали на землю. «Не можем, говорят итти, гражданин конвоир, лучше убейте, дальше итти не можем»... Попробовал я гнать их прикладом — ничего не выходит. Произвел над их головами четыре выстрела из винтовки, — не помогает; лежат, паразиты, и просят «Убейте лучше, гражданин начальник, дальше итти не можем».

— «Оставайтесь, говорю, загинаться в лесу», и повел других. Всю ночь шел с шакалами только к утру дошли до «Великого острова». Пе-

Стройка и вышка. Нива 1932 год

реправил на лодках всех шакалов, отдохнул и на другой день пошел за теми тремя паразитами, что остались в лесу. Долго я их искал, наконец, нашел. Один шакал снял лапти и залез в копну сена, двое других, видно, развели костер, постелили под себя еловые ветки и уснули. Костер потух и они окоченели... А тот шакал, который залез в копну сена, остался жив. Я вызвал с «Великого острова» лодку, посадил его и доставил на командировку Пояконда. — Товарищ Рошупкин, как мне теперь поступить? Написать вам рапорт о том, что эти два шакала загнулись? – спросил Леонов помощника начальника ИСО... Рапорт был написан. Рошупкин, в свою очередь, настроил рапорт начальнику лагерей: «Прошу, писал он, вынести в приказе по СЛОНу благодарность стрелку Леонову Петру за проявленную энергичность и инициативу во время сопровождения партии заключенных на командировку «Великий остров»... Прошло дня два и в приказе по СЛОНу была объявлена Леонову благодарность с выдачей ему 10 руб. награды...»¹⁵

Таковы примеры из жизни лагерей осуществлявших заготовку леса, но под Кандалакшей существовали и другие предприятия, на которых применялся принудительный труд. Среди них:

- строительство Каскада Нивских ГЭС, в частности, Нива ГЭС-II и Нива ГЭС-III с алюминиевым заводом;
- строительство дороги на Алакуртти, в котором, по нашим сведениям, принимало участие 50 тыс. человек. Финские источники называют 100 тыс. человек;

¹⁵ Киселёв-Громов Н.И. «С.А.О.Н. Соловецкий лес особого назначения». Архангельск, 2009. С. 29 – 30.

«На лесоповале». Для фотографий в отчеты готовился «интерьер» и отбирались заключенные «приличного» вида. Все остальное оставалось за кадром

– строительство дороги Пинозеро – Ковдор, в котором участвовало 34 тыс. человек.

Приведем свидетельства из книги Солоневича И.Л.: «...Начальство лагпункта совершенно правильно рассудило, что особенно торопиться с констатированием результатов этого елово-соснового кормления ему совершенно незачем, ибо хотя это начальство в данном нововведении уж никак повинно не было, но вздуют в первую очередь его по той именно схеме, о которой я говорил в главе об активе; отвечает преимущественно самый младший держиморда. Дрова таскали из лесу на людях на расстояние от 6 до 11 километров. Так как “подвозка ручной тягой” в нормировочных ведомостях предусмотрена, то лагерники выполнили приблизительно 70-50 процентов нормы, но не по рубке, а по перевозке. Путем некоторых статистических ухищрений лагпунктовская интеллигенция подняла этот процент до ста. Но от всех этих мероприятий дров отнюдь не прибавилось. И единственное, что могла сделать интеллигенция производственного отдела, это путем примерно таких же ухищрений поднять процент фактической заготовки дров с 5-10, скажем, до 40-50 процентов. Отдел снабжения из этого расчета и выдавал продовольствие лагпункту.

Население лагпункта стало помаленьку переезжать в слабосилку. А это тоже не так просто — для того, чтобы попасть в слабосилку, раньше нужно добиться врачебного осмотра, нужно чтобы были “объективные признаки голодного истощения”, а в этих признаках раз-

Строительство одной из плотин каскада Нивских ГЭС в 1932 году

бирался не столько врач, сколько члены комиссии из того же актива. И, наконец, в слабосилку, всегда переполненную, принимают далеко не всех. Лагпункт вымирал уже к моменту моего открытия этой силосованной чепухи.

Когда я с этими результатами пошел на доклад к Богоявленскому, Стародубцев кинулся сейчас же вслед за мной. Я доложил. Богоявленский посмотрел на Стародубцева.

— Две недели. Две недели ни черта толком узнать даже не могли. Работнички, мать вашу. Вот посажу я вас на месяц в Шизо.

Но не посадил. Стародубцев считался незаменимым специалистом по урчевским делам. В Медгору полетела редактированная в трагических тонах телеграмма с просьбой разрешить “внеплановое снабжение” третьего лагпункта в виду открывшейся конской эпидемии. Через три дня из Медгоры пришел ответ:

“Выяснить и подвергнуть суровому наказанию виновных”.

Теперь в дело был брошен актив третьей части. Арестовывали ветеринаров, конюхов, возчиков. Арестовали начальника лагпункта чекиста. Но никому в голову не пришло подумать о том, что будет с лошадами и силосованным дубьем на других лагпунктах.

А на третьем лагпункте работало около пяти тысяч человек.

Наследие мрачных времен. Клубки «колючки» на «сталинской дороге». Фото 2009 года

«Сталинская дорога» через Кольский полуостров. Оставшийся после 1937 года рабочий инструмент. Фото 2009 года

Конечно, помимо, так сказать, «массовых мероприятий» актив широко практикует и индивидуальный грабеж тех лагерников, у которых что-нибудь есть, а также и тех, у которых нет решительно ничего. Так, например, от посылки на какой-нибудь Нивастрой можно откупиться литром водки. Литр водки равен заработку лесоруба за 4-5 месяцев каторжной работы. Лесоруб получает 3 р. 80 к. в месяц и на эти деньги он имеет право купить в ларьке 500 грамм сахару и 20 грамм махорки в месяц. Конечно, лучше обойтись и без сахару и без махорки и даже без марок для писем домой, чем поехать на Нивастрой. Способов в этом роде, иногда значительно более жестоких, в распоряжении актива имеется весьма обширный выбор...»¹⁶

¹⁶ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М., 2000. С. 127 – 128.

«Враги народа». Семья «кулака» перед посадкой в теплушку для следования на спецпоселение

Таким образом, можно сказать, что люди, попавшие в систему СЛОНа, претерпевали страдания выше человеческих сил. Как смогли они выстоять и пережить это, сохраниться, не потерять человеческий облик? Наверное, здесь уместно сказать, что *«человекам это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу»* (Мк. 10, 27).

Трудно сказать, осознанно ли они шли на эти страдания или неосознанно... Какой же плод они принесли в итоге? Кольский край колонизирован. Решена проблема, которая стояла в начале двадцатого столетия. На сегодняшний день Кольский полуостров – это достаточно освоенная и благоустроенная местность, со множеством новых городов и проложенных дорог. Получается, что непомерными страданиями наших дедов, отцов и матерей совершено нужное дело заселения и благоустройства «полунощных земель», в том числе и надежного закрепления Кольского края за Россией. Поэтому в ключе понимания смысла страданий, перенесённых нашими соотечественниками в первой половине двадцатого века, хочется сказать: эти испытания были запредельными и выше человеческих сил, человеческого разума и человеческого терпения. Потому и значение их выше нашего разумения, однако страдальцы эти даровали нам столь благодатные духовные плоды, которыми мы питаемся до сих пор и силой которых еще долго будет жить возрождающаяся Россия.

**О значении изучения духовного
и врачебного наследия святителя Луки –
профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого
в понимании вопроса:
«Христианские воззрения на страдания
и скорби в спасении человека»**

*МАНУЙЛОВ Владимир Михайлович,
доктор медицинских наук,
полковник медицинской службы,
начальник ФГУ 32 Центральный
военно-морской клинический госпиталь
МО РФ¹, г. Москва, Купавна*

*МАРЧИК Валерий Владимирович,
кандидат медицинских наук,
полковник медицинской службы,
начальник Научно-методического отдела
ФГУ 32 ЦВМКГ, г. Москва, Купавна*

*Я любил страдание,
так удивительно очищающее душу
Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)*

**Жизнь святого исповедника, нашего со-
временника – иерарха Русской Православной
Церкви, выдающегося ученого святителя Луки –**

¹ 1 июля 2010 года ФГУ «32 Центральный военно-морской клинический госпиталь МО РФ» в связи с проведенной организационно-штатной реформой в Вооруженных Силах РФ вошел в состав Главного военного клинического госпиталя им. Н.Н. Бурденко и именуется Филиал №3 ФГУ «Главный военный клинический госпиталь им. Академика Н.Н.Бурденко МО РФ».

Учебный рисунок юного Валентина Войно-Ясенецкого. «Я постоянно ходил по церквам и в Киево-Печерскую Лавру, где делал много зарисовок Богомольцев, за которые получил премию на выставке в Училище»

профессора-хирурга Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого – одна из удивительных и ярких страниц в истории России XX века.

Он, подобно своему небесному покровителю, был благодетельствован от Бога многими талантами и способностями.

Непревзойденный хирург, выдающийся ученый, блестящий рисовальщик, глубокий мыслитель, пламенный проповедник, духовный писатель, строгий руководитель, сострадательный и милосердный врач, молитвенник и целитель-чудотворец, бесстрашный исповедник и ревностный поборник правды.

Все эти дарования святитель Лука возвращал и приумножал в тяжелые годы революции, гонений, войны и послевоенной разрухи.

В то время когда религия, вера и Церковь были объявлены непримиримыми врагами науки, знания и медицины, святитель Лука своим подвигом подготовил воссоединение этих никогда ранее не враждовавших начал.

Три ареста, 11 лет тюрем, ссылки, 20 лет страдания за имя Христово не сломили, не пошатнули архиерея Луку. Его жизнь – подвиг пастырского служения, служения врачом Русско-японскую войну, в Великую Отечественную войну в Сибири, в Туркменистане – там, где народу жить труднее; его жизнь – сотни спасенных жизней, тысячи душ, приведенных ко Христу.

Знаменитый ученый, хирург-новатор святитель Лука – профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий за свою трудовую и научную деятельность, внесшую большой вклад в развитие гнойной хирургии и лечение хирургической инфекции, был награжден правительственными наградами, а в 1946 году удостоен Государственной (Сталинской) премии СССР «За выдающиеся достижения в медицине».

Биография нашего великого современника – иерарха Русской Православной Церкви, сама жизнь выдающегося ученого святителя Луки была лучшей проповедью христианства. «Я полюбил страдание...», – писал святитель Лука в одном из писем. Такими словами названа автобиографическая книга его воспоминаний. В этих словах весь жизненный путь настоящего подвижника нашего времени.

Изучение, анализ и обобщение богатого научного, врачебного и духовного наследия святителя Луки (Войно-Ясенецкого) особенно в настоящее время представляет большое практическое значение не только для духовного и нравственного воспитания врачебного персонала лечебных учреждений, но и для всех граждан страны.

Святой исповедник Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий), (27 апреля (9 мая) 1877 – 11 июня 1961)

По нашему мнению, можно выделить следующие направления в изучении духовного и врачебного наследия святителя Луки (Войно-Ясенецкого):

- научные медицинские труды профессора-хирурга;
- практическая врачебная и хирургическая деятельность;
- духовное наследие и церковное пастырское служение;
- автобиографические сведения, подвижнический исповеднический путь.

Жизненную позицию служения Господу и людям можно проследить с юности Валентина Феликсовича, и она осталась неизменной в течение всей его жизни.

Проходя обучение во 2-й Киевской гимназии, в которую он поступил в 1894 году, юноша одновременно занимался в Киевской рисовальной школе, где проявилось его художественное дарование. Он работал над воплощением человеческих лиц, характеров. Вот как об этом писал сам Валентин Феликсович: «Я достиг тонкого умения ри-

совать, понял процесс художественного творчества, определялось уже и направление художественной деятельности... Постоянно ходил по церквям и в Киево-Печерскую Лавру, делал много зарисовок Богомольцев, за которые получил премию на выставке в Училище».

В 1896 году Войно-Ясенецкий окончил гимназию и Киевское художественное училище. Ему исполнилось 19 лет, и нужно было выбирать дорогу в жизни. При получении аттестата директор вручил Валентину Новый Завет как благое напутствие на дальнейшую жизнь, и эта книга определила впоследствии всю его жизнь. Особенно его поразили слова Христа, обращенные к апостолам: «*Жатвы много, а делателей мало. Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою*» (Мф. 9, 37). У молодого юноши дрогнуло сердце: «О Господи! Неужели у Тебя мало делателей?!» Святитель Лука в своих воспоминаниях отмечал: «Позже через много лет, когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему».

О сложных раздумьях, метаниях в выборе жизненного пути святитель Лука писал так: «Влечение к живописи у меня было настолько сильным, что по окончании гимназии решил поступать в Петербургскую Академию художеств. Но во время вступительных экзаменов мной овладело тяжелое раздумье о том, правильный ли жизненный путь я избираю. Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, и обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей».

Желание быть ближе к народу, приносить ему ощутимую пользу заставило юношу отказаться от пути художника, и в 1909 году Войно-Ясенецкий стал студентом Киевского университета имени Святого князя Владимира. Пробыв год на юридическом факультете, он перешел на медицинский факультет.

Святитель Лука вспоминал об этом так: «Это было моим стремлением быть полезным для крестьян, так плохо обеспеченных медицинской помощью, но поперек дороги стояло мое почти отвращение к естественным наукам. Я все-таки преодолел это отвращение и поступил на медицинский факультет Киевского университета».

Учился юноша в университете хорошо и неожиданно для самого себя увлекся анатомией. То, что многих от медицины отпугивало, привлекло его более всего. «Умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии... Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии».

В 1903 году Войно-Ясенецкий закончил медицинский факультет Киевского университета с отличием. На государственном экзамене профессор общей хирургии, отметив его высокие знания в медицине, скажет: «Доктор, вы теперь знаете гораздо больше, чем я, ибо вы прекрасно знаете все отделы медицины...».

На фото: операцию в земской больнице проводит хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий (слева)

«Когда все мы получили дипломы, товарищи по курсу спросили меня, чем я намерен заняться. Когда я ответил, что намерен быть земским врачом, они с широко открытыми глазами сказали: "Как, Вы будете земским врачом?! Ведь Вы ученый по призванию!" Я был обижен тем, что они меня совсем не понимают, ибо я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям». Однако «сразу стать земским врачом мне не пришлось...».

В 1904 году в связи с началом Русско-японской войны Валентин Феликсович сразу же убыл на фронт в составе лазарета Красного Креста. В Чите, под руководством главного врача О. А. Юцевича, Войно-Ясенецкий заведовал хирургическим отделением. Ему приходилось очень много работать. Ежедневный труд состоял в разнообразных операциях на конечностях, на костях, суставах и черепе. Так добывались первые крупинки опыта, складывался характер и начиналось формирование хирурга. В годы этой войны В. Ф. Войно-Ясенецкий приобретает свой личный опыт работы при поступлении большого потока раненых, при лечении огнестрельной травмы, а также опыт управления медицинским персоналом в обстановке приближенной к боевой. Здесь же, в Чите, Валентин Феликсович женится на сестре милосердия Анне Васильевне Ланской.

В последующие годы, будучи земским врачом, В. Ф. Войно-Ясенецкому также приходилось лечить больных в сложных условиях отсутствия антибиотиков, кровезаменителей, анестезии. «Чрезвычайно тяжелый путь сельского хирурга-самоучки, который мне пришлось пройти, научил меня весьма многому».

После возвращения из Забайкалья в январе 1905 года В. Ф. Войно-Ясенецкий нес служение земского хирурга и в Ардатовской земской больнице Симбирской губернии, и в селе Верхний Любаз Курской губернии, и в Романовской земской больнице Саратовской губернии, и в больнице города Переславля-Залесского.

Много оперируя, Валентин Феликсович наблюдал тяжелые последствия и осложнения наркоза. Мысли его были заняты одной целью: найти более безопасные методы обезболивания. После знакомства с работой немецкого врача Х. Брауна «О регионарной анестезии» интерес к этому виду обезболивания его не покидал до конца жизни. Вскоре Валентин Феликсович едет в Москву и поступает в клинику профессора П. И. Дьяконова – «самого яркого представителя земской хирургии эпохи ее расцвета». Полный энергии, перспективных замыслов, он с увлечением работал над новой научной темой, проводя исследования на трупах в Институте топографической анатомии и оперативной хирургии под руководством профессора Ф. А. Рейна. Здесь он разработал новые методы блокады нервных стволов, предложил способ анестезии второй ветви тройничного нерва. В 1915 году в Санкт Петербурге была издана монография Валентина Феликсовича «Регионарная анестезия», в которой он изложил результаты проведенной им научной работы. В 1916 году после сдачи докторских экзаменов В. Ф. Войно-Ясенецкий успешно защитил диссертацию на тему: «Регионарная анестезия». Интересен был отзыв профессора Мартынова: «Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему с целью получения высших назначений по службе и научная ценность их невелика. Но когда я читал Вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил ее». За эту работу Варшавский университет присудил Валентину Феликсовичу премию имени Хойнацкого, предназначавшуюся «за лучшие сочинения, пролагающие новый путь в медицине».

Валентин Феликсович писал: «Я не ошибусь, если назову регионарную анестезию наиболее совершенным методом местной анестезии. На смену прежним, неуклюжим и примитивным способам послойного... даже наводнения анестезирующим раствором всего, что надо разрезать, пришла новая, изящная и привлекательная методика местной анестезии, в основу которой легла глубоко рациональная идея – прервать проводимость тех нервов, по которым передается болевая чувствительность из области, подлежащей операции».

Войно-Ясенецкий трудился во всех областях хирургии, стараясь облегчить страдания своих многочисленных пациентов. Пользуясь регионарной анестезией, он еще в начале прошлого столетия проводил обширные операции – резекцию верхней челюсти, операции по поводу рака лица, саркомы глаза, резекцию верхней и нижней челюсти и

удаление боковой стенки глотки одновременно. Эти сложнейшие операции выполнялись в скромных условиях земской больницы.

Работая в Переславле, Валентин Феликсович был прихожанином Спасо-Преображенского собора, а многие насельницы Феодоровского женского монастыря лечились у В. Ф. Войно-Ясенецкого. Религиозная атмосфера древнего православного города – Переславля-Залесского, с его храмами и монастырями, общение с духовными лицами и глубоко верующим населением этого города создали особое религиозное настроение у молодого врача, которое в дальнейшем не могло не повлиять на его решение о принятии священного сана.

В Переславле Валентин Феликсович начал работу над монографией «Очерки гнойной хирургии». Вспоминая то время, святитель Лука

Пятое издание фундаментального труда святителя Луки (Войно-Ясенецкого) «Очерки гнойной хирургии». Книга впервые увидела свет в 1934 году и, став настольной книгой для многих поколений хирургов, и сегодня претендует на роль учебника для начинающих врачей, справочного пособия для профессионалов, источника идей и материала для дискуссий среди специалистов самого высокого класса

писал: «С самого начала своей хирургической деятельности я ясно понял, как огромно значение гнойной хирургии и как мало знаний о ней вынес я из университета. Я поставил своей задачей глубокое самостоятельное изучение диагностики и терапии гнойных заболеваний. В конце моего пребывания в Переславле пришло мне на мысль изложить свой опыт в особой книге “Очерки гнойной хирургии”. Я составил план этой книги и написал предисловие к ней. И тогда, к моему удивлению, у меня появилась крайне странная неотвязная мысль: “Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа”».

«Быть священнослужителем, а тем более епископом мне и во сне не снилось» – вспоминал позже Валентин Феликсович.

В марте 1917 года В. Ф. Войно-Ясенецкий из-за тяжелой болезни жены переезжает в далекий город Ташкент, где работает главным врачом городской больницы. В дальнейшем он станет одним из инициаторов организации здесь Ташкентского университета, в котором затем возглавит кафедру Топографической анатомии и оперативной хирургии.

В 1917 году от туберкулеза легких в 38-летнем возрасте умирает супруга Войно-Ясенецкого Анна Васильевна, оставив после себя на воспитании у Валентина Феликсовича четверых детей.

Профессор Войно-Ясенецкий регулярно посещает в церкви воскресные и праздни-

ные богослужения, часто бывает на богословских собраниях, сам выступает с беседами на темы Священного Писания. После одного из таких собраний правящий архиерей Ташкентский и Туркестанский епископ Иннокентий отвел профессора в сторону и, восторгаясь глубиной и искренностью его веры, сказал: «Доктор, вам надо быть священником!» Святитель Лука так вспоминает об этом в автобиографии: «У меня никогда и мысли не было о священстве, но слова Преосвященного Иннокентия я принял как Божий призыв архиерейскими устами и, минуты не размышляя, сказал: "Хорошо, владыка! Буду священником, если это угодно Богу"».

В феврале 1921 года Валентин Феликсович был рукоположен во диакона, а через неделю, в праздник Сретения Господня, – во священника. «Мне пришлось совмещать свое священнослужение с чтением лекций на медицинском факультете, слушать которые приходили во множестве и студенты других курсов. Лекции я читал в рясе с крестом на груди: в то время еще было возможно невозможное теперь. Я оставался и главным хирургом Ташкентской городской больницы, потому служил в соборе только по воскресеньям. Преосвященный Иннокентий, редко проповедовавший, назначил меня четвертым священником собора и поручил мне все дело проповеди. При этом он сказал мне словами апостола Павла: «Ваше дело *не крестити, а благовестити*» [1Кор. 1; 17]. Он глубоко понимал, что говорил, и слово его было почти пророческим, и теперь, на тридцать восьмом году своего священства и тридцать шестом году своего архиерейства, я вполне ясно понимаю, что моим призванием от Бога была именно проповедь и исповедание имени Христова».

Надо хорошо представлять, каким было отношение к религии в то страшное и тревожное время. Мутная волна воинствующего безбожия захлестнула страну. Множество архиереев, священников и мирян кровью своей засвидетельствовали верность Христу. Адская машина репрессий перемалывала судьбы большей части православного народа. И вот в это страшное время, когда некоторые священнослужители, испугавшись репрессий, снимали с себя сан, профессор Войно-Ясенецкий, повинувшись призыву Божьему, принял рукоположение.

Пастырская совесть отца Валентина не могла оставаться равнодушной к безобразиям, чинимым разбойничьей организацией, именовавшей себя «Живой Церковью». «Живоцерковники», пользуясь поддержкой работников ОГПУ, постепенно захватывали храмы, вводя в строй церковной жизни неприемлемые и разрушительные новшества. Отец Валентин категорически запрещал своей пастве ходить в храмы, занятые «живистами», и призывал не поддаваться тем ересям и расколам, которые появились в Церкви. Тем же прихожанам, которые дерзнут молиться с отступниками, он грозил отлучением от исповеди и Причастия. Однако «живоцерковники» наступали по всем фронтам, народ часто

был в смятении. Из Ташкента удалили правящего архиерея, епископа Иннокентия. Все со страхом ожидали приезда назначенного в Ташкент обновленческого архиерея. Отец Валентин вместе с настоятелем церкви отцом Михаилом Андреевым объединил всех оставшихся верными Патриарху Тихону священников и церковных старост, созвал съезд духовенства и мирян для обсуждения вопроса об упорядочении церковной жизни в епархии, оставшейся без архипастыря.

Туркестанское духовенство, зная высоту духовной жизни отца Валентина и его ревность в защите Православия, избрало его на Ташкентскую кафедру. Так в экстремальных условиях сам народ Божий, как в первые века христианства, поставил над собой архиерея. Приехавший в это время ссыльный епископ Уфимский Андрей (в миру князь Ухтомский) тайно постриг отца Валентина в монахи с именем апостола и евангелиста, врача и иконописца Луки. Для совершения хиротонии во епископа по церковным правилам требуется два или три архиерея, а так как в Ташкенте в то время был только владыка Андрей, то решено было отца Луку отправить в город Пенджикент, где отбывали ссылку два архиерея – епископ Болховский Даниил (Троицкий) и епископ Суздальский Василий (Зуммер). Святитель Лука по этому поводу вспоминает: «Прочитав письмо епископа Андрея (Ухтомского), решили назначить на завтра Литургию для совершения хиротонии и немедленно отслужить вечерню и утреню в маленькой церкви Святителя Николая Мирликийского, без звона и при закрытых дверях. Архиереем я стал 18/31 мая 1923 года <...> Когда сообщили об этой хиротонии Святейшему Патриарху Тихону, то он, ни на минуту не задумываясь, утвердил и признал ее законной».

Восходя на Голгофу архиерейского служения, епископ Лука был готов пойти по многострадальному и скорбному пути исповедничества и мученичества, по которому уже шли многие архиереи, священники, диаконы, миряне. На случай внезапного ареста он подготовил завещание, в котором писал: «К твердому и неуклонному исполнению завещаю вам: неколебимо стоять на том пути, на котором я наставил вас...». Архипастырь предостерегал верующих от соблазнов отступничества и расколов. Собирище «живоцерковников» для него – не Церковь, а «дикий вепрь», со всеми присущими этому зверю повадками. «С вепрем и его прислужниками никакого общения не иметь и не унижаться до препирательства с ними».

И вот – первый арест Святителя, сопровождающийся жесткой травлей в газетах.

Пока святитель томился в застенках ГПУ, в город приехал обновленческий «епископ» Николай Коблов, и все церкви в городе были захвачены раскольниками. Но храмы эти стояли пустыми – народ помнил завещание епископа Луки. По окончании следствия начальник Ташкентского ГПУ направил владыку в Москву как политического пре-

ступника. Всю ночь перед отъездом к нему шли люди, чтобы попрощаться и получить благословение и наставление своего архипастыря. Скорбь народа о любимом владыке была так велика, что верующие ложились на рельсы, чтобы не дать увезти своего архиерея.

Вскоре владыка был заключен в Бутырскую тюрьму, где просидел около двух месяцев. Здесь появились первые признаки серьезной сердечной болезни – миокардита, который впоследствии причинял ему страдания и был причиной сильных отеков ног. Ему удалось достать Евангелие на немецком языке, и можно только представить себе, какое утешение он испытывал, имея возможность читать Слово Божие. Через некоторое время его перевели в Таганскую тюрьму.

Наконец, в декабре сформировали этап, и святитель был отправлен в ссылку в Енисейск. Вместе с ним ехал ташкентский протоиерей Михаил Андреев. Позже к ним присоединился еще один арестант – протоиерей Илларион Голубятников. В самый разгар зимы ссыльные прибыли в Енисейск. Разместившись в доме на Ручейной улице вместе с сопровождавшими его священниками, владыка Лука стал здесь проводить богослужения. В храмы Енисейска он не ходил, потому что местные священники уклонились в «живоцерковный» раскол. Но истинно верующие люди не смущались простотой обстановки и собирались на молитву прямо в квартире у владыки.

Сразу же после приезда в Енисейск владыка пришел в больницу к заведующему и представился: «Я профессор Ташкентского университета, в миру Ясенецкий-Войно, имя мое в монашестве – Лука». Молодой врач не поверил даже, что перед ним стоит такой знаменитый человек. Профессор попросил у него разрешения оперировать. После первых же сложнейших и удачно проведенных операций к хирургу-епископу хлынул народ из окрестных сел и деревень. Список больных, ожидавших операции, был составлен на три месяца вперед. Такая популярность ссыльного архиерея сильно раздражала местное начальство. А тут еще молодые врачи, которые катастрофически теряли клиентов и заработок, стали проявлять недовольство. Владыка безмолвно обличал их корыстолюбие, проводя операции бесплатно. В ответ на благодарность излеченных он говорил: «Это Бог вас исцелил моими руками. Его благодарите». Однажды владыка вернул зрение целой семье слепцов, страдавших катарактой. Из семи человек шестеро стали видеть.

Но в «награду» за бескорыстное служение народу городское начальство, подстрекаемое завистниками-врачами, арестовало и отправило епископа еще дальше, на Ангару.

Когда Святитель прибыл в Туруханск и сошел с баржи, люди, встречавшие его, опускались на колени, испрашивая благословения.

С приездом архиерея оживилась и церковная жизнь в Туруханске. «В Туруханске был закрытый мужской монастырь, – вспоминал епи-

скоп Лука, – в котором все богослужения совершались стариком священником. Он подчинялся красноярскому живоцерковному «архирею», и мне надо было обратить его и всю туруханскую паству на путь верности древнему Православию. Я легко достиг этого проповедью о великом грехе церковного раскола: священник принес покаяние перед народом, и я мог бывать на церковных службах и почти всегда проповедовал на них».

Конечно, такое оживление и оздоровление духовной жизни не могло понравиться местному начальству. Вскоре владыку вызвал уполномоченный ГПУ и объявил о высылке его на берег Ледовитого океана, в станок (деревню из трех изб) Плахино.

В рассказах некоего Константинова А. К., занимавшегося в тех краях заготовкой меха для Московской сырьевой конторы, имевшего беседу с епископом Лукой в его избушке в Плахино, упомянут случай прозорливости владыки: «Господь Бог дал мне знать: через месяц я буду в Туруханске». Поскольку Константинов не поверил ему, святитель, покачав головой, сказал: «Вижу, вижу, вы человек неверующий. Вам мои слова кажутся невероятными. Но будет именно так».

Через месяц владыку вернули в Туруханск, где он опять стал работать в больнице, лечить людей и ездить на службу в монастырь на санях, покрытых ковром. Второе пребывание в Туруханске длилось восемь месяцев, и в январе 1926 года, по окончании срока ссылки, владыка возвратился в Ташкент.

Здесь он поселился на Учительской улице в небольшом домике в две комнаты с прихожей неподалеку от Сергиевской церкви. В университете его, как неблагонадежного, лишили преподавательского места. И в церковной жизни произошли неприятности между владыкой и его бывшим духовным наставником протоиереем Михаилом Андреевым. С 1926 года протоиерей Михаил Андреев стал злейшим врагом епископа Луки. Святитель запретил его в священнослужении, и протоиерей Михаил стал писать жалобы и доносы на него Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию. Эту борьбу он вел два года, добиваясь смещения владыки с кафедры. Очевидно, нелегко было святителю претерпевать такие козни от собрата, прошедшего вместе с ним ссылку и гонения. Господь наказал протоиерея новой ссылкой. Вернувшись измученным, истерзанным, с подорванным здоровьем, он обратился к епископу Луке за врачебной помощью, и тот не отказал ему. Митрополит Сергей хотел перевести епископа Луку в Рыльск, потом в Елец, затем в Ижевск. Надо полагать, что это из Москвы шли соответствующие указы «уполномоченных». Живший тогда в Ташкенте митрополит Арсений (Стадницкий) посоветовал никуда не ехать, а подать прошение об увольнении на покой. Прощение было подписано, и с 1927 года профессор-епископ, лишенный двух кафедр, – церковной и университетской, проживал в Ташкенте как частное лицо.

Тут по Ташкенту пронеслась весть о неблагочестивой смерти известного в городе профессора-физиолога Ивана Петровича Михайловского. Молодая вдова Гайдебурова-Михайловская обратилась к владыке Луке с просьбой документально подтвердить помешательство покойного, так как по церковным канонам священник не имеет право погребать самоубийцу. Отпевать таких людей можно только в том случае, если посягнувший на свою жизнь был душевнобольным. Святитель Лука написал короткую справку, в которой удостоверил, что профессор Михайловский покончил жизнь самоубийством в состоянии несомненной душевной болезни, от которой страдал более двух лет. Эта записка и стала формальным поводом к аресту владыки. Немного раньше по подозрению в убийстве своего мужа была арестована и сама Гайдебурова-Михайловская.

В атмосфере антирелигиозной истерии, которая раздувалась властями на страницах газет и журналов, дело Михайловского приобретало особую окраску. Получив установку из Москвы от известного члена Центральной Контрольной комиссии ВКП(б) Аарона Сольца, следовательно Кочетков попытался придать делу политический оттенок. Смысл обвинений, статей и фельетонов сводился к тому, что, дескать, видный советский ученый профессор Михайловский проводил потрясающие опыты по переливанию крови, в результате которых человек может обрести бессмертие. Это «подрывало основы» религии, и «церковные мракобесы» убили профессора. Епископ Лука дал «ложную справку о самоубийстве», чтобы повести следствие по неверному следу. Такая «аргументация» по тем временам не требовала доказательств. И 6 мая 1930 года владыку вновь арестовали.

Полная трагических страниц тюремная жизнь святителя Луки воссоздана точно и ярко по ранее засекреченным архивам НКВД.

Вторую ссылку сам епископ Лука считал легкой. Жил он в Архангельске, там ему позволили заниматься хирургической деятельностью. На квартиру его определили к пожилой женщине, Вере Михайловне Вальневой. Маленькая комнатка с крохотным оконцем, стол, стул, железная кровать, в углу икона. Молился владыка келейно, а остальное время занимала работа с больными.

Здесь, в Архангельской ссылке, епископ-профессор разработал новый метод лечения гнойных ран. Его вызывали в Ленинград, и лично «товарищ Киров» уговаривал его снять сан, взамен обещая тут же предоставить ему институт. В ответ владыка не согласился даже на печать своей книги, если в ней не будет указан его церковный сан.

Срок ссылки кончился в мае 1933 года, однако в Москву владыка смог приехать лишь в конце ноября и сразу же явился в канцелярию Местоблюстителя митрополита Сергия. Сам епископ Лука так вспоминает об этом: «Его секретарь спросил меня, не хочу ли я занять одну из свободных архиерейских кафедр. И вот, оставленный Богом и ли-

шенный разума, я углубил свой тяжкий грех непослушания Христову велению: "Паси овцы Моя" – страшным ответом "нет"...».

Это был тяжелый период в жизни епископа-хирурга. Великое искушение несколько лет терзало его душу. До этого момента в этом, несомненно, великом человеке мирно сосуществовали два образа служения ближнему: духовное и телесное врачевательство. И яркий пример евангелиста Луки, апостола и врача, и благословение Патриарха на хирургическую деятельность, и благословение митрополита Сергия были тому подтверждением. Терзания епископа-хирурга происходили, с одной стороны, из-за сомнений, подобает ли архиерею возиться с трупами; а с другой стороны, было понимание того, что препарирование трупов дает возможность находить новые методы и приёмы оперирования, приносит новые и важные научные открытия для написания его будущей книги по гнойной хирургии.

«В своих покаянных молитвах я усердно просил у Бога прощения за это двухлетнее продолжение работы по хирургии, но однажды моя молитва была остановлена голосом из неземного мира: "В этом не кайся!" И я понял, что мои "Очерки гнойной хирургии" были угодны Богу, ибо в огромной степени увеличили и значение моего исповедания имени Христова в разгар антирелигиозной пропаганды».

И вот наконец осенью 1934 года, после десятилетней подготовки, вышла в свет монография «Очерки гнойной хирургии», которая получила самую высокую оценку в среде практикующих хирургов.

Эта книга была написана с большим литературным мастерством, тонким знанием хирургического дела и огромной любовью к больным. Ее можно поставить рядом с трудами С. С. Юдина, Г. Мондора, Ф. Лезжара. «Оперируя больного, – пишет автор, – никогда не забывайте, что перед Вами страдающий человек, имеющий любящую семью, которая может остаться осиротевшей, если допустить ошибку при операции. Помните, что он вручает Вам самую жизнь свою, и никогда не называйте его "случаем" интересным или неинтересным, как это часто делают лишенные совести и любви врачи».

К изучению клиники нагноительных процессов В. Ф. Войно-Ясенецкий подходил с анатомо-физиологических позиций. С большой убедительностью он доказал необходимость знания топографической анатомии для диагностики и рационального оперативного лечения хирургических больных. Главная цель книги – привлечь внимание врачей к гнойной хирургии, показать трудность и важность этого раздела практической деятельности.

И вот настал страшный 1937 год. Начались массовые аресты духовенства и всех, кого подозревали во враждебном отношении к советской власти. 24 июля 1937 года вновь был арестован и святитель Лука. В архиве УКГБ по Узбекской ССР сохранилось следственное дело епископа

Луки. На одной из его страниц есть фотографии. Седовласый шестидесятилетний старец с складистой бородой сфотографирован в профиль и анфас. На другой – тот же старец с коротко остриженной головой, без бороды и усов, с печатью страданий на лице.

Протестуя против насильственного отрыва от священнослужения, хирургии, важной научной работы, против лишения семьи, свободы и чести, епископ Лука объявил голодовку и виновным себя не признал. Во время допросов он претерпел карцер, побои, издевательства. У чекистов был такой прием, который назывался «конвейер». Непрерывные допросы, сопровождаемые пытками и побоями, доводили подследственного до умопомрачения. Обычно в таком состоянии и подписывался необходимый следствию документ, а обвиняемый навсегда исчезал в лабиринтах ГУЛАГа. Владыка Лука испытал на себе дважды нечеловеческую жестокость этого «изобретения».

В архивах КГБ найдены важнейшие оригинальные документы, свидетельствующие, что владыка Лука достойно прошёл свой Крестный Путь и взошёл на свою Голгофу. Это протоколы допросов, протесты и заявления, письма и записки святителя Луки из застенков.

После одного из таких «конвейеров», продолжавшегося с 23 ноября по 5 декабря 1937 года, его, обессилевшего от побоев и издевательств и, очевидно, ничего не понимавшего, заставили подписать протокол допроса. Обращает на себя внимание подпись. Она поставлена нетвердой, дрожащей рукой замученного человека. В этом протоколе было сказано, что Войно-Ясенецкий якобы входил в состав контрреволюционной нелегальной организации, которая хотела свергнуть советскую власть и установить капиталистический строй.

Допрос прерван. Сердце сдало, с тяжелыми отеками ног его поместили в тюремную больницу. Когда в июле 1938 года возобновили допросы, то владыка Лука сделал заявление, которое необходимо привести полностью, так как оно свидетельствует об огромном мужестве и дерзновении святителя.

«В первом протоколе допроса я назван поляком по воле следователя. На самом деле я всю жизнь считался русским. Так как упоминание о моем дворянском происхождении придает неблагоприятную окраску моей личности, то я должен разъяснить, что отец мой, дворянин, в юности жил в курной избе белорусской деревни и ходил в лаптях. Получив звание провизора, он лишь два года имел свою аптеку, а потом до старости был служащим транспортного общества. Никакой собственности он, как и я, не имел.

В деле отсутствуют мои заявления наркому о трех голодовках. Причиной первой, начатой тотчас после ареста, было крайнее возмущение неожиданным арестом среди напряженной научной работы, весьма важной для военно-полевой хирургии, и глубокое сознание своей

непричастности к каким-либо преступлениям. На шестой день этой голодовки, когда я, по старости, был уже в тяжелом состоянии, меня допрашивал следователь Кириллов.

Вторая голодовка, начатая с первого же дня «непрерывки», была вызвана тем, что на меня внезапно обрушился поток ужасной ругани и оскорблений. Я предпочитал умереть от голода, чем жить с незаслуженным клеймом шпиона, врага народа, убийцы своих больных путем операций. Голодовка эта, как и первая, продолжалась семь дней, и следствие, в форме «непрерывки» при сидении на стуле день и ночь без сна, продолжалось.

Я предупредил, что никаких дальнейших показаний о составе и деятельности неизвестной мне контрреволюционной организации я, конечно, дать не могу. Тем не менее, на следующее утро Кириллов и Лацис потребовали этих показаний и составили акт о моем отказе от дальнейших показаний. Я немедленно начал третью голодовку с целью получить возможность в заявлении о ней сообщить наркому о происшедшем. Голодовка продолжалась 7 дней, и заявления моего о ней в деле нет. Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий. 29 марта 1939 года».

Особенно тяжелым испытанием для епископа Луки было предательство близких ему людей. Протоиерей Михаил Андреев, под руководством которого профессор Войно-Ясенецкий, можно сказать, воцерковлялся, когда посещал богословские собрания в вокзальной церкви Ташкента, и который следовал вместе с епископом Лукой в далекую сибирскую ссылку, не выдержав тюремных пыток, лжесвидетельствовал против владыки. Архиепископ Борис (Шипулин), который был правящим Ташкентским архиереем и который, конечно же, знал об огромном авторитете и кристальной честности епископа-хирурга, тем не менее, также лжесвидетельствовал против него. И архимандрит Валентин (Ляхоцкий), неоднократно получавший от владыки материальную помощь, подписался под обвинением в том, что епископ Лука иностранный шпион и государственный преступник. Протоиерей Илья Серда тоже поливает грязью святителя. Но владыка остается тверд на допросах, ни на кого не клеветает, никого не оговаривает. Он верит, что показания против него выбиты силой, хотя тот же протоиерей Иван Серда являлся секретным сотрудником ГПУ, а об архиепископе Борисе (Шипулине) владыке Луке известно, что во время предыдущих арестов тот своими ложными показаниями погубил немало невинных людей. Впоследствии и протоиерей Иван, и архиепископ Борис передавали записки в камеру епископа Луки, где писали, что их показания вынуждены и искажены и что на суде они от них откажутся. Но суда не последовало.

Особое совещание приговорило епископа Луку к ссылке на пять лет в Красноярский край. Подписавшие же ложные обвинения архиепископ Борис, протодиакон Иван, протоиерей Михаил и епископ Евгений (Кобранов) были приговорены к расстрелу, а архимандрит Валентин (Ляхоцкий) – к десяти годам лагерей.

И вот наступила третья ссылка. На этот раз в районный центр Большая Мурта, что в ста десяти километрах от Красноярска. В марте 1940 года ссылный Войно-Ясенецкий, епископ, хирург с мировым именем, живет и работает в районной больнице, что называется, за белье и питание. Церковь в Большой Мурте взорвали еще в тридцать шестом году, и владыка ходил молиться в рощу, расположенную на окраине поселка. Здесь, в маленькой больнице, он много оперирует и продолжает работу над «Очерками гнойной хирургии».

В начале Великой Отечественной войны, находясь в очередной ссылке, В.Ф. Войно-Ясенецкий послал в Москву телеграмму, адресованную председателю президиума Верховного совета СССР М.И. Калинину, в которой говорится: «Я, епископ Лука, профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку <...> в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука». В сентябре 1941 года владыка был назначен главным хирургом находившегося в Красноярске тылового эвакуационного госпиталя, ЭГ № 1515, а впоследствии и хирургом-консультантом всех красноярских эвакуационных госпиталей. Владыка неизменно брал к себе на излечение наиболее тяжелых раненых и больных.

Епископ-хирург Лука среди раненых.
Красноярский эвакогоспиталь, 1941 год

Обобщая опыт лечения раненых и свои личные наблюдения, В. Ф. Войно-Ясенецкий подготовил к изданию монографию под названием «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов», представляющую собой выдающийся вклад в развитие отечественной военно-полевой хирургии; главное достоинство в обоснованном отказе от консервативного лечения огнестрельных ранений суставов и переход к активной хирургической тактике.

Срок ссылки закончился в середине 1942 года. Священный Синод при Патриаршем Местоблюстителе митрополите Сергии приравнял лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и увоил епископу Луке сан архиепископа Красноярской епархии.

Итак, волей Божией и благословением священноначалия владыка возвратился к архиерейскому служению. Но, возглавляя Красноярскую кафедру, он, как и раньше, продолжал хирургическую работу, возвращая в строй защитников Отечества.

В 1944 году владыка был переведен в Тамбов в качестве архиепископа Тамбовского и хирурга-консультанта эвакуационных госпиталей. В годы Великой Отечественной войны В. Ф. Войно-Ясенецкий, работая

Заседание Священного Синода. Слева направо: Святейший Патриарх Алексий I (Симанский), митрополит Николай (Ярушевич), архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Фото 1944 года

Памятник святителю Луке в г. Симферополе

хирургом эвакогоспиталей, опубликовал научные работы по клинике и лечению раневого сепсиса, по раннему и радикальному лечению огнестрельного остеомиелита. В 1945 году за выдающуюся научную и педагогическую работу он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1946 году вышло в свет второе дополненное издание «Очерков гнойной хирургии». Книга получила высокую оценку профессоров А. Н. Бакулева и П. А. Куприянова. За эту работу, а также за книгу «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов» Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука) был удостоен Государственной (Сталинской) премии I степени.

Забываясь о здоровье других, владыка Лука забывал о своем здоровье. Появились признаки глаукомы, прогрессировало снижение остроты зрения. Назначенный на Крымскую кафедру, архиепископ Лука 24 мая 1946 года прибыл в Симферополь. Начался последний и, может быть, самый трудный период жизни святителя-исповедника.

За 38 лет священства и архиерейского служения святитель Лука произнес около 1250 проповедей, из которых не менее 750 были за-

Памятник архиепископу Луке, профессору В. Ф. Войно-Ясенецкому в г. Тамбове

писаны и составили двенадцать томов машинописи. Часть этих проповедей, в основном крымского периода, издана в настоящее время в различных сборниках. В это же время святителем были написаны две крупнейшие богословско-апологетические работы: «Дух, душа и тело» и «Наука и религия», в которых он убедительно доказывал, что противоречий и противостояний между наукой и религией на научно-практическом поприще не существует, все различия находятся лишь в области личного мировоззрения ученого.

Труды церковные, труды врачебные, которые владыка не оставлял еще в течение нескольких лет, осложнялись гонениями от власть имущих. В 1956 году владыка окончательно лишился зрения. Не имея возможности непосредственно принимать и лечить больных, он молился за них, и Господь по молитвам архиепископа-хирурга совершал чудеса.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) скончался в воскресенье 11 июня 1961 года, в день, когда Русская Православная Церковь праздновала память Всех святых, в земле Российской просиявших. святителю-исповеднику были устроены достойные его мужества и исповеднического подвига похороны.

22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука был причислен к лику местночтимых святых Крымской епархии. В 1996 году были обретены его святые мощи и перенесены в Свято-Троицкий кафедральный собор города Симферополя.

В 2000 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви внес имя святителя Луки, прославившего нашу Церковь исповедническим подвигом, в список святых новомучеников и исповедников для общецерковного почитания.

Могила святителя Луки на Симферопольском кладбище

В 1996 году состоялось обретение святых мощей архиепископа Луки, которые в настоящее время почивают в Свято-Троицком кафедральном соборе Симферополя. На снимке: Святейший Патриарх Кирилл у раки с мощами святителя Луки

Взгляд святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Крымского, на здоровье и болезни человека

*Игумен МИТРОФАН (Баданин),
кандидат богословия, настоятель
Успенского прихода села Варзуга*

«Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), доктор медицинских наук, профессор хирургии. Лауреат» – такова надпись на могиле этого уникального человека, святого исповедника и выдающегося ученого. По преданию, текст эпитафии святитель Лука составил сам лично, настаивая на том, что никогда не разделял в своей судьбе этих двух служений – духовного и врачебного, однако всегда на первое место ставил служение Богу.

В этой мужественной нераздельности и состояла самая суть тяжелейшей борьбы, которую вел святитель с богоборческим режимом. «Вы, профессор, бросьте эту священную дурь и занимайтесь медициной, – так неоднократно пытались соблазнить владыку гонители веры, – а мы тогда похлопочем за Вас, чтобы досрочно закончить ссылку и поехать Вам куда

пожелаете»¹. Именно поэтому, наставляя на будущее тех, кто соберется описывать его жизнь, святитель Лука подчеркивал, что ни в коем случае не должно отделять облик «архиепископа Луки» от лица «хирурга Войно-Ясенецкого». Осознание удивительной плодотворности этого синтеза и уникальности жизненного пути святителя Луки заставляет в глубоком почтении склонять головы и врачей и духовенство.

В своем известном сочинении «Дух, душа и тело», написанном в безбожные сороковые годы XX века, святитель решительно противостоит утверждениям о непримиримом противоречии науки и религии. Своими глубокими богословскими размышлениями о проблемах христианской антропологии святитель Лука утверждает православное понимание природы человека. «Все, что происходит в теле, все физиологические процессы направляются духом нашим. Дух творит тело, дух в теле созидает себя, свою форму. Дух властвует над телом»².

Рассматривая трехсоставность человеческого существа, оценивая взаимоотношение духа, души и тела, автор делает принципиальный вывод об уникальности этого феномена. Осознание этого факта, в свою очередь, ставит перед врачом задачу комплексного подхода к проблеме болезни человека и его лечения. «Приступая к операции, – указывает профессор, – надо иметь в виду не только брюшную полость, а всего больного человека, который, к сожалению, так часто у врачей именуется "случаем"».

Святитель подчеркивает уникальность человека как «штучного» творения Божьего, созданного по особому замыслу, «по образу Божьему и по подобию». «Все в мире имеет дары Духа Божия, – пишет владыка Лука, – природа имеет Дар бытия, все живое – еще и Дар жизни, но лишь человек, – подчеркивает святитель, – имеет Дар Богоподобия»³.

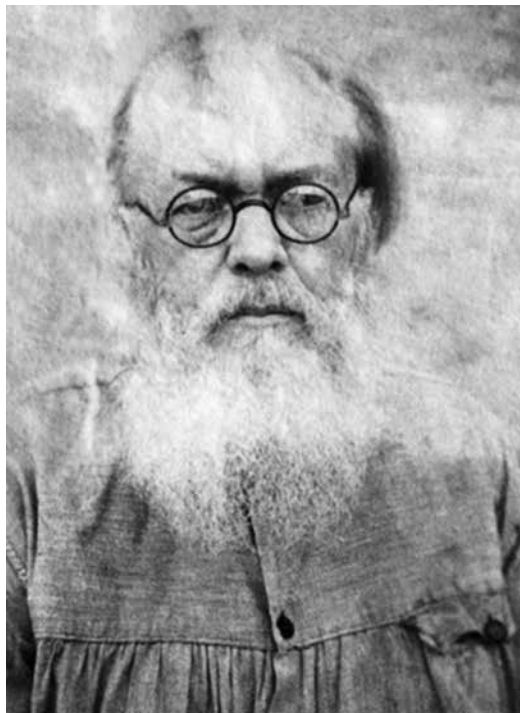
Особо интересной представляется концепция владыки о человеческом сердце как важнейшем органе чувств и месте сосредоточения религиозных переживаний и молитвенных усилий. Святитель дает обоснование известной способности верующего человека сердечным образом познавать мир и постигать жизнь, чувствуя и пропуская ее через свое сердце: «Каково сердце наше, такова и деятельность наша»⁴. Утрата этой способности многими нынешними людьми, нарушение гармонии в человеческом существе и, как следствие, фундаментальное нездоровье есть результат целенаправленной разрушительной работы профессиональных борцов с верой. «Не в этом ли кризис современного образованного человека, что у него ум с сердцем не в ладу? – задает справедливый вопрос святитель. – Не эта ли доминирующая

¹ Лисичкин В. А. Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ. М., 2001. С. 131. Удивительно, что спустя две тысячи лет приемы «князя тьмы» остаются неизменными. Такими же словами сатана искушал Христа в пустыне, предлагая все блага и богатства мира: «*всё это дам Тебе, если нав, поклонисься мне*» (Мф. 4, 9).

² Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. «Сила моя в немощи совершается». Духовные беседы. М., 1997. С. 343.

³ Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. Дух, душа и тело. М., 1994. С. 42.

⁴ Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. «Сила моя в немощи совершается». Духовные беседы. М., 1997. С. 273.

Епископ Лука. Фото из следственного дела. 1937 г. «Вы, профессор, бросьте эту священную дурь и занимайтесь медициной, – а мы тогда похлопочем за Вас, чтобы досрочно закончить ссылку и поехать Вам куда пожелаете». (Из книги: «Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ»)

над всем "умственность" разъединила в России интеллигенцию и народ?» И далее: «Если станете читать книги ученых, которые мнят отвергнуть религию, будете поражены крайней поверхностностью их суждений, скудостью их мировосприятия».

В своих трудах святитель дает нам пример плодотворного синтеза христианской антропологии медицинской науки. Нет сомнения, что христианство имеет свой взгляд на человека, на его здоровье и болезни, а следовательно, и свою целительскую практику. Главная особенность христианской традиции состоит в том, что болезнь переживается и осмысливается как изначальная данность в антропологической характеристике человека, наступившая после его грехопадения. Другими словами, можно утверждать, что человек и больной – синонимы⁵. Исходя из этого, Церковь Христова, водимая Великим «Врачом

⁵ Шевченко А., «Здоровье как эсхатологическая проблема христианской антропологии» // XV Международные Рождественские образовательные чтения. Конференция на тему: «Церковь и медицина: от диалога к партнерству». М., 2007.

Картина И. Е. Репина «В операционном зале». 1888 г.

душ и телес», ставит себе цель глубокого, фундаментального врачевания поврежденной болезнью человеческой природы.

В течение своего священнического и архиерейского служения владыка произнес необычайно много основательных, богословски полноценных проповедей (около 1250). 750 из них сохранились в виде текстов и многие изданы в наше время. Их анализ раскрывает нам взгляд святителя Луки на человеческую природу, физическое и духовное здоровье, роль и место болезней и страданий в жизни людей.

Глубокое повреждение человеческой природы, вызвавшее болезнь самого существа человека, явилось следствием трагедии, произошедшей во времена Ветхозаветные, что достаточно подробно изложено в Книге Бытия. Ущербно распорядившись дарованной от Бога свободой, люди создали невиданный прецедент согласия воли человеческой с волей падших ангелов. Сотворение человека существом свободным предполагало эту возможность отвержения любви в пользу ненависти, жизни в пользу смерти, счастья в пользу страданий и здоровья в пользу болезней. Реализация желаний участников упомянутогоговора в соответствии с их свободным волеизъявлением повлекла немолимые последствия, и ныне живущие в современном человечестве.

«Дух Божий», «Дух жизни», которым пренебрегли наши праотцы, отныне отходил от людей и заменялся прямым воздействием иного духа, которому они поверили, – властью «духа нечистого» (Мк. 5, 8).

Наступила эпоха идолопоклонства, или язычества. Люди вместо Творца стали поклоняться и служить тварям, так называемым «богам» (падшим ангелам или бесам). «И омрачилось несмысленное их сердце;

называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, ...и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца» (Рим. 1, 22–25).

По неизбежной любви Божией к человеку, эта страшная власть тьмы все же была опосредованно ограничена и не стала абсолютной. С одной стороны, налицо страшная потеря, катастрофа в человеческой природе – изначальное, «светлое», «славное» тело человека, это совершенное и уникальное по своим свойствам творение Божие, было утрачено. С другой стороны, вследствие наступивших перемен, человек облекался в новое, более плотное, «дебелое» тело, весьма точно охарактеризованное в Писании как «кожаные одежды», «ризы кожаные». Эти «ризы», дарованные как проявление милосердия и заботы Отца о Своих неразумных чадах, стали серьезной преградой для полной тирании над людьми со стороны Сатаны и его воинства. Это новое тело служило людям, по сути, «скафандром», в котором человек направлялся в новую, духовно «агрессивную среду».

В то же время «ризы» эти закрепляли наступившее отныне препятствие человеку к прямому общению с Богом, видению Его, которое существовало в Эдеме до грехопадения. Теперь «*мы ходим верою, а не видением*, – замечает апостол, и отныне, по его словам, – *водворяясь в теле, мы устранены от Господа»* (2 Кор. 5, 7).

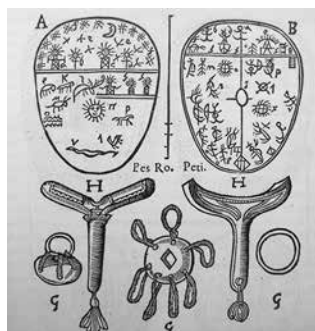
Предательство людьми Духа Божия, как Источника жизни, и союз с духами нечистыми, паразитирующими на человеческой природе, радикальным образом воздействовали на душу человека и истощали жизненные силы людей: «Сердца их служили жилищем бесов»⁶. Предупреждение, данное Творцом о неотвратимости наказания за нарушение людьми Божьей заповеди: «*...от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»* (Быт. 2, 17), реализовалось в полной мере – человек начал познавать неумолимую силу смерти. Эта разрушающая человеческое существование сила обнаружилась в неизбежном старении и болезнях. «*...В членах моих вижу закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного... – сокрушается апостол. – Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?»* (Рим. 7, 23–24).

Новый человек, поврежденный грехом, стал существом болеющим, чадом страданий и скорбей: «*находясь в этой хижине, мы вздыхаем под бременем»* (2 Кор. 5, 4). Дарвинистская, богоборческая наука вежливо назовет это несчастное существо Homo sapiens (человек разумный), хотя подлинная суть его иная – Homo noxiosus (человек грешный).

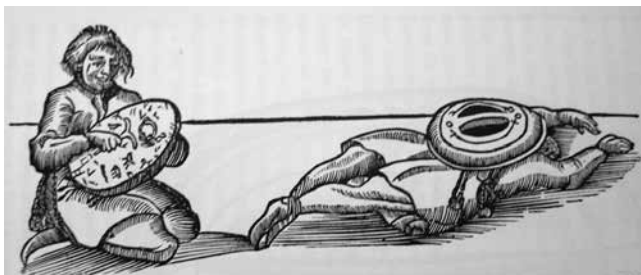
⁶ Лука (Воино-Ясенецкий), святитель. «Сила моя в немощи совершается». Духовные беседы. М., 1997. С. 167.

В течение всей человеческой истории и вплоть до прихода в мир Спасителя отношение самих людей к проблеме здоровья и болезней оставалось неизменным: оно определялось все той же договоренностью, которой достигли наши прародители в ходе Эдемского грехопадения.

В те языческие времена существовало твердое убеждение, что болезни посылаются демонами (падшими ангелами), или, по-другому, более возвышенно, «богами», за нарушение вышеупомянутых «эдемских» договоренностей и правил языческого богопочитания. Соответственно, избавиться от болезней можно было лишь умилив демонов жертвоприношениями или же с помощью иных магических приемов. И действительно, оккультный опыт древности ясно свидетельствует о «реальности» этой помощи, бесспорной силе «богов» и их власти над людскими немощами и болезнями. В полной мере эти, казалось бы, очевидные исцеления демонстрируют нам и современные экстрасенсы, целители, парапсихологи и иные служители сил «князя тьмы», соратники все тех же «богов» древности.

1

2

3

Из книги Иоганна Шеффера «История Лапландии», 1674 г.

1) Лопарский бубен со специальными колотушками, предназначенный для вызывания «духов помощников». 2) Лопарское камлание. Изгнание порчи (воздействия злого духа) из человека с помощью бубна и магических заклинаний. 3) Сила лопарских колдунов-нойдов была общепризнана в Европе с древних времен. Даже такие отважные мореплаватели, как викинги, сторонились лопарской земли Похьелы, называя ее «страной ужасов и злого чародейства»

Оценивая с христианской точки зрения подобные «чудеса», необходимо всегда помнить, что все эти привлекаемые с помощью магических приемов силы тьмы по своей природе абсолютно злы. То есть, являясь творением, в свое время проклятым Богом, они не способны делать добро по определению. Таковы законы жизни в мире падших ангелов, и нарушение их невозможно, ибо контролируется всей бесовской иерархией и зиждется на страхе жестоких наказаний.

Обладая хотя и падшей, но все же ангельской природой, эти твари имеют весьма немалые способности и, распоряжаясь определенным багажом тайных знаний, способны, в частности, совершать «чудеса» исцелений. Но при этом они навсегда связаны неумолимым законом Божьего проклятия, произнесенного над ними: *«и сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты»* (Быт. 3, 14). Потому все, творимое служителями князя тьмы, будет ограничено неперенным условием: то видимое благо или добро, которое, казалось бы, несет в себе исцеление человека от болезни, освобождение его от страданий должно неукоснительно компенсироваться превосходящим злом и страданиями в ближайшем будущем. Расплата человеку за общение с силами тьмы и его упование на тварь вместо Творца наступит непременно: в виде еще более тяжелой болезни или же трагических жизненных обстоятельств.

В таких условиях и по таким законам совершалась древняя история человечества времен великих магических цивилизаций. Ситуация принципиально изменилась две тысячи лет назад, с приходом в мир долгожданного Спасителя. Безусловная власть князя тьмы и его «легионов» была низложена. *«Для сего-то и явился Сын Божий, – подчеркивает апостол, – чтобы разрушить дела диавола»* (1 Ин. 3, 8). При этом важно сказать, что был изменен статус эдемского договора. Отныне он терял свою абсолютную силу. Господь призвал людей *«отвергнуть дела тьмы и облечься в оружия света»*. Этим путем Света пошли христиане, люди, уверовавшие во Христа Спасителя и желавшие освободиться от власти сатаны и разрушительной силы греха. Это был личный выбор каждого человека. Выбор свободы от рабства смерти и возвращение к Богу как Источнику Вечной Жизни.

С приходом в мир Христа Спасителя наступила новая эра в духовной истории человечества. Для христиан принципиально изменилось понимание смысла болезней и всех иных страданий и скорбей, посылаемых человеку от Господа.

Господь наш Иисус Христос открыл пред человечеством возможность исцелить то духовное повреждение, что было порождено эдемским предательством, но при этом решить эту величественную задачу не силой, а кротостью. Христос не пожелал уничтожить этот греховный мир или ликвидировать человеческую свободу для того, чтобы насильно сделать человека здоровым и счастливым. Всемогущий Бог

призывает человека добровольно следовать за Собой, тем самым закладывая основы нового, христианского понимания смысла жизни и места в ней страданиям и болезням как условию уподобления Христу и желания свободного следования за Ним. Лишь принимающий свои страдания с кротостью, видя в них заботу Отца Небесного о воспитании Своих неразумных, но любимых чад, сочувствуя Его усилиям, направленным на исцеление повреждений нашей падшей природы, получит прощение, обретет духовное здравие и вечную жизнь.

Эта парадоксальная мысль о спасительной, исцеляющей силе скорбей, о принятии страданий с кротостью и смирением у святителя Луки обретает высшую степень звучания. В тяжелейших условиях своего архиерейского служения в 1943 году, когда, бывало, по дороге в храм владыка падал на землю без сил, в одном из писем он пишет сыну: «Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу».

Картина И. Е. Репина «18 октября 1905 года». 1911 г.

Так называемый «революционный подъем», который в полной мере охватил российскую интеллигенцию и общество в целом, был, в определенном смысле, разновидностью беснования, или одержимостью нечистыми духами. Об этом весьма точно высказывался Ф. М. Достоевский в своем романе «Бесы». Чрезвычайно талантливый художник Илья Ефимович Репин сумел ярко запечатлеть саму суть творящейся с российским народом духовной беды. В. В. Розанов в своей статье «Интеллигенция и революция» замечал: «Насладившись в полной мере великолепным зрелищем революции, наша интеллигенция приготвилась надеть свои подбитые мехом шубы и возвратиться обратно в свои уютные хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы были сожжены». Не самый худший итог произошедшего, как расплату за этот допущенный в сердце союз с «падшими ангелами», иллюстрирует картина «Белая Россия. Исход» (см. стр. 42)

Вообще, надо сказать, что духовная жизнь христианина парадоксальна и часто идет вразрез с представлениями мира сего падшего. Потому с трудом воспринимается справедливая оговорка поэта: «В здоровом теле – здоровый дух. На самом деле – одно из двух». Увы, но многое из того, что видится мирским людям важным, привлекательным и полезным, на деле ведет к духовной беде, болезни и смерти души. Для человека, больного грехами и страстями, телесное здоровье подчас есть Божье наказание и тревожный признак покинутости Богом. В то же время, по утверждению святого Исаака Сирина: «Человек, о котором особенно печется Бог, познается по непрестанно посылаемым ему печалям».

В страдающем теле живет просветленная душа, замечают духовно зоркие люди. Болезни телесные, скорби и тяжкие испытания – в христианском понимании – есть ясный призыв от Господа к исправлению жизни, осознанию острой необходимости перемен для обретения Веры и истинного смысла бытия. «Очень трудно переносить Божие наказание, трудно идти путем крестным, путем страданий, – признается святитель Лука. – Но Господь укрепляет на этом пути всякого, кто не ропщет, кто принимает наказание, как послушный ребенок от родителей своих. Господь поддерживает его, точно за руку ведет – ведет по пути спасения»⁷.

Следует подчеркнуть, что христианское восприятие болезни как вразумления от Отца Небесного, как наказание за грехи есть сугубо личное переживание, индивидуальный духовный опыт. Необходимо всячески беречься осуждающего восприятия болезни ближнего «как Божьей кары за его грехи». Выпавшая нам тягота ухода за болящим есть горькое лекарство для исцеления нашей черствости, нечувствительности к чужому горю, возможность обретения способности сострадать и любить. Каждый христианин должен войти в болезнь, в страдание другого человека и, увидев в нем образ страждущего Бога, стать соучастником Его страданий. О том и ясные слова Божественного Учителя: «*был болен и вы посетили Меня ... истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали это Мне*» (Мф. 25, 40).

В этой удивительной взаимосвязи сокрыта тайна особого достоинства христианина, которое возвышает его даже над Ангелами. Об этом справедливо замечал еще Франциск Ассизский, выдающийся католический святой: «Знаете ли, в чем завидуют нам Ангелы? Ни в чем, кроме того, что мы можем страдать ради Бога, а они никогда ради Него не страдали».

В жизни христианина и врача святого Луки этот призыв к служению Господу через служение ближнему нашел полноценную реализацию. «Главное в жизни – всегда делать добро людям, – подчеркивал в сво-

⁷ Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. «Сила моя в немощи совершается». Духовные беседы. М., 1997. С. 36–37.

их выступлениях владыка. – Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое». Вся жизнь святителя – есть решение этой главной задачи: увидеть в страданиях ближнего призыв от Господа к самоотверженному служению, а в каждом человеке разглядеть искаженный грехом образ Божий. Радикальное врачевание страдающей природы человека возможно лишь на путях соединения силы докторских знаний с целительной силой христианской молитвы. И эта задача стоит перед каждым, кто желает полноценной реализации себя как врача-профессионала.

Крестный путь святителя есть непреклонное его сопротивление в течение всей жизни богоборческой репрессивной машине, пытавшейся отменить эту основополагающую христианскую жизненную установку. Еще раз подчеркнем – величие исповеднического подвига святого Луки состояло в неустанной борьбе с атеистическими властями, стремившимися отделить выдающуюся врачебную практику профессора Войно-Ясенецкого на поприще хирургии страдающих тел от благодати архи-пастырского служения владыки Луки по врачеванию страдающих душ.

Всей своей долгой жизнью исповедника святитель Лука ревностно воплощает Божественное повеление: *«Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»* (Мф. 16, 24). Без жертвенной любви и самоотвержения, без терпения в несении своего креста человек не состоится как творение Божье, он не реализует смысла своего рождения на земле и умирает «пустоцветом».

Решение этой фундаментальной духовной задачи плюс наступающие в нас через раскаяние в грехах прошлой жизни благодатные перемены открывают нам единственно возможный путь подлинной победы над нашим врожденным нездоровьем. Выполнение Божественных заповедей устраняет сам источник нашей скорби, исцеляет болезнь, исправляет тяжелую жизненную ситуацию. Это есть радикальное решение проблемы скорбей и болезней в жизни человека. Все остальные приемы и методы мира сего лишь скользят по поверхности внешних обстоятельств, приносят временное облегчение и, не устраняя внутренних духовных причин болезни, откладывают на потом решение главной задачи жизни – спасения души человека для вечности.

Говоря о смиренном принятии скорбей, следует коснуться и особого аспекта христианской жизни – благодатных даров Святого Духа и связанной с ними возможности чудесных исцелений. В естественном для человека стремлении избавиться от болезни для православного христианина первым средством всегда остается молитвенное обращение к Богу. При этом важно подчеркнуть, что отозваться на эту молитвенную просьбу Бог может как непосредственно, так и через врачей. И, как показывает нам опыт святого целителя Луки, эта помощь, в свою очередь, может иметь как естественный, традиционный врачебный характер, так и сверхъестественный, по дару чудотворения.

Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий)

«Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу». Архиепископ Тамбовский Лука. 1945 г.

Достоверно известно, что после того как святитель полностью ослеп и уже не мог даровать здравие людям традиционным оперативным вмешательством, участились случаи прямых чудотворений по его молитве. очевидцы свидетельствовали, что профессор, бывало, «просто говорил» пришедшему к нему на прием больному: «Вот вам лекарство: во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» – при этом осеня болящего архиерейским благословением. И люди полностью исцелялись. Даже самые безнадежные: и с опухолью мозга, и с перитонитом...

Ясно, что в этом случае исцеление наступает как результат соединения веры врача и веры больного, ибо, как учил Господь: *«по вере вашей да будет вам»* (Мф. 9, 29). Писание настаивает на сугубой действительности этих молитвенных усилий: *«Сын мой! в болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу, и Он исцелит тебя»*, – но при этом напоминает и о подлинной причине случившейся беды: *«кто согрешает пред Сотворившим его, да впадет в руки врача! Оставь греховную жизнь и исправь руки твои, ...как бы уже умирающий»* (Сир. 38, 10). В этом условии сокрыта принципиальная новизна подхода верующего человека к возможности получения истинного исцеления, в отличие от мнимого, временного или вовсе иллюзорного.

Именно поэтому Церковь Христова не занимается магией и решительно не приемлет магических приемов так называемых «народных целителей», оставшихся с языческих, дохристианских времен. Задача Церкви – исцелить поврежденную человеческую природу, устраняя причину болезни, а вовсе не следовать оккультному принципу «за ваши деньги – любое желание».

Подлинно христианский взгляд на лечение предполагает также всецелое доверие Божьей воле в том виде, в каком она открывается нам в жизненных обстоятельствах. В этом смысле уклоняться от врачебной помощи под предлогом, что «Бог Сам исцелит» – значит искушать Господа.

Именно в этом аспекте проявляется грех человеческой гордыни, что мы можем видеть на примере приверженцев различных сект, отвергающих либо вовсе врачебную помощь, или же те или иные врачебные приемы. В Священном Писании есть прямое указание на необходимость принятия помощи от врача как от проводника Божьей воли: *«Почитай врача честью по надобности в нем, ибо Господь создал его»*, – но при этом подчеркивается и значение молитвы самого врача: *«и в их руках бывает успех, ибо и они молятся Господу, чтобы Он помог им подать больному облегчение и исцеление к продолжению жизни»*. В итоге делается непреложный вывод: *«от Вышнего – врачевание»* (Сир. 16, 2).

Еще раз подчеркнем: человеческие болезни и страдания – мощный фактор врачевания людских душ. Во-первых, по слову апостола: *«страдающий плотию перестает грешить»* (1 Пет. 4, 1). Во-вторых, время болезни настраивает душу на верный лад, благоприятствуя размышлению о главном, а не о повседневном и суетном. Другими словами, заставляет «задуматься о жизни и смерти», и знаменитое духовное лекарство *«memento mori»* (лат. «помни, что умрешь») в полной мере начинает проявлять свою целительную силу. Действительно, есть некая парадоксальность человеческого существования, состоящая в том,

«Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), доктор медицинских наук, профессор хирургии. Лауреат» – такова надпись на могиле этого уникального человека, святого исповедника и выдающегося ученого. На фото: могила святителя и хирурга в ограде храма Всех Святых в г. Симферополе

что многие только лишь после тяжелого потрясения, страшной болезни или при близости смерти наконец открывают истинную цель своего существования и начинают понимать, как нужно жить. Этот закон Божьего врачевания неумолимо и своевременно исполняется как над каждым человеком лично, так и в масштабе целых стран и народов.

Картина П. Корина «Русь уходящая». 1935–1959

«Есть некая парадоксальность человеческого существования, состоящая в том, что многие только лишь после тяжелого потрясения, страшной болезни или при близости смерти наконец открывают истинную цель своего существования и начинают понимать, как нужно жить. Этот закон Божьего врачевания неумолимо и своевременно исполняется как над каждым человеком лично, так и в масштабе целых стран и народов»

Опыт страдания за веру, которым в полной мере обогатился российский народ в ходе небывалых гонений на веру в XX веке, показал величайшую целительную силу скорбей. Святитель Лука, по праву святого исповедника, неоднократно ясно высказывался об этом удивительном проявлении Божественной мудрости, способности Господа претворять зло в добро, страдания переплавлять в радость, болезни – в исцеление. На исходе жизни владыка, вспоминая пережитое, писал: «Тяжкое это было время, но вспоминаю о нем как о светлой радости, как о великой милости Божией. Ибо благодать Божия изливается преизобильно на всякого, кто несет бремя Христово».

Русская Православная Церковь в период гонений двадцатого столетия. Опыт людских страданий и их плоды*

*Игумен ДАМАСКИН (Орловский),
член Синодальной Комиссии по
канонизации святых Русской
Православной Церкви,
председатель Фонда «Память
мучеников и исповедников Русской
Православной Церкви»*

Во все времена и эпохи христианский идеал оставался одним и тем же и пути достижения его одними и теми же – узкими, но спасительными. В каждой Поместной Церкви в разные исторические эпохи люди идут ко спасению то путем преподобническим, то мученическим. В России путь преподобных¹ в начале XX века почти завершился. Не исключено, что его завершение связано с тем, что люди, называвшие себя христианами в начале XX столетия, все дальше стали отходить от христианского идеала, все меньше постигали органическую связь спасения своей души с очищающими душу страданиями. Все больше христианам хотелось

1 Преподобные – лик святости в Православии: монашествующие святые, прославляемые за подвижническую жизнь. «Преподобный» значит «весьма подобный», то есть достигший подобия Христу, что отражает христианскую идею святости как соединения с Богом через собственное преображение, возрождение в себе «Образа Божия».

* По материалам докладов и статей игумена Дамаскина: «Святые Русской Православной Церкви в период гонений XX столетия» (Рождественские чтения, 2008) и Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период (ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2007).

устроиться в этой жизни, чтобы у них все и всегда было хорошо; мир, о котором говорит Священное Писание, они стали понимать исключительно как душевный и даже по-протестантски материальный комфорт. Постепенно все это стало приводить к тому, что христиане переставали видеть свою жизнь как хождение перед Богом, они начинали жить уже только перед людьми, смотрели, как к ним относятся люди – близкие, друзья и начальники.

Образовывалась жизнь человека внутри Церкви без Церкви, ибо Церковь никак не могла помочь вышедшему целиком в мир и живущему исключительно по законам мира сего человеку. Потому Господь и вернул к Себе *«теплохладных»* христиан начала XX века путем мученическим. Он как бы встряхнул их, снова напомнил им о Себе и о необходимости спасения их душ для жизни вечной. Таким образом для русских людей и началось краткое прохождение Евангельского курса спасения.

С приходом советской власти в конце 1917 года практически сразу начались и гонения на РПЦ, которые приняли массовый и ожесточенный характер уже в 1918 году, после издания 23 января декрета «Об отделении Церкви от государства», и продолжались на протяжении всего советского периода, то есть до конца 80-х годов XX века. Сразу после Октябрьской революции власти поставили цель арестовать как можно больше священно- и церковнослужителей и мирян. Аресты тогда исчислялись тысячами и для многих завершились мученической кончиной.

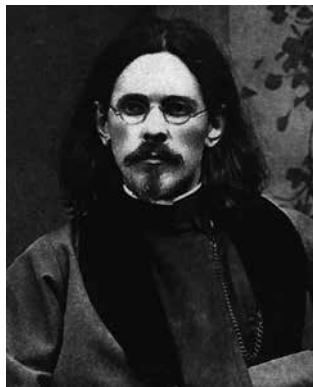
По некоторым данным, в 1918 году было расстреляно 3 тыс. священнослужителей, а 1500 – подверглись репрессиям. В 1919 году была расстреляна 1 тыс. священнослужителей и 800 – подверглись другим репрессиям.

В 1922 году общее число жертв, погибших при разорении церквей и монастырей, и расстрелянных по суду было 2691 человек белого духовенства, 1962 монашествующих, 3447 монахинь и послушниц; всего – 8100 жертв.

В дальнейшем гонения продолжались до 1933 года. Значительная часть духовенства за это время была арестована, сослана в лагерь и приняла мученическую кончину. В 1929–1933 годах было арестовано около 40 тысяч церковно- и священнослужителей. В одной только Москве и Московской области – 4 тысячи человек. Большинство арестованных были приговорены к заключению в концлагерь, многие были расстреляны. Все, кто, находясь в заключении, дожили до 1937 года, претерпели мученическую кончину.

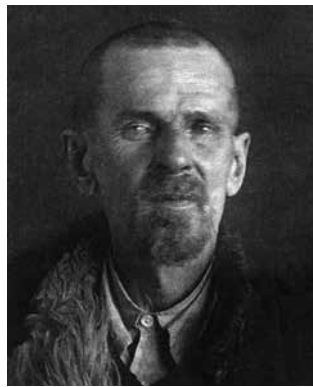
В начале 1937 года была проведена перепись населения СССР и подведен своеобразный итог кровавым усилиям богоборцев. По предложению Сталина в перепись был включен вопрос о вероисповедании, на который отвечали все граждане, начиная с 16 лет. Правительству, и в особенности Сталину, хотелось узнать, каковы же реальные успехи их двадцатилетней борьбы с верой и Церковью. Кем теперь называют себя

1. Священник
Василий (Горбачев)

1.

2. Заключенный
Василий (Горбачев)

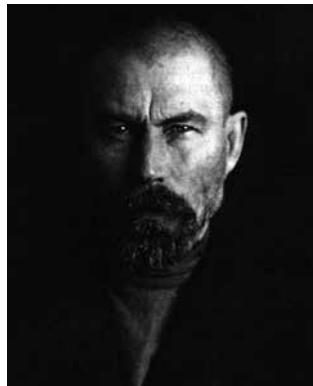
2.

3. Священник
Сергий (Белокуров)

3.

4. Заключенный
Сергий (Белокуров)

4.

Путь скорбей:

Между этими столь разительно отличающимися фотографиями сокрыта тайна преображения земного человека в Небожителя. Здесь скорбный путь несения Креста и последнее усилие перед столь чаемой наградой в Царствии Небесном

люди, живущие в государстве, исповедующем в качестве некоего религиозного суррогата воинствующее безбожие. По итогам переписи всего населения, в Советской России оказалось в 1937 году 98,4 млн человек. При этом верующими себя не побоялись назвать 55,3 млн человек.

Таким образом, предпринятые с 1918 года усилия в борьбе с Церковью и народом не привели к желаемому результату, а если исходить из данных переписи, то, можно сказать, потерпели крах. Стали очевидны размеры неуспеха строительства безбожного социализма в стране и стало понятно, насколько еще более беспощадно-кровавым должны быть новые гонения и невиданная война с народом, в результате которой не лагерь, не каторжные работы ждали верующих, а приговоры к расстре-

лу и смерть. Так началось новое, последнее гонение, которое должно было физически сокрушить православие. В начале 1937 года власти поставили вопрос о самом существовании РПЦ в качестве всероссийской организации. Каждый верующий человек оказывался для безбожного государства, по сути, «чуждым элементом».

В такие моменты истории, когда Господь призывает человека к исповедничеству и когда Промыслом Божиим этот призыв отвердевает в жестких формах действительности – для самого человека как бы наступает продолжение евангельских событий, апостольской проповеди, где Сам Господь, например, говорит Анании об апостоле Павле: *«Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое»* (Деян. 9, 16). События Священной истории Церкви теперь органически включают в себя уже и его жизнь. Становится важным и существенным только одно – жил ли христианин с Богом, стал ли он исповедником или, будучи крещеным *«в смерть Христову»* (Рим. 6, 3), остался всего лишь умным, образованным, психологически тонким человеком, в своих действиях поступая не в зависимости от предстояния Христу и единственной мыслью о собственном спасении, но остался человеком, исходящим в своих поступках из земных соображений, земной, пусть и душевной, но земной выгоды.

С позиции веры Христовой, Евангельского учения – безумием и отсутствием всякого жизненного смысла будет иметь возможность пострадать за Христа и очиститься страданиями, но при этом не воспользоваться этой ситуацией и свести ее к бесплодному итогу. Для чего снова, например, погрузиться во тьму чисто психологических переживаний, полагая, что можно еще пожить, принести пользу близким или даже Церкви, для чего попытаться найти какой-нибудь небольшой компромисс с гонителями, тем более что компромисс, с точки зрения психологического ощущения, не будет связан с прямым отречением от Христа. Он, этот маленький компромисс, совершится в рамках психологии этого мира, совершится как бы вне Христа, в чем и состоит его греховная сущность и смертельная опасность для души человека.

И вот наступила осень 1937 года. Было арестовано 136 900 православных священно- и церковнослужителей, из них расстреляно 85 300. В следующем, 1938 году, арестовано 28 300, расстреляно 21 500; в 1939 году арестовано 1500, расстреляно 900; в 1940 году арестовано 5100, расстреляно 1100; в 1941 году арестовано 4 000, расстреляно 1900.

Так, например, в одной Тверской области только в 1937 году было расстреляно более 200 священников, а в Московской – около 1000. Осенью 1937 года и зимой 1937/38 годов сотрудники НКВД едва успевали ставить свои подписи под «следственными» бумагами, а в выписках из актов о приведении в исполнение смертного приговора секретарь «тройки» при УНКВД часто ставил «1» час ночи, потому что на написание этой цифры тратилось меньше всего времени. И получалось, что в Тверской области все приговоренные к расстрелу были расстреляны в одно и то же время.

Все эти ужасающие обстоятельства времени, этот конвейер мучений и смертей, по сути, являлись «моментами истины» для многих верующих людей. Теми спасительными моментами жизни, когда Господь давал возможность очнуться от всякого греха, от всякой самоправедности душевной и через свои крестные страдания соединиться с Господом. Но, увы, подчас именно в этот момент исповедник, следуя своей пораженной грехом психологии и плотскому мудрованию, мог начать рассуждать, что все это ему следует оставить до другого случая, а сейчас надо пойти на всё, лишь бы освободиться от этой угрозы смерти. С точки зрения психологии человек-христианин, оказавшись под следствием в XX веке и не устоявший, подписавший под давлением следствия те или иные лжесвидетельства, «сделал это по неизбежности, попав в трудное положение».

Именно потому некоторые репрессированные, хотя и переступили через порог тюрьмы, но вовсе не вошли в число мучеников и исповедников XX века. Таким образом, даже в случаях массовых арестов и казней число мучеников и исповедников вовсе не будет равно числу расстрелянных, умерших в лагерях и ссылках. Они все равно всегда останутся «*малым стадом*» (Лк. 12, 32).

Столь масштабное гонение на Русскую Православную Церковь в XX веке было всего лишь массовой раздачей множества личных билетов и премий для спасительного входа в Рай, но это еще не означало добраться до него. Для этого требовалось множество условий, и прежде всего и главное – согласие с этим билетом самого человека, понимание его значимости, что он и есть та самая евангельская *жемчужина* (см. Мф. 13, 46), которую человек не искал, но ему вручил ее Сам Господь.

В 1938 году советская власть завершила 20-летний период гонений, в результате которых процесс разрушения Церкви был доведен до состояния необратимости. Если уничтоженные или превращенные в склады храмы можно было в обозримой перспективе восстановить или отстроить заново, то расстрелянные более 100 архиереев, десятки тысяч священнослужителей и сотни тысяч православных мирян стали невосполнимой утратой для Церкви. Последствия этих гонений сказываются и в наши дни. Массовое уничтожение святителей, просвещенных и ревностных пастырей, множества подвижников благочестия значительно понизило нравственный уровень общества, из народа была выбрана «*соль земли*» (Мф. 5, 13), что привело его в угрожающее состояние духовного разложения.

Надо сказать, что и во все время Великой Отечественной войны не прекращались аресты духовенства. В 1943 году было арестовано более 1 тысячи православных священников, 500 из них расстреляно. В 1944–1946 годах количество смертных казней ежегодно составляло более 100 человек.

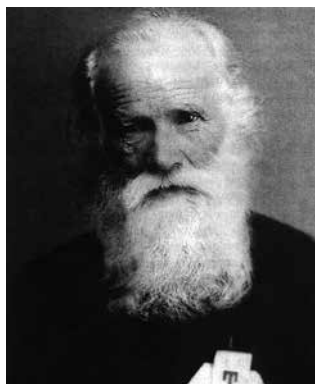
Мц. Елизавета (Тимохина)

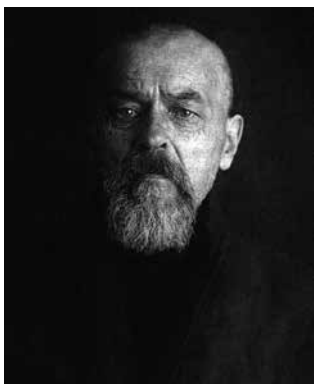
Прмц. Александра (Самойлова)

Прмц. Ирина (Хвостова)

Прмч. Таврион (Толоконцев)

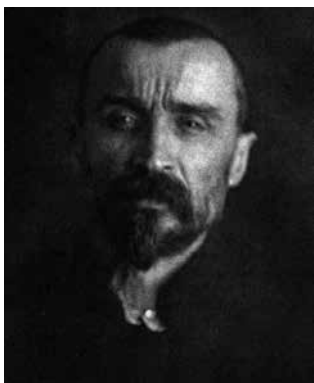
Прмч. Феодосий (Бобков)

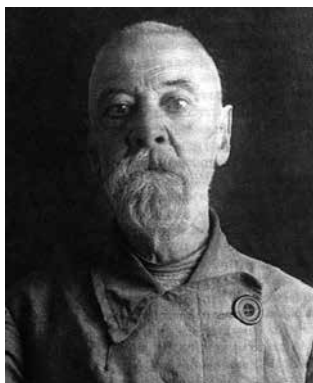
Сщмч. Зосима (Трубачев)

Сщмч. Иоанн (Покровский)

Сщмч. Алексей (Княжеский)

Сщмч. Вениамин (Фаминцев)

Сщмч. Евстафий (Сокольский)

Сщмч. Сергей (Лебедев)

Сщмч. Феофан (Графов)

Сщмч. Александр (Орлов)

Сщмч. Владимир (Волков)

Сщмч. Парфений (Грузинов)

Всего несколько фотографий новомучеников XX века из следственных дел НКВД. Фотографирование перед расстрелом было непременным условием для идентификации личности и последующей отчетности о приведении приговора в исполнение

«...Расстрелянные более 100 архиереев, десятки тысяч священнослужителей и сотни тысяч православных мирян стали невосполнимой утратой для Церкви. Массовое уничтожение святителей, просвещенных и ревностных пастырей, множества подвижников благочестия значительно понизило нравственный уровень общества, из народа была выбрана «соль земли» (Мф. 5, 13), что привело его в угрожающее состояние духовного разложения. Последствия этих гонений сказываются и в наши дни»

Все послевоенное время шли аресты православных священников. Согласно сводному отчету ГУЛАГа, на 1 октября 1949 года количество священников по всем лагерям составляло 3523 человек. Все эти лагеря принадлежали к категории лагерей каторжного режима.

Еще раз вернемся к той мысли, что гонение на человека, заточение его в тюрьму – это всего лишь внешние условия, данные Промыслом Божиим, чтобы человек, став исповедником, наследовал вместе и Царство Небесное. Но происходит это лишь тогда, когда человек, ограниченный стенами тюрьмы, направляет к этому выбору свою волю, стараясь согласить ее с Промыслом Божиим, что никогда не может произойти без труда и страданий. При этом не следует забывать, что исповедник, оказавшийся в тюрьме, может и не согласиться с Промыслом Божиим – на что есть его свободная воля.

Потому, хоть и велика была мрежа, закинутая в XX веке Господом в океан Русской Церкви, которою Господь ловил христиан в Свое Царство в течение почти сорока лет, все-таки выловленный улов, думается, вполне соответствовал евангельскому принципу, *«ибо много званных, а мало избранных»* (Мф. 20, 16).

Покорение суете: процессы распада и страдание твари

*ЖИРОВ Владимир Константинович,
член-корреспондент РАН, доктор
биологических наук, директор
Полярно-альпийского ботанического
сада-института, г. Кировск*

*«...тварь покорилась суете не добровольно,
но по воле покорившего ее... Ибо знаем, что вся
тварь совокупно стенает и мучится донныне;
и не только [она], но и мы сами в себе стенаем,
ожидая усыновления, искупления тела нашего»
(Рим. 8, 20–23)*

Тема страдания занимает особое место в православном вероучении. Несмотря на ее очевидный сотериологический¹ смысл, открываемый нам Ветхим² и Новым³ Заветами, она всегда была предметом многих искушений. «Зачем страдать, если мы живем под властью милосердного Бога?» – риторически вопрошает архимандрит Тихон (Агриков) в своей рабо-

¹ Сотериология (от греч. «спасение») – в христианском богословии учение о спасении, связанном с искуплением, достигнутым через смерть и воскресение Иисуса Христа. (Прим. ред.)

² См. Иов.5:7: «...но человек рождается на страдание, [как] искры, чтобы устремляться вверх».

³ См. Кор.4:17: «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу».

те «У Троицы окрыленные»⁴. И отвечает самому себе словами одного из старцев: «Именно потому и страдаем, мой друг, что благ Господь». Это утверждение выглядит особенно парадоксальным сейчас, с точки зрения большей – атеистической – части общества. Впрочем, эту истину трудно понять и современным язычникам, ведь она открывается только через христианское осознание смысла первородного греха и масштабов катастрофы грехопадения. Мировосприятие современного образованного язычества, очередное формирование которого в Европе началось более четырех столетий назад, строится на примате науки – порождении рационального человеческого ума – над Божественным Промыслом и религиозным озарением.

Однако ни языческий, ни – тем более – атеистический рационализм не способны подняться над антиномией⁵ добра и зла человеческих страданий. Но если присущая западной культуре юридичность еще способна в какой-то мере примириться с ней, используя в качестве оправдательного мотива первородный грех, признание неизбежности страданий бессловесных тварей в нашем падшем мире является для данного восприятия воистину недостижимой высотой.

Последние десятилетия эти особенности коллективного сознания стремительно глобализирующегося мирового сообщества представляются особенно важными для понимания духовных истоков биоцентризма – одного из наиболее ярких проявлений неоязычества. Биоцентризм – система взглядов, ставящая во главу угла экологических проблем потребности биологического разнообразия⁶, – первоначально складывался как идеологическая форма протеста против хищнического отношения к природе погрязшего в своем эгоизме, забывшего Бога человека. Ее скрытая антихристианская сущность отчетливо проявилась в философии «глубинной экологии» А. Нэша⁷, утверждающей необходимость духовного соединения человека со всеми формами жизни.

В общественном сознании разграничение страданий человека и прочих тварей происходило по мере развития атеистического мировосприятия с начала Нового времени. Эта тенденция достигла вершины своего развития в откровенно богоборческих режимах XX века, где природа целиком отдавалась на откуп экономическим интересам или политическим амбициям общества, хотя жизнь большинства его членов при этом также ценилась не слишком высоко.

В результате последующей либерализации общества в его сознании наметилась смена отношения к «скорбям и мучениям» бессловесных тварей от потребительского равнодушия к преувеличенной состра-

⁴ Тихон (Агриков), архимандрит. У Троицы окрыленные. Ч. I. Духовные наставления. 1950–1955 гг.

⁵ Антиномия (от анти... и греч. *nomos* – закон; буквально – противоречие в законе) – противоречие между двумя положениями, каждое из которых одинаково логически доказуемо. (Прим. ред.)

⁶ Олескин А. Б. Биополитика. М., МГУ, 2001. 423 с.

⁷ Naess A. A Defence of the Deep Ecology Movement // Environmental Ethics, 1984. № 6, p. 17–26.

дательности. При этом сочувствие к человеческим страданиям явно притупилось в силу растущей юридичности западной культуры и вытекающего из нее убеждения, что каждый в итоге получает по заслугам, о чем красноречиво свидетельствует недавно высказанная идея «презумпции виновности» человека перед «...великим разнообразием»⁸.

Таким образом, по мере угасания веры в значительной части европейского общества, его отношение к одной из важнейших в христианском вероучении проблеме страдания претерпело существенную эволюцию. Выпадение из круга Литургического единства, начало которому было положено католицизмом, достигло расцвета в протестантизме и завершилось атеизмом, при общем росте безразличия к чужим страданиям – сначала животных, а потом и человека. Достигнув апогея и продемонстрировав таким образом свои злокачественные плоды, безбожие неожиданно уступило позиции многобожью, которое было охотно воспринято наиболее образованной частью общества в форме биоцентризма – по психологическому контрасту, влиянию идей гуманизма, но прежде всего – отсутствию здорового религиозного чувства, активно искоренявшегося на протяжении нескольких столетий.

Ответ на первый – традиционный для России – вопрос «кто виноват?» не требует длительных раздумий, если искать его в духовной, а не материальной сфере, и очевиден для каждого православного христианина. Практически более важным сейчас представляется следующий традиционный вопрос: «что делать?». Очевидно, что коллективное сознание современного западного общества, а вслед за ним – и российской интеллигенции, к настоящему времени слишком далеко зашло в своем рационализме, чтобы непосредственно воспринимать чисто духовные аргументы. В полном соответствии с мрачными прогнозами Д. Оруэлла⁹, даже в современном обиходном русском, не говоря о европейских языках, с трудом находят себе место и кажутся архаическими понятия благодати, жертвы и любви в ее христианском смысле. В связи с этим единственно возможным путем доведения главных принципов христианского веро- и нравоучения до современного общества, особенно его образованной части, представляется сейчас максимальное использование в миссионерской деятельности языка естественных наук. Несмотря на существенные семантические ограничения, многие духовные истины могут быть донесены с его помощью до современной интеллигенции. В этом смысле чрезвычайно емкая тема страдания, различные аспекты которой охватывают как материальную, так и духовную сферы, особенно интересна.

По одному из современных определений, «страдание — это сово-

⁸ Гусев М. В. К обсуждению вопроса об антропоцентризме и биоцентризме. Вестник МГУ, серия 16 (Биология), 1991 № 1, с.1-6.

⁹ Джордж Оруэлл (1903–1950) – английский писатель и публицист, фантаст-футуролог, прогнозировавший политическое и социальное устройство мира будущего. (Прим. ред.)

купность крайне неприятных, тягостных или мучительных ощущений живого существа, при котором оно испытывает физический и эмоциональный дискомфорт, боль, стресс, муки». При этом страдание является центральным понятием в православной сотериологии и одним из факторов душеспасения. По словам св. апостола Павла, «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). Определенные возможности для трансляции святоотеческих суждений на естественнонаучный язык представляет знаменитый труд преподобного Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры».

Страдание твари в понимании прп. Иоанна Дамаскина и его современная интерпретация

Говоря о страдании, преподобный Иоанн в чрезвычайно емкой форме дает исчерпывающее представление об этом состоянии как для человека, обладающего волей и способностью к выбору своих действий, так и для неразумных тварей, этими способностями не располагающими. Применительно к страданиям бессловесных тварей особый интерес представляют следующие мысли подвижника: (1) «...страдание живого существа есть такое состояние, за которым следует удовольствие и неудовольствие»; (2) «общее определение страдания таково: страдание есть движение в одном предмете, производимое другим предметом. В противоположность этому действие есть деятельное движение. Деятельным называют то, что движется собственными силами»; и (3) «именно действие есть движение, согласное с природою, страдание же – действие, противное природе. В этом смысле действие называется страданием, когда предмет движется несообразно с природою, – безразлично, исходит ли движение от самого него или от другого предмета»¹⁰.

(1). Очевидно, что такое понимание страдания расходится с современным. Преподобный Иоанн описывает его как состояние, которое сменяется либо «удовольствием», либо «неудовольствием». Второе, скорее всего, и соответствует собственно страданию в современном понимании – «совокупности крайне неприятных, тягостных или мучительных ощущений живого существа». Проецируя это суждение преподобного на представления современной физиологии животных и человека, можно думать, что ближайшим к нему является понятие стресса Ганса Селье¹¹: «Стресс есть неспецифический ответ организма на любое предъявление ему требования. Другими словами, кроме специфического эффекта, все воздействующие на нас агенты вызывают также и неспецифическую потребность осуществить приспособи-

¹⁰ Прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры, кн. 2, гл. 22.

¹¹ Ганс Селье (1907–1982) – канадский патолог, эндокринолог, разрабатывал теорию стресса как общего адаптационного синдрома организма. (Прим. ред.)

тельные функции и тем самым восстановить нормальное состояние. Эти функции независимы от специфического воздействия. Неспецифические требования, предъявляемые воздействием как таковым, – это и есть сущность стресса»¹².

(2) и (3). Продолжая аналогию с представлениями Г. Селье, логично предположить, что, во-первых, движение как основа страдания в понимании преподобного Иоанна является следствия нарушением гомеостаза¹³ организма, во-вторых, движение, несогласное с его природой, более всего отвечает состоянию патологических изменений, в-третьих, альтернативное ему, согласное с природой организма действие или деятельное движение, представляет собой адаптацию, в результате которой организм приспосабливается к изменениям своей внешней или внутренней среды.

Таким образом, взгляды преподобного Иоанна на страдание неразумной твари могут в какой-то мере интерпретироваться с точки зрения Г. Селье о стрессе, адаптациях и повреждении. Выражая взгляды святого языком современной физиологии, можно заключить, что страдание связано как с неспецифическими реакциями стресса, так и с последующими процессами повреждения.

Современные представления об адаптациях и проблема распада

Даже приблизительная интерпретация взглядов Иоанна Дамаскина на проблему страдания твари с позиций современной физиологии открывает широкие возможности для согласования биологических и богословских представлений по проблеме распада, вызванного грехопадением. Ключевыми в этом плане являются представления об адаптациях, развивающие идею Г. Селье о неспецифических реакциях и стрессе.

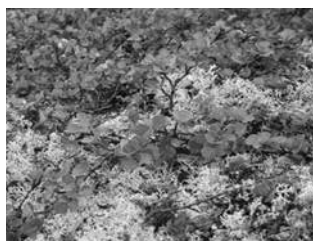
Биологическая адаптация — приспособление организма к внешним условиям, включая биохимическую, морфофизиологическую и поведенческую составляющие. В физиологии животных представления об адаптации получили развитие в работах русского ученого Ивана Петровича Павлова и американского – Уолтера Брейдфорда Кеннона. В 1929 г. У. Кеннон сформулировал понятие гомеостаза как постоянства жизненно важных параметров внутренней среды организма, которое поддерживается в условиях ее крайней неустойчивости. И. П. Павлов применил эту идею к взаимоотношениям организма с еще менее устойчивой внешней средой.

¹² Г. Селье. Стресс жизни, 1938.

¹³ Гомеостаз – свойство биологических систем сохранять относительную динамическую устойчивость параметров состава и функций. Умение биосистем противостоять возмущениям со стороны внешней среды за счет автономности и стабильности их внутренней организации (Прим. ред.).

Многообразие растительных форм

Борщевик Сосновского – пример активной адаптации. Карликовая береза – пример пассивной адаптации

Существенный шаг в изучении адаптаций был сделан в начале 1980-х гг. советским физиологом растений О. И. Заураловым, подразделившим все разнообразие адаптивных реакций на активную и пассивную стратегии. Активная стратегия предполагает высокий уровень энергообмена и метаболизма, пассивная реализуется при их низких значениях вплоть до ухода в анабиоз. Характерным внешним признаком активно адаптирующихся организмов являются крупные размеры в сочетании с высоким уровнем энергообмена и метаболизма, пассивно адаптирующиеся обычно невелики по размерам с низкой активностью обмена энергии и веществ.

Важно, что активная стратегия связана с повышением целостности (интегрированности) организма – усилением связей между отдельными его подсистемами, а пассивная – с ее снижением и ослаблением этих связей, т. е. с более или менее полным распадом на относительно самостоятельные субъединицы. Низкоорганизованные биосистемы относительно легко распадаются на еще более простые составляющие, способные к самостоятельному существованию. С этих позиций

Перелеты птиц и миграции угрей

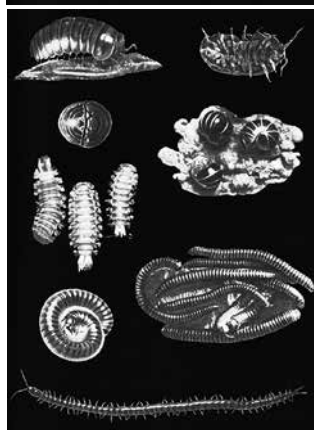
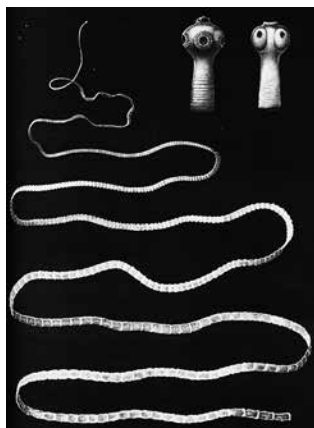
О. Павел Флоренский
(1882–1937)

Есть объективность; это – Богозданная тварь. Жить и чувствовать вместе со всею тварью, но не тою тварью, которую испоганил человек, а тою, которая вышла из рук Творца Своего; прозревать в этой твари иную, высшую природу; сквозь кору греха осязать чистое ядро Божьего творения...

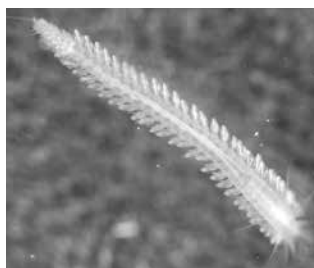
морфологическое разнообразие листьев и жизненных форм растений отражает различные стадии процесса их распада.

Так как, по утверждению прп. Иоанна Дамаскина, «страдание есть движение в одном предмете, производимое другим предметом», а каждый живой организм приспособлен к определенным внешним условиям, любые изменения среды его обитания являются действием, противным состоянию его природы в данный конкретный момент, приводят к страданиям. Как указывалось выше, это наблюдается на стадии стресса, а также при активных адаптациях, и повреждениях, так как в этих состояниях возрастают энергетические потребности и соответствующие затраты по их обеспечению.

Главной проблемой адаптации организма к новым условиям существования является поддержание его целостности, стабилизация связей между его подсистемами. Пассивные адаптации в своем максимальном выражении представляют собой способ сохранения жизни подсистем в форме самостоятельных организмов. Страдание прекращается при полном их обособлении, т.е. максимальной

Метамерно-симметричные биологические формы (сверху вниз: бычий и свиной цепни, многоножки)

Метамерно-симметричный организм с боковыми выростами (планктонная полихета)

реализации пассивной адаптационной стратегии, в результате совершенного распада системы, что равносильно ее смерти. Таким образом, страдание – это результат усилий организма, направленных на поддержание своей целостности в изменяющихся условиях среды. Материализовавшимся отражением страданий, перенесенных организмами в процессе адаптации, является повсеместная компартиментализация биосистем на различных уровнях организации, от клеточных органоидов до биогеоценозов.

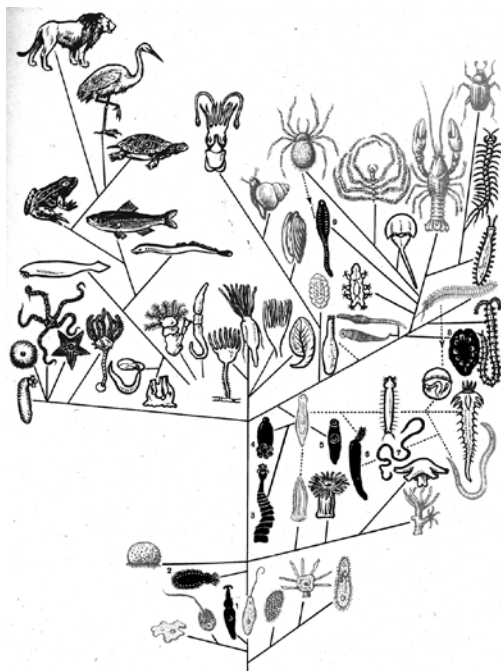
Первозданный мир и несовершенство современных биосистем

Поскольку главной проблемой в жизни современных биосистем является поддержание их целостности в изменяющихся условиях внешней среды, что и служит источником страданий, очевидно, что в лишенном страданий первозданном мире эта проблема не могла существовать. Соответственно, не было необходимости и в компартиментализации, а высокая целостность обеспечивалась непрерывающимся потоком Нетварных энергий. Признаки первозданной гармонии можно обнаружить и сейчас, хотя, вопреки распространенному мнению, даже дикая, не нарушенная человеком природа далека от той, которая описана в Книге Бытия. Об этом, в частности, свидетельствуют представления:

физиологии

– о широком (от бактерий до человека) распространении свободнорадикальных окислительных реакций явно деструктивного типа, не связанных с запасанием энергии, но участвующих в процессах обусловленной внешними причинами и возрастной деградации;

– о компартиментализации как общем принципе организации всех современных биосистем на всех уровнях их структурной иерархии;

Распространение хищничества и паразитизма в основных таксонах (группы в классификации – прим. ред.) царства животных

Растения-хищники
сверху вниз: раффлезия, венерина мухоловка, росянка

Гусеницы и бабочки – пример перехода от метамерной к билатеральной симметрии в процессе онтогенеза

ЭТОЛОГИИ

– о перемещении различных животных в пространстве на значительные расстояния в поисках подходящих экологических ниш (наличие пищи + отсутствие хищников), либо о длительном торможении процессов жизнедеятельности вплоть до анабиоза;

– о поразительно низкой эффективности генеративных механизмов у представителей многих видов животных и растений (значительное перепроизводство потомства при высокой смертности);

– о широком распространении хищничества и паразитизма среди животных, а также наличия хищников и среди растений. Наконец, с эстетических позиций это подтверждается широким распространением в животном мире безобразных, не несущих в себе Образа Божия, форм.

В контексте обсуждаемой здесь проблемы последнее представляет особый интерес, поскольку в большинстве случаев внешняя гармония, или гармония формы, воспринимается не рационально, но чувственно, вследствие чего способна в какой-то мере противостоять росту рационалистического мировосприятия современной интеллигенции.

Для того чтобы выяснить общие принципы гармонии биологических форм, необходимо определить альтернативные признаки безобразности, т.е. отсутствия в них Божия

Образа, обратившись за примерами к миру животных.

Наиболее отрицательные эмоции у неподготовленных (биологически необразованных) лиц вызывают метамерно-симметричные формы, в которых элементарная морфоединица тела многократно повторяется в пространстве в одном измерении. Существенно менее отталкивающими выглядят объекты, метамерность которых маскируется боковыми выростами отдельных морфоединиц. В результате сокращения их числа получают билатерально-симметричные формы, которые при увеличении размеров боковых выростов выглядят с общепринятой точки зрения явно эстетичнее. Убедительным примером тому является впечатление, которое производит превращение гусеницы в бабочку. Наконец, в типичных случаях наиболее эстетично выглядят радиально-симметричные формы, которыми так богат расти-

тельный мир, причем эти формы свойственны самым красивым, по общепринятому мнению, органам растений – цветкам.

В духовном плане метамерный тип симметрии является, несомненно, глубоко ущербным. В Книге Бытия содержится прямое указание на его деструктивное происхождение: *«И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей»* (Быт. 3, 14). С другой стороны, распад таких структур на составляющие элементы даже по чисто механическим соображениям достигается с меньшими трудностями, поскольку каждый из этих элементов связан максимум с двумя соседними. Учитывая высказанные ранее соображения, можно думать, что поддержание целостности таких низкоинтегрированных структур не требует существенных энергетических затрат и, соответственно, не влечет за собой заметных страданий.

И в заключение. Распад является неотъемлемым свойством нашего падшего мира и основной причиной страдания живых тварей. Борьба с распадом (поддержание целостности) заставляет их страдать, вследствие чего каждый организм находит свой индивидуальный оптимум существования в конкретном положении равновесия между уровнем испытываемого страдания и скоординированностью работы своих подсистем; увеличение целостности связано с ростом страданий. Страдание уменьшается с понижением его уровня, полностью пропадая в условиях абсолютного распада, т. е. смерти организма. При этом достижение указанного оптимума при низких уровнях целостности и страданий приводит к появлению безобразных проклятых метамерно-симметричных форм, а в противоположном случае образуются радиально-симметричные объекты.

Невозможность достижения жизненного оптимума, сочетающего высокий уровень це-

Примеры радиально-лучевой симметрии у растений

лостности с отсутствием страданий, является одним из главных признаков нашего падшего мира и несовершенства дикой природы, глубоко прочувствованного и поэтически выраженного Н. А. Заболоцким¹⁴ более 70 лет назад.

Н. А. Заболоцкий
(1903–1958)

«Лодейников» (1932 г.)

Лодейников склонился над листьями,
И в этот миг привиделся ему
Огромный червь, железными зубами
Схвативший лист и прянувший во тьму.

Так вот она, гармония природы,
Так вот они, ночные голоса!
Так вот о чем шумят во мраке воды,
О чем, вздыхая, шепчутся леса!

Лодейников прислушался. Над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшись адом,
Свои дела вершила без затей.

Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ глядели из травы.

Природы вековечная давяльня
Соединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна
Соединить два таинства ее.

¹⁴ Заболоцкий Николай Алексеевич (1903–1958) – русский, советский поэт. (Прим. ред.)

Автор выражает искреннюю признательность чл.-корр. РАН, проф. Г. С. Розенбергу за любезно предоставленную возможность воспользоваться слайдом из электронной версии его курса лекций по экологии с фотографией Н. А. Заболоцкого и цитатой.

О христианском понимании страданий: «Чем больше скорбь, тем ближе Бог»

*АНЦИФЕРОВА Елизавета Николаевна¹,
врач-терапевт, заведующая Мурманским
Хосписом больницы «Севрыба»,
г. Мурманск*

Когда человек благополучен и здоров, а родители основ веры в нем не воспитали, то и Бога он не ищет, и о спасении души не задумывается. Земные попечения заслоняют, прячут от него Бога. И тогда, как сказал один старец, случается одно из двух: «Господь либо сокрушает сердца, либо кости». Хорошо, если сердце приходит к сокрушению, и человек обращается к Богу, идет к Нему, следует за Ним. Если же нет, тогда «сокрушаются кости» – посылаются болезни и скорби. И на одре болезни, часто на одре смертном, человек начинает понимать, что «неправильно прожил свою земную жизнь». Эти слова – цитата из обращения одной уже усопшей женщины, с которыми она обратилась, явившись во сне, к своей родной сестре. Душа болящего человека, чувствуя завершение земного пути, начинает

¹ Ныне: монахиня Екатерина (Анциферова), сотрудница Епархиального реабилитационного центра «Содействие».

волноваться, скорбеть и плакать в поисках ответа на вопрос: «что теперь делать?»

Как хорошо, если тяжело страдающему от болезни и мятущемуся душой удастся получить эти ответы и закончить земной путь по-христиански с «напутствием в Жизнь Вечную». Господь милостив, и приемлет пришедшего к Нему «в девятый час, так же как и в первый». Знаем мы и обетование Божие: *«Пришедшего ко Мне не изгоню вон»*.

Скорби и болезни и приводят человека к Богу. Беседа с пациентами-бомжами (они к нам тоже попадают после ампутации конечностей, один даже оставшийся в живых после падения с 5-го этажа), говорю им: «Задумайся. Ты стоял на краю пропасти – упади в нее, и вечных мучений от нераскаянных грехов жизни тебе не миновать. Но Господь удержал тебя от гибели. Ты потерял ноги, но душа твоя осталась при тебе: *«...лучше тебе войти в жизнь [вечную] хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает»* (Мк. 9, 47). Тебе дан шанс для спасения души».

Так начинается духовный «ликбез», и милостью Божией совершаются разительные перемены, и слышишь: «Я стал совсем другим, и к старому не вернусь». И радуешься, еще один блудный сын пришел в объятия Отчие. Слава Тебе, Господи, Слава Тебе!

Об этом пути постижения Бога через болезни и страдания ясно говорят святые отцы:

«Чем больше скорбь, тем ближе Бог»,

«Болезнь дается человеку для того, чтобы он опомнился и покаялся»,
«Не было бы скорбей, не было бы и спасения. От скорбей две пользы: первая – усердие к Богу и благодарение от всей души, вторая – избавление от суетных попечений и забот. Конечно, Господь попускает скорби соразмерно нашим силам, кто какие может понести. Скорби нас смиряют, потому что мы самонадеянны, своими силами хотим справляться и преуспевать в духовной жизни, а в скорби научаемся смирению и понимаем, что наши усилия без Божией помощи не достигнут цели»,

«Скорби учат нас молиться и чувствовать близость милости Божией. А потому – слава Богу за все» (архимандрит Иоанн (Крестьянкин)),
«Все мы, пережившие страдания душевные и телесные, знаем, что никогда не молились так, как во время болезни или горя. Но когда все хорошо, забываем и о молитве, и о душе, и о Царстве Небесном. Именно ради нашей пользы Господь посылает испытания» (старец Епифаний Афонский).

Считается, что на одре тяжелой болезни человек становится чуток и восприимчив к слову о Боге. Это подтверждает и опыт нашего Хосписа. Таким страдальцам надо дать только толчок для этих размышлений, найти для общения простые, понятные слова. Часто приходится начинать с азов, а иной раз требуется преодолевать такое противление

Болезнь души

Богу, что бывает очень трудно. С некоторыми, бывает, надо общаться долго и кропотливо, прежде чем появятся первые мысли об исповеди. Среди больных встречаются, можно сказать, «духовные младенцы», но бывают безбожно образованные и закоренелые атеисты. Для последних духовное созревание подчас занимает долгие месяцы.

Случается, признаюсь, что я отступаю, не находя отклика в их душе, и всю заботу о спасении особо «упертого» возлагаю на Господа. И, как правило, всегда убеждаюсь – воля Божия и Его милость творят чудеса. Казалось бы, негибаемые и непримиримые атеисты вдруг откликаются на призыв Господень, исповедаются, причащаются, после чего становятся кроткими и тихими.

За прошедшие девять лет работы нашего 20-коечного отделения приняли Таинство Крещения более шестидесяти человек. За это время через отделение прошло более полутора тысяч пациентов. И только восемь из них не захотели прийти к Богу и ушли в мир иной некрещеными. Также лишь немногие отказались от Таинств Исповеди и Причастия.

Вспоминается один 60-летний судебный врач, который пролежал у нас два месяца. При нем в палате не однажды обновлялся состав, были и Крещения, но у Владимира такого желания не появлялось. Состояние его заметно ухудшалось, и меня часто звали к нему в палату. Я все время держала наготове «крещальную купель» (в наших условиях это специальный тазик), и не раз почти бежала к нему в палату, чая услышать долгожданные слова веры. И я услышала их, но только за пять дней до смерти Владимира.

Однажды, уже вечером, я заглянула к нему в палату, предложила попить и спросила, не нужно ли еще чего-нибудь. И вдруг слышу: «Хочу креститься». Не стану скрывать, что от счастья я расплакалась. Так как было поздно и батюшку позвать было невозможно, то крестила Влади-

Крещение в Хосписе

мира сама. После крещения дала ему артоса и крещенской воды. Сидя у кровати, почитала молитвы. Какая кротость и какое спокойствие вдруг появились в нем! На другой день пришел священник и дополнил состоявшееся Крещение Таинством Миропомазания. В оставшиеся дни жизни кротость, мир и покой наполняли Владимира. Умирал он в мое отсутствие, и уходил из жизни спокойно. Сестры рассказывали, что в момент смерти у него обильно текли слезы.

В этой палате, надо сказать, совершилось еще одно чудо. Некоторое время соседом Владимира по палате был Семен, мужчина примерно того же возраста, преподаватель философии одного из ВУЗов. Поступив в отделение, он сразу заявил мне, что он атеист и «ни во что такое не верит». Когда я приходила в палату, он обычно после краткого общения отворачивался или лежал с закрытыми глазами, всем видом показывая, что ему ЭТО не интересно. Про «это» мы с Владимиром часто и подолгу говорили.

Однажды меня позвали в палату, я быстро пришла, полагая, что зовет Владимир. Но меня звал Семен: «Хочу исповедаться и причаститься, только не знаю, с чего начать, как подготовиться». Изумленная этой внезапной переменой, я предложила ему помощь в подготовке исповеди. Дала ему лист бумаги и стала читать перечень возможных грехов, дабы он выбрал и записал все, что касается его жизни. У него набралось 40 пунктов, что весьма удивило Семена: «не предполагал, что я столь погряз в грехах». «Да, Семен, – посочувствовала я ему, – столько лишь на поверхности, но их еще больше. Мы только часть откопали». На другой день он искренне исповедался и впервые в жизни причастился Христовых Таин, после чего попросил его выписать, желая умереть дома.

Еще мы были свидетелями искреннего покаяния разбойника-рецидивиста. Это был 59-летний мужчина, из которых 36 лет провел за решеткой. К нам Александр попал после лечения в отделении карди-

ологии и, как неизлечимо больной, провел в Хосписе недели две. При поступлении это был агрессивный, озлобленный человек, весь в тагуировках, который без матерных слов разговаривать не умел. Лежал он в пятиместной палате, где больные исповедовались и причащались. Состав палаты часто обновлялся. Мы с больными много говорили о Божьем, но реакция Александра – была всегда сугубо отрицательной. Однажды, возвращаясь с «пятиминутки» у главврача, увидела в ординаторской двух тюремных сотрудников. Они по телефону договаривались о машине, поскольку собирались забрать нашего пациента в тюремную больницу. Машину обещали прислать через два часа, но больному мы об этом ничего не говорили. Я приступила к утреннему обходу, взяв с собой фотографии паломнической поездки в Иерусалим. Подойдя к Александру, спросила, не хочет ли он посмотреть эти фото. К моему удивлению, он захотел. Было странно, но он с огромным интересом и каким-то пристальным вниманием рассматривал и расспрашивал про каждое изображение. Потом стал просить подарить ему некоторые фотографии. В итоге он вдруг сказал, что очень хотел бы видеть священника. Я, естественно, сказала ему, что постараюсь. Оставив ему все фото и иконки, срочно позвонила батюшке. Тот меня сразу понял и быстро приехал. Александр исповедался искренне и по-настоящему глубоко. С готовностью причастился Святых Таин. После Причастия как-то присмирел, стал даже кроток. Я смотрю вокруг и не вижу ни иконок моих, ни фотографий. Спросила у него. Александр откинул одеяло – все фотографии и иконы лежали у сердца. Вот здесь и прозвучали потрясшие меня слова: «Если останусь жив, как я хотел бы послужить Богу и людям».

Обещанная через два часа машина почему-то так и не пришла. Конвоиры уехали. Состояние больного ухудшилось, и ночью он умер. Утром за ним приехали тюремщики. Но Александр был уже на свободе...

Вспоминаю 2003 год. Еще один осужденный, 24-летний больной. Имел уже четвертую судимость, теперь получил девять лет. К нам он поступил с тяжелым онкологическим заболеванием, отсидев уже два года. Как выяснилось, рос он сиротой, и «воспитывала» его улица.

При поступлении в отделение был растерянным и даже испуган. Сказал, что хотел бы увидеть священника, но ничего не знает об Исповеди и Причастии. Придя к нему поговорить, я назвала его «сынком» и увидела, что сердце его «затрепетало», между нами появилось доверие.

Дня три мы с ним общались, готовясь к встрече с бабушкой. Наконец, состоялись его первые Исповедь и Причастие. Алексей, так звали больного, успокоился и умиротворился. Признавался, что ему никогда не было так хорошо. При встрече гладил руку и повторял только: «спасибочки, спасибочки...» На пятый день пребывания у нас он умер. Случилось это 24-го июня, когда славится икона Божией Матери «Достойно есть».

Из крестников хочется вспомнить и 83-летнего Давида Павловича,

еврея по национальности. Он был врач, капитан 1-го ранга, ветеран. Воевал на полуострове Рыбачьем, где был санинструктором. В годы войны дал обет, что если останется живым, то позаботится о захоронении погибших воинов. Благодаря его стараниям, прах многих павших солдат был предан земле. При его попечении были построены мемориалы, памятные знаки, установлена стела «Скорбящая мать».

По приглашению Давида Павловича мне довелось быть на одном из таких погребений, когда были захоронены останки 412 бойцов. Мне тогда показывали высоту, где еще в 70-е годы земля была белой от незахороненных солдатских костей.

Подробно о Давиде Павловиче написано в статье «От памяти не отрекаются», опубликованной в нашей «Православной газете» в 2003 году. Ветеран провел в нашем отделении больше двух месяцев. За прошедшее время мы много беседовали с ним. Кроме него в палате лежал тогда еще один ветеран войны, русский по национальности, который исповедовался и причащался.

Однажды Давид Павлович попросил принести ему крестик нательный, который он потом целовал и буквально обливал слезами. К тому времени его состояние уже ухудшалось. Незадолго до смерти ему были видения Ангелов, приносящих ему цветы от павших воинов. Также он сподобился лицезреть Господа, Который сказал ему: «Давид, иди ко Мне». Об этой радости он рассказывал мне, но это слышала и жена соседа-ветерана, а также наша помощница-прихожанка. Вскоре Давид Павлович стал отказываться от еды – он постился. И вот однажды попросил позвать ему священника – для Крещения. Я, признаюсь, не сразу поверила услышанному и спросила у его сына, правильно ли я поняла, что Давид Павлович хочет креститься. Сын желание отца подтвердил. Священника позвали, но больной был уже в забытии. Мне пришлось стать крестной и за него, как лечащему врачу, давать крестальные обеты. Когда Крещение завершилось, Давид Павлович неожиданно очнулся, пришел в себя и сознательно принял Святое Причастие. После ухода батюшки состояние его стало быстро ухудшаться, и ночью наш крестник переступил черту Вечности.

К сожалению, умирали и некрещеные пациенты. Скажу откровенно, тяжело уходили они из жизни. Вспоминается 36-летний А., который не захотел креститься. Был очень агрессивен и озлоблен (так и не сумел вступить в стадию примирения с болезнью, осознания ситуации), от молитв его «ломало». Одновременно с ним в палате лежал еще один некрещеный больной, который с радостью принял Крещение. Но, увы, несчастный А. смотрел часами телевизор, пил пиво, курил, общался с толпами приходивших приятелей. Умирал в мое отсутствие, со слов сестер, в страшных муках и кричал. Каждый раз в таких случаях чувствую вину за собой. Прости меня, Господи, грешную, что так и не сумела ему помочь.

Приснопамятный отец Валентин (Мордасов) сказал однажды: «Важно, в чем смерть застанет тебя. В служении Богу – смерть красна. А ныне больные раком умирают у телевизора: отчего заболел, тому и верен».

Вспоминается, как уходили из жизни две прихожанки нашей церкви Ольга и Клавдия – словно заснули с блаженной улыбкой на устах.

50-летний Андрей был привезен в отделение на каталке с правосторонним параличом и нарушением речи. Первым его желанием было увидеть священника и причаститься. Поступил он осенью, то ли в сентябре, то ли в октябре. После первого же Причастия состояние начало улучшаться – сел в кровати сам, потом встал, стал ходить по палате, и однажды встретил меня у входных дверей под руку с женой. Потом мы вместе встречали солнце, смотря из окна палаты... Это было в январе. За время пребывания в отделении он неоднократно исповедался и причащался, Господь даровал ему на время послабление в болезни. Потом болезнь свое взяла, он снова слег. Когда отходил ко Господу, тянул руки к Небу и плакал...

Лежала у нас пациентка, которая 62 года не переступала порога храма. Рассказывала, что в 1948 году, будучи в старом храме на ул. Зеленой, оскорбилась, услышав ненужные разговоры прихожанок во время службы, и решила, что больше в храм не пойдет, будет молиться дома. К нам поступила уже тяжело больной. Я спрашивала ее, почему же она не изменила своего решения и не пошла в другой храм? Ведь за это время столько храмов появилось, а она лишила себя Святого Причастия. Но что было, то было. У нас она вернулась к Господу, исповедалась, причастилась и вскоре ушла в мир иной.

Для некоторых больных узнавание Бога, принятие решения креститься бывает настоящим потрясением. Вспоминается мой 60-летний крестник Вячеслав. После Таинства Крещения он долго не мог прийти в себя и только ошеломленно повторял: «Вот ведь как. 60 лет прожил и только теперь крестился. Ничего не знал... Надо же как...». После Крещения он все просил меня читать молитвы. Вместе с ним мы читали Канон на исход души по ушедшему из жизни 18-летнему Арсению, соседу по палате. Он искренне и усердно о нем молился.

Сколько людей, столько к ним и подходов. У нас уже выработалась своя тактика общения. Каждый день, хотя бы несколько минут, уделяем духовному общению с больными. Но в иные дни это общение занимает полчаса и более. Обычно это происходит тогда, когда в палате подбираются довольно крепкие больные, часто это представители нашей городской интеллигенции, которые, казалось бы, многое знают, но были лишены общения с Богом в течение всей прожитой жизни. Но на одре болезни у них появляется невероятно сильная жажда узнать Бога и желание слышать о Нем. Такие больные особенно радуют, и хочется помочь им преодолеть незнание и рассказать как можно больше.

А как они слушают, как впитывают услышанное всеми силами истомившейся от безверия души!

Я не раз замечала, как сияют их глаза от радости этого узнавания. Они задают много вопросов на духовные темы, и отвечать на них большое удовольствие. Однажды у нас лежала завуч одной из школ – Галина. Наше общение для нее было праздником. Она смогла несколько раз исповедаться и причаститься. Итогом нашего общения были ее слова: «В моей душе зажегся огонь любви к Богу и всем людям. И мне хочется дарить и раздавать его всем: вот так, вот так, вот так! Как мне хорошо!» – при этом кулачок руки прикасался к сердцу и затем щедро «раздавал» всем вокруг. Несмотря на ее тяжкую болезнь, за этот огонь любви Господом было дано ей укрепление и утешение. Она смогла даже от нас выписаться, успела съездить в родительский дом, посетила Троице-Сергиеву Лавру, о чем она с восторгом поведала мне. Смогла еще два месяца побыть дома. Я спрашивала ее, сохранился ли огонь души? Она с радостью отвечала: «Сохранился! Я всех люблю, всем хочу делать добро». С этим огнем любви она и поступила к нам во второй раз. С ним и ушла ко Господу.

О переменах, которые ощутила в себе после того, как пришла к Богу, мне сообщила другая больная – Римма. Она сама отметила, что стала добрей, перестала раздражаться, делать или желать зла людям. Она полюбила всех окружающих и испытывает желание делать людям только добро, хочет всем помогать, только бы встать на ноги (диагноз: глиосаркома головного мозга).

За почти 10-летний срок работы отделения был у нас уникальный случай выздоровления, о котором необходимо рассказать подробнее.

В 2001 году осенью к нам был переведен из онкоцентра 44-летний больной Сергей. Привезли его на каталке, изможденного и измученного болями. Шесть раз в день он получал морфин. Приговор ракового диагноза был дан ему два года назад, и он постоянно наблюдался онкологами. За время болезни, как потом выяснилось, у него в жизни случилось много печальных событий: потерял работу (работал водителем-«дальнобойщиком»), развелся с женой, да и дети как-то отдалились. Получил инвалидность и жил одиноко, погруженный в переживания своего тяжелого положения. Но за время болезни он пришел к Богу и стал бывать в храме.

Еще лежа на каталке, увидев иконы, сказал, что хотел бы Исповеди и Причастия. Высказал и свое сокровенное желание о том, что если бы удалось поправиться, то вернулся бы в родительский дом в Тихвине. А я смотрела тогда на него и думала, что вряд ли этому суждено быть. Вскоре в наше отделение пришел священник, и Сергей причастился Святых Христовых Таин. Потом стремился причащаться при каждом приходе батюшки.

К весне, как это ни странно, состояние его стало заметно улучшаться. Уменьшились боли, начал чаще вставать, даже немного прибавил в весе, хотя по всем показателям болезни и прогнозам состояние должно было прогрессивно ухудшаться. В июне эта странная ситуация стала меня волновать, и я решила обследовать больного, поскольку уже отменяла обезболивающие средства, заменяя их другими препаратами.

Готовясь к этой поездке в онкоцентр для обследования, я не раз беседовала с Сергеем и говорила, что Господь всемогущ и милостив, что Он может исцелять по вере любые болезни, и приводила примеры из жизни. Удалось сделать компьютерную томографию брюшной полости, на которой, к удивлению присутствующих, ожидаемых отрицательных изменений выявлено не было. Собрали внутрибольничным консилиумом, приняли решение сделать диагностическую лапароскопию, на которой впоследствии также не обнаружили ухудшения. И более того, консилиум онкологов снял диагноз двухлетней давности.

Надо сказать, что как установление ракового диагноза, так и неожиданное снятие его после всех перенесенных потрясений может вызвать у больного психический шок. Возвращаясь с консилиума, мы с Сергеем прочитали историю о Барнаульском чуде². Сергей был потрясен и растерян снятием диагноза. За два года он уже смирился с предстоящей смертью. Мы пообещали ему поддержку и начали реабилитационный курс для возвращения к обычной жизни, еще не очень представляя, как это у нас получится. Через некоторое время Сергей отпросился навестить заболевшую жену, которая тоже лечилась в онкоцентре. Конечно, мы его отпустили.

Вскоре он сообщил, что жену выписали и он хотел бы ее отвезти домой и дома переночевать. Мы, конечно, волновались за него, но позволили, попросив нас звонить и информировать о ситуации. Приехал он в отделение в полдень, пришел ко мне со счастливой и растерянной улыбкой: помирился с женой. А где же твоя жена? У дверей кабинета сидела миловидная женщина. Я попросила их зайти вместе. Поздоровалась с примирением, с выздоровлением Сергея, сказав, что они оба претерпели эти испытания, посланные Богом, и что надо беречь друг друга. Попросила взяться за руки, благословила, как врач и мать, и отпустила домой. За справкой Сергей пришел позднее. Потом звонил, что хоть и недалеко, но ходил в лес за грибами. Дома на ту пору было все благополучно. Впоследствии узнала, что он все-таки уехал с женой в свой дом в Тихвине. Больше мы с ним не встречались.

Неверующих скептиков очень беспокоит этот случай. И мне порой говорят, что это просто диагноз был ошибочный и что такого исцеления не могло быть. Но пусть даже это ошибка онкологов, – чудо Божие

² Знаменитое чудо, произошедшее в Барнауле с Клавдией Устюжаниновой в 1963 году. Болевшая раком кишечника в последней стадии с метастазами и умершая во время операции, Клавдия, побывав в Царствии Небесном, была возвращена в свое тело в морге, с повелением рассказать все с ней произошедшее. (Прим. ред.).

все равно состоялось. Два года памяти смертной, два года скорбей – и, наконец, снятие диагноза. Да это тоже милость Божия, которую надо заслужить! И думаю, что такой урок ни для кого не прошел бы даром.

«Благодарите Бога, что вы на добром пути. Болезнь ваша – великий дар Божий. Денно и ночью за сие и за все хвалите и благодарите Бога – спасена будет душа ваша» (старец Арсений Афонский).

Трудно далекому от Бога человеку воспринять свою болезнь как дар. Скорее, появление тяжелой болезни вызывает протест и недоумение: «За что мне это? И почему именно мне?»

Болезнь, да еще онкологическая, – скорбь великая и непомерная. И никак не смириться, и не принять, и не хочется думать, а тем более ждать смерти. Страшно человеку, далекому от Бога, знать, что эта болезнь – прямая дорога к завершению земной жизни. Бойся не бойся, гони от себя эти мысли, но конец неизбежен, и приходится о нем думать.

Одна женщина рассказывала, что, получив тяжелую травму и ясно представляя, что придется долго лежать в немощи и испытывать все неудобства этого состояния, молилась молитвой Спасителя в Гефсиманском саду: «*Отче, если можно, пронеси чашу сию мимо меня, впрочем не как я хочу, но как Ты*». Если мне придется испытать ее, то не буду роптать, буду терпеть». И терпела эту болезнь, во спасение души посланную. Но такое осознание болезни возможно только верующему человеку. Неверующий же, по словам святителя Николая Сербского, принимает такое «наказание, как трехжильным бичом: неведением, беспокойством и отчаянием».

Часто заболевший начинает испытывать агрессию к окружающим, и с этим мы, бывает, встречаемся. Но, как правило, онкологическое заболевание протекает довольно длительно и, пройдя стадии протеста и агрессии, человек смиряется и начинает задумываться не только о том, за что послана болезнь, но и, самое главное, для чего. Он задумывается, как прожил земную жизнь, сколько жить еще осталось и о том: «Что же будет дальше, за чертой вечности?» У таких больных душа готова воспринять слово о Боге, задуматься о жизни Вечной. В этот момент важно, чтобы рядом оказался человек, способный донести эти знания, что, порой, непросто. Ведь речь идет о спасении души. Души спасает Господь, мы же все избраны быть орудием в руках Божиих.

Иной раз я так и говорю больным: «В этом бурном море я всего лишь бревно, которое вам дал Господь. Хватайтесь! Ухватитесь, помогите плыть». Сравнение грубое, но понятное. Мы, работающие с умирающими, может быть, последняя надежда для их спасения, которую им дарует Господь. Это очень ответственно – быть соратником Господу. Это великое доверие, которое страшно не оправдать. Очень непросто помочь человеку прийти к Богу, если вся жизнь прожита без Него. Но милостивый Господь «*близ есть, при дверех*» каждого сердца. Нам дано только помочь приоткрыть эту дверь, остальное довершит Господь.

Некоторые аспекты духовных причин катастроф и потрясений в жизни современного человека.

К десятилетию трагедии АПЛ «Курск»

*Игумен МИТРОФАН (Баданин),
кандидат богословия, настоятель
Успенского прихода села Варзуга*

Трагическая история России XX века была увенчана катастрофой, потрясшей мир и породившей тяжелейшие душевные переживания россиян – трагедией, произошедшей в Баренцевом море 12 августа 2000 года. «Атомный подводный крейсер К-141 "Курск" во время выполнения учебно-боевой задачи в Баренцевом море получил тяжелые повреждения и затонул. Верный Военной присяге, ценой собственной жизни экипаж крейсера заглушил ядерный реактор и до конца боролся за живучесть корабля. Беззаветная преданность воинскому долгу и верность Военной присяге будут служить примером для всего личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации», – это цитата из Приказа министра обороны Российской Федерации «О зачислении погибшего личного состава атомного подводного крейсера "Курск" навечно в списки 7-й дивизии 1-й флотилии подводных лодок Северного флота».

«Последний парад наступает...»

30 июля 2000 года экипаж АПЛ «Курск» участвовал в параде кораблей, посвященном Дню ВМФ. По окончании праздника лодка ушла на выполнение учебно-боевой задачи. Поход оказался последним

Когда говоришь о наступившем десятилетии со дня этой трагедии, то в ответ неизменно слышишь удивленный вопрос: «Неужели уже десять лет прошло?» В этом вопросе вся суть духовного феномена трагических событий августа 2000 года. События десятилетней давности удивительно свежи в воспоминаниях и продолжают жить в каждом из нас.

Почему боль именно этой трагедии не хочет покинуть наши сердца? Почему в Калининграде и на Украине, на Дальнем Востоке и Крыму все это время продолжают писать записки «об упокоении моряков-подводников АПЛ "Курск"».

И у каждого (и не только в России) есть своя история, связанная с «Курском», свой след в душе, своя память сердца? Сколько уже было иных трагедий, сколько страшных историй прошло перед нами за эти десять лет, какое великое множество людей трагически погибло, но ни за кого (разве только за очень близкого родственника), никто не будет молиться целых десять лет. И с каждым годом становится все более очевидным, что этому явлению не может быть рационального

Неугасимая лампада «Курска». Напрестольная лампада, изготовленная из плафона аварийного освящения девятого отсека АПРК «КУРСК», где к полудню 12 августа 2000 года собрались оставшиеся в живых двадцать три моряка-подводника. Под этим плафоном, при угасающем свете от аккумуляторных батарей они продолжали со спокойным достоинством исполнять свой воинский долг. Под этим плафоном они писали свои прощальные записки.

Стеклянный плафон был поднят водолазами при вскрытии аварийного люка осенью 2000 года и в дальнейшем ювелирно оформлен мастером-художником из Петербурга Олегом Тихомировым на средства, собранные жителями гарнизона Видяево.

Золотые якоря поддерживают серебряную окружность и сто восемнадцать золотых свечей, на каждой из которой – имя моряка-подводника. В перекрестье Андреевского флага горит огонек лампадки: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих». На червленом серебре золотом прописана трагическая дата, навсегда оставшаяся в сердце каждого россиянина – 12 августа 2000 года.

Ныне эта Неугасимая лампада «Курска» находится на престоле Свято-Никольского храма-памятника, что в поселке Видяево, – месте базирования атомных подводных лодок Северного флота

«Потому и плакала вся наша громадная страна, вдруг осознавшая себя единым народом, ставшая в этот момент одной семьей»

объяснения, кроме неодолимой духовной потребности, ясного веления сердца и Божьего определения.

Для чего всем нам была нужна трагедия «Курска»? Какие грехи омывались в эти дни теми потоками слез, что проливали у экранов телевизоров миллионы россиян?

Надо признать, что речь идет о грехе окаменевших сердец, грехе омертвевшей души русского народа. Завершалось второе тысячелетие пришествия в мир Спасителя, а в России все оказалось растоптано, обесстыжено и отдано на продажу. Страна, когда-то называвшая себя Святой Русью, превратилась в посмешище и блудилище. *«И поступят с тобою жестоко, и возьмут у тебя все, нажитое трудами, и оставят тебя нагою и непокрытою, и открыта будет срамная нагота твоя, и распутство твое, и блудодействие твое. Это будет сделано с тобою за блудодействие твое с народами, идолами которых ты осквернила себя»* (Иез. 23, 29).

Нужно было положить предел, обозначить рубеж, последнюю черту на пути нашего духовного падения. Израненная громада «Курска» легла пред нами, не позволяя на этот раз перешагнуть и забыть, как

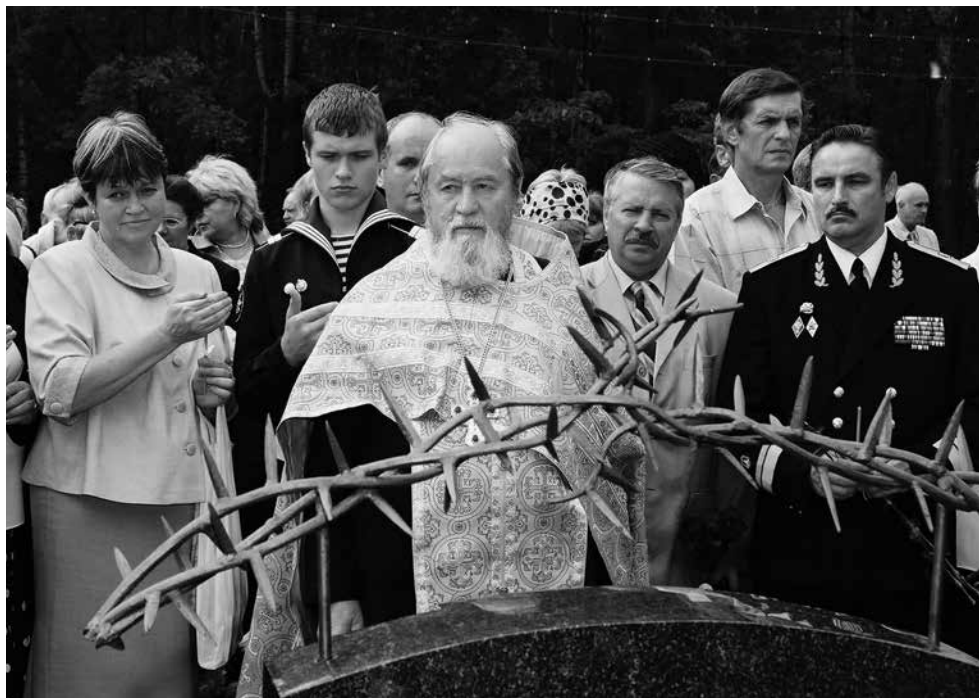
«Серафимовском кладбище Санкт Петербурга. На этом кладбище упокоились сотни тысяч мучеников блокадного города, а позже – и многие жертвы послевоенных трагических событий и катастроф, что придало кладбищу статус мемориала. Еще это кладбище считают "морским", что было подтверждено и фактом упокоения здесь, при этой церкви, тридцати двух моряков-подводников с "Курска".

Фотография конца ноября 2010 года. Обычное время года, ни дней памяти, ни годовщин. Но на всех могилах моряков с "Курска" всегда живые цветы»

мы уже не раз делали в таких случаях. Рванный металл искореженной лодки по живому резанул сердце каждого русского человека. Ребята с «Курска» уходили в жизнь вечную, дабы мы никогда не забывали о вечности, живущей в нас.

«Курск» был нам необходим. «Курск» ушел в небытие для того, чтобы мы вернулись из небытия. То духовное разорение, моральная деградация и беспамятство, в котором оказалась страна к концу страшного XX века, больше невозможно было терпеть. Господь пожалел Россию и положил предел распаду и разложению этого нашего некогда великого народа.

Эта прекрасная лодка, совершенное творение, созданное силою знаний и талантов множества людей, в полной мере испытала неодолимое могущество Божественных определений и властную Его десницу.

Настоятель Серафимовской церкви протоиерей Василий Ермаков († 2007) с родными и близкими погибших моряков в день памяти "Курска", 12 августа 2006 года

В Санкт-Петербурге на Серафимовском кладбище стоит деревянная кладбищенская церковь, освященная в 1907 году во имя преподобного Серафима Саровского чудотворца, при которой упокоились тела тридцати двух моряков-подводников с «Курска».

Церковь эта знаменита и долгим, в течение 26 лет, периодом настоятельства в ней известного старца последних времен протоиерея Василия Ермакова († 2007). После произошедшей трагедии отец Василий ясно высказывался об истоках этой беды, определяя скрытые, духовные причины произошедшего: «Мы видим напористое стремление по-человечески, по своему уму разрешить эту трагедию, объяснить всем, почему она произошла. Довольно уже пытаться свести ее причину на уровень технических проблем». Отец Василий говорил о моральном аспекте жизни во флотских гарнизонах, о глубоком нравственном падении современного человека, об утрате духовных основ семейной жизни, деградации отношений между мужем и женой. Крепкие, духовно здоровые семьи стали исключением из правил. Чистота, верность, целомудрие – стали едва ли не ругательными словами. Эти фундаментальные основы человеческого счастья воспринимаются как признак отсталости, неумения «наслаждаться» и «брать от жизни все». О том и горькие слова отца Василия:

«Произошедшее с "Курском" – трагедия нравственная, и характер ее чисто духовный. Это трагедия-символ. Главная причина в том, что дома ребят никто не ждал. И за это всегда бывает наказание. Я это знаю, мне рассказали о том холоде, том равнодушии, которое было у жен многих моряков к своим мужьям, им в спину неслись даже проклятия. Вы не хотели, чтобы ваши мужья, сыны России вернулись домой?! Что хотели, то и получили. Главная причина гибели – нравственная – женщины перестали любить своих мужей, ждать их, делить их тяготы».

И пусть никто не обижается на слова старого священника, да поглубже заглянет в свое сердце и, может, поплачет над пронзительными строчками стихотворения Константина Симонова «Жди меня»:

Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

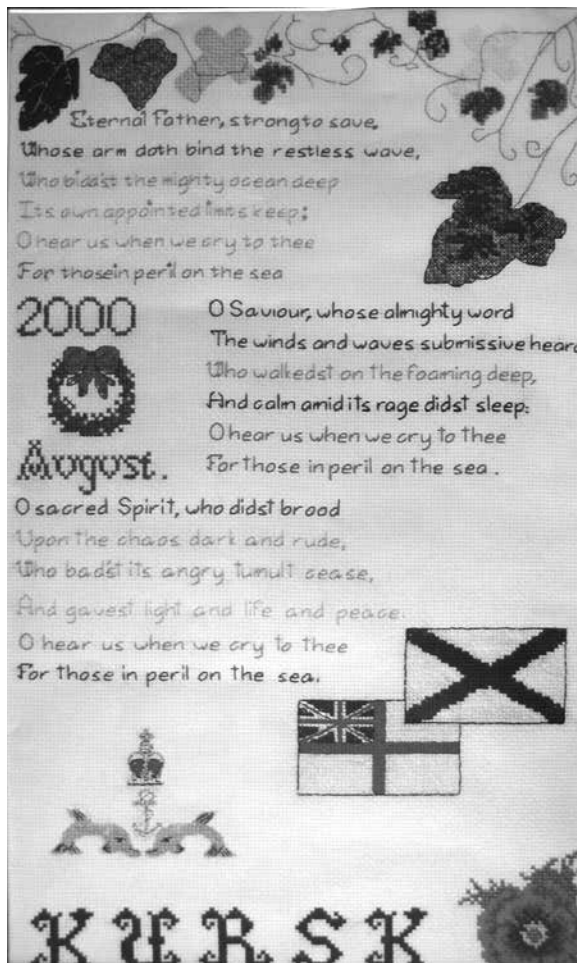
Святая обязанность жен молиться о своих ушедших в море мужьях, вследствие известных исторических причин, в современном ВМФ России все еще воспринимается, пожалуй, как некая диковинка. Поэтому и раздаются в пустых гарнизонных церквях одинокие голоса священников, возносящих молитвы «о сущих в море далече». Исполнит ли Господь эти прошения, если «вторая половина» мужа, находящегося в походе среди морской стихии, вместо исполнения долга жены моряка, молитвы о сбережении любимого и посещения храма, коротает время в пустых разговорах, одуряющем смотре телевизора, а то и за чем-либо иным...

Трагедия «Курска» свела и подружила наших подводников Севера с моряками Великобритании. Христианский Союз Британских моряков флота Ее Величества совершенно искренне воспринял нашу боль, как свою собственную. Жены моряков-подводников Великобритании в память о ста восемнадцати героях «Курска» вышили полотно с молитвой о тех, кто в море. Эта молитва состоит ровно из ста восемнадцати слов. Каждую строку молитвы с особым прошением в своем сердце вышивала жена моряка-подводника. Какой важный нравственный пример для наших семей! Жены-христианки Англии воспринимают свое служение флоту наравне с мужчинами. Молитвенное стояние

Творец Небесный, Отче наш,
 Волн беспокойных Укротитель,
 Глубин могучих Покоритель,
 Стихий Зиждитель и Властитель –
 Услыши нас, молящих Тя!
 Храни ушедших в дальние моря.

Спаситель, Твой всеисильный глас
 Ветра и волны усмирят,
 Пучину пенную пронзает,
 И гнев, и ярость покоряет –
 Услыши нас, молящих Тя!
 Спаси ушедших в дальние моря.

О Дух Святой, в Твоей лишь власти
 И тьму, и хаос усмирить,
 Мятеж и ярость погасить,
 Дать свет, и мир, и жизнь, и счастье –
 Услыши нас, молящих Тя!
 Прости ушедших в дальние моря.¹

Гобелен с молитвой ко Господу «О тех, кто в море».

Христианский Союз Британских моряков флота Ее Величества совершенно искренне воспринял нашу боль, как свою собственную. Жены моряков-подводников Великобритании в память о ста восемнадцати героях «Курска» вышили полотно с молитвой о тех, кто в море. Эта молитва состоит ровно из ста восемнадцати слов. Каждую строку молитвы с особым прошением в своем сердце вышивала жена моряка-подводника. Какой важный нравственный пример для наших семей военных!

¹ Перевод с английского по просьбе автора осуществили Надежда Кабанова и Ольга Миловидова (Санкт-Петербургский Государственный университет).

жен во время пребывания мужей в море – святая обязанность и долг жены моряка, что исполняется неукоснительно и строго.

Подчеркнем, что подводный флот Великобритании – один из наиболее современных флотов, активно действующих на просторах мирового океана, но при этом последняя потеря английской лодки была в 1956 году. А теперь вспомним, сколько мы потеряли за это время дорогих людей в нашем упорном безбожии?

Говоря об этой страшной потере нашими семьями, и всем нашим народом, навыка и традиции молитвенного попечения о близких нам людях, мы, конечно же, имеем в виду не только жен.

Мужья, моряки современного флота, похоже, «делают все, от них зависящее», чтобы уклониться от этой молитвенной помощи. О какой молитве, о каких прошениях к Богу за дорогих людей, «за тех, кто в море», может идти сейчас речь, если вся жизнь моряка постсоветского времени, вся его душа и сердце отравлено откровенной матерщиной. Просто диву даешься, с каким упоением и даже гордостью моряки флота российского изливают друг на друга эту словесную грязь. Неужели эта гнусная традиция, принесенная так называемыми «революционными матросами», опьяневшими от вседозволенности 1917 года, оказалась нам дороже традиций российского офицерства, этой «белой кости и голубой крови», традиций святого адмирала Федора Ушакова, адмиралов Нахимова, Синявина, Макарова?.. Неужели и сейчас мы будем продолжать следовать этому главному признаку «рабоче-крестьянского» происхождения как необходимому условию проявления лояльности к безбожному режиму кровавого XX века?

Так не было на Российском флоте. Мой прадед в конце XIX века 12 лет отслужил на кораблях царского флота. По свидетельству моей бабушки, самым страшным словом, которое он мог позволить себе «во гневе», было: «У, чумичка!». Произнести слова грязной ругани, употребить «гнилое слово» не мог никакой воин-христианин, потому как это явный грех. И Господь может наказать, отступив от тебя.

Что же такое, собственно, есть мат? Мат с духовной точки зрения – это есть антимолитва. Через матерные слова происходит поклонения «князю тьмы» и, как следствие, человек отступает от Бога. При этом человек, конечно же, чувствует эту черную энергию, и она его возбуждает. Матерящийся притягивает силы зла и доверяется им. Эта разрушительная энергия обладает способностью вызывать в человеке привыкание, зависимость наподобие наркотической. Человек уже не может жить без этой подпитки. Этими грязными словами он оскорбляет, унижает, «опускает» своего собеседника. На сакральном же уровне происходит подавление собеседника через натравливание так называемых бесов, или падших ангелов, на объект матерного поношения.

Вследствие такой привычки человек переходит на сторону сил тьмы, и тот самый Ангел Хранитель, что даруется каждому христианину от Господа при Крещении, отходит от человека и не вмешивается в происходящее, поскольку уважает свободу своего подопечного, добровольно выбравшего себе иных помощников. Святое Писание учит: никто *«не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне»* (Лк.16, 13).

Таким образом, всё то великое множество святых угодников Божьих, кои по роду своего служения являются верными заступниками и хранителями «всех сущих в море далече», – со времен 1917 года моряков Российского флота больше не охраняют. Это была величайшая победа князя тьмы, и до сегодняшнего дня российские моряки «твердо стоят на страже этих завоеваний». Поэтому так неуютно человеческой душе внутри современного корабельного пространства, наполненного грязным словом, там все «нечисто», там живет зло, которое в любое время может вырваться на свободу и разгуляться в полную силу, разрушая и калеча всех и вся. Человек добровольно отдал свою жизнь во власть дьяволу, забыв Божье предупреждение: *«Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем; и не давайте места дьяволу. Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно давало благодать слушающим. И не оскорбляйте Святаго Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления»* (Еф. 4, 29).

Не искоренив матерщину, ситуацию не изменить ни на флоте, ни во всей стране. Время, в течение которого Господь жестоко наказывал Россию, дав неограниченную власть над ней силам зла в лице безбожного режима, наконец истекло. Мат теперь не будет прощен от Господа, как это было во времена советского режима. Теперь от самих людей зависит, когда они расстанутся с этой «отрыжкой» мрачных времен. Это неперемное условие чаемого нами возрождения Святой Руси, ибо Господь ясно предупреждает нас: *«не может из тех же уст исходить благословение и проклятие: не должно, братия мои, сему так быть. Течет ли из одного источника сладкая и горькая вода?»* (Иак. 3, 5).

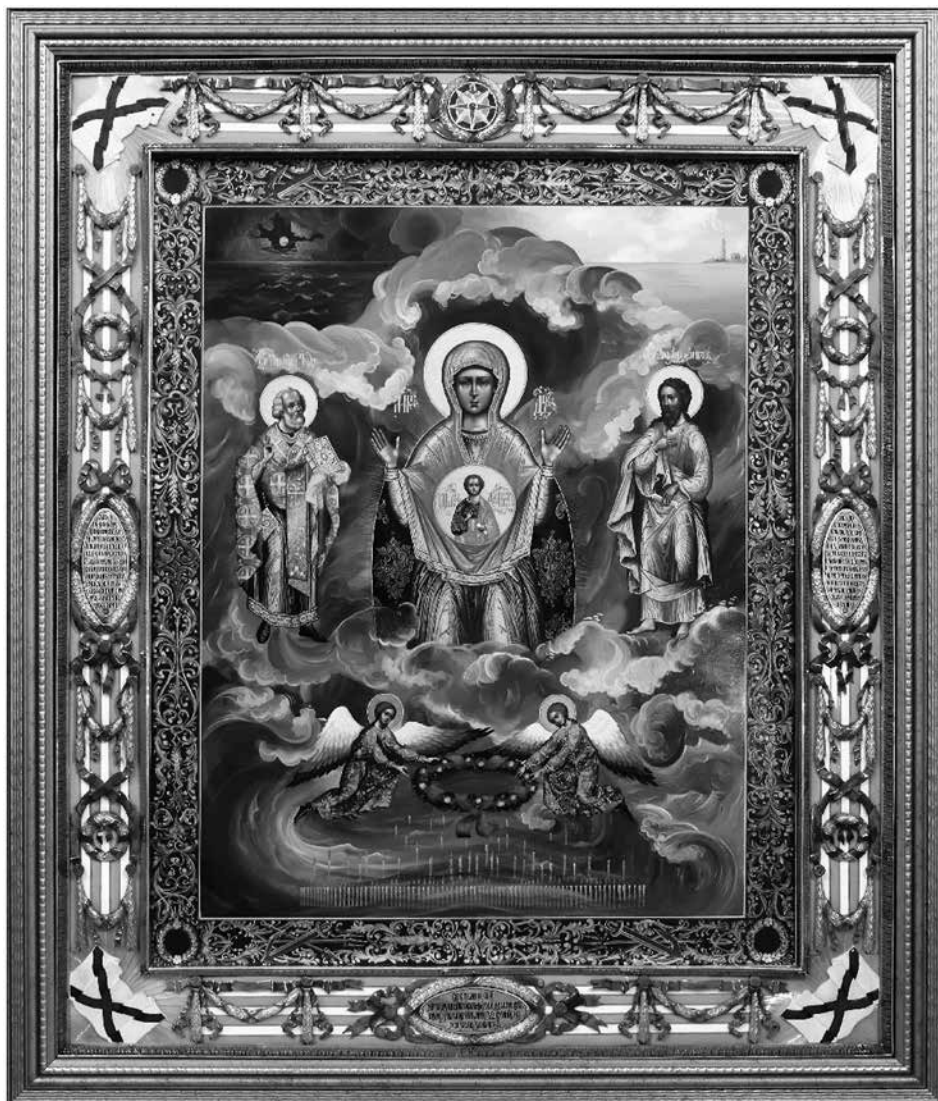

Незадолго до того последнего выхода в море, где старшим на борту АПЛ «Курск» был зам. командира дивизии капитан 1 ранга Багрянцев В. Т., тот сказал жене Екатерине: «Знаешь, очень бы хотелось, чтобы в нашем гарнизоне был храм и батюшка!» Владимир Тихонович с Божьей помощью сумел исполнить свое благое пожелание. Жизни моряков «Курска», как духовные кирпичики, легли в основание Свято-Никольской церкви поселка Видяево.

На сороковой день трагедии в поселке Видяево уже стоял новый храм. Этот храм-памятник освятил владыка Симон и в нем же отслужил «сороковины» – панихиду по почившим морякам

Гарнизон Видяево. Никольская церковь зимой

Икона Божией Матери «Спасаящая-на-Море» из Свято-Никольской церкви, что стоит у причалов на месте базирования атомных подводных лодок СФ в Ара-губе, поселок Видяево. Царица Небесная в образе Божьей Матери «Знамение» с предстоящими святителем Николаем Чудотворцем и апостолом Андреем Первозванным молится среди бушующего моря о спасении душ моряков-подводников. Над главами Святых свершается извечное противостояние темноты греховного мира пенящегося людскими страстями и пороками и Божественного света тихой гавани Царствия Небесного. В глубине моря горят сто восемнадцать свечей и Ангелы возлагают поминальный венок о моряках, *«полагающих души своя за други своя»*

Терпение, болезнь, старость, смерть и вера*

*Энцо БЬЯНКИ, настоятель
Спасо-Преображенского монастыря
в Бозе, Италия, Пьемонт*

I. ТЕРПЕНИЕ

Священное Писание указывает на то, что «терпение» прежде всего свойственно Богу: в Книге Исход (34, 6) Бог назван *«makrothymos»*, то есть *«многотерпеливым»*, *«великодушным»*, *«долготерпеливым»* (эквивалентное еврейское выражение буквально означает «нескорый на гнев»). Бог, связанный заветом с народом *«жестоковыйным»*, не иначе как терпелив. Ниспослание Сына Божия Иисуса Христа и Его смерть ради грешников стали высшим проявлением этого долготерпения, на котором и доселе зиждется нынешний век: *«Не медлит Господь исполнением обетования [...], но долготерпит (macrothymei) нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию»* (2 Пет. 3, 9). О величайшем терпении Бога лучше всего в Библии свидетельствует тот факт, что Он есть Бог Глаголющий: общаясь с челове-

* Главы из книги: «Лексикон внутренней жизни». (Перевод с итал.) Киев, 2010.

ком, Он не торопит его с ответом, ожидая, что этим ответом станет обращение. Божье терпение не следует путать с бесстрашием Бога, напротив, речь идет о «неослабности Его Страстей» (Э. Юнгель¹). За ним кроется прозорливость Его любви – любви, «не желающей смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез. 33, 11), а также движущая сила обращения, даже если оно еще не завершено. Таким образом, терпение Бога нашло свое самое красноречивое выражение в страстях и распятии Христа: здесь асимметрия между Богом, претерпевающим муку, и грешным человеческим родом доходит до крайности и выражает неистовство любви и страдания Бога в Его распятом Сыне Иисусе Христе.

С тех пор долготерпение как христианская добродетель – это «плод Духа» (Гал. 5, 22), ниспосланного Распятым и Воскресшим, и приобщенные к энергиям, исходящим из Пасхального события.

Итак, для христианина терпение неотделимо от веры: это понятие включает как постоянство, то есть неподвластную времени веру, так и «способность воспринимать широко» (*makrothymia*), то есть умение жить в незавершенности, принимая ее. Второй из данных аспектов показывает, что добродетель терпения непреложно смиренна: она приводит человека к признанию личной незавершенности и терпеливому отношению к самому себе. Убеждаясь в незавершенности и хрупкости взаимоотношений, она проявляется в терпеливости к другим; осознавая, что Божественный замысел спасения еще не исполнен, она выражается в надежде, мольбе и чаянии спасения.

Терпение – это добродетель Церкви, чающей Господа, ответственно живущей в «еще не», не предвосхищая конец и не мня себя венцом и полнотой Божественного замысла. Оно отвергает нетерпеливость как мистики, так и идеологии и в своих отношениях с ближним и Богом идет тернистым путем слушания, повиновения и ожидания к созиданию общения – пока неполного и обусловленного ходом истории – с Богом и другими людьми. Терпение – это умение считаться со временем другого, вполне осознавая, что время лучше коротать не в одиночку, а сообщая, заполняя его взаимоотношениями, встречами, любовью. Поэтому, наверное, беседа о терпении в наш век, оказавшийся во власти прелести, «времени разрозненности», оторванности и разобщенности – когда под свободой зачастую подразумевается отсутствие всяческих уз и связей и возможность ни с того ни с сего взяться за очередной почин, заново начать все с чистого листа, аннулируя или стирая все, чем раньше жил, а главное, все отношения и взятые на себя обязательства, – покажется весьма неуместной, но вместе с тем и весьма злободневной, ведь для христиан терпение не менее существенно, чем любовь (агапэ), чем Сам Христос.

¹ Юнгель Эберхард (род. 1934) – немецкий протестантский теолог XX–XXI вв. (Прим. ред.).

Терпеливо сносить, то есть подчинять свое бытие ритму другого (считаться с временами и сроками Бога и ближнего), значит проявлять свою любовь на деле. «Любовь долготерпит (*macrothymei*)» (1 Кор. 13, 4), – говорит апостол Павел. Мерило же терпения верующего в итоге не что иное, как «терпение Христово (*hyponome tou Christou*)» (2 Фес. 3, 5).

Вот почему отцы Церкви нередко называли терпение *summa virtus* (ср. Тертуллиан *De patientia* 1, 7). Без него нет ни веры, ни надежды, ни милосердной любви. Киприан Карфагенский писал: «Христианами нас делает вера и надежда, но дабы вера и надежда принесли плод, необходимо терпение» (*De bono patientiae* 13).

Терпение, укорененное во Христовой вере, становится «силой самообладания» (Фома Аквинский), способностью не отчаиваться, не падать духом под бременем испытаний и лишений; кроме того – постоянством, способностью продержаться, остаться самим собой и сохранить свой истинный облик; и наконец, способностью выдержать, поддержать других с их собственными историями жизни. В этом духовном делании нет ничего героического, достаточно верить в то, что и тебя, в свою очередь, поддерживают руки Христа, распростертые на Кресте.

Берясь за это непростое дело, верующий укрепляется Господним обетованием: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10, 22; 24, 13). Обетованием, которое предполагает, что надлежит не только твердо держаться исповедуемой веры, но и на деле проявлять терпение и активную поддержку как в сфере внутрицерковных и внутриобщинных отношений («облекитесь в [...] долготерпение, снисходя друг другу», (Кол. 3, 12-13)), так и в сфере внешних (*ad extra*) связей со всеми другими людьми («будьте долготерпеливы ко всем» (1 Фес. 5, 14)). Таким образом, терпение как категория взыскательна и к внутреннему устройению христианской общины, и к ее позиции в мире, среди прочих людей, среди неверующих. А взыскивая, она заставляет обо всем этом беспокоиться!

II. БОЛЕЗНЬ

Читая Евангелие, нельзя не поразиться огромному числу физически или психически нездоровых («одержимых») людей, встретившихся Иисусу за время его исторического служения. Можно предположить, что в силу этой встречи с человечеством, обезображенным страданием, с особой глубиной раскрылась человечность Самого Иисуса, проявляющаяся в сострадании и внимании к нуждающемуся человеку. Да и сама миссия Иисуса выражена в следующих Его словах: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк. 2, 17). Итак, в этих событиях есть и при-

Картина И. Е. Репина «Иов и его друзья». 1869 г.

«Трагедия и болезнь Иова "разоблачает" действительность жизни, обнажает реальность, срывая с нее все покровы и завесу мистификаций. Однако, явив нашему взору реальность во всей ее наготе, именно болезнь возвращает ей ее исконную достоверность. Она напоминает человеку, что жизнь ему неподвластна, что сам он ею не распоряжается и что страдание – нешуточная жизненная перипетия»

кровенный богословский смысл, а исцеления, совершаемые Христом, становятся «Евангелием в действии» и являют Царство Божие, возвещающая наступление времени, когда *«ни один из жителей не скажет: „я болен“*» (Ис. 33, 24).

Однако что представляет собой болезнь в свете Писания? Это, главным образом, реальность, в связи с которой больной призван заново прислушаться к себе и пересмотреть свое положение и свою историю жизни. Появляется новая точка зрения, с которой действительность выглядит иначе. Это хорошо показано в Книге Иова, этого величайшего страдальца. Недуг Иова «разоблачает» действительность, обнажает реальность, срывая с нее все покровы и завесу мистификаций. Однако, явив нашему взору реальность во всей ее наготе, именно болезнь возвращает ей ее исконную достоверность. Она напоминает человеку, что жизнь ему неподвластна, что сам он ею не распоряжается и что страдание – нешуточная жизненная перипетия. Безусловно, по-

следствия болезни множественны, никогда заранее не предreshены и всегда непредсказуемы, поскольку чрезвычайно многообразны: можно опуститься или взбунтоваться, отгородиться и ожесточиться или стать проще, найти внутренний стержень и главное в жизни, можно совершенствоваться, очищаться... Самой болезнью человеку вменяется в обязанность «придать смысл» своему страданию. В болезни не заложен изначально никакой определенный смысл, даже наоборот: нередко недуг упраздняет тот смысл и ту цель, которые человек видел в своей жизни. То же самое касается и христианина: он фактически точно так же «не ведает, каким путем приходит боль, но знает путь, которым – вместе с Богом – можно через нее пройти. Мрак – это не отсутствие Бога, а Его потаенное прибежище, в котором мы, следуя за Ним, ищем Его и обретаем вновь» (Эрика Шухардт²).

Похоже, что в наши дни самая серьезная общечеловеческая и духовная проблема, возникающая в связи с болезнью, заключается в попытках свести заболевание человека к проблеме чисто технической. Такой сугубо клинический подход к болезни фактически снимает проблему поиска ее смысла. По сути, библейское учение о болезни, некоторым образом связывающее ее с грехом (в древности это мнение было распространено на Ближнем Востоке, при этом имеется в виду общий элемент культурного наследия, а не богооткровенное знание), пыталось разрешить проблему смысла болезни, внедряя ее в контекст, обеспечивающий ее «прочтение», понимание, принятие, олицетворение и определяющий ее место в рамках человеческих взаимоотношений.

Но сегодня мы наблюдаем некое отстраненное восприятие феномена болезни, сопровождающееся все более интенсивной практикой обезболивания, в результате чего человек стал жутким «потребителем анестетиков³» (Иван Иллич⁴).

Такой «технический» взгляд на болезнь опасен тем, что можно совсем забыть, что больной человек страдает всецело, а не отдельная часть его тела или орган, как можно было бы счесть, исходя из данного расчленяющего подхода, который обесчеловечивает и отрывает болезнь от ее контекста, отсекая ее жизненные корни. Больной – и об этом должны помнить также лица, обеспечивающие уход и дежурство у постели больного, – это прежде всего личность.

Перед лицом болезни христианин осознает, что ему предстоит столкнуться с множеством неизвестных, с которыми встречается каждый больной человек, пройти разные фазы, сопутствующие первым симптомам и развитию болезни (невольно вспоминаются выделенные

² Шухардт, Эрика – специалист-психолог, профессор, широко известны ее труды в области социальной работы с детьми-инвалидами (Прим. ред.).

³ Анестетики – лекарственные средства, обладающие способностью вызывать анестезию (обезболивание) (Прим. ред.).

⁴ Иллич Иван (1926–2002) – австрийский философ и социальный критик (Прим. ред.).

доктором Э. Кюблер-Росс⁵ этапы: шок, отрицание, раздражение, торг, депрессия, принятие, мир), иметь дело с неожиданными для себя реакциями (прострацией или титанической силой, безропотностью или бунтом) и, кроме того, совместить свое новое положение с верой. Христианин, несомненно, сможет обрести поддержку и утешение в молитве и вере, но может столкнуться и с радикальным кризисом веры и образа Бога, которые были ему близки до сих пор: постепенный распад человеческого тела приводит к крушению образа Бога, сотворившего это тело. Тот, кто ухаживает за больным, не в состоянии предоставить ему готовый рецепт, а уж проповедовать или богословствовать, словно с амвона, у изголовья его койки и подавно неуместно. Нет ошибки грубее, чем явиться к больному и «со знанием дела» указывать, как ему поступать, повелевая «с позиции силы» и тем самым превращая его из жертвы еще и в подсудимого. Единственная помощь, которую могут оказать опекающие больному, – это войти в его положение, проявить к нему участие, разделить вместе с ним немощь и бессилие, не выходя при этом за рамки отношений, устанавливаемых самим больным. Именно больной должен руководить своим попечителем, а не наоборот. Сам Иисус тоже отождествляет Себя с больным, а не с тем, кто его навещает или присматривает за ним: *«Я был болен, и вы посетили Меня»* (Мф. 25, 36). Равно и Церковь должна обращать внимание не только на беспомощность больного, но и отдавать должное его авторитетному голосу: есть чему внять и чему поучиться у него, в его немощном положении.

III. СТАРОСТЬ

«Когда я обнимаю умом причины, почему старость может показаться жалкой, то нахожу их четыре: первая – в том, что она будто бы препятствует деятельности; вторая – в том, что она будто бы ослабляет тело; третья – в том, что она будто бы лишает нас чуть ли ни всех наслаждений; четвертая – в том, что она будто бы приближает нас к смерти». Это мнение Цицерона в его трактате «О старости» можно дополнить еще одной причиной, обуславливающей тягостность старости. Она заключается в том, что эра техники потеснила и сделала неуместной старческую степенность, в силу которой в прежние времена почтенный возраст связывали с мудростью, а в пожилом человеке видели хранителя памяти и опыта, что делало его значимым членом общества. Теперь «мудрость старчества» воспринимается как артефакт или пережиток далекого прошлого, сохранившийся разве что в какой-нибудь технической и информационно отсталой цивилизации, которая нам кажется еще более далекой, чем глубокая древность.

⁵ Кюблер-Росс, Элизабет (1926–2004) – американский психолог, создательница концепции психологической помощи умирающим больным. (Прим. ред.).

Старики в контексте общества, превозносящего продуктивность, эффективность и функциональность, оказываются изгоями, лишними и ненужными людьми и часто сами «чувствуют себя обузой» для родственников и общества. В контексте такого рода старость становится мучительным переходом от положения человека, значимость которого определялась важностью его работы и ролью в обществе, в явно негативное пространство некоей мертвой «пенсионной» зоны, пребывание в подвешенном состоянии, в котором его теперь характеризует то, кем он больше не является, и то, чем он больше не занимается.

Поскольку проблема старости на самом деле неоднозначна, ее рассмотрение требует дифференцированного подхода к старикам, с учетом особенностей состояния физического и психического здоровья отдельно взятого пожилого человека. Тем не менее, старость – это все еще настоящая жизнь, в полном смысле слова, особый этап экзистенциального пути, а не преддверие смерти. «Старость преподносится человеку как уникальная возможность жить не по долгу, а по благодати» (К. Барт⁶).

Старость как таковая является тем жизненным этапом, к которому дано прийти не всем: Сам Иисус не изведал старости. Таким образом, это прежде всего дар, который можно принять с благодарностью и плодотворно потратить. На склоне лет мы становимся более чуткими к другим и отношениям с ними, а также к проявлениям внимания и дружбы.

Кроме того, у нас появляется блестящая возможность подвести жизненный итог. Если человек от души благодарен за прошлое и приветствует грядущее, значит, на своем духовном пути он сделал очень важный шаг, необходимый для будущей встречи со смертью: достиг интеграции своей жизни и примирения со своим прошлым. Старость – пора воспоминаний (anamnesis) и рассказов: возникает потребность пересказать, поделиться историей своей жизни, чтобы, видя, как внимательно ее воспринимает некий слушатель и почитатель, обозреть ее самому. Такой рассказ может передать опыт веры: псалом 70 «Молитва на склоне лет» прекрасно это иллюстрирует. Старческий возраст приносит с собой не только несомненное снижение физических и умственных способностей, ослабление сил и ограничение возможностей, но и шанс самым непосредственным образом столкнуться с жизненными вопросами, уже безо всех тех уловок и иллюзий, которые мы черпали из многообразия своей деятельности, будучи моложе. Чего я стою? В чем смысл жизни? Зачем умирать? Каково значение страданий и потерь, переполняющих наше бытие? Вопросы, касающиеся религии и веры, тоже обретают небывалую осознанность и глубину. «Будучи

⁶ Барт Карл (1886–1968) – швейцарский кальвинистский теолог, один из основателей т. н. диалектической теологии. (Прим. ред.)

Картина В. М. Максимова «Все в прошлом». 1889 г.

Время подвести итоги прожитой жизни. Все, что было дорого, казалось важным, что беспокоило и манило в юности, все оказалось вовсе не значимым и больше не волнует. Прежний изысканный барский дом с колоннадой стоит заброшенным. Скромная изба и верная старушка-служанка – все, что требуется для завершения этой жизни и стяжания мира в душе

моложе, человек еще мог воображать, что он сам идет навстречу своему Господу. Преклонный возраст должен стать для него шансом прозреть: на самом деле, Господь идет навстречу ему, чтобы принять в Свои руки его судьбу» (К. Барт).

Итак, каждый период жизни имеет определенное своеобразие (*proprium*), свой неповторимый характер. Что касается старости, ее, прежде всего, надо всецело принять, что поможет не превращать ее в пору оплакивания и ностальгии, а воспринять как период осмысления существенных вопросов бытия и интериоризации, то есть перехода от жизни извне к внутренней духовной работе. В ходе этого глобального процесса обретается возможность не только «примириться с утратой», но и, более того, уподобить старость кенозису, достигая высшей степени подражания Христу. «То, что юность находит вовне,

человек в полуденный час своей жизни должен отыскать внутри себя» (К. Г. Юнг⁷). Там человеку открывается, что и старость приносит свои плоды (ср. Пс. 91, 15: «*Они и в старости плодовиты, сочны и свежи*»), а ее плодородность проявляется в нежности и мягкосердечии, уравновешенности и безмятежности...

Самоутверждение человека в почтенном возрасте основывается уже не на том, чем он занимается, а на том, кто он сам. Вполне очевидно, что это зависит не только от него, но в значительной мере и от его ближайшего окружения и от общества, если оно не оставляет пожилого человека наедине с его задачей пережить свою старость как обретение полноты бытия, а не как остановку или конец. Более того, вместе со старостью наступает момент истины, выявляющий, что жизнь в основном состоит из потерь и принятия ограничений, налагаемых бедностью, слабостью и несостоятельностью. Старость, порой повергая человека в крайнюю нищету, предоставляет ему возможность увидеть себя в свете истины, совлекая с него всяческую мишуру и все напускное. Вероятно, не случайно у евангелиста Луки начало Благовествованию полагают два персонажа преклонных лет: старец Симеон и старица Анна, которые распознают в Иисусе Мессию и возвещают об этом. Старец олицетворяет, демонстрирует и передает Знание. И, умиротворенно принимая свою старость пред лицом Бога и человечества, он служит знаменем надежды и эталоном ответственности.

IV. СМЕРТЬ И ВЕРА

«Современный мир умудряется ни во что не ставить даже то, что всецело презреть, пожалуй, крайне трудно, ибо оно облечено величием особого рода: смерть». Эти наблюдения Шарля Пеге⁸ (1907) стали предметом размышлений Теодора Ф. Адорно⁹ в его «*Minima moralia*» («Минимумы этики»). Они же заставляют призадуматься и нас, уже почти столетие спустя обнаруживающих, что в западном обществе смерть попирается и вместе с тем беззастенчиво выставляется напоказ. Ее табуируют за безобразность – иначе говоря, живые гонят ее с глаз долой, а заодно прочь из мира общественных отношений – и в то же время превращают в зрелище и беспардонно демонстрируют с легкой руки СМИ, наподобие ритуала коллективного изгнания злых духов.

Общество, пропитанное нарциссизмом, пытается устранить все, напоминающее о наличии некой черты, и в первую очередь смерти как

⁷ Юнг Карл Густав (1875–1961) – швейцарский психиатр, основоположник одного из направлений глубинной психологии, аналитической психологии. (Прим. ред.).

⁸ Пеге Шарль (1873–1914) – французский поэт, драматург, публицист и эссеист (Прим. ред.).

⁹ Адорно, Теодор Людвиг Визенгрунд (1903–1969) – немецкий философ, социолог, представитель Франкфуртской критической школы (Прим. ред.).

событию, которому дано сокрушить все маниакальные идеи о всемогуществе человека. Но под действием такого наркоза мы забываем, что тем самым лишаемся того, что лучше всего помогает нам понять себя. Данный аспект не является «пустячным вопросом», его невозможно минимизировать. Здесь мы имеем в виду неумолимость смерти, невозможность снизить остроту и свести до минимума ее нежелательные последствия. Смерть как событие скрывает в себе и тайну жизни, не поддающуюся ни упрощению, ни упразднению, в силу чего она может стать откровением, пролить свет на смысл бытия, а главное – вырвать человека из оков той поверхностности, в которой он, как правило, находит себе прибежище. «Коль скоро человек хочет понять себя, ему следует задуматься о смерти» (Э. Юнгель) и дать проявиться вопиющему всесилию вопроса, который подымает и представляет собой смерть. Забвение смерти, утаивание ее несет в себе угрозу дегуманизации культуры и общества. Как здесь не вспомнить, что осознание смерти при виде умершего человека, вслед за осознанием болезни и старости, ознаменовали начало пути просвещения, просветления Будды? Вот и ему, тогда еще юному наследнику престола, до сих пор жившему в царском дворце под опекой отца, желавшего уберечь его от лицемерия существующего в мире зла, пришлось преодолевать преграды, поставленные анестезирующей волей отца на пути к личному осознанию реального положения человека.

Воистину сегодня как никогда актуально напоминание: помни о смерти (*memento mori*)! Что же касается христиан, хранящих в самом сердце своей веры смерть и воскресение Господа, то ведь на них возложена особая ответственность и служение (*diakonia*), дабы жива была в людях память смертная (*memoria mortis*). Не из цинизма, не из пристрастия ко всему макабрическому¹⁰, не из презрения к жизни, а ради придания жизни весомости и основательности. Фактически лишь тому, кому есть ради чего умереть, есть и ради чего жить! И только тот, кто научится терять, принимая экзистенциальные ограничения, сможет поладить со смертью.

Кроме того, смерть Христа учит нас, как надо жить и умирать. Она представлена не как данность или смирение перед неизбежной участью, а как деяние, кульминационное событие жизни. Эту смерть животворит любовь, любовь Бога к человечеству, страстная Божественная любовь, вылившаяся в Страстную Муку и Смерть Сына, во имя любви.

Наше постижение смерти связано с кончиной любимых людей: когда они умирают, что-то умирает и в нас самих. И если именно в любви наше бытие обретает смысл, то она готовит нас к тому, чтобы, отдав свою жизнь из любви к другому, мы сочли это «само собой разумеющимся». Мы постепенно постигаем смерть и отчасти претерпеваем ее

¹⁰ Макабрический – от фр. *macabre* – погребальный, мрачный, жуткий. (Прим. ред.).

Кéнозис (греч. κένωσις – «опустошение», «истощение») – Божественное самоуничужение Христа через вочеловечение, вплоть до вольного принятия Им крестного страдания и смерти

в той мере, в какой мы дарим любовь, однако она может и оборвать наши сердечные привязанности, отняв их в любой момент. Мы воспринимаем смерть в основном как нечто чуждое и влекущее за собой отчуждение, и все же она искони настолько неотъемлемо принадлежит человеку, что выглядит просто бесчеловечной современная клиническая практика в больницах, где умирающему, по сути, не дают умереть.

Норберт Элиас¹¹ отмечает, что сегодня человек умирает намного более гигиенично, чем в прошлом, но и намного более одиноко.

Христианин, уповающий не на бессмертие, а на воскресение из мертвых, сознает, что его вера не обходит стороной, а проходит через терзающее душу отторжение смертью, зная, что и этот горестный разрыв с жизнью претерпевается в Боге, также Воспринявшем оный. Он понимает, что смерть – это не только завершение, но и свершение. Он постигает, что можно сделать смерть деянием, переживая ее в молитве, посвящая Богу свое время, то есть свою жизнь. Именно так смерть – наш извечный «недруг» – может превратиться в жизнь с Богом и для

¹¹ Норберт Элиас (1897–1990) – немецкий социолог, один из ведущих представителей исторической социологии. (Прим. ред.).

Бога и стать нашей «сестрой». Здесь кроется мудрость, берущая начало в умении «счислять дни свои» (ср. Пс. 89, 12), то есть спокойном принятии конечного числа дней бытия, бренности жизни и смертности человека.

Верующий может прийти к умиротворенному и безмятежному восприятию наличия данных аспектов, полагаясь на веру в Бога, призвавшего его к жизни и равным образом призывающего его к Себе через смерть: «*Ты возвращаешь человека в тление, и говоришь: "возвратитесь, сыны человеческие!"*» (Пс. 89, 4). Христианская вера подразумевает еще и великую брань со смертью, особенно со страхом смерти, в силу которого люди «*всю жизнь подвержены рабству*» (Евр. 2, 15). Речь идет о противостоянии, а не устранении; о противоборстве, а не уклонении от борьбы, ибо лик смерти непременно неприязнен и враждебен нам. Мы говорим о нашей брани во Христе, ибо многие способы избежать тревожности и боязни смерти ведут ко греху и идолопоклонству. В этой борьбе мы укрепляемся верой в то, что последнее слово принадлежит не смерти, а Самому Богу и Его любви, той самой любви, которая через смерть ведет к жизни вечной.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) о скорбях как о крестоношении (по его проповедям годового круга)

*Протоиерей Олег МИТРОВ,
настоятель Никольского храма города
Наро-Фоминска, член Синодальной
Комиссии по канонизации святых*

В проповедях исповедника и святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Крымского и Симферопольского, в полной мере раскрывается христианский взгляд на место скорбей и болезней в деле спасения человека. И надо сказать, что к своему проповедническому служению владыка Лука относился исключительно ответственно и ревностно.

В день памяти своего небесного покровителя апостола Луки в 1951 году владыка сказал: «Святой апостол Павел завещал всем нам: "Подражайте мне, как я Христу". А если надо ему подражать, то, конечно, надо подражать и всем апостолам, ибо все они шли тем же Христовым путем.

А я имею счастье носить имя великого апостола и евангелиста Луки. Не должен ли я поэтому ему прежде всего подражать в его великих деяниях? В чем, в чем могу подражать ему? <...> Конечно, в писании Евангелия я не

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

могу ему подражать. А в проповеди могу ли подражать? Да, да! Могу и должен, и считаю своей главной архиерейской обязанностью везде и всюду проповедовать о Христе.

Господь Бог сказал пророку Иезекиилю: *"Сын человеческий! Я поставил тебя стражем дому Израилеву, и ты будешь слушать слово из уст Моих: и будешь вразумлять их от Меня"* (Иез. 3, 17).

...Я тоже поставлен стражем – стражем Церкви Крымской, ибо на мне лежат апостольские обязанности по отношению ко всем жителям Крыма – должен я везде и всюду проповедовать Евангелие.

В Симферополе я делаю это по мере сил своих, и даже не щадя сил. Я много и много проповедовал вам».

Это действительно так. До нас дошло около 1000 проповедей, сказанных святителем Лукой (Войно-Ясенецким). Эти проповеди стенографировали духовные чада владыки, перепечатывали их на пишущей машинке, переплетали в домашних условиях и распространяли среди верующих. Часть этих проповедей, в основном крымского периода, была издана в настоящее время в различных сборниках.

Остановимся лишь на некоторых из этих проповедей, произнесенных владыкой в великопостный и пасхальный периоды, тем более что именно они являются вершиной годового богослужебного круга.

Так, например, в проповеди на Крестопоклонной Неделе владыка говорит о скорбях, сопровождающих христианина на всем пути спасения: «Скорби – это удел всех христиан. Вы спросите, разве только христиане скорбят, разве не терпят скорбей, всяких несчастий и горестей, разве не льют слез и люди мира сего, отвергающие путь Христов?»

Да, конечно, скорби неизбежны и им, но велика разница и ценность в очах Божиих скорбей наших, слез наших и слез и скорбей тех, кто живет без Бога, ибо они терпят свои скорби не добровольно, а только потому, что они не могут никак отделаться от них. Терпят они скор-

би часто с проклятиями и ропотом, а мы, христиане, должны нести свои скорби, скорби, связанные с именем Христовым, совсем не так, с великой покорностью воле Божьей, с благодарением Богу за все, что случается с нами – и за доброе, и за тяжелое, и за горести, и за все скорби наши.

Несем мы наши скорби добровольно, ибо, если бы отверглись от Христа, избавились бы от большинства скорбей, а так как не отрекаемся, добровольно несем их, и Бог благословит нас на страдания наши, ибо велика ценность наших страданий, наших слез в очах Божиих.

Как стараются избавиться от скорбей люди мирские, вы знаете это: они заливают свое горе, свои скорби вином и водкой, одурманиваются табаком и даже наркотиками.

А разве достойно это нас, христиан? Разве не в высшей степени низменно успокаивать голос совести своей вином, табаком? О, это глубоко, глубоко недостойно, и не дай Бог, чтобы кто-нибудь из вас когда-нибудь прибегал к этому богопротивному средству заглушения совести своей.

Ищут люди мирские утешения в скорбях своих и когда не находят, тогда стараются забыть о них: ищут развлечений, занимаются гуляньем, ходят друг к другу в гости и пустословят.

Этого да не будет с вами никогда, ибо христиане не должны заглушать голос совести своей, а наоборот – чутко прислушиваться к нему.

Ищут заглушения скорбей своих в дружбе, и особенно в древнем мире высоко ценили дружбу. А разве не знаете, как ненадежна эта опора на людей, а не на Бога?

Ищут люди, более высоко стоящие в духовном отношении, забвения своих скорбей, своих мучений в напряженном труде, в работе. Это, конечно, средство облегчения скорбей неизмеримо высшее, чем заливание их вином, чем развлечения, танцы и гулянья. Труд на время заглушает скорбь, но трудиться непрерывно нельзя; а когда кончается труд, начинает обличать голос совести, опять восстают тяжкие скорби. Трудом не достигнешь желаемого.

Самое высшее, в чем находят облегчение, – взаимная любовь: любовь супругов, любовь родителей к детям, любовь к людям, достойным любви.

Всякая любовь благословенна, благословенна и эта любовь, но это начальная, низшая форма любви, ибо от любви супружеской, путем научения в ней, должны мы возвыситься до гораздо более высокой любви ко всем людям, ко всем несчастным, к страдающим: от нее еще возвыситься до третьей степени любви – любви Божественной, любви к Самому Богу. Вот видите, пока не достигнут люди любви ко всем, любви Божественной, невелико значение и любви только к близким.

Ни в чем и нигде не найти утешения в скорби для тех, кто ищет его не там, где следует. Да, это так: не находят его и не найдут. <...>

Вникните в слова святого апостола Павла и запомните их: *"Благословен Бог ..., Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих!"* (2 Кор. 1, 3–4).

Свидетельствую, всем сердцем свидетельствую пред вами глубокую истинность этих слов Павловых, свидетельствую по собственному опыту, ибо меня утешил Господь в великой скорби моей.

Могу сказать, что по мере того, как будут умножаться у вас скорби Христовы, будет умножаться и утешение Христово. Запомните же, запомните: по мере умножения скорбей умножится и утешение ваше.

Только Христос нас может утешить, только у Него будем искать утешения, только крестом Христовым будем отгонять малодушие, скорбь и ропот».

В Великую Пятницу, перед вынесенной Плащаницей, владыка говорит о Божественной любви к грешному и окаянному роду человеческому: «...Вот пред вами Плащаница с Телом Иисусовым... О Господи наш, Господи! Что же это такое? Как могло это случиться?! <...>

Он добровольно, добровольно – запомните на всю жизнь это слово – совершенно добровольно претерпел страшную казнь, отдал жизнь Свою за жизнь мира на Кресте.

Скажите, когда это было до Христа? ... Когда бывало, чтобы шел человек добровольно на смерть? Это было после Христа, было со многими мучениками Христовыми, но до Христа никогда, никогда не было. <...>

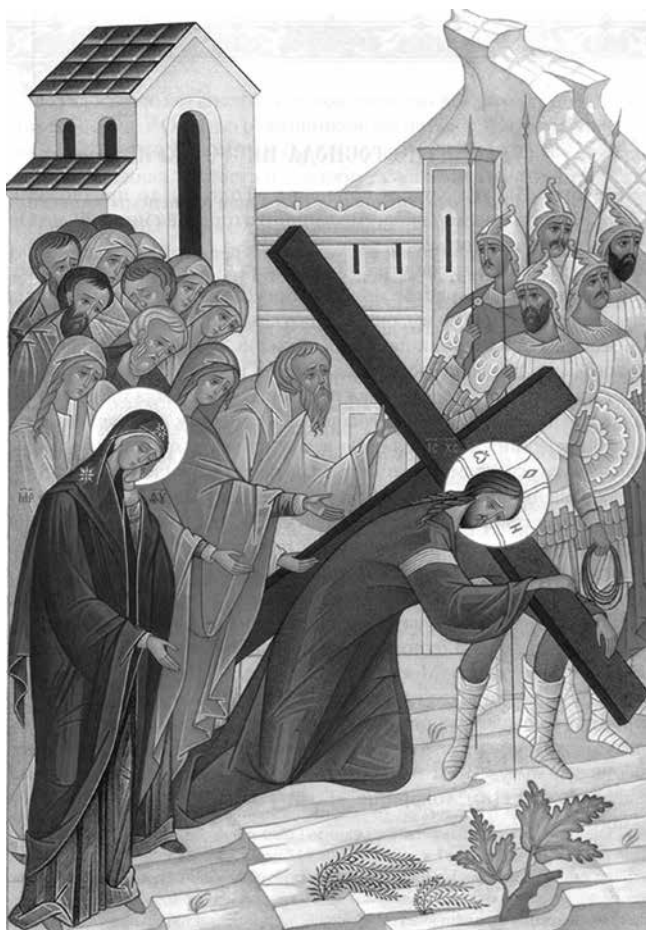
... Зачем ... Господь и Бог наш Иисус Христос претерпел такую страшную казнь? Ответ на это находим в 3-й главе Евангелия от Иоанна, в беседе Христа с Никодимом; там читаем такие слова: *"Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную"* (Ин. 3, 16).

Итак, любовь, любовь безграничная, любовь безмерная, как бездонный океан, любовь Божественная, сострадание Божественное к гибели всего человечества были причиной того, что добровольно отдал Себя на страшную смерть Сын Божий, Христос Бог наш.

Он явил Крестом Своим такую безмерную, такую безграничную любовь, какой никто – никто не мог и помыслить. Ибо любовь, Божественная любовь подвигла Его на то, что сделал Он.

Итак, любовь к нам, окаянными, к нам, негодными, к нам, погибающим, побудила Спасителя нашего претерпеть страшные муки Голгофские. Только ли любовь? Нет, не только, ибо еще древний пророк Исаия за 700 лет до Рождества Христова писал о Нем так, как будто бы был Его современником, как будто видел и знал все важнейшие события жизни Иисуса, и сказал: *"Наказание мира нашего на Нем. Язвами Его мы исцелехом"*.

Итак, с одной стороны – безмерная любовь Божия, а с другой стороны – и правосудие Божие.

«Скажите, когда это было до Христа? ... Когда бывало, чтобы шел человек добровольно на смерть? Это было после Христа, было со многими мучениками Христовыми, но до Христа никогда, никогда не было» (свт. Лука)

Так бездонная пучина грехов, которые сотворены до пришествия Христа и которые творятся после пришествия Его, не могут остаться безнаказанными.

Нельзя, нельзя оставить безнаказанными все мерзости, жестокости, подлости, убийства, прелюбодеяние, всю нечистоту рода человеческого. Надо было, чтобы эти грехи были искуплены непостижимым для нас образом.

Бог, Троичный в Лицах, в предвечном Своем Совете нашел средство к тому, чтобы не остались безнаказанными грехи мира: Он возложил их на Сына Своего, на Господа Иисуса Христа. *"И Он понес грехи наши и мучим был за беззакония наши".*

О, как понять, как постигнуть это? Это страшно, этого постигнуть нельзя, это одна из величайших тайн Божиих. И никогда ум человеческий не сможет понять, почему и как надо было, чтобы за грехи мира так страшно изъязвлен был Христос Сын Божий».

В слове **в Неделю Фомину** святитель Лука выступает как апологет Христова Воскресения, использующий в этих целях не только свидетельство Нового Завета, но широко известные и абсолютно бесспорные исторические факты: «Трудно, трудно, до крайности трудно было святым апостолам поверить тому, что воскрес Господь Иисус Христос.

Слова мироносиц, принесших им эту весть, они сочили ложью.

Когда пошли они в Галилею, в гору, как повелел им Иисус, и увидели Его, то некоторые поклонились Ему, а другие стояли, как окаменевшие, и не верили глазам своим.

Когда явился им всем в горнице Иерусалимской Иисус, то они думали, что видят призрак.

Тяжелее всего было неверие апостола Фомы, которому нужно было вложить персты свои в язвы от гвоздей на руках и ногах Спасителя и руку свою в ребра Его.

Почему с таким трудом верили апостолы даже глазам своим? Ведь они были свидетелями воскрешения Господом Иисусом сына Наинской вдовы, дочери Иаира и даже четверодневного Лазаря.

Но ведь это были деяния величайшего Чудотворца, и не своею силою воскресали умершие, а поверить в возможность того, чтобы мертвое тело человеческое могло воскреснуть само собою, своею силою было неизмеримо труднее.

Итак, крайне трудно было апостолам Христовым поверить даже глазам своим.

А нам, никогда не видевшим ни живого, ни воскресшего Иисуса, труднее ли или легче поверить тому, что читаем в Евангелии и в писаниях святых апостолов? О, конечно, легче, гораздо легче, ибо множество исторических фактов и событий с несомненностью убеждают нас в истинности воскресения Христова.

Что сказать о том, что проповедь неученых галилейских рыбаков и их преемников в течение немногих веков покорила весь тогдашний мир, не только культурных греков и римлян, но и полудиких германцев, галлов, англов, и нанесла смертельный удар язычеству?

Возможно ли это было бы, если бы не воскрес Христос? Не издевательством ли встречали бы повсюду проповедь о Распятом как Сыне Божием?

Мыслимо ли было бы, чтобы десятки тысяч святых мучеников шли на страшнейшие истязания и лютую смерть, если бы всем сердцем не веровали бы в Воскресение Христово и не пламенели бы любовью к Победителю смерти?

Возможны ли были бы тягчайшие подвиги поста и молитвы бесчисленных отшельников и монахов ради познания Господа Иисуса Христа и стяжания ума Христова?

Миллионы и миллионы людей всех возрастов и полов были подлинными христианами, особенно в первые четырнадцать веков от Рождества Христова».

В другой **проповеди пасхального периода** владыка Лука развивает эту тему: «Пред двенадцатью галилейскими рыбаками стояла, казалось бы, невозможная задача выйти – на неравную борьбу с целым языческим миром, с могучей Римской империей, с Грецией, давшей миру великих философов. И эту задачу, к изумлению всего мира, они победоносно исполнили и водрузили над новым миром Крест Христов.

Так исполнилось великое обещание Спасителя: *"И се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века"*.

В Неделю святых жен-мироносиц владыка Лука говорит: «Чем заслужили они такую честь, почему прославляет их Церковь Святая? Потому что сияют они для всех вас, женщин, святым и недостижимым по высоте примером того, чем должны быть все женщины.

Честью великой чтит Святая Церковь святых мироносиц за их несказанную любовь ко Христу, ибо всецело предали они сердца свои Господу Иисусу.

Чтит их за то, что они всем, чем могли, служили Ему: служили именем своим, служили женскими заботами, они удовлетворяли все Его бытовые нужды. И подали всем вам, женщинам, пример того, как должны вы всем сердцем любить Господа Иисуса и служить Ему.

А чем будете служить? Служить будете не Ему лично, как служили святые мироносицы, ибо нет Его теперь с нами, а служить Ему будете в лице меньших братьев Его, всех несчастных, нищих, обездоленных, угнетенных, всех нуждающихся в милосердии вашем.

Итак, святых жен-мироносиц воздвиг Христос пред вами, христианами, как великий пример для подражания».

В конце этой проповеди ярко проявился характер самого проповедника. Обличив грехи лжи и фальши, так свойственные современным людям, владыка говорит:

«...очень многие женщины любят фальшь, любят украшать себя дорогими нарядами, различными украшениями. <...> О, как надо помнить вам, что чистым, богобоязненным житием, кротостью духа, без всяких украшений, без раскрашивания лица можно изменить сердца мужей ваших, подвинуть их на путь христианской жизни.

О как это верно! О как это истинно!

А потому как же маловажно подкрашивание губ, подведение бровей – это фальшь, фальшь, фальшь!

А фальшь – это ложь, а ложь – омерзительна.

Да не фальшивит же никто из вас. Да будете все чисты.
Да будет украшением всех вас сокровенный сердца человек.
Ну вот, огорчил я вас, обличая... Простите мне, простите!
Я и сам грешен, а вас обличаю...

Но что же делать! Господь меня поставил на такой пост, что должен я руководить вас по пути спасения, должен и огорчать вас, а не только хвалить.

А пока скажу вам: да будете все вы, мои любимые, искренно любимые, благочестивые, – да будете так чисты, как были чисты святые жены-мироносицы».

О впечатлении, производимом на слушателей этих проповедей, свидетельствует священник-очевидец: «Весь храм замер в ожидании. И вот раскрылись уста проповедника <...> Каждое слово исходило из глубины сердца, исполнено было глубокой веры и преданности воле Божией. Со всех сторон храма доносились плач и тихие рыдания. Слова архипастыря падали, как спелые зерна, и глубоко проникали в сердца слушателей. Каждый чувствовал себя обновленным после проповеди такой силы духа и веры».

Начав с выдержки из проповеди святителя, произнесенной в день памяти св. апостола Луки, закончим другими словами владыки, сказанными в тот же день спустя семь лет: «...по слову Христову: *"...всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную"* (Мф. 19, 29).

Тридцать лет хранит моя первая Ташкентская паства свою любовь ко мне; изливает потоки любви и моя бывшая Тамбовская паства; и великим теплом чистой любви согреваете мою старость вы, дорогие мои, моя последняя паства.

Не могу молчать и о другой любви, которой благословил меня Господь Бог.

Радостно коснулось сердца моего слово апостола Павла, назвавшего апостола и Евангелиста Луку *"врачом возлюбленным"* (Кол. 4, 14) в ныне слышанном вами послании к Колоссянам.

И меня сподобил Господь Бог быть врачом возлюбленным для множества спасенных мною от смерти и избавленных от страданий, а особенно для раненых во Вторую Мировую войну, когда я, епископ, возглавлял всю хирургическую работу Красноярского эвакогоспиталя 1515.

Светом любви и радости озарялись палаты этого госпиталя, когда входил я в них; высоко поднятыми ногами и руками, исцеленными мною, салютовали мне страдальцы за Родину. Это незабываемо, ибо это чистые излияния любви.

Да сподобит же и всех вас, дорогие мои, Господь Бог любви всех ближних ваших за ваши добрые дела, за любовь вашу к ним. Аминь».

Повседневное покаянное делание как верный путь противодействия скорбям и искушениям (по дневнику св. прав. Иоанна Кронштадтского)

*ЗАЙЦЕВА Лариса Евгеньевна,
кандидат филологических наук, редактор
издательства «Отчий Дом», г. Москва*

Неоценимый документ, издаваемый в наши дни впервые в истории, – личный дневник св. прав. Иоанна Кронштадтского. Дневник Батюшка начал вести вскоре после своего рукоположения – в 1856 г., и вел его до самых последних недель своей жизни (1908). Дневник представляет собой 28 сохранившихся в государственных архивах Москвы и Петербурга тетрадей большого формата (20х32 см), исписанных мелким неразборчивым почерком.

С советского времени личный архив о. Иоанна хранится в Государственном архиве Российской Федерации в Москве (фонд 1067): это бо́льшая часть дневников (1856–1894 гг.).

Последняя же тетрадь его дневника – 2-я половина 1908 г. – оказалась в Государственном архиве Ленинграда (С.-Петербурга) (РГИА, фонд 2219). Это тетрадь небольшого формата в кожаном переплете, вложенная в тканевый конверт с тремя сургучными печатями (печати

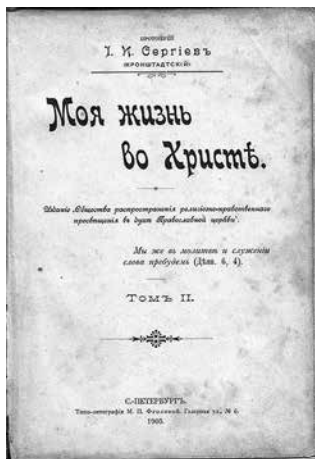
Митрофорный протоиерей Иоанн Сергиев (1829–1908),
настоятель Андреевского собора города Кронштадта

Кронштадтского Андреевского собора, Святейшего Синода и личная печать архиепископа Санкт-Петербургского Антония (Вадковского)). Этот дневник был запечатан в 1911 году, с распиской обер-прокурора: «Не вскрывать вплоть до особого распоряжения Святейшаго Синода».

В наши дни предсмертный дневник о. Иоанна был впервые прочитан (т. е. расшифрован) в Петербурге в самом начале 1990-х годов. Вскоре ксерокопии первых тетрадей Дневника были сделаны в Московском ГАРФе для издательства Валаамского монастыря, которое было впоследствии преобразовано в Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». Рукописи частично начали расшифровываться, а в 1998 году были переданы издательству «Отчий дом», которое по благословению Святейшего Патриарха Алексия II начало планомерное издание Дневников о. Иоанна Кронштадтского. Первая книга 1-го тома вышла в 2001 году. В настоящее время издательство «Отчий дом» расшифровало рукописи и выпустило в свет 7 книг Дневников о. Иоанна (с 1856 по 1864 гг.), в том числе и «Предсмертный дневник» 1908 года.

Данное издание Дневников снабжено весомым научным аппаратом: комментариями, именным и тематическим указателями, а также указателями выявленных цитат из Священного Писания и богослужебных книг.

О. Иоанн делал дневниковые записи практически ежедневно, посвящая несколько минут или часов в день богомыслию и покаянию: каждый день он каялся во всяком неугодном Богу поступке или помышлении. Частично дневниковые записи Батюшка издавал еще при жизни, начиная с тетради 1861 года, для книг он отбирал созерцательные отрывки. Так появились книги «Моя жизнь во Христе», «Богопознание и самопознание, приобретаемые из опыта», «Правда о Боге, о Церкви, о мире и о душе человеческой» и другие. Записи дневников часто не имеют хронологической последовательности, в тексте обнаруживаются позднейшие вставки, вычеркивания, черновики проповедей.

Титульный лист книги праведного Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе» издания 1905 года

бесплодной рефлексии, о. Иоанн использовал силу словесного дара и рассуждения прежде всего для исправления самого себя, для обретения подлинного смирения перед окружающими. Поэтому особенно важно сравнить с повседневными записями святого его «каноническое» житие и предания, сложившиеся вокруг его личности к концу XX века.

Житие обычно представляет собой словесную икону святого: его жизнь изображена в «прорисях» – кульминациях побед над искушениями, чудотворений, исцелений, духовных дарований, плодотворной деятельности на пользу ближних, благотворительности, созидательного и неутомимого труда. Повседневные же будни праведника, борьба, поражения и непростая обстановка домашней жизни, как правило, остаются за пределами жития либо намечаются несколькими незначительными штрихами.

Однако Дневник был посвящен не только богомыслию и размышлениям над книгами Священного Писания. Чем дольше о. Иоанн вел Дневник, тем больше внимания уделял собственно бытовым записям – ежедневно рассматривал свою жизнь в подробностях, которые замечают лишь люди аскетически настроенные, внимающие себе, следящие за своим душевным и физическим состоянием.

Характер записей Батюшки можно определить как предел искренности, откровенности перед самим собой. Простой человек, чуждый ссии, о. Иоанн использовал силу словесного дара и рассуждения прежде всего для исправления самого себя, для обретения подлинного смирения перед окружающими. Поэтому особенно важно сравнить с повседневными записями святого его «каноническое» житие и предания, сложившиеся вокруг его личности к концу XX века.

Семья протоиерея Иоанна Сергиева

По обычаю духовного сословия той эпохи, зять ушедшего на покой священника должен был занять его место в храме и взять на себя материальные заботы о теще и о его детях: вывести в люди малолетних братьев жены и выдать замуж сестер. Довольство семейства всецело ложилось на плечи служащего зятя. И отец Иоанн, вступив в брак, взял на себя в полной мере эту ответственность

Между тем духовный опыт «будничной» внутренней борьбы, покаянных размышлений, что называется, «от первого лица», опыт смирения с условиями жизни особенно важен для нынешнего поколения христиан, которое духовно воспитывается в основном по книгам, – на текстах святых отцов, адресованных христианам, достигшим высокого уровня духовной жизни. Личный же дневник святого позволяет понять, что есть подлинная праведность и как христианин, будучи человеком, подобным нам, достигает праведности, как он сам относится к своим духовным дарованиям и к успехам в своих благих начинаниях.

Дневник праведного пастыря ценен и тем, что это – первый подробный дневник белого священника, свидетельство духовной жизни от первого лица. До этого аскетическая литература в основном была написана монашествующими и «в третьем лице».

Дневник представляет интерес, конечно, прежде всего для священников: он отражает те особенности пастырского служения Кронштадтского батюшки, которые не вошли ни в одну из версий его жизнеописания. Например, большинство свидетелей священнослужения о. Иоанна рассказывают, как вдохновенно служил Батюшка в храме, как сам читал каноны на утрене, молился со слезами. Из Дневника мы узнаем, каких внутренних трудов стоила о. Иоанну такая молитва, и его подвиг, его жизнь становится еще ближе и роднее нам. Невидимый враг, по многочисленным свидетельствам о. Иоанна, постоянно препятствовал ему выговаривать слова церковных молитв (особенно имена Царствующего Дома на великом входе), смущал священника страхом, боязнию, сомнениями, сковывал язык. Однако сила Божия совершается в немощи (2 Кор. 12, 9), и благополучное совершение богослужения о. Иоанн воспринимал как неоценимый дар свыше, стоящий ежедневного благодарения: «Благодарю Господа, сподобившего меня ныне совершить непреткновенно Литургию, и Царский дом весь выговаривать свободно на великом входе. Слава Тебе, Сподобившему меня мира небесного и жизни небесной в причащении Пречистых и Животворящих Твоих Таин»¹.

Читатель, желающий найти в Дневниках о. Иоанна пророчества, видения, свидетельства о его необыкновенных духовных дарованиях, будет разочарован. Упоминания о чудесных исцелениях встречаются на страницах тетрадей крайне редко: о. Иоанн упоминал о них с тем только, чтобы поблагодарить Бога за Его милосердие и еще раз вспомнить, что «все доброе во мне от Бога, мои же только грехи».

Весь Дневник посвящен одному дару, который о. Иоанн считал самым главным даром от Бога, – дару покаяния. Мы видим ежедневную, глубоко осознанную покаянную борьбу с повседневными страстями и искушениями. Любое впечатление дня, сновидение, критическое высказывание посторонних людей о. Иоанн обращает на пользу себе. «Видел я сегодня вырытые для каменного здания глубокие рвы и в них множество забученных и залитых цементом больших камней. Пришла на мысль мне притча Господня о человеке, положившем основание для дома во глубине, иже ископа и углуби! – Копай глубже; иначе ветр сдует или вода подмоет. Я, окаянный, не углубился, не копал; оттого ветры вражеских искушений колеблют и развевают мое сердце; воды искушений потопляют меня ежедневно»².

Для современных читателей несомненный интерес представляет и отраженная в дневниковых записях житейская обстановка, при которой о. Иоанн совершал свое служение. Ибо о. Иоанну, как любому благочестивому человеку, живущему в миру, приходилось сталкиваться с косностью этого мира, с равнодушием и теплохладностью в вере,

¹ Дневник, 1872 г., ф. 1067, дело 17, лист 10 об.

² Дневник, 1872 г., ф. 1067, дело 17, лист 104

Известность о щедрости Иоанна Кронштадтского привлекала к нему огромное число просителей – от простых нищих до богатых купцов, пришедших в отчаяние из-за критической ситуации (банкротство, проигрыш в карты и т. п.). О своей благотворительности отец Иоанн говорил так: «У Бога нет ни эллинов, ни иудеев. У меня своих денег нет. Мне жертвуют и я жертвую. Я даже часто не знаю, кто прислал мне то или другое пожертвование. Поэтому и я жертвую тому и туда, где есть нужда и где эти деньги могут принести пользу». Секретарь отца Иоанна говорил, что лишь за июнь 1895 года им было послано по почте в различные адреса 25 тысяч рублей. (Для сравнения: в конце 19 века за 3 рубля можно было купить корову). И это не считая бесчисленных личных милостыней отца Иоанна, вручаемых из рук в руки, сумму которых никто, даже сам Батюшка, не знал.

Передвигался отец Иоанн в сопровождении целой «армии» нищих, которым он раздавал милостыню дважды в день – утром и вечером. Этих денег хватало, чтобы найти дневное пропитание и оплатить ночлег. Было замечено, что чем более он раздавал денег, тем больше ему жертвовали. По разным источникам, через руки отца Иоанна проходило от 150 тысяч до миллиона рублей в год

с непониманием и противодействием даже в собственной семье. Из жизнеописания известно, что о. Иоанн женился на Елизавете Константиновне Несвицкой, чтобы занять место ее отца – протоиерея Кронштадтского Андреевского собора о. Константина Несвицкого. По обычаю духовного сословия той эпохи, зять ушедшего на покой священника должен был занять его место в храме и взять на себя материальные заботы о тесте и о его детях: вывести в люди малолетних братьев жены и выдать замуж сестер. Довольство семейства всецело ложилось на плечи служащего зятя. Таким образом, и о. Иоанн, вступив в брак, взял на себя в полной мере ответственность за обеспечение тестя, тещи, двух братьев жены – Константина и Алексея, и свояченицы Анны Константиновны.

Дневник о. Иоанна отражает особенности быта российского духовного сословия XIX века. Так, мы узнаем, что посещение церкви и соблюдение постов вовсе не считалось обязательным для всего семейства священника, что курение духовных лиц не являлось чем-то невероятным и выходящим за рамки принятых обычаев. Известно, что тесть о. Иоанна и братья жены курили прямо в комнатах: «Если тебя смущает то, что тесть твой курит табак: то на это тебе должно сказать, что входящее во уста не сквернит человека, а исходящее – от сердца, из уст – то сквернит человека, например, злоба, хула, блуд, око лукаво и прочее. Как ты смел осудить в сердце за курение отца своего? Покайся о злобе твоей сей. – Ты непрестанно в сердце осуждаешь его и презираешь то за ядение и питье, то за курение. Не осуждай не только его, но никого. Себя осуждай непрестанно»³. И самому Батюшке трудно было отказаться от этой привычки: на протяжении многих лет о. Иоанн выкуривал по две сигары в месяц, и победить эту страсть долго не удавалось при самом искреннем покаянии: «18 июня. Воскресенье. Поздняя обедня. Горе мне было во время обедни после того, как я накануне вечером поужинал (ерши от ухи и окуни жареные с черным хлебом) и попил хересу, да кроме того напился крепкого чаю и закурил сигары; я весь был в лапах у сатаны; не имел я спокойствия и свободы, но тесноту, страх и боязнь ощутил в сердце, на великом входе не сказал ни одного имени из Царствующего Дома, и вообще говорил с трудом, особенно в сослужении о. диакона. Дух мой был мертвым, от чревоугодия и долгого лишения Святых Таин, – он был связан, отвержен от Бога и лишен Святого Духа. И так думал я пищею и вином укрепить нервы и отчасти душу, а вышло напротив: я крайне расслабил нервы и расстроил душу. – Результат тот, что мне нужен пост и пост, – неядение ни рыбы, ни мяса, и отнюдь не курить табаку, который для меня убийствен»⁴.

³ Дневник, 1866 г., ф. 1067, дело 11, лист 16

⁴ Дневник, 1872-1873 г., ф. 1067, дело 17, лист 19 об.

Приближаясь к нам, образ праведника не теряет своего величия, но делает вершину более доступной: мы видим, что путь к ней лежит не через непосильные подвиги, но через сердечное покаяние и видение своих малейших грехов, в постоянной внутренней молитве ко Христу, в труде над собою, чтобы приобрести любовь ко всем

Записи о. Иоанна о курении не оставят равнодушными тех читателей, которые борются с этим пристрастием: «Курение всячески вредно: как ни легка и как ни хороша была сигара, вчера вечером мною воскуренная, но у меня расстроились нервы, и я не мог настоящим образом спать; потом была боль в пояснице, а во рту было так неприятно, как от съеденной смолы. Бросить курить. Плоть шепчет: если мало курить, это полезно, например, полсигары: вздор, отвечаю я: и то вредно; да притом, как удержаться от курения, когда целая сигара в зубах – заманчиво. – Нет, решительно оставить. И потеря времени,

когда куришь. – Или возбуждает с нервами и душу и рождаются хорошие мысли? – Этого ожидай иным путем, не от сигары, а от Бога, в усердной молитве и в чтении слова Божия и писаний святых отцов. 24 июня 1872 года. Ну уж и табачина! Сколь она вредна! Гулял час целый – и боль в спине от выкуренной вечером сигары не унялась. Сколь же вредит она постоянно курящим! – Уймусь ли после этого курить? А еще редко курю – в месяц раз или два – и то вредно как на меня действует! – 24 июня»⁵. В свое время Батюшка одним из первых понял вред курения не только для физического здоровья, но и для душевного мира.

Личный дневник развенчивает сложившиеся стереотипы, представления о Батюшке как о строгом подвижнике внешнего делания – суровом постнике, который не нарушает пост даже при угрозе здоровью: из дневниковых записей мы узнаем, что о. Иоанн в Великий пост вкушал рыбу, пил молоко и сливки, если считал это необходимым для поддержания слабого здоровья. Правда, делал он это с истинным смиренным умудрием, без дерзости нарушая установления Церкви: «О. Алексей Щитунов и Авдотья Алексеевна, его матушка, сильно обличили меня в несоблюдении поста и крепко напали на меня; о. Алексей называл меня нигилистом; он и мать сказали, что я дурной пример подаю прихожанам; что я от несоблюдения поста болею ушами. Достоинно и праведно я изобличен; приемлю это властное обличение как от Тебя Самого, Господи: я достоин того – помилуй!»⁶

Велико было смирение о. Иоанна перед родными. Он понимал, что его домашним трудно жить рядом с ним, что он сам и его вспыльчивый характер часто бывает виной домашних неурядиц. Так, мы узнаём, что взрослые братья жены, став самостоятельными и получая жалование, продолжали находиться на частичном иждивении семьи Сергеевых, ежедневно приходя к семейной трапезе, порой по несколько раз в день. *«Сам останься алчущим, но не возненавидь сидящего без твоего согласия за трапезою твоею брата, хотя и часто к тебе приходящего. Ибо ненавдяй брата человекоубийца есть»* (1 Ин. 3, 15).⁷

Тунеядство братьев по жене приносило о. Иоанну постоянные огорчения, поскольку он ежедневно уделял из своих доходов кронштадтской нищей братии и переживал, что братья жены как нахлебники отнимают часть довольства у нуждающихся, хотя и имеют собственное жалованье. К тому же свояченица Анна Константиновна Несвицкая продолжала жить у Сергеевых до своего замужества, то есть до конца 1860-х годов. Батюшка смирялся даже перед девицей: «Если твоя сестра Анна (по жене) бредит графами, да князьями: не сердись на нее за видимую гордость. Ибо такой дух ее есть плод ее воспитания: у ней – граф – крестный отец, она наслышалась от отца, матери,

⁵ Дневник, 1872–1873 г., ф. 1067, дело 17, лист 21

⁶ Дневник, 1872–1873 г., ф. 1067, дело 17, лист 119 об.

⁷ Дневник, 1867 г., ф. 1067, дело 13, лист 56

Отец Иоанн в алтаре Кронштадтского собора благословляет адмирала Степана Осиповича Макарова. Гравюра с фотографии 1904 года

от братьев и сестер о жизни графов, и жили среди графского семейства, она училась в заведении среди графских да княжеских дочек, она непрестанно читает книги о графах и князьях, – о богатствах и роскошной жизни их, об удовольствиях, развлечениях их: возможно ли же ей иначе вести себя? Когда дерево получило такое, а не другое, какое надо, направление, еще в ранней юности, и теперь укрепилось в нем, как его поправишь? – Так и тебе должно смотреть сквозь пальцы на сестрицу, снисходительно, – и утешать себя тою мыслью, что деревья бывают разные – гладкие и шероховатые, прямые и кривые, сухие и сырые, – валежник и на корню. – Да и сам-то ты кривое, а не прямое дерево, сухое, а не сырое»⁸.

Со своим мужем, священником Иваном Цветковым, она гостила в Кронштадте иногда по несколько месяцев, здесь же, в квартире Сергиевых, она родила свою первую дочь Руфину, сэкономив таким образом на враче и акушерке. «Цветковы наши совершеннее меня гораздо в любви и характере: потому Бог дал им чадо, а мне – нет»⁹, – смиряясь, писал о. Иоанн в Дневнике, чтобы победить внутренний ропот против свойственников.

Овдовев, свояченица Анна Константиновна Цветкова в 1872 году навсегда переселилась к Сергиевым с двумя малолетними дочерьми. Имея вспыльчивый характер, Анна Константиновна была причиной ежедневных семейных дразг, к тому же требовала много средств для своего довольства, что было большим испытанием для трудолюбивого о. Иоанна, помогавшего стольким беднякам. «Идучи сегодня (27 марта, вторник) на крестины в Песочную улицу, я встретил свояченицу, катающуюся на извозчике с ребенком – Руфиной, и подумал: вот, она часто катается, и ходить не хочет; да вдобавок каждый день 5 бутылок молока истребляет, да мяса несколько фунтов, не разбирая никакого поста, и живет, точно не вдова, а богатая купчиха, или генеральша и графиня, а все – на мой счет. Пожалел я своего добра для такой барыни, согрешил, неподоброхотствовал, – и смутился, и уязвился я в душе, и долго гулял и молился, каюсь во грехах, прося помилования. Думал я: из-за чего я печалюсь? Что мне нужно? – Один Господь, Его благодать, Его правда, мир, милость, истина, любовь; а все – здешнее, земное – суета, а в необходимом»¹⁰.

При этом надо отметить, что порою и супруга о. Иоанна Елизавета Константиновна находилась под влиянием своей сестры. Таким образом, сбывались слова Господа: *враги человеку домашние его* (Мф. 10, 36) и: *не бывает человек без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем* (Мф. 13, 57), ибо домашние о. Иоанна не считали нужным всецело жить жизнью Церкви. Учитель и наставник десятков тысяч

⁸ Дневник, 1867, ф. 1067, дело 12, лист 12

⁹ Дневник, 1870 г., ф. 1067, дело 15, лист 127

¹⁰ Дневник, 1872-73 гг., ф. 1067, дело 17, лист 96 об.

христиан дома вынужден был смиряться перед непослушанием и противлением своих родственников. «Я, окаянный, сделался виновником нынешней бури из-за скоромного пирога, сделанного вопреки моему желанию, чтоб он был постный (фарисей-лицемер). Не выше ли поста мир и любовь? Отчего я не поел, как бы не зная, скоромного пирога, чтобы сохранить любовь и мир? Оттого, что у меня уже ранее в сердце было негодование и вражда на жену и свояченицу, что они не ходят в церковь, не соблюдают таких постов, живут большею частью праздно, бросив всякое дело; Анна Константиновна читает только романы и, будучи вдовой молодой, умеет только есть сладко, спать долго, читать романы, о всех судить-рядить, всех бранить, кто только ей почему-либо не нравится, ставить все на своем и старших не слушать. Итак, у меня уже раньше сжималось сердце, глядя на беспорядки, праздность и леность домашних, и хотело высказаться, и только искал я случая к тому. Случай этот представился, случай плотской: и я разразился гневом и негодованием, и сказал я жене и свояченице, что они живут без дела, без богослужения, без Таинств; а когда свояченица сказала, что тому, кто насказал мне об них невыгодно, она желает скорее подавиться, – я не мог более терпеть и встал из-за стола, только что начав обед, и ушел из дому, ибо крайне горько мне показалось такое выражение о сослуживце моем, да, верно, и обо мне. Виноват я, Господи, виноват, что не обуздал я своего рвения – из-за вещи безразличной, и дал волю смущению и самолюбивому движению гнева и зависти: ибо сам позабывал сладкому, скоромному их обеду и скоромному пирогу. Посему молю Господа, вразумив и наказав всех нас, просветить, примирить и помиловать нас и не допустить жить во вражде; свояченице же моей указать должность и место, да живет как молодая и в силах, и здоровая женщина, трудами рук своих; ибо сие есть праведно».

Одна из самых важных и проникновенно раскрытых тем в Дневнике Кронштадтского пастыря – взаимоотношения сына с матерью, простой деревенской женщиной. «Материнская рука. Эта рука пеленала меня, грудью кормила, молоко мне готовила, берегла меня, носила меня, кормила меня. Как мне не целовать ее с великим почтением и нелицемерною любовью? – А эти уста с любовью меня убаюкивали, ласкали, разжевывали мне пищу. Как мне их с любовью не целовать? – Как не ласкаться сыну к матери? Телец, жеребенок, ягненок, и те ласкаются к своим матерям. – В простоте сердца, не задумываясь надо чтить ее сыну или дочери. – Смиряться всегда надо пред нею: ибо она посредница между Богом и ее чадами в величайшем, бесконечно великом даре Божиим – даре жизни: чрез нее дарована жизнь, и она сохранила эту жизнь: да она была орудием Промысла и в сохранении ее»¹¹. Маменька о. Иоанна сильно отличалась своим внешним обликом, манерами и речью, про-

¹¹ Дневник, 1866, ф. 1067, дело 11, лист 19

Иконописный образ святого праведного Иоанна Кронштадтского Чудотворца

стой и непосредственностью от городских жителей. Из дневниковых записей видно, что время от времени Батюшка даже стеснялся своей маменьки перед прихожанами и перед семьей своей супруги, но не мог не видеть нравственного превосходства матери:

«Мать моя для меня выше и дороже и честнее всех на этом свете, если она богобоязненна: потому что она моя мать...

У матери свой язык, свое наречие, сельское, простое, грубое, неграмматическое, которого не надо презирать, но отдавать должное уважение, как словесному органу. – Дьявол все старается употребить в повод к злобе и презрению: ты старайся все употребить в повод к благодати, ласке, смирению. Ты говоришь правильной речью, образованною: благодари Бога, даровавшего тебе образование; но помни, что образованная речь без образованного сердца (если, например, сердце злое, высокомерное, грубое, упрямое, завистливое, скупое) ничего не значит, пустой звон металла; напротив, необразованная речь при простоте сердечной, кротости, незлобии, ласковости, покорности имеет

великую цену. – О, какие мы лицеприятные, поверхностные, ложные! – Итак, уважай наречие каждого места и не презирай человека из-за грубого наречия, – как из-за грубой одежды. Помни, что ты сам некогда говорил тем же наречием. Простые, необразованные люди – дети: все у них безыскусственно, просто: наречие, одежда, пища, питье»¹². Для о. Иоанна Феодора Власьевна была примером благочестия и сердечных добродетелей и, судя по всему, оказала на него значительное духовное влияние: «О, какая смиренная мать моя! Как она даже предо мною смиряется! И как надо мне пред нею смиряться! Ибо она пример для меня. Если бы она держала себя предо мною с важностию, как мать: и тогда бы я должен был смиряться пред нею как сын, как рожденный и вскормленный ею. Но она держит себя предо мною очень кротко и смиренно! Притом честь, оказываемая отцу и матери, восходит к Богу, создавшему нас чрез них. Тем паче надо почитать их! Мать моя, простая женщина, обладает простосердечием, которого я, ученый и священник, не имею. Она говорит мне простосердечно: здравствуй, дитяtko, прощай, дитяtko, благодарю, дитяtko, а я не могу без насилия себе сказать: здравствуй, мамаша, прощай, мамаша, благодарю, мамаша: я одержим лукавством гордыни. Господи! даждь мне простосердечие!»¹³

Многие темы, которых касается о. Иоанн в дневниковых записях, особенно важны для священников: это и отношения со священноначалием, с братией Собора, с причетниками, прихожанами и благодетелями, это и священнический молитвенный труд, и служение пастве. Эти записи издательство «Отчий дом» издает отдельными сборниками: «Священнику», «О молитве» и т. д. Но в рамках доклада мы коснулись только того круга тем, который важен для любого мирянина.

Итак, Дневник Кронштадтского пастыря, этот уникальный, почти современный нам памятник христианской письменности, дает возможность прикоснуться к обыденной жизни праведника и увидеть простое и человеческое лицо великого чудотворца. Он становится ближе нам, грешным, несущим житейский крест, – мы видим, что он нас понимает, поскольку своим опытом дознал и тяготы семейной жизни, и непонимание самых близких людей, и борьбу с собственными страстями. Приближаясь к нам, образ праведника не теряет своего величия, но делает вершину более доступной: мы видим, что путь к ней лежит не через непосильные подвиги, но через сердечное покаяние и видение своих малейших грехов, в постоянной внутренней молитве ко Христу, в труде над собою, чтобы приобрести любовь ко всем, и – конечно – через участие в Литургической жизни Церкви, в приобщении Святых Таин Христовых, причастником которых отец Иоанн был почти ежедневно.

¹² Дневник, 1866 г., ф. 1067, дело 11, лист 30

¹³ Дневник, 1866 г., ф. 1067, дело 11, лист 31 об.

Рассказ «Счастливая Олька»

*БАДАНИНА Ирина Николаевна¹,
Санкт-Петербург*

Обычная российская семья. Таких много в нашей стране. Труженица мама, работающая на нескольких работах, тянущая на своих плечах всю семью, дом и огород. Пьющий папа, который сам не знает, почему такой агрессивный, и жить не хочет, а потому пьет. Сын, который не хотел учиться, потому и не учился, не хотел работать, потому и не работает...

И дочка Оленька Бельская (или просто Олька) – некогда мамино счастье, мамина куколка, мамина надежда и опора. Только почему-то «счастье» по мере того, как взрослеет – начинает обманывать, потом прогуливать уроки, потом курить, потом выпивать... Олька, Олька, как же так? Зачем? Почему? Никто не знает. Да она и сама не знает. Ей просто плохо по жизни, а это друзья-подружки понимают куда лучше, чем мама. В школе все плохо, дома все плохо. Хорошо только с подружками. Дальше как снежный ком...

То, что могло быть дальше, можно представить. Дальше было бы страшно и все очень жестко и банально. Наркотики, воровство,

¹ Ныне – матушка Ирина Баданина.

Ольга Бельская

распутство... Только вдруг пришла БЕДА. Совершенно неожиданная болезнь. Не к маме, не к алкоголику отцу, не к балбесу брату, а к юной пятнадцатилетней девушке. Рассеянный склероз. Чума XXI века. До сих пор врачи не знают причину происхождения болезни. Природа болезни вирусная. Но на каком этапе и почему вдруг организм начинает воспринимать свои клетки как чужеродные и разрушать их, никто не знает. Поэтому и не лечится эта болезнь. Можно только медикаментозно снять рецидив заболевания и облегчить страдания больного. Немного облегчить...

Оля, Оля, сколько же ты натерпелась за эти годы, бедная девочка!.. И как помочь, если ножки не то что не ходят, а сведены судорогой в бесконечной боли, когда руки слабые, когда глаза плохо видят, когда лежишь неделями и совсем ничего не можешь делать... В таком положении начинаешь много думать, думать обо всем. Почему это случилось именно со мной? За что? И как теперь дальше жить?

Ответы пришли не сразу. Но главное, что она сама нашла эти ответы. Сама разобралась, за что и почему. Эта молодая девушка к своим двадцати годам стала удивительно мудрой и глубоко понимающей сокровенные причины всего произошедшего с ней. Как чудо стала воспринимать, что вокруг нее стали появляться верующие православные люди, которые рассказали ей, что есть Бог, что нужно только обратиться к Нему, и Он уже никогда не оставит тебя одну.

Так зачем же эта страшная болезнь была дана такой юной девушке? Не затем ли, чтобы научилась Ольга за каждый прожитый день благодарить Господа, не затем ли, чтобы научилась молиться за себя, за свою мамочку, чтобы были у нее силы и здоровье? Просить Господа за отца своего, чтобы нашел в себе силы и с Божьей помощью одолел свое пьяное наваждение, и за брата, чтобы смог найти свое предназначение в жизни.

И молится теперь наша Ольга, чтобы дал ей Господь друга и мужа будущего, верующего и «исключительно православного»! Потому что, по ее словам, только православные так любят людей. И еще молится Оленька, чтобы смогла она встать на ноги, так как очень хочет она помогать людям, потому что, несмотря на болезнь, научилась она радоваться и хочет дарить она эту радость и любовь к жизни другим людям. А болезнь свою воспринимает она как благо, так как иначе никогда бы она не узнала Бога и не стала бы такой, какой стала.

Такой, какой теперь она себя всегда называет – Ольга Счастливая-Бельская².

² Примечание редактора: «Счастливая Ольга» скончалась в 2016 году.

Духовное служение врача в современном мире. Необъяснимые с точки зрения медицины случаи течения заболеваний и чудесных выздоровлений

ШЕСТОПАЛОВ Сергей Семенович, заслуженный врач России, кандидат медицинских наук, врач-реаниматолог

ШЕСТОПАЛОВА Наталья Кузьминична, врач высшей категории, заведующая отделением компьютерной томографии¹

*Слушающий слово Мое и верующий...
перешел от смерти в жизнь (Ин. 5, 24)*

Хотелось бы поделиться своими размышлениями о духовном служении врача и практическим опытом, который мне (С. Ш.) довелось приобрести за прошедшие тридцать лет моей реанимационной работы. Кроме того, я хотел бы засвидетельствовать реальность тех «невероятных» случаев течения заболеваний и чудесных выздоровлений, которые не согласуются с медицинской наукой и стоят выше понимания обычного специалиста-врача.

В православном понимании болезнь подчас является благом, ибо может направить человека на путь спасения и, произведя переворот в его сознании, обратить к Богу. Для людей неверующих, далеких от спасительных евангельских истин, такая неожиданная оценка пользы

¹ Ныне священник Сергей и матушка Наталья Шестопаловы.

или вреда, приносимых страданиями, болезнью или скорбью, находится как бы за пределами их сегодняшнего обыденного понимания.

В то же время святые отцы, как например, преподобный Исаак Сирин, пишут, что когда человек болен, то душа его непременно начинает искать Господа. Однако в итоге на сегодняшний день во врачебной практике мы имеем следующую ситуацию. Есть Священное Писание, есть великая традиция Православия, многовековой опыт молитвенной помощи страждущему, и есть – далекие от этих спасительных истин несчастный пациент и столь же далекий современный врач. К такому бедственному положению пришла российская медицина, следуя безумным идеям XX века, задачам богоборчества и путем вытравливания веры из народа.

Исходя из своего врачебного опыта, приходится с горечью констатировать то, что медицинский персонал больниц и госпиталей, да и вся медицина сегодня, не способствуют, а порою и прямо препятствуют больному обрести помощь в спасительном обращении к Богу. Чем это обуславливается? Крайне приземленным подходом к страданиям, болезням и скорбям человека, сведению их не более чем к сфере оказания врачебных услуг. От современного больного, проходящего в лечебное учреждение, требуется лишь сообщить, что беспокоит. Глубина вникания врача в проблему больного большей частью исключается. По установленным «стандартам» и схемам назначают перечень лабораторных и инструментальных диагностических исследований, не преминув указать, где оплатить назначенные услуги. Внедренные в медицину рыночные законы практически исключают добрые традиции душевных и духовно-нравственных отношений, ко-

торыми всегда славилась наша русская медицина. Врач, утративший высоту сердечного, сочувственного отношения к больному, рассматривает его, скорее, как отстраненный объект, как «случай в практике» и подчас наиболее заинтересованно – как источник своего дохода.

Подобное положение явилось следствием того, что уже многие поколения врачей, воспитываясь в атеистическом духе, видели свою профессиональную задачу лишь в реализации способностей своей личности, которая и есть гарант исцеления человека. В этом состоянии обращение к Богу, призывание помощи от Господа – практически исключено. Не будем обольщаться, что в предреволюционной России ситуация с духовной составляющей во врачебной среде была идеальной. Если изначально в России и в иных странах христианской европейской цивилизации клятва врача начиналась словами: «Да будет благословен Бог...», то к началу XX века врачи России духовно сосредотачивались уже на иных приоритетах: «я даю обещание не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю».

В наше время Клятва Российского врача (1999 года), все еще называемая «клятвой Гиппократата», гордо возвещает: «Я клянусь!..» Хотя Священное Писание предупреждает: *«Прежде же всего, братия мои, не кланитесь ни небу, ни землею, и никакую другую клятвою»* (Иак. 5, 12).

Такое горделивое «Я», не знающее Бога, входит в человека незаметно вместе с «клятвой Гиппократата» и формирует ложное представление, что именно он, а не Бог, определяет судьбы людей, решает вопросы жизни и смерти. Бывает, что вокруг мастера-врача, успешно выполняющего операции на жизненно важных органах, складывается атмосфера «обоживания», возникает некий ореол «спасителя». И он начинает действительно мыслить как «бог»: «Я вам помогу! Я вас спасу!». Не Бог через меня, а «Я» сам. И эта подмена заслоняет Бога от больного, водимого таким врачом, лишает его спасительного искания и обращения к Богу.

Надо сказать, что даже в богоборческий коммунистический период, при отрицании религиозной духовности, нравственное отношение к больному было более высоким. В те времена здоровье не было личным делом каждого, оно являлось достоянием государства. В медицине того периода было развито лечебно-профилактическое направление, когда состояние здоровья периодически проверялось, болезнь могла быть выяснена в своей начальной стадии и успешнее поддаваться лечению. На фабриках, заводах, предприятиях и организациях существовали медицинские кабинеты. Были доступны для взрослых и детей санатории, дома отдыха, пансионаты, профилактории и лагеря отдыха. Медицина была бесплатной и нестяжательной. Сегодня же в нашем либерально-демократическом обществе положение в здравоохранении значительно хуже: духовное и нравственное отношение к больному предается забвению, а рыночное поставлено в основу само-

сознания. Здоровье – личное дело каждого. Хочешь отдохнуть, обследоваться, а тем более заболел – плати. А основной части населения страны платить за эти услуги крайне тяжело, а порой и просто нечем. И не нравственность, а власть денег определяет отношение к больному. Неудивительно, что смертность в нашей стране составляет около миллиона в год, хотя нет никакой видимой войны.

В практической работе врача-реаниматолога, который работает на границе жизни и смерти, особо заметен и вызывает тревогу уровень духовной зрелости (а точнее, незрелости) как самих больных и раненых, так и их родственников. Пребывая в состоянии тяжелейших страданий, в состоянии «приграничном», люди по-прежнему остаются легкомысленными, не задумываются о глубинном смысле происходящего с ними, о необходимости перемены своего духовного самосознания. У многих отсутствует истинное понимание о Боге, о душе, о смысле жизни и смерти, о вечности, о том, как подготовить душу к встрече с иным миром.

В отделении реанимации. Между жизнью и смертью...

Бывает, поздравляя раненых военнослужащих и иных больных с православными праздниками, с Рождеством Христовым, с Пасхой, с горечью обнаруживаешь, что у большинства нет даже и начатков знаний о Боге, о Богородице, о вере и вообще о православной культуре. Рассказывая им о смысле и значении этих праздников, проводишь таким образом духовный «ликбез», вводишь людей в мир «Духа и истины», в мир вечных ценностей.

Некоторые раненые и больные, находясь в реанимации с тяжелыми и весьма опасными для жизни ранениями, тревожными диагнозами, не осознают, что это им, как говорится, «звонок от Бога». Как-то не доходит это. Беспечно полагая, что ничего опасного не произошло, про-

сто пострадало тело, но сейчас врачи их «соберут по косточкам» и «заштопают», и все будет по-прежнему хорошо. Нет и мыслей о том, что все очень серьезно и что в любой момент Господь может забрать его душу, и тогда спросится за все. Что пришло время подумать об этом, о самом главном, о наступающем «моменте истины» и близкой встрече с Отцом Небесным. И если это так, то уже сейчас необходимо вступить с Ним в правильные отношения. Увы, современный человек не умеет, не знает, как строить отношения с Богом, и о смерти не думает, предпочитая «политику страуса».

Картина П. Рыженко
«Благословение Сергием Радонежским князя Дмитрия
Донского на Куликовскую битву». 2004 г.

В этой связи вспоминается иной опыт построения своих отношений с Богом. Речь идет о духовной культуре северного поморского мореплавания. Перед каждым выходом в море моряки-поморы прощались со всеми односельчанами, ходили на могилки пообщаться с предками, служили молебны. И, осенив крестным знаменем море, укладывали в карбасы чистые белые рубахи – «на смерть». Потому что каждый помор с детства знал: вверяя себя морской стихии – вверяешь себя Воле Божией! Они верили, что Бог их не оставит, и всегда были готовы

к встрече с Ним. Вот какое было самосознание у поморов – вера в Бога и готовность встречи с Ним была нормой жизни.

Так и у воинов на Руси было такое же самосознание: перед боем молились, непременно примирялись, прощая друг друга, затем, исповедовавшись и причастившись, надев чистые рубахи, шли в бой «без страха и упрека». И вот именно этой важной духовной составляющей нет сегодня у большинства молодежи, у военнослужащих, у жен и матерей, что не может не вызывать серьезную тревогу. А у православно-го врача – и человеческое сострадание к своему пациенту.

Бывает, что больной умирает, сам того не осознавая. Ему вдруг просто становится как-то не по себе, появляется некая слабость, хочется спать, и он «засыпает». И не понимает, что он уже умер. Если ему повезло и помощь была рядом, то наступает более чем получасовая напряженная борьба за возвращение больного к жизни. Реанимационная бригада силами врачей и медицинских сестер, с применением всего арсенала аппаратуры и методов реанимации, пытается вывести человека из состояния клинической смерти.

Хорошо, когда, по милости Божией, больного удастся оживить, и он, очнувшись, спрашивает: «Что это со мной происходило?» Затем в недоумении он будет рассказывать, как оказался вне своего тела, что видел все происходящее как бы сверху, находясь под потолком. Как наблюдал все, что с ним делали врачи и медицинские сестры. Он перечислит слова, команды, описывая действия каждого члена реанимационной бригады над его бездыханным телом. Завершается это состояние пребывания «вне тела» традиционно: больной приближается к своему телу и, как бы «входя в него», вновь начинает видеть этот мир своими глазами. Причем, находясь в воздухе под потолком, ощущения подвешенного состояния нет: ощущение такое, как будто твердо стоишь на земле. Удивительно, что больной передает все наши слова и действия максимально детально, со всяческими подробностями, правдиво и точно. Я каждый раз подтверждаю все и удивляюсь этому, поскольку сам руковожу действиями той бригады реаниматологов.

Хочу еще раз подчеркнуть то, что этот очевидный феномен показывает значительное отличие способностей души человека и возможностей его мозга. Душа воспринимает происходящее непосредственно, напрямую, и потому способности концентрации внимания человека становятся просто неограниченными. Представьте себе сами, если, скажем, подвесить под потолком самого внимательного наблюдателя с целью фиксировать очень напряженную, динамичную и многообразную деятельность пяти-шести членов реанимационной команды на протяжении 30-40 минут, то вряд ли он будет в состоянии подробно и детально все запомнить. Очевидно, что это выше сил человеческого организма – попытаться последовательно и вплоть до мелочей перечислить все слова, движения, манипуляции каждого члена реанима-

Если, по милости Божией, больного удастся оживить, то он, очнувшись, в недоумении будет рассказывать, как оказался вне своего тела, что видел все происходящее как бы сверху, находясь под потолком...

«Были и «вернувшиеся» из более дальнего ухода от тела, которые рассказывали, что их уносит через какой-то тоннель, и они попадают в необычайно красивый и неведомый ранее мир...»

На фрагменте картины средневекового художника И. Босха «Видения потустороннего мира» отражен именно этот момент входа души в тоннель

ционной команды и даже описать их внешний вид. Становится понятно, что в этом случае нам ясно открываются удивительные возможности человеческой души, освободившейся от телесной оболочки.

И вот теперь, «после возвращения», такому больному можно объяснить, что «это твоя, друг, душа смотрела на твое тело со стороны» что «ты пережил момент, когда должен был расстаться с этой жизнью. Но Господь тебя оставил жить и при этом открывает тебе Себя и показывает существование невидимого горнего мира. Господь оставил тебя жить, но не для прежней беспечной, бездумной жизни, а для духовной. Для того чтобы ты пришел в согласие с Богом и понял, для чего родился в этот мир, для чего ты живешь».

Скажем прямо – таких случаев, когда больные после выведения их из состояния клинической смерти подробно рассказывают о виденном ими «там», в нашей практике было немало.

Были и «вернувшиеся» из более дальнего ухода от тела, которые рассказывали, что их уносит через какой-то тоннель и они попадают в необычайно красивый и неведомый ранее мир, где удивительные звуки, краски, невиданные цветы и небо – не как на земле, а много прекраснее. И каждый непременно упомянет, как там было блаженно и хорошо. Многие отмечают, что все увиденное и почувствованное ими там таково, что трудно описать земными словами, что здесь нет таких слов. Невольно вспоминаешь рассказ апостола Павла: *«...он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать»* (2 Кор. 12, 4).

Помню, как познакомился со студентом-заочником Владимирской духовной семинарии Сергеем Голычем, который воевал в Афгане, где получил контузию. После подрыва бронетранспортера на mine Сергея отбросило взрывной волной. Когда он лежал в нескольких метрах от горящей машины, то почему-то уви-

В тяжелейших ситуациях Афгана и Чечни только те бойцы по-настоящему «держали удар», кто обрел веру в Бога. Это те, которые либо уже были воспитаны в вере, либо нашли ее через некие особенные, чудесные события, произошедшие с ними на войне, а подчас и после войны, во время физических страданий от полученных ран.

На фото: полковник Шестопалов и «афганец» Сергей Голыч

Подорванный БТР

дел себя со стороны, лежащим на земле без движения, и рядом свой горящий БТР. «И тут вдруг, – рассказывает Сергей, – вижу я перед собой прекрасного юношу – Ангела, который смотрит на меня с такой любовью, что стало мне так спокойно и сладостно, что забыл я и про свое разбитое тело, и про горящую машину, и про войну. Ангел заговорил со мной, но при этом не было движения губ, и я все слышал внутри, сердцем: "Ты не умрешь, ты пока еще остаешься жить на земле". А мне, – говорит Сергей, – так хорошо, что я вовсе не хочу возвращаться обратно в ту жизнь, в ту войну. Но все равно, независимо от моего желания, стал я вдруг приближаться к своему телу, как бы входя в него. А дальше: очнулся – в ушах страшный звон, голова раскалывается, в теле сплош-

ная боль, дурно, тошно. Тут подъехали наши ребята, собрали нас всех, переложили на бронемашину и увезли в госпиталь».

Несомненно, что переживание такого опыта иной реальности и близости «Царствия Божьего» производит на каждого человека преобразующее действие, исцеляет от мрака тупого безбожия, открывает смысл бытия.

Именно это событие помогло выжить Сергею после войны и не повредиться так называемым «афганским синдромом». После ранения он вернулся на родину, в глубинку Нижегородской области, и создал верующую, христианскую семью. В период распада Союза и разрухи в деревне жить стало невозможно. Ели с женой сами и кормили троих детей распаренным комбикормом. Но встреча с Ангелом и обретенная вера уже укрепили его дух: жизненные «удары он держал». Перебрались жить в другие места, стал работать на двух работах, поступил на заочное отделение во Владимирскую духовную семинарию. Здесь нам и довелось с ним познакомиться.

Хотелось бы обратить внимание на упомянутое выше особое духовное состояние людей, воевавших в локальных войнах последних десятилетий, – так называемые «афганский» и «чеченский» синдромы. Что следует под этим понимать?

С медицинской точки зрения это можно назвать послевоенным расстройством психики, «посттравматическим синдромом», следствием пребывания в экстремальных ситуациях, на грани жизни и смерти. Это явление выражается во вспышках немотивированной и неконтролируемой агрессии, подчас по самым незначительным пово-

Ребята Первой Чеченской войны

дам, в чувстве гнетущей тоски и душевной тяжести, в ночных кошмарах и внезапно нападающем страхе. Причина этих глубоких повреждений, тяжелейших травм человеческих душ – в полном отсутствии в современной российской армии практики духовного врачевания воинов со стороны Церкви и защиты души военнослужащего силою Церковных Таинств. Та составляющая веры Христовой, которой была всегда так сильна Русская армия, на сегодня практически полностью отсутствует. Российские ребята лишены самого главного оружия воина – стержня Веры, без которого невозможно быть уверенным в правоте своего дела, обрести бесстрашие и спокойную силу, ясное чувство бессмертия своей души, которое более всего духовно подавляет противника. И которое, скажем честно, явным образом смело демонстрирует нынешний враг и глумится, видя эту нашу позорную «духовную кастрацию».

Картина П. Рыженко
«Инок Пересвет. Молитва перед битвой». 2004 г.

Наши бойцы в Чечне. Вторая Чеченская

Эти упомянутые выше синдромы порождают в человеке глубокий внутренний конфликт с совестью, поскольку память неумолимо и безжалостно возвращает ребят во сне и наяву к тем невыносимо жутким и позорным эпизодам и делам войны, которые они совершали сами или чему были свидетелями. Много из того, что позволяли себе вовлекаясь, было бы абсолютно невозможным, недопустимым, если бы российская армия исповедовала веру своих предков, высочайшие идеалы Православия. А так они, в большинстве своем, были вынуждены следовать тому образу ведения войны, который навязывал жестокий и фанатичный враг, неизбежно скатываясь в слепую ненависть, с безумным матом и с единственным желанием ответить еще большим злом за зло и еще большей кровью за кровь.

Этот путь – тупиковый, он не несет победы над источником зла. Абсолютно невозможно победить зло еще большим злом. Соприкосновение, столкновение двух внешне противоборствующих зол лишь имитирует победу одного над другим. На самом же деле оно слагается и усиливается. Оставаясь онтологически непобежденным, оно неумолимо возвращается к нам еще большей проблемой и бедой, нежели прежде. Зло уничтожается, исчезает, аннигилирует лишь в соприкосновении с добром. Эта страшная тьма пасует и отступает, натываясь на неодолимую силу Христа Бога и твердую уверенность правоты Его дела, в которой не сомневаются носители Его имени...

Это относительно духовной инвалидности российской армии и нашей страны в целом. Что же касается этих синдромов Афганской и Чеченской войн для ребят – носителей физической инвалидности, то наряду с жестокой изуродованностью тела и тяжелейшими страданиями многочисленных операций им часто добавляется и драма разрушенной личной и семейной жизни. К этому можно приплюсовать традиционное равнодушие государства к своим воинам, в конечном

счете, брошенным на произвол судьбы. Понимание ненужности проявленного героизма, честно выполненного долга, а подчас и подвига – это невыносимые психические и душевные страдания. Они не раз приводили раненых к серьезным повреждениям личности, к глубокой депрессии, психозам, озлобленности, проявлениям агрессивности к медицинскому персоналу и иногда, в конечном счете, к стремлению покончить с жизнью.

Чечня. «Первая война» 1994–1996 гг.

О том, насколько тяжелы и порой невыносимы эти душевные страдания и психические напряжения, говорит то наблюдение, что больные солдаты и офицеры в этой ситуации физическую боль как таковую уже воспринимают много спокойнее, равнодушнее и даже «привыкают» к ней. То есть мы видим, что наших ребят «добивают» не война, не враг, а своя страна и наше бездушие.

И тут надо прямо сказать, что в этих тяжелейших ситуациях только те бойцы по-настоящему «держат удар», кто обрел веру в Бога. Это те, которые либо уже были воспитаны в вере, либо нашли ее через некие особенные, чудесные события, произошедшие с ними на войне, а подчас и после войны во время физических страданий от полученных ран.

Офицер-афганец, майор Анатолий Петунин поступил в госпиталь в 1986 году с тяжелым огнестрельным повреждением позвоночника. Пуля снайпера полностью разорвала спинной мозг в грудном отделе, также повредила легкие и печень. В медицине такое ранение считается смертельным. Сейчас никто из врачей не возьмется объяснить, как смертельно раненый майор выжил в холодных горах Афганистана, где пробыл почти сутки, ожидая вертолета для эвакуации в госпиталь. Еще в Кабуле у него развилась гангрена правой ноги, и ее пришлось ампутировать. Следом пошли незаживающие язвы, пролежни, кровотечения. Анатолий был эвакуирован в Ташкент, где посчитали, что по своему состоянию дальнейшей эвакуации вглубь страны он не перенесет. Вскоре медики пришли к заключению, что дело близится к летальному исходу, и была телеграммой вызвана жена.

Полтора года назад, когда жена Марина провожала Сергея в эту «командировку», он был настоящий богатырь, любивший в свободное время поиграть пудовыми гириями. Теперь же на госпитальной койке лежал без движений обтянутый кожей скелет, и врачи не давали никаких надежд. Однако решение о направлении Сергея в Москву в наш Центральный военно-морской клинический госпиталь все же было принято.

В то время газета «Советский воин» за ноябрь 1990 года сообщала, что «волею случая сухопутный офицер связал свою дальнейшую жизнь с военно-морскими медиками». Есть такое выражение: «"Случай" – псевдоним Бога». Так что, «волею случая» Господь вершил спасительную судьбу Анатолия.

Майор Петунин в тот момент был у нас самым тяжелым из всех раненых. Медперсонал реанимационного отделения, отделения ран и раневых инфекций, все службы жизнеобеспечения выкладывались из последних сил, пытаясь поддержать жизнь в угасающем организме. Операции по жизненным показаниям и общие анестезии следовали одна за другой. С помощью реанимационной аппаратуры и методов интенсивной терапии удавалось поддерживать угасающие жизненно важные функции организма.

Но была и клиническая смерть больного. Именно здесь, в реанимационном отделении нашего госпиталя, Господь открыл ему неведомое для него доселе измерение жизни – дал его душе возможность соприкоснуться с вечностью. Тогда же произошло и его знакомство с православным офицером реаниматологом, который, по сути, и «вырвал» его из объятий смерти, а позже объяснил Анатолию и духовную суть всего того, что с ним происходило, того, с чем столкнулась его душа, оказавшись вне тела.

Афганец майор Анатолий Петунин поступил в госпиталь в 1986 году с тяжелым огнестрельным повреждением позвоночника. Пуля снайпера полностью разорвала спинной мозг в грудном отделе, также повредила легкие и печень. В медицине такое ранение считается смертельным

Необходимо напомнить, что это было за время, и потому не удивительно, что воины, пережившие опыт жизни вне тела, старались скрывать это от окружающих и «не распространяться», опасаясь неприятностей от соответствующих «органов». Когда же я решил открыться Анатолию как человек верующий, то рассказал, что молил Бога во все время наших действий по его оживлению и просил вернуть его в жизнь. При этом объяснял, что «я лишь выполнял свою работу, но к жизни вернул тебя Бог, для того чтобы ты, хоть и коммунист, но задумался о Нем. Господь вернул тебя к жизни, потому что подвиг твой свят и страдания твои смывают грехи твои и неверие прежней жизни».

Мы вспоминали с майором, как он во время боя с «душманами» под шквальным огнем не бросил двух раненых бойцов и, вытащив их из-под огня, спас от неминуемой гибели. И что, получив в результате смертельное ранение, он этим поступком исполнил наиважнейшую Евангельскую заповедь любви, о главенстве которой говорил Сам Господь. Именно тогда Анатолий доверительно рассказал мне, что покидал свое тело, что все видел со стороны: и себя мертвым, и нас,

спасающих его. Он подробно описывал наши действия и свой удивительный опыт, но просил об этом никому не говорить. Я тайно наставлял его в вере, объясняя, что теперь ему необходимо в полной мере соединиться с Господом, стать другом Божиим, для чего после выписки необходимо встретиться со священником для исповеди и Причастия.

За время тех операций Анатолию было перелито более 60 литров крови, и по всем законам должны были бы развиваться страшные аллергические осложнения. Однако этого не произошло, и смерть отступила.

Как писала все та же газета «Советский воин» в 1990 году: «Он выдержал. Он прорвался! Может быть, небесные силы, в которые Анатолий не верил, все-таки есть? Может быть, видя его борьбу, они вдохнули в него новую жизнь? Никто не знает, что произошло какое-то чудо». Да, врачи подтвердили, что произошло чудо, идущее вразрез с опытом научной и практической медицины.

За три года нахождения в госпитале майор Петунин стал подполковником. За героизм при выполнении воинского долга награжден двумя орденами. Месяцы мучительных тренировок, и в кресло-каталку сажали уже не «живые мощи», а крепкого парня с налитыми бицепсами и широкой грудью, всегда обтянутой тельняшкой. Сам этот пример его «воскрешения из мертвых» действовал на окружающих лучше любого лекарства

Врачи Кабула и Ташкента, узнав, что майор Петунин выжил, радостно удивлялись невероятному событию – их медицинский опыт свидетельствовал однозначно – выжить было невозможно. И вновь, как и две тысячи лет назад, Господь, *«воззрев на них, говорит: человеку это невозможно, но не Богу, ибо всё возможно Богу»* (Мк. 10, 27).

Именно после пережитого состояния клинической смерти, после встречи с Божественной вечностью Анатолий стал не только постепенно поправляться, но и преображаться внутренне. Позже, переведенный в отделение ран и раневых инфекций, он, как только появилась возможность передвигаться в инвалидном кресле, стал навещать раненых афганцев, беседовать с ними, всячески подбадривать.

Вскоре у его кровати появился эспандер, потом гантели и гири. Месяцы мучительных тренировок, и в кресло-каталку сажали уже не «живые мощи», а крепкого парня с налитыми бицепсами и широкой грудью, всегда обтянутой тельняшкой. Сам этот пример его «воскрешения из мертвых» действовал на окружающих лучше любого лекарства. Скольким раненым он вернул желание жить и не отчаиваться! Всегда подтянутый, бодрый, он заставлял как-то собраться, вспомнить о присяге,

Вторая Чеченская война (КТО), 1999–2000 гг.

вспомнить, что ты – раненый воин, человек ратного долга, а не жертва несчастного случая.

Никогда на Руси воин-инвалид не отождествлялся с калекой, он всегда уподоблялся герою-ветерану, заслуживающему всяческого почета и уважения, а не одной лишь жалости. Правда, мы все это, похоже, основательно забыли. А вот Анатолий помнил и смог убедить братьев по несчастью, что они не убогие, потерянные для жизни калеки, а раненые воины-герои. Это его бескорыстное подвижничество было логическим продолжением ратного подвига. Мало кто знал, что костылями он пользоваться просто не мог, что и в кресле ему сидеть было невыносимо тяжело: весь низ живота – одна большая незаживающая рана.

За три года нахождения в госпитале майор Петунин стал подполковником. За героизм при выполнении воинского долга был награжден двумя орденами и демобилизован в 1988 году.

Выписавшись из Центрального военно-морского клинического госпиталя в Купавне, он с семьей переехал в Таллин и был приписан к Таллинскому Военно-морскому госпиталю. Укрепляемый Господом, офицер Петунин прожил еще полтора года, постепенно угасая от пролежней и раневой интоксикации. Как писала нам в Купавну его жена Марина, он ни на кого не роптал, мужественно и с достоинством терпел боль и переносил страдания и всегда с особенной благодарностью отзывался о врачах и медицинских сестрах нашего госпиталя, где его спасли от смерти. Так через несение скорби, через терпение непомерных страданий умирают угодившие Богу воины-герои. Умер подполковник Петунин 28 декабря 1989 года, а хоронили его лишь 5 января 1990 года. Оказалось, что в Таллине перед Новым годом не нашлось

готовых гробов. Военные моряки проводили его в последний путь: был оркестр, был почетный караул, был прощальный салют...

Неизвестно, получилось ли у Анатолия выполнить те наставления в вере, встретился ли он со священником и обрел ли благодать Таинства Причастия. Марина об этом не писала, поскольку в то время в письмах нельзя было касаться этих тем.

Приведенные примеры мужественного терпения боли, страданий и жизненных скорбей двумя афганскими воинами, пришедшими к вере через опыт соприкосновения с жизнью души вне тела, несомненно, поучительны для всех раненых, больных и здоровых людей, не переживших этого откровения. Это позволяет не только преодолеть «афганский синдром», но и спасительно и полноценно жить.

Еще раз подчеркнем: «афганский» и «чеченский» синдромы – это глубокое повреждение души и духа, ставшие возможными как результат безверия современного российского воина. Верующий человек, православный врач может и обязан сделать все, дабы этот страшный синдром не погубил воина. С ранеными бойцами, попавшими в наш госпиталь, мы прежде всего начинаем разговор об их честно выполненном долге защитника Родины. О том, что они исполнили главную христианскую заповедь и послужили своим родным людям, не щадя своей жизни, как и велел нам Господь: *«нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (Ин. 15, 13).

История нашей страны чрезвычайно богата впечатляющими примерами именно такой жизни, такого достойного воинского служения. Проводя эту историческую параллель с сегодняшним днем, показывая единые духовные корни нашей нации, можно сразу заметить, как у многих раненых пробуждаются духовные силы. Можно сказать, прямо на глазах происходит формирование новой личности, человек обрета-

ет внутреннее величие духа. Понимание того, что Сам Господь, Православная Церковь и верующие люди России уважают их подвиг, благодарят за ратный труд, – преобразует искалеченных ребят: сердца их постепенно оттаивают, они уже не злятся и не отчаиваются, даже начинают утешать своих родителей и близких, мужественно и терпеливо переносят тяготы операций и боли лечебного процесса.

Очень важно при этом вникать в переживания страдающего человека, говорить с раненым о нем самом, о его жизни, о его вере, понимании Бога. Такие беседы очень облегчают страдания, нанесенные ранами. Конечно, бывает, на это не хватает ни времени, ни сил, но такие беседы крайне важны, и Господь воздаст каждому за эти усилия.

У нас в стране хорошая молодежь, просто нужно говорить с ними по душам, нужно помочь ребятам разобраться, в чем состоит смысл жизни человека и каково значение наших поступков в ней. А кто может поговорить по душам? Конечно же, православный врач, который понимает, что главное – духовная компонента в лечении таких больных, не умаляя, конечно, значения операций, исследований и лекарств.

Так, заведующая отделением компьютерной томографии, врач высшей категории Шестопалова Наталья Кузьминична неизменно обращает внимание, что у привезенных на исследование солдат нет нателенных крестов, хотя большинство крещены. Врач находит время и силы беседовать с ними, воцерковлять их, раздавать им крестики и молитвословы. На это важное служение имеется благословение священника, и Наталья Кузьминична проводит беседы с солдатами и больными, занятия по основам православной веры и культуры.

В итоге ребята начинают понимать, что не они носят крест, а Крест носит их. Потому вскоре целыми группами начинают сами приходить к ней за крестиками и молитвословами. Отделение хирургической реанимации за год проходит около тысячи человек, это из тех, кто лежит не несколько часов, а многие дни. Со всеми больными и их родственниками врачи-христиане стараются провести душеполезные беседы, объясняя, что без помощи Божией реального результата добиться невозможно.

Следующий момент, который трогает родственников и открывает им глаза на истины веры, – это бескорыстное отношение врача, искреннее желание помочь, подлинное сострадание к больному. И такое качество работы врачей и сестер неизбежно подготавливает сознание, внутренний мир раненого или больного к встрече с неведомым миром веры, вызывает покаянный настрой, желание исповедоваться. Вскоре больные начинают ждать прихода священника и потом даже спрашивать о его очередном визите, хотя, скажем прямо, ранее некоторыми из них упоминание о священнике воспринималось негативно.

Многие солдаты и больные у нас в госпитале приняли Таинство Крещения. У нас в отделении реанимации бывали Крещения и за несколь-

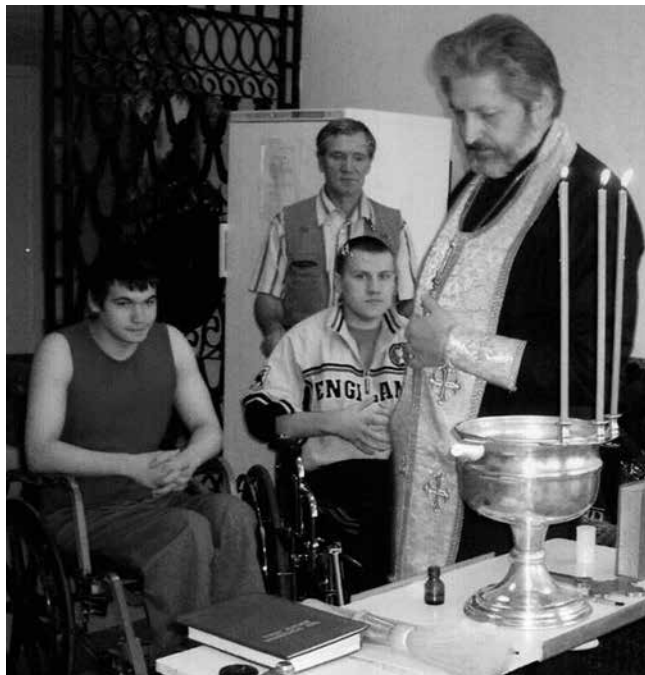

ко часов, и за несколько дней до смерти больного. В то же время было немало и таких, которые, при своем смертельном диагнозе, выжили лишь благодаря этой силе, что получили они в Церковных Таинствах.

Как опытный врач, часто уже заранее знаешь, что этот человек скоро умрет, хотя сам он этого еще не понимает. И надо сказать, что большинство из таких людей осознанно и с желанием принимали Таинство Крещения. Как сказал один богослов древности, душа человека по природе христианка, потому человек подсознательно стремится ко Крещению. Будучи уже не в силах спасти тело, нам удавалось спасти душу.

Надо заметить, что воины с серьезными ранениями, тяжелые больные и их скорбящие родственники значительно чаще ищут и находят помощь от Господа. Особенно в тех случаях, когда возможности медицины и врачей уже исчерпаны, а перспективы на выживание нет. Такие безнадежные больные и их родственники начинают уповать лишь на чудо и сердцем быстрее, чем разумом понимают, что это чудо может сотворить только Бог, а не врачи.

Увы, но у нас еще немало неверующих врачей, которые всячески застилают собой спасительный путь к Богу. Именно к таким наставникам обращался Спаситель, обличая их: вы *«затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете»* (Мф. 23, 13). Такие врачи, признавая произошедшее вопреки канонам медицины выживание больного или раненого, вынужденные признать этот факт чудом, тем не менее упорствуют и с Богом произошедшее категорически не связывают.

Крещение раненых и больных воинов

В главном фойе госпиталя создан иконный святой уголок по типу часовни, где у людей есть возможность помолиться. Некоторые больные приходят сюда перед операцией, сотрудники заходят перед работой

Сотрудничество со священнослужителями по духовному окормлению не только раненых и больных, но и руководства, и сотрудников госпиталя приносит свои плоды: освящены многие отделения; на постах, в ординаторских, в сестринских и в палатах есть иконы

Сейчас люди уже понимают, какие страшные утраты принес XX век, и вера потихоньку обретается вновь. Некоторые врачи не только не скрывают свою православную веру, но и советуют больным исповедаться и причаститься перед операцией

Священнослужители и сотрудники Храма Христа Спасителя духовно окормляют раненых и больных, оказывают материальную помощь расходным имуществом для ухода за тяжелыми больными

Православно-патриотический концерт для раненых и больных военнослужащих. Сила церковной благодати помогает ребятам обрести духовную составляющую в своей жизни, принять спасительную сущность православной веры. И тогда так называемая коррекция «афганского» и «чеченского» синдромов в душевном и нервно-психическом состоянии раненых и больных уже не мыслится без участия Церкви. Это проверено опытом лечения

В марте 1993 года в реанимацию привезли рядового Щепетина Виктора из войсковой части с тяжелейшей черепно-мозговой травмой, несовместимой с жизнью. Несовместимость в данном случае состояла в том, что Виктору просто «снесло» череп и мозги выше уровня бровей. У него практически отсутствовала черепная коробка, которую срезало стопорным кольцом колеса КАМАЗа вследствие взрыва покрывки при накачивании ее под давлением в восемь атмосфер.

Рядовой Виктор Щепетин с матерью Лидией Ивановной

Врачи-хирурги и я, как врач анестезиолог-реаниматолог, операционные сестры недоумевали: как при таком разрушении мозгового вещества и свода костей черепа организм человека способен еще жить? На фотографии для газетной статьи Виктор до бровей одет в вязаную шапочку, которая набита ватой. Тогда, в 1993 году, мы все оказались свидетелями этого небывалого чуда. По медицинской науке и практике должна была наступить смерть, но Виктор продолжал жить, хотя порой и на самой грани между жизнью и смертью.

Лишь в первые полтора месяца было выполнено шесть операций на головном мозге из-за кровотечений и нарушений циркуляции мозговой жидкости. Трижды Виктор практически умирал, и неведомо как успевали доставить его в операционную, уже без давления и частоты импульсов сердца, требующихся для жизни организма.

В медицине есть такой раздел – топическая диагностика центральной нервной системы: каждый конкретный участок головного мозга «отвечает» за определенные функции: за движение в руках, ногах и других частях тела, за состояние психики, умственных способностей, за уровень сознания. У Виктора, соответственно, эти участки мозга отсутствовали.

По мнению главного на тот момент нейрохирурга Вооруженных Сил профессора Гайдара Бориса Всеволодовича, принимавшего участие в операциях и лечении рядового Щепетина, и у нас, и за рубежом бывали случаи, когда удавалось спасти жизнь пострадавшего после подобной сильнейшей травмы. Однако из коматозного состояния в подобных случаях больные выходили, как правило, с глубоким неврологическим дефицитом, то есть с потерей умственных способностей. Человек, увы, становился просто биологическим существом, глубочайшим умственным инвалидом.

Забегая вперед, скажу, что вопреки отечественному и зарубежному опыту при выписке из госпиталя у рядового Щепетина восстано-

лось ясное сознание, нормальная психика и умственные способности, память, речь, чувство юмора...

Спустя время, уже дома, восстановились в полном объеме движения, возможность самостоятельно передвигаться и полностью обслуживать себя. Также и выполнять определенную работу по дому. Как тут вновь с благодарностью не вспомнить слова Евангельской истины: *«невозможное человекам возможно Богу»* (Лк. 18, 27).

В семье Щепетиных Виктор был единственным ребенком. Мать, Лидия Ивановна, у меня в кабинете вопила и рыдала, как безумная. Казалось, ее невозможно ни успокоить, ни вразумить. Отец плакал молча. Кончилось тем, что Лидия стала угрожать, что если мы ее сына не спасем, то она прямо здесь, в госпитале, повесится. После этих слов лимит моего смиренного мудрия был исчерпан. Я был уже не в состоянии сдерживаться – меня, как говорится, прорвало. На весьма высоких тонах, но искренне и горячо и неожиданно для них обоих я стал им втолковывать, что медицина не в силах спасти их сына, даже если мы будем стараться изо всех сил. Умолять и просить надо Того, от Которого все в этом мире зависит – Господа Бога. В этих безнадежных ситуациях помочь может только Он, а мы и без ваших просьб изо всех сил стараемся добросовестно делать свою работу.

При этом я открылся им, что являюсь верующим православным врачом, и по своему опыту хорошо знаю, что в трудных для медицины случаях молитва к Господу со стороны врача и близких непременно приносит пользу и Бог всегда являет свою помощь. Однако Господь слышит тех и помогает тем родителям, которые, обращаясь к Нему о спасении ребенка, сами изменяют свою жизнь, переходят от греха к праведности. Не просто «дай и помоги», но и прими от нас искреннее покаяние о нашей прошлой жизни не по вере и не по правде.

Моя неожиданная речь их так поразила, что они уже не плакали, а внимательно слушали: «Возможно, сын пострадал не за свои, а за ваши грехи, а вы, в безумии от горя, обещаете совершить еще более страшный, смертный грех, который уж точно погубит и вас, и вашего сына. Своими страданиями ваш единственный сын обращает вас к Богу, и если вы своего сына действительно любите и желаете его спасения, то стройте с Богом личные, пламенные отношения, очищайте свои души от греха и обязательно верьте, что "Богу все возможно". Если ваш сын до сих пор от такой травмы не умер, то неужели вам не понятно, что Господь хочет спасти вас всех от смерти и тела, и души. Я, чужой для вашего сына человек, молю Бога, чтобы он не умер. А вам, родителям, надлежит сделать много больше. Так что жизнь вашего сына теперь полностью зависит от вас». Надо сказать, что я не ожидал от них такой перемены – было видно, что с родителями Виктора происходит что-то очень важное – сердца их наполнились надеждой. Они уверовали, что Бог им поможет: «Что нам надо делать? Куда идти? К кому

обратиться?» – спросила Лидия Ивановна. Я направил их в храм, к знакомому священнику. Батюшка взялся их во всем наставлять, помогать и молиться за них и за их сына. Они стали подавать в разные храмы и монастыри Москвы «сорокоусты о тяжкоболящем Викторе», заказывали молебны о врачах и медицинских сестрах, участвующих в спасении их сына, подавали милостыню всем просящим, с просьбой помолиться за их сына. Словом, все, что я знал сам, то им и посоветовал делать, и они исполняли.

Я настоятельно порекомендовал им каждый вечер приходиться ко мне в отделение и рассказывать обо всем, что в их духовной жизни было сделано за прошедший день. А чтобы у них совсем не оставалось времени для уныния и сомнений, давал им поручения по участию в питании, лечении и уходе за сыном. Конечно же, они отнимали у меня немало сил и времени, но надо было видеть, как они радовались, узнавая, что их сын прожил еще один день.

Вспоминая и рассматривая от самого детства свою прожитую жизнь на предмет совершенных грехов, родители Виктора вечером могли вдруг обнаружить еще один забытый и нераскаянный грех и в тревоге просили Господа продлить жизнь их сыну до утра, дабы они могли поспешить к священнику на исповедь. Мне кажется, что это были, наверное, самые напряженные духовные дни их жизни. На протяжении почти двух месяцев они совершали очень важное делание христианина – возвращение от смерти в жизнь для себя и для своего ребенка.

И вот наконец пора операций по жизненным показаниям миновала. Наступило время пребывания Виктора в глубокой коме, когда на протяжении восьми (!) месяцев функции жизненно важных органов поддерживались с помощью аппаратуры, медикаментов, питания через зонды (трубочки, введенные в желудок) и уход за телом. Все эти провода, трубочки и катетеры были той пуповиной, через которую Господь поддерживал жизнь не только Виктора, но и его родителей.

С разрешения руководства маме Виктора было позволено участвовать в некоторых лечебных мероприятиях и уходе за сыном. Мне пришлось потратить немало сил, а ей пролить немало слез, пока я из нее не выпестовал настоящую медицинскую сестру. Без диплома она обрела совершенные навыки и знания по лечению и уходу за таким больным. Это ей очень пригодилось здесь, а затем в нейрохирургическом отделении, а потом и дома.

Через некоторое время нам удалось добиться устойчивой работы сердечно-сосудистой системы без медикаментозной поддержки. Дыхание поддерживалось современным аппаратом искусственной вентиляции легких. Но, несмотря на адекватное питание, больной худел, и от него, можно сказать, «оставались кожа да кости». Это известный феномен центрального истощения на фоне глубокой комы. Тогда многие врачи стали говорить о том, что организм Щепетина погиб, что

у него наступила смерть мозга и что надо прекратить бессмысленное продление жизни тела и рассмотреть вопрос о целесообразности забора у него органов для трансплантации иным больным. В этой ситуации лишь «заступничество» профессора Гайдара Б. В. позволило нам отстоять Виктора и продолжить дальше бороться за его жизнь.

Мы все очень просили помощи у Господа, и всем нам было понятно, Кто был истинный Покровитель рядового Щепетина. По вечерам, когда в госпитале оставалась одна дежурная служба, я приводил в отделение реанимации священника соборовать Виктора. Ибо так поступать учит Священное Писание: *«Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь»* (Иак. 5, 14; 15).

В декабре 1993 года газета «Красная Звезда» опубликовала статью «Восемь месяцев пробыл на том свете рядовой Щепетин». В ней корреспондент газеты пишет: «Некоторые специалисты уже в августе высказали мнение, что Щепетин фактически погиб – наступила смерть мозга. Мать больного даже пригласила священника для причастия. Но врачи Умеров и Шестопалов были иного мнения и настойчиво боролись за выздоровление солдата».

Фото статьи газеты «Красная Звезда» за декабрь 1993 года

Несомненно, вся организационная и профессиональная ответственность легла на нас, в то время сорокалетних начальников реанимационного и нейрохирургического отделений Центрального военно-морского клинического госпиталя, полковников медицинской службы: меня – автора этих строк и Умерова Евгения Хайретдиновича (справа)

Полковник Умеров в Таинстве Крещения стал православным христианином, моим крестником. Принятие им православной веры обусловлено нашей многолетней совместной работой и близким общением. Его жизнь трагически окончилась в 2003 году, в расцвете профессиональных и научных сил. Прошу молитв о рабе Божьем Евгении.

Как видим, корреспондент газеты, слабо ориентируясь в вопросах веры, посчитал, что священника к больному зовут только перед смертью. На самом же деле Таинства Церкви, даруемые через священника, оказывается, нужны человеку для жизни. Не знал он также, что причащают больного лишь в ясном уме и при его способности осознанно исповедывать свои грехи. Не знал он, что, несмотря на жестокий пресс государственного атеизма, существуют верующие врачи, способные подвигнуть людей искать помощи у Бога, Которому возможно то, что порой невозможно врачам. Скажи я тогда о своем подлинном взгляде на возможности лечения, выскажи иное мнение, меня бы, как говорится, «не поняли» и в лучшем случае сразу же уволили из Вооруженных Сил. Думаю, что сейчас многие нынешние врачи всего этого также «не примут», «не поймут» в силу того тяжелого духовного кризиса, в котором все еще пребывает наша страна. Тем не менее об этом писать необходимо, это надо делать хотя бы ради немногих, *«чтобы спасти по крайней мере некоторых»* (1 Кор. 9, 22), тех, которые все поймут и примут всем сердцем. Поймут же те, кто сам молится за своих детей в трудные минуты жизни, кто понимает духовный смысл слов о том, что «молитва матери со дна моря достанет».

Через восемь месяцев, на 242-е сутки, нам удалось вывести Виктора из комы. Первое слово, которое он произнес, было – «мама». Помню, тогда Лидия Ивановна в слезах счастья буквально влетела в мой кабинет, где мы в это время находились вместе с полковником Умеровым. Скажу прямо, и мы с Евгением Хайретдиновичем с трудом тогда сдерживали слезы радости.

Сейчас уже восемнадцатый год, как семья Щепетиных живет вместе с сыном в городе Туле. Они частенько звонят нам и до сих пор полны благодарности Господу и врачам за возвращенного им сына и за обретение Веры. Виктор всегда рассказывает мне о состоянии своего здоровья, о своих успехах, советует в духовных вопросах, обращаясь ко мне не иначе как «крестный».

И сейчас в нашем госпитале вот уже четыре года находится на лечении рядовой Родионов Станислав (в крещении Стахий), перенесший тяжелейшую автотравму. Первые полтора года, в период течения опасных для жизни осложнений травматической болезни, больной находился в нейрореанимации. В это отделение перевели Родионова из Главного клинического военного госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко без надежд на его выздоровление в силу тяжести состояния. Был момент, когда, несмотря на все примененное специ-

ализированное современное лечение, состояние стало критическим. Больной угасал на фоне высокой интоксикации, гипертермии более 39-40 градусов и выраженного истощения от тяжелой болезни. Врачи исчерпали свои возможности. Больше предпринять было нечего.

Отец Станислава находился рядом с угасающим сыном. К больным нашего реанимационного отделения регулярно приходил священник, и я спросил отца, не хочет ли он в этой ситуации обратиться к батюшке, попросить помощи у Бога. Однако его ответ был: «Я в этом ничего не понимаю. Спасибо, не надо». Конечно, можно было бы на этом прекратить разговор, но все же я решил не отступать: «А твоего, брат, человеческого понимания вовсе и не нужно. О том, как это происходит, как приходит помощь от Господа, никто из нас не знает. Богу нужно твое сердце. Бог есть любовь. Богу нужно верить, доверять подобно тому, как ты сейчас доверяешь врачам. Так что, меня, брат, удивляет твоя позиция. Твой сын угасает, несмотря на все наши усилия, и помочь ему врачи не в силах. И вот тебе дают реальный шанс – предлагают помощь Божию, а ты ее не берешь, отвергаешь. Разве так должен поступать отец, любящий своего сына? Даже если ты и не верил раньше в Бога, то из любви к умирающему твоему сыну, как ты можешь не попросить помощи у Него?» Отец Станислава слушал меня внимательно, и я вспомнил пример из Евангелия: «Две тысячи лет назад, во времена Христа у людей были те же проблемы, те же горести и болезни. Однажды один израильтянин обратился к Божественному Учителю с просьбой спасти и исцелить его сына. Господь, обещая помочь, все же напомнил просящему, что *«если сколько-нибудь можешь веровать, то всё возможно верующему»*. Отец понимал тогда, что если солжешь Богу, сказав: *«верую»*, то помощи сыну не будет. Но из любви к сыну и боязни упустить эту возможность получить помощь Божию, *«тотчас воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию»* (Мк. 9, 24). И Господь исцелил его сына. Вот, брат, какие были отцы две тысячи лет назад». Было видно, что мои слова сильно трогают отца, однако он так ничего и не ответил.

Через два дня врачи прямо сказали отцу, что его сын умирает, и они сделали все, что могли. Тогда отец попросил позвать священника «помолиться за сына и пособоровать его». Священник пришел вечером и совершил Таинство Соборования, на котором «о здравии тяжкоболящего воина Стахия» впервые в жизни молился и его отец. И если еще вечером сын буквально угасал, «сгорая» от высокой температуры, то к утру она значительно снизилась и состояние Стахия стало постепенно стабилизироваться.

Да, совершилось то самое желанное чудо помощи Божией, во спасение не только болящего Стахия, но и его отца. И слава Богу, что отец поверил и сумел повторить чудо Евангельской истории, произошедшей в древности с другим отцом и другим сыном.

Отец и сын

Необходимо в данном случае сказать об иных родственниках Станислава. К сожалению, они за эти прошедшие четыре года болезни так и не стали верующими людьми. Мать, сестра и сродники живут в Ульяновске, редко навещают сына в госпитале, больше заняты житейскими проблемами, работой и другими хлопотами. И только лишь отец, который до этого, скажем прямо, жил не самым лучшим образом, теперь несет свой крест, терпеливо ухаживает за сыном, что ему, конечно, зачтется.

Следует обратить внимание на то, что в случае со Станиславом Родионовым мы сталкиваемся с особым видом страданий болящего человека. Это внутренние страдания такой категории больных, которые из комы вышли, а в сознание не пришли. В медицине это явление называется «вегетативным состоянием». То есть особое, минимальное сознание, когда больной практически всё чувствует, мучается и страдает. Лишь частично понимая происхо-

дящее, он реагирует на людей и обстановку. Он живет, но объективно, внешне эту свою боль и страдание выразить не может ни мимикой, ни жестами, ни словом. Он смотрит, как ребенок, с улыбкой, но чаще как бы сквозь тебя, а иногда вдруг заплачет. В нем происходит величайшее страдание, быть может, нам неведомое.

Несомненно, для медицины и общества это сложная тема и не до конца разрешенная проблема. Но, тем не менее, рядовой Родионов Станислав остался жив, может, лишь немного не дойдя до полного сознания. И вполне может быть, что он придет в сознание лишь тогда, когда его родные, его мать станут молиться о нем, станут верующими людьми. Возможно, именно этого ждет Господь. И наверняка этого ждет от них и Станислав, только сказать пока не может. Но сейчас очевидно одно, что отец обрел свое духовное сокровище, он исполнен Евангельской любовью к сыну и посвятил ему свою жизнь. Скажем прямо, ему непросто, но он не ропщет и всех благодарит за помощь.

Еще один недавний удивительный пример обретения веры и соединения человека с Богом – это случай с офицером Дмитрием Мазуровым. Здесь та же ситуация невозможного для врачей, но возможного Богу.

Дмитрий оказался в госпитале после тяжелой автомобильной аварии. В результате ее был «поврежден спинной мозг в шейном отделе с распространением посттравматической кисты спинного мозга до продолговатого мозга». Выраженный раневой процесс, пролежни,

Офицера Дмитрия Мазурова поздравляют с Рождеством Христовым. За Дмитрия сугубо молились в Храме Христа Спасителя, всегда справлялись о его здоровье, передавали праздничные подарки с просьбой персонально поздравить его. Все, кто общался с ним, в трепетном изумлении понимали, что видят непостижимое явление Божьей силы, которая даруется за веру и молитву. Сам Господь ему сострадает, видя, как воин терпеливо и без ропота согласует свои страдания со страданиями Христа, с тайной Крестоношения

интоксикация, значительные нарушения трофики и питания тканей, стрессорные кровотечения и другие опасные для жизни нарушения. До травмы он весил 100 килограмм, а стал весить – 36.

При посещении в палате такого обезображенного, скрюченного и истощенного человека, с тяжелым запахом из-под повязок, на лице посетителя непроизвольно появляется выражение ужаса от увиденного. А Дмитрий смотрит лучистыми светлыми глазами, улыбается и встречает тебя с любовью и радостью. Без озлобления или безразличия, как иные раздавленные несчастьем больные, а с любовью и радостью. Он пришел в такую связь с Богом, так, можно сказать, весь преобразился, что вызывал удивление врачей, медицинских сестер и всех окружающих. Его взор всегда светел и радостен. И не его подбадривают и утешают, а это он успокаивает и укрепляет всех, к нему приходящих, всех, готовых ужаснуться этой ситуации и содрогнуться от вида его страданий!

Врачи сказали родителям, что их сыну осталось жить две-три недели. А он прожил пять с половиной лет! У него были десятки операций, перевязок, анестезий, нестерпимые боли от ран и спастических судорог, тяжелые кровотечения, интоксикация, нарушения жизненно важных функций организма. Медики сказали, что не выживет, а Бог решил по-другому. Дмитрий так глубоко уверовал, что, можно сказать, стал святым человеком. Каждое воскресение его причащал священник, беседа с ним, наставляя и поддерживая его, укрепляя его дух и веру.

Все, кто общался с Димой, в трепетном изумлении понимали, что видят непостижимое явление Божьей силы, которая даруется за веру и молитву. А у нас, бывает, зуб болит, так уже все, конец, – места себе не находишь, все тебя раздражает, забываешь и о Боге, и о молитве. А у него такие боли, такие тяжелейшие страдания, а он находит силы приветливо и спокойно разговаривать с тобой и улыбается ангельской улыбкой. Все потому, что свое еженедельное Причастие принимает не формально, не механически, а как встречу с Самим Господом. И в этой встрече Сам Господь в особом Откровении укрепляет и поддерживает Диму. Сам Господь ему сострадает, видя, как Дима терпеливо и без ропота согласует свои страдания со страданиями Христа, с тайной Крестоношения.

Надо сказать о родителях Димы – они хорошие, заслуживающие уважения и глубокого сострадания люди, но, увы, они так и не стали молитвенниками за сына, не смогли взять на себя подвиг веры. С ними не произошло духовного преобразования, хотя Господь долго ждал их пробуждения. В разговоре с ними о глубинных причинах произошедшего, о духовном смысле их страданий и страданий сына, о Боге, о вере и спасении было видно, что слова вечной истины «скользят по поверхности», не затрагивая их сердец. Не случилось с ними того чудесного воздействия Божьего слова, которое *«проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные»* (Евр. 4, 12). Они вежливо слушали, но не услышали. Мать слушала молча, а отец сказал, что он «об этом» читал.

Дмитрий Мазуров прожил пять с половиной лет. Прожил, обретая удивительное единение с Господом, наполненный светом и радостью Божьей благодати, изобильно дарованной ему за его веру и терпение. Когда он скончался, то, отпевая раба Божьего Димитрия, батюшка сказал такие слова: «Вы находитесь на отпевании святого человека. У него тело мученика, а душа ангела».

Прошедший XX век оставил тяжелое наследство – отлучил людей от традиционной российской духовности, от живого древа Православия, от веры наших предков. Синонимом слова офицер на Руси оказалось мертвящее слово – атеист, то есть безбожник. Потому нередко военнослужащие, поступившие в отделение реанимации и находящиеся

в критическом состоянии, оказывались некрещеными. Приведу пример двух моих крестников-офицеров, которым Господь за безропотное терпение своих страданий даровал благодать Крещения.

Отделение реанимации, скажем прямо, – место, не очень приспособленное для совершения этого Таинства, но зато – самое подходящее по времени принятия решения. Таинством это действие называется еще и потому, что явно наступающие целительные перемены в теле и душе крещаемого происходят непостижимым для человеческого разума образом. Действием Божественной благодати душа очищается, а тело получает возможность исцеляться от недуга. И что последует после Таинства Крещения – ведает один лишь Бог. Если Господь положил человеку после Крещения завершить время земной жизни, то душа его восходит в рай, в Царство Небесное и пребывает вечно с Богом. Если же после Крещения Господь продлевает его дни, то открывается возможность исцеления тела, чтобы, храня белые одежды души от грязи греха, идти по пути спасения, соблюдая Евангельские заповеди.

Подполковник запаса Шаяхметов Анвар, 1953 года рождения, коммунист, демобилизован по болезни. Офицер Шаяхметов уже много лет находился на программном гемодиализе, так как из-за тяжелого заболевания почек их функционирование полностью прекратилось. Его жизнь и состояние здоровья навсегда стали зависеть от приборов, называемых «искусственная почка». Адекватная очистка крови с помощью этой дорогостоящей аппаратуры является сложным технологическим процессом, требующим слаженной работы специалистов, специальных инженерных и медицинских знаний.

Такому больному за время пребывания на программном гемодиализе необходимо перенести несколько операций по наложению на сосуды специальных шунтов, с помощью которых больной подключается к аппарату «искусственная почка». За долгие годы нахождения на программном гемодиализе в работе каждого из звеньев этого процесса случаются всякие неожиданности, а в состоянии больного неизбежно случаются осложнения и кризисы. Все это и есть история физических и душевных страданий, перенесенных подполковником Шаяхметовым в течение долгих лет болезни.

За это время мне не раз приходилось встречаться с этим тихим, скромным человеком, видеть его тяжелое состояние и серовато-землистый оттенок лица до сеанса диализа и повеселевший вид, порозовевшее лицо после сеанса. Тогда, общаясь по ходу лечения, мы оба еще не знали, что Господь определил время, место и придал особый смысл нашей будущей подлинной встрече.

И вот в марте 2005 года подполковник запаса Шаяхметов поступает в реанимацию в терминальной стадии хронической почечной недостаточности с осложнениями: массивным внутренним кровотечением и геморрагическим шоком тяжелой степени. При этом сознание офи-

цера ясное, и наша с ним встреча в реанимации произошла как встреча давних знакомых. Несмотря на проводимую интенсивную противошоковую терапию и восполнение кровопотери, поддержку сердечной деятельности с помощью лекарственных средств, состояние Анвара постепенно ухудшалось, и становилось очевидным, что часы его жизни сочтены.

Видя, что я от него не отхожу и вечером, и ночью, Анвар расположился ко мне, и мы разговорились. Говорили о прожитых днях жизни, службе, семье, о том, сколько ему уже пришлось пострадать в болезни своей. Заговорили и о духовном смысле нашей офицерской воинской службы, с ее «тяготами и лишениями», о несении скорбей и страданий.

Меня удивило и порадовало, что за все трудности службы, жизненные проблемы, нынешнее свое состояние он ни на кого не был в обиде, никого не обвинял, ни на что не роптал. Говорил спокойно, рассудительно, с достоинством офицера, понимающего серьезность своего состояния и возможность скорой смерти. Я завел разговор о святости выполненного им воинского долга служения Отечеству, о чести офицера и призвал рассмотреть, оценить свою прожитую жизнь с духовной стороны. Заговорил и о необходимости вспомнить все, что с точки зрения чести, нравственности, веры было недостойного в жизни, что тяготит совесть и очерняет душу. «Надо принять важное решение Анвар, – сказал я ему, – пришло время исповедать все это Богу через общение со священником, и затем Причастием обновить душу для вечной жизни. Словом, ты должен поступить так, как поступали православные офицеры на Руси, чей подвиг служения тоже был свят и мало чем отличается от нашего с тобой. И, несмотря на то, что ты считаешься мусульманином по рождению, по твоей жизни и службе ты много больше – христианин. Ты офицер русского Отечества, воин-защитник, и жена у тебя православная, и сын, с твоего согласия, крещен ею в православную веру. История нашей страны знает немало случаев, когда некоторые мусульмане переходили в православие и даже становились святыми. Каков сейчас духовный смысл твоего страдания и мучений твоей семьи за все эти годы? По мусульманской вере, страдай не страдай, твоя судьба навсегда predetermined Аллахом, и ничто ее изменить не может. В православной же вере страдания очищают и возвышают душу человека. Такой человек через терпение страданий становится ближе, “удобнее” Богу и тем самым изменяет свою загробную участь. В Таинстве Крещения душа становится ангельской и обретает возможность наследовать райскую жизнь, которую ты уже заслужил за смиренное терпение страданий от твоей болезни. И, конечно же, этого хотели бы твоя жена и твой сын. Но надо, чтобы и ты этого искренне захотел».

Утром Анвар позвал меня и сказал, что принял осознанное решение и просит пригласить православного священника, дабы принять

Подполковник Шаяхметов Анвар во время принятия Крещения. Анвар умер через четыре часа после совершенного над ним Таинства. С именем Андрей душа его обрела светлые ангельские одежды и встретилась с Господом в Царствии Небесном

Крещение в православную веру. Также он попросил меня обязательно сфотографировать само Таинство Крещения, чтобы показать фото родственникам-мусульманам, а также жене с сыном.

Анвар умер через четыре часа после совершенного над ним Таинства. В крещении Анвару было наречено имя Андрей. В этот же день действительно приехали родственники-мусульмане забрать его тело для погребения по своему обряду. Я им рассказал обо всем, показал фотографии и свидетельство о Крещении раба Божьего Андрея. Хоронили его жена и родственники по православному чину, отпевая в храме. С именем Андрей душа его обрела светлые ангельские одежды и встретилась с Господом в Царствии Небесном.

Другой офицер – с Дальнего Востока, капитан 3 ранга Коротков Сергей, 1958 года рождения, коммунист. Сергей поступил в наш госпиталь в тяжелом состоянии, с заболеванием поджелудочной железы. Постоянные сильная тошнота и рвота, боли в животе, невозможность нормального питания – все это крайне астенизировало и истощило офицера.

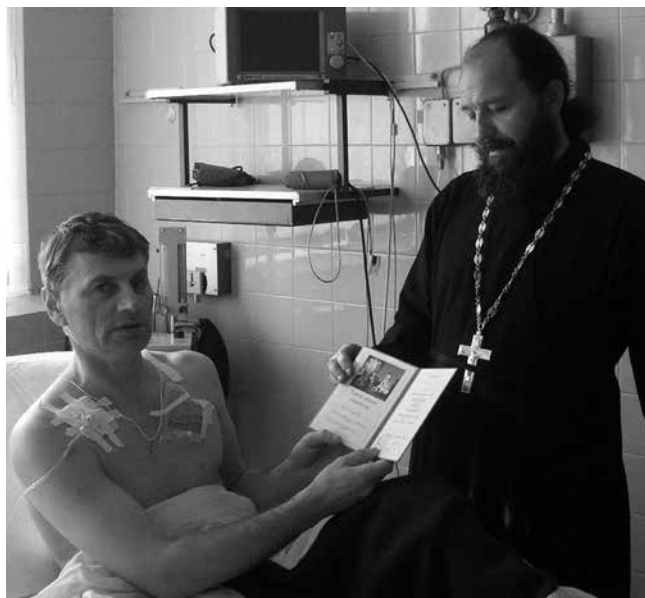
Дважды наступали тяжелые обострения, вследствие чего Сергей оказывался в отделении реанимации. Здесь в процессе лечения и общения у нас с ним возник разговор о жизни, о невеселой перспективе потери службы из-за болезни, о трудностях последующего трудоустройства. Сергей сетовал, что речь идет уже не столько о лечении, сколько о списании со службы. Уже зная о его честной и нестяжательной жизни и верной службе Отечеству, об образцовом выполнении им сыновнего долга по уходу за больным отцом, о любви к своей семье, я решил по-

говорить с ним о духовном смысле происходящего. Хотелось призвать Сергея к размышлению о глубинных причинах его заболевания и об очевидной неизлечимости, которая только и может, возможно, обратить его внимание, мысли, надежды ко Врачу Небесному. Напомнил я и про духовный смысл известной поговорки: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». Господь дал нам заповедь: шесть дней трудиться на себя, а седьмой день посвящать Богу. Но люди, как тот «мужик», забыли эту заповедь Божию, как, впрочем, и все иные, забыли вообще о Боге и живут на земле, думая лишь о повседневной суете. Господь терпит долго, пока наконец «гром не грянет», напоминая о Нем. «Для тебя "грянувший гром" – болезнь, а "перекреститься" – начать жить по заповеди Божией, – объяснял я Сергею. – Может, Господь дал тебе столько пострадать и привел к нашему разговору, полагая, что ты, осознав исчерпанность возможностей медицины, обратишься наконец к помощи Божией. Когда ты, брат, последний раз исповедовался и причащался? И почему на тебе, русском человеке, офицере, нет креста, который хранит от всякого зла и многих болезней?»

Чувствовалось, что Сергей вполне разделяет со мной правоту моих слов, однако все же вяло и без убежденности он возразил: «Но я же атеист и коммунист». По нему было видно, что он и сам понимает всю неубедительность и вымученность этого возражения. Говорю ему: «Видно, что это не ты, а "лукавый" отвечает за тебя, извлекая из твоего подсознания забытую тобою и бесплодную на сегодня коммунистическую идею, которая ровным счетом ничего не дает для спасения, для жизни вечной. А вот в Таинстве Крещения христианин обретает спасение души и тела. Живя по заповедям Божиим, человек строит отношения с Богом уже на земле, и тогда по смерти праведная душа его пребывает с Богом в Царствии Небесном. Но кроме спасения души через благодать Таинства Крещения Господь может уврачевать и недуги телесные, восполнив все то, что не удастся врачам земным. Однако все это возможно лишь при условии сознательного твоего решения принять Крещение и жить по вере, вверяя себя воле Божией и уповая на Его помощь во всех обстоятельствах жизни. К тому же, учти, что твой пример принятия Крещения, как отца двух некрещеных дочерей, подвигнет и их последовать твоему примеру».

Два последующих дня прошли в размышлениях. На третий день Сергей с искренним желанием принял святое Крещение и стал православным христианином.

Сразу по совершении Таинства на фоне обычного, как и ранее, проводимого лечения состояние здоровья его стало заметно улучшаться. Через два месяца капитан 3 ранга Сергей Коротков выписался из госпиталя и был признан военно-врачебной комиссией не только годным к военной службе, но и способным ее нести в полной мере. Этим примером выздоровления Сергея, ставшего моим крестником, Сам

Капитан 3 ранга Сергей Коротков после принятия Крещения. Сразу по совершении Таинства на фоне обычного, как и ранее, проводимого лечения состояние здоровья его стало заметно улучшаться. Через два месяца офицер Коротков выписался из госпиталя и был признан военно-врачебной комиссией не только годным к военной службе, но и способным ее нести в полной мере

Врач Небесный свидетельствует о чудесной силе, даруемой в Таинстве Крещения там, где земные врачи помочь уже не могут. Это свидетельство того, что и больные, и врачи всегда должны прибегать к помощи Врача Небесного, и тем более в тех случаях, когда возможности медицины исчерпаны, а недуг не уврачеван.

Вот еще один пример переживания опыта участия Бога — в лечении молодой женщины Гомоновой Валентины. Валя заболела в возрасте тридцати трех лет злокачественным заболеванием, при котором, несмотря на все современные методы лечения, не живут более двух лет.

Валентина перенесла несколько операций и курсов химиотерапии. Надо сказать, что химиотерапия, направленная на борьбу с недугом, сама вызывает мучительное состояние организма, сходное с тяжелым отравлением, и значительно усугубляет страдания.

Заболевание продолжало прогрессировать: наступило повреждение функций внутренних органов, нарушился обмен веществ, произошли сбои в питании организма, общая интоксикация, ее мучили изматывающие боли и упадок сил. Вскоре наступило грозное, уже предсмертное

Надо отметить удивительное чувство мира и покоя, которые возникали у каждого при общении с Валентиной. Это ее смирение и полное доверие воле Божией передавалось и нам. Было очевидно, что она обрела очень важное состояние души – готовность к переходу в вечность, к встрече со своим Отцом Небесным, Которого она уже хорошо знала

осложнение – массивное кровотечение из варикозно расширенных вен пищевода как следствие портальной гипертензии. Такое кровотечение чрезвычайно опасно, поскольку его трудно остановить. Кровь идет горлом и, попадая в дыхательные пути, перекрывает дыхание и выплевывается наружу от судорожных спазмов. Страдалец не может ничего сказать, все вокруг залито кровью. В глазах больного, а порой и врачей, ужас и отчаяние.

Скажу откровенно – это жуткое зрелище не для слабонервных. Больной синееет от гипоксии, давление падает, сердечная деятельность угасает. Удается спасти в такой ситуации очень немногих. А из этих немногих более половины умирают от последующих осложнений, вследствие массивной тяжелой кровопотери и на фоне ослабленного болезнью организма.

Валентину муж успел привезти в госпиталь заранее, заметив у жены лишь прожилки крови на платке при покашливании. В отделении компьютерной томографии, выполнив необходимые исследования, врачи были немало удивлены, обнаружив поражения печени и внутренних органов, несовместимые с жизнью: «Как же она с этими изменениями еще живет?» Такого раньше никто не видел.

Сама Валентина не сомневалась в необходимости срочно прибегнуть к Таинствам Соборования и Причастия. Переносимые ею стра-

дания благодатно изменили душу. Она как будто давно была готова к этому и с желанием откликнулась на предложенную помощь Божию.

Когда священник уже завершал священные действия Таинства Соборования, состояние Вали стало резко ухудшаться. Батюшка хотел приступить к Причастию, но тут начало нарастать то самое горловое кровотечение. Я, уже сильно нервничая, попросил священника срочно все закончить и дать нам возможность бороться за спасение умирающей больной. Батюшка, спокойно уступая место врачам, на прощание заметил: «Ладно. Хорошо. Я попозже причащу». Я про себя успеваю лишь раздраженно отметить эту батюшкину наивность: «Какое там “причащу”! Батюшка, видно, так и не понял, что она умирает. Не видит, что уже все, конец – смерть вступает в свои права!»

Валентина, однако, не умерла. Ей сумели с помощью аппаратуры обеспечить искусственное дыхание, хирургам удалось выполнить операцию по остановке кровотечения. Вскоре стабилизировались давление и пульс благодаря введению различных растворов и лекарств. Была восполнена кровопотеря. Больная осталась жива, к невероятному удивлению всех врачей, которые в той ситуации работали, скорее, в режиме отчаяния, чем с надеждой на успех своих действий. Четыре недели Валентина находилась на искусственной вентиляции легких, после чего пришла в сознание и стала дышать сама.

Тут-то и приехал тот же батюшка, поисповедовал и причастил Валу, как и обещал. Через месяц больная вполне окрепла и была выписана домой. И та «наивность» священника теперь мною осознана как моя духовная незрелость и проявление слабости веры. Тогда, объятый профессиональным рвением и напряжением предстоящей борьбы за спасение больной, я не понял, что с нами теперь пребывает Святой Дух. Дарованный в Таинстве Соборования, Он непременно поможет «болящей рабе Божьей Валентине». И вовсе не «прозорливому» священнику открылось это ведение о ближайшем будущем Валентины, а Святой Дух через него произнес нам это откровение – она не умрет и получит Причастие.

В Евангелии Господь учил учеников: стоя перед правителями мира сего, *«не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить, ибо Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить»* (Лк. 12, 11). Евангельская и наша ситуации, конечно же, отличаются, но вот действие Святого Духа одно и то же.

Последующие полтора года Валя находилась дома. Причащалась в храме и дома, читала духовные книги, молилась. Господь внимал ей. Однажды в феврале мы приехали поздравить Валу с Днем Ангела, накануне купили в Новоспасском монастыре красивое пасхальное яйцо с изображением Иконы Божией Матери «Всецарица». Увидев подарок, она просияла радостью, прослезилась и рассказала нам, что ей очень хотелось приобрести этот образ Божией Матери, помогающий имен-

Икона Божией Матери «Всецарица» (греч. Пантанасса) – почитаемый в Православной Церкви образ, находящийся в главном храме монастыря Ватопед, что на Святой Горе Афон. Икона «Всецарица» являет свою чудотворную силу против колдовских чар, а в наше время особенно прославилась исцелениями онкологических заболеваний

но при ее недуге. И что прослезилась она от благодарности Богу за то, что Он рядом и слышит ее.

Несколько позднее, когда Валя вновь была в реанимации и ей было очень тяжело, она поведала мне, что молит Господа дожить до шестнадцатилетия своей дочери и до ее школьного выпуска. То есть, вполне понимая и смиренно принимая неотвратимость близкого завершения своего жизненного пути, как любящая мать, она хотела, чтобы повзрослевшая дочь смогла легче перенести предстоящую разлуку. Господь и в этот раз принял молитву матери и исполнил ее просьбу.

Надо отметить удивительное чувство мира и покоя, которые возникали у каждого при общении с Валентиной. Это ее смирение и полное доверие воле Божией передавалось и нам. Было очевидно, что она об-

рела очень важное состояние души – готовность к переходу в вечность, к встрече со своим Отцом Небесным, Которого она уже хорошо знала.

Была еще одна госпитализация в отделение реанимации в связи со вторым массивным кровотечением. Это было уже совершенно невероятно – выжить вновь! Такого в медицине не бывает! В реанимации удалось вновь стабилизировать состояние больной, хирурги выполнили «отчаянную» и без надежд на успех уникальную операцию на пищеводе. Нет сомнений, что «Ассистентом» на этой операции у хирургов и реаниматологов был Сам Святой Дух.

Господь по-прежнему укреплял Валу и давал ей сил претерпеть все. Валентина вновь поправилась и выписалась домой. Все тот же священник совершил в храме над супругами, Валентиной и Сергеем, еще одно Таинство – Венчания, на котором присутствовал и я.

Считаю своим долгом не умолчать о муже Валентины – Сергее. За тридцать лет работы с больными в реанимации мне не довелось встретить такой высоты подвига супружеской любви, такого сострадания, понимания, заботы и участия в лечении, которые он явил всем нам, врачам и сотрудникам. Это удивительно добрый и надежный человек. Он организовывал и добивался всего, что могло быть необходимым для спасения жены, привлекал для ее лечения все возможные современные методы и средства в больницах Москвы и госпиталях, словом, делал все, что даже казалось невозможным.

Сергей был для Вали всем и воплощал в себе одну любовь, нежность и заботу и мужа, и отца, и матери, и верного друга. Всегда находился рядом, особенно во время ухудшения ее состояния. Создавал дома, на даче и в госпитале атмосферу уюта, красоты, радости, что также продлевало дни и годы жизни Валентины. В кулинарном мастерстве и изысканности всевозможных заготовок превосходил самых умелых женщин-хозяек. Готовил так, что при отсутствии аппетита и нежелании есть все равно возгорается желание попробовать это. Этим мастерством он овладел, пытаясь всячески побудить Валу что-нибудь скушать, и сумел, таким образом, полноценно ее питать.

Он чувствовал «свою половину» сердцем, улавливал ее настроение, упреждая грустные мысли, отвлекал от них, переключая внимание, не давал ни минуты быть в одиночестве. Он был с ней единым целым. Сам постоянно исповедовался, причащался, постился и молился за жену, успевал бывать в храмах и монастырях, где за Валу возносились ко Господу молитвы. Как его хватало и на работу, и на заботу о домашних делах, и об учебе и жизни дочери, и на заботу о жене в госпитале, и на помощь другим людям? Господь давал ему силы за его стремление жить любовью к жене, к дочери, родителям, людям. Он был другом всем. И ему хватало сил нести свой подвиг любви и сострадания, хотя и было порой очень тяжело. Он нам всем преподавал урок любви.

Валя прожила вместо обещанных ей двух – целых шесть лет. Дочь

успела порадовать родителей успехами при окончании школы. Они вместе отпраздновали ее шестнадцатилетие. Господь дал Вале силы претерпеть шесть лет тяжелейших страданий, подготовив душу к вечности. Она оставила всем, и особенно своей дочери, достойный пример величия духа и веры.

Кровотечений и осложнений больше не было – путь страданий завершился. Пришло время расставания с мужем и дочерью в земной жизни и встречи с Господом в вечности. Валя стала понемногу слабеть, давление постепенно снижалось. Сергей привез ее в госпиталь в реанимацию в надежде улучшить ее состояние. Но наше лечение уже не помогало. Валя незаметно, тихо и спокойно умерла, как умирают праведницы, как догорает свеча перед иконой. Ее муж Сергей и ее Отец Небесный были рядом с ней.

Приведенные мною факты необъяснимых с точки зрения практической медицины случаев течения заболеваний есть не просто перечень неких занимательных историй из жизни врача. Это опыт иного качества врачебной жизни, иных возможностей лечения тяжелейших болезней, которые открываются и больному, и доктору, с верою и надеждой обращаясь ко Врачу Небесному.

К сожалению, многие современные медики, вынужденные признать необъяснимое с точки зрения медицины выздоровление больного явным чудом, тем не менее упорно не желают связывать произошедшее с проявлением помощи Божией.

Настоящий врач пытливый и деятельный своим умом всегда находится в поиске методов или лекарств, способных одолеть человеческий недуг, победить болезнь. Разве такой врач, обнаружив чудо выздоровления, не исследует это чудо, не постарается найти Источник этого благодатного явления, дабы в дальнейшем, взяв Его силу на вооружение, постараться вновь применить эту спасительную возможность для лечения больных?

Разве любой человек, выйдя из дома в пасмурную и мрачную погоду и увидев вдруг проглянувшее солнце, щедро изливающее на него свет и тепло, не поднимет благодарного взора на этот источник жизни и радости? Так и нам всем необходимо оторвать свой взор от земли. И тогда мы сможем познать мудрость Евангельских слов: *«невозможное человекам возможно Богу»* (Лк. 18, 27). Тогда многое невозможное для врача земного станет для него возможным в союзе с Врачом Небесным.

Скорбный путь Великого Князя Михаила и его моленной иконы

*Игумен МИТРОФАН (Баданин),
настоятель Успенского
прихода села Варзуга*

Открывая конференцию¹, которая носит славное имя преподобного Феодорита Кольского, да со столь значимой темой – «Дом Романовых в истории», необходимо вспомнить ту особую роль, которую сыграл этот наш северный подвижник в деле становления российского самодержавия.

Старец Феодорит в 1556 году блестяще выполнил знаменитую «Константинопольскую миссию», отстояв высоту православного богословия в беседах с греческими иерархами и доставив из Царьграда для российского Государя «древнюю книгу» с благословением Вселенского патриарха на возведение на царство по чину «венчания Императоров византийских». Таким образом получила официальный статус идея наследования Московским царством достоинства Византийской империи: «Москва – Третий Рим». И мировые державы были вынуж-

¹ Пятые Феодоритовские чтения: «Дом Романовых в истории. К Четырехсотлетию Дома Романовых». г. Мурманск – г. Мончегорск – с. Варзуга.

Иконная прорись из книги «Житие преподобного Феодорита Кольского», посвященная его «Константинопольской миссии»

цели монархии, на откровенно циничном и глумливом поношении всего, что хоть как-то связано с Домом Романовых и образом их правления. Большевицкая власть на духовном уровне всегда испытывала страх от всего, связанного с памятью Романовых. Поистине, бежала, «как черт от лаdana».

дены признать законное появление первого русского Царя из династии Рюриковичей – Иоанна IV Грозного.

Надо сказать, что первый монарх из Дома Романовых – Михаил I Федорович Романов – был в родстве с Рюриковичами и приходился двоюродным племянником последнему русскому Царю из этой династии, сыну Иоанна Грозного, Федору I Иоанновичу.

I

Прошло почти сто лет, как эта древняя монархическая династия была вынуждена насильственно прервать свое правление. Почему же до сих пор у многих людей в России очевидным образом сохраняются ностальгические чувства о тех временах, о той духовности, о том образе Императорской России, о тех понятиях чести и долга, и ее, лучших в Европе, армии и флоте?..

И это несмотря на то, что вся идеологическая работа прошедших десятилетий безбожных властей была направлена и, более того, сконцентрирована на всяческой дискредитации

Царь Михаил I Федорович Романов приходился двоюродным племянником последнему русскому Царю династии Рюриковичей, Федору I Иоанновичу

Царь Федор I Иоаннович

Когда в 1927 году Сталину предложили издать сборник о расстреле Царя, Иосиф Виссарионович отрезал: «О Романовых больше ни слова!» Единственная книга, «Последние дни Романовых», вышедшая в 1926 году, была запрещена, изъята и помещена в спецхраны. Это «табу» строго сохранялось вплоть до 1974 года, когда позволили опубликовать тщательно «идеологически проработанный» опус журналиста Марка Касвинова «Двадцать три ступени вниз». (Надо заметить, что автор внезапно скончался сразу после публикации).

Этот онтологический страх большевиков был порождением того стойкого ощущения духовного поражения, неизбежного морально-го и нравственного проигрыша в сражении, о котором ясно говорил Ф. М. Достоевский: «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Материалистическому атеизму дьявола монархическая идея противопоставляет веру в Бога, мировой революции и коммунистической идее разрушения противостоит Царь как носитель творческой исторической государственности и, наконец, так называемому «социалистическому государству» духовно противостоит Праведное Царство как сокровищница величайшей христианской культуры.

О том, как в действительности относился к царскому времени народ, еще заставший жизнь в дореволюционной России, я могу засвидетельствовать небольшим замечанием. Моя бабушка Мария Степановна пекла изумительные пирожки. Так вот, когда в гости на пироги приходили ее друзья и вдыхали ароматы, струящиеся из кухни, то можно было услышать: «А запах-то, запах! Ну прямо как в “проклятое царское время”».

II

Не секрет, что революционные «бесы» ввергли умы русских людей в некий морок, дурман, наваждение. И особенно это коснулось русской монархической идеи. Об этой беде предупреждал еще святой праведный Иоанн Кронштадтский. «Над Пермью висит черный крест» – свидетельствовал всероссийский батюшка, правда, уклонившись при этом от всяких объяснений смысла сказанных им слов. Все открылось спустя десять лет, в июне 1918 года, когда в Перми был убит последний русский Царь династии Романовых Михаил II.

Давайте постараемся наконец протрезветь и непредвзято поразмыслить о том, что в действительности представляет собой монархическая идея.

«Монархия это не только лишь образ правления – она есть совокупность важнейших идей духовного, государственного и общественного порядка. Монархия, особенно русская, характеризуется приматом (первенством) нравственного начала. Православное сознание всегда воспринимало это как личное служение Царя Богу, а также своему на-

роду, Богом ему врученному. Это не карьера, не вершина могущества, не тешенье личных амбиций и гордыни. Это служение есть христианский подвиг, избранность и призванность, а не лукавая выборность. Это бессменная стража и историческая ответственность.

Российский Император стоит над народами, классами, племенами и партиями. Он верховный арбитр, природный Глава страны, которого даже смерть не освобождает от долга, ибо его наследие остается в его роде, в династии. До него не достают волны человеческого эгоизма, зависти и злобы, ибо ему нечего желать для себя лично и ни у кого не надо заискивать. Его власть опирается не на хитроумные предвыборные политические комбинации, случайное большинство голосов или мощный полицейский аппарат, а на нравственный закон как принцип царского служения.

Самый талантливый президент напрямую зависит от выбравшего его большинства, вольного вернуть сегодняшнего главу на его прежнее место. В монархии – и только в ней – сохраняется в чистоте принцип незаинтересованности и независимости верховной власти.

Монархия не определяет и не вмешивается в соотношение сословий и классов внутри государства: заезженный большевистский миф о монархии как о власти “попов, капиталистов и помещиков” рассчитан на полное невежество толпы. Почти везде и всегда монархи опирались на беднейшие слои населения, защищая их от притеснений богатых. Именно отсюда произрастает подлинная народная любовь и безграничная преданность монарху, отношение как к отцу, как к “царю-бабюшке”.

В то же время стойкая тенденция ограничить и даже ликвидировать монархию обычно была как раз у высших классов, стремившихся расширить свои привилегии за счет Короны и народа. Именно когда в этих высших слоях общества идея государственного служения заглушалась сословным эгоизмом, то организовывались революции: в Англии – баронетами, во Франции – буржуазией, в России – в начале XIX века дворянами-декабристами, а затем, через сто лет, в XX веке интеллигенцией, отошедшей от народа и подло изменившей престолу².

В представленной вашему вниманию книге «Икона Великого Князя» я по мере сил попытался представить духовное «устройство» детей Императора Александра III, людей, призванных на это великое и страшное монархическое служение. В их воспитании и образе жизни в полной мере сумели воплотиться те удивительные возможности, которые составляли суть российской монархической идеи. Идеи, предполагавшей возможность сосредоточения в одном, избранном от Бога человеке всего лучшего, что могли дать российский народ и его многовековая история.

² Из статьи русского эмигранта Леонида Северского «Сущность монархической идеи». 1948.

Семья Императора
Александра III

Это такая редкая ситуация, когда с самого малолетства человек воспитывается и обучается лучшими людьми России в духе всецелой преданности своей Родине, растет в постоянной внутренней готовности взять на себя невыносимую ответственность перед Богом и людьми за дальнейшую судьбу страны. «Наш род относился к идее Царского служения как ко священному долгу, от которого ничто, кроме смерти, не могло освободить их»³.

III

Приступая к подготовке Пятых Феодоритовских чтений и предполагая раскрыть в ходе конференции тему «Дом Романовых в истории», мы понимали, что ставим себе задачу практически невыполнимую. Осветить триста с лишним лет российской истории, неразрывно связанных с этой древней монархической династией, уместив их в рамки наших заседаний, невозможно. Именно поэтому мы постарались сосредоточиться на том главном, что составляет как глобальный смысл человеческой истории в целом, так и смысл жизни каждого из нас. На *«сокровище неоскудевающим [собранным] на небесах»* (Лк. 12, 33). Поговорить о том, какое духовное наследие оставил нам Российский Царствующий Дом, о том, как *«благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни»* (1 Тим. 6, 19).

Мы хотим в первую очередь отдать дань уважения нашей великой истории и тем людям, которых Господь избрал стать ее неотъемлемой и существенной частью, которые подчас являлись лицом той эпохи,

³ Слова Великой Княгини Ольги Александровны. Цит. по: *Воррес Йен. Последняя Великая Княгиня: Историческая проза или литературные мемуары* / Пер. с англ. В. В. Кузнецова. См.: <http://xxl3.ru/belie/knyaginya.htm>.

Икона Серафимовской церкви являет «меру и подобие» чтимого с начала XVII века чудотворного образа Божией Матери «Казанской», подаренного монахам Пловчанской пустыни первым Царем династии Романовых Михаилом Федоровичем

символом тех прошедших столетий. Эту дань уважения мы намерены в первую очередь воздать почитанием их памяти, поминовением их имен.

И наше нынешнее пребывание здесь, в городе, задуманном как город-памятник династии, в городе «Романов-на-Мурмане», и есть восстановление исторической справедливости и воздаяние нашего сыновнего долга.

IV

Особую значимость в этом смысле приобретает прибытие в эти дни в Мурманск, в нашу Мурманскую епархию, иконы, принадлежавшей Императорской семье. Речь идет об образе Божьей Матери «Казанской», что особо значимо для нас, поскольку в этом году празднуется 400-летие спасения России от врагов в 1612 году заступлением Божией Матери ради Казанской иконы Ея.

Сопровождающий нашу конференцию образ написан в 1888 году монахами Казанской Богородицкой Пловчанской пустыни Орловской епархии в память о чудесном спасении в железнодорожной катастрофе семьи Императора Александра III. Эта икона в дальнейшем принадлежала младшему сыну Императора – Великому Князю Михаилу Романову.

Казанская икона Божией Матери – моельная икона Великого Князя Михаила Романова

Эта икона являет «меру и подобие» чтимого с начала XVII века чудотворного образа Божией Матери «Казанской – Площанской», подаренного монахам пустыни первым Царем династии Романовых Михаилом Федоровичем и утраченного при разорении монастыря в 20-х годах прошлого столетия. Таким образом, если бы не этот сбереженный чудесным образом список, мы сегодня не знали бы, как выглядела та особо чтимая на Орловской и Брянской земле, да и во всей средней полосе России, икона Божией Матери «Казанская – Площанская».

В 1917 году при разгроме дворца Великого Князя Михаила Александровича в Петрограде революционными матросами его моельная икона была спасена от поругания управ-

ляющим дворца Степаном Никитичем Пименовым, моим прадедом, и в дальнейшем тайно сберегалась в нашей семье, во флигеле дворца.

Как известно, Император Николай II передал монархическую корону Великому Князю Михаилу Александровичу, который вследствие этого первым из Царской семьи принял мученическую кончину 12 июня 1918 года в городе Пермь.

В 1959 году икона Великого Князя была пожертвована нашей семьей в Серафимовскую церковь, что на Серафимовском мемориальном кладбище г. Ленинграда.

Эта история изложена в моей новой книге «Икона Великого Князя», которая сегодня представлена вашему вниманию и отдельные страницы которой вошли в текст моего доклада⁴.

V

Приступая в свое время к написанию этой книги, я ставил перед собой хотя и ответственную, но достаточно скромную задачу – изложить на бумаге известное на сегодня лишь мне семейное предание о моельной иконе Божией Матери «Казанская», принадлежавшей брату Царя-страстотерпца, Великому Князю Михаилу Александровичу, фактически последнему российскому Императору Михаилу II.

Однако, ближе познакомившись в ходе исследования с личностью Великого Князя, с историей жизни этого замечательного человека и его удивительным внутренним миром, я понял, что совершенно не-

⁴ «Икона Великого Князя: Сказание о Великом Князе Михаиле Александровиче Романове и его моельной иконе Божией Матери «Казанская», что ныне пребывает в церкви преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга». Митрофан (Баданин), игумен. – СПб., – Мурманск: Ладан, 2012. – 156 с.: ил.

Обложка книги «Икона Великого Князя»

обходимо рассказать об этом несколько подробнее. Дальнейшее изучение судьбы Михаила Александровича и знакомство с публикациями на эту тему подвигло меня высказать свою, подчас отличную точку зрения на сей предмет. Знакомство с окружением Великого Князя и духовной основой мировоззрения этих людей лишь укрепило в решимости постараться приблизиться к тому, ныне безвозвратно потерянному, миру лучших представителей России, миру людей, выросших и воспитанных в тысячелетней традиции православной веры.

Потому, называя эту книгу «Икона Великого Князя», я под словом «икона» имел в виду уже нечто большее, чем лишь упомянутый выше образ Божией Матери «Казанская», принадлежавший Дому Романовых.

«Икона» – как сама суть духовного мира Михаила Александровича, как его нравственный идеал и объект глубоких сердечных привязанностей, так и некий обобщенный образ веры и смысла жизни человека.

VI

Что касается непосредственно самого семейного предания, то история этой иконы составляла тайну нашей семьи в течение всего XX века. Так было с того момента, когда в феврале 1917 года мой прадед был арестован как пособник «царского режима» и «один из романовской прислуги». Его не было целую неделю, и выяснить, где он и что с ним, было невозможно. Степана Никитича отпустили лишь после активного ходатайства всех домовых и прочих комитетов Галерной улицы,

доказавших, что он «наш, из рабочих и крестьян». Степан Никитич никогда не рассказывал, что довелось ему пережить. Сказал только, что вопрос был один: «Зачем Князю служил?» И еще сказал, что на Гороховой, в том подвале, где он находился, люди все время стояли, поскольку были так плотно стиснуты из-за большого количества арестованных, что стоя умирали. «На ноги отца смотреть было страшно – так они распухли от того стояния».

Конечно же, по логике событий того страшного времени, Степан Никитич непременно должен был быть расстрелян. Однако Царица Небесная благословила раба Божьего Степана продолжать нести послушание хранителя Иконы, и потому он оставался живым и на свободе.

Страх был неотъемлемым компонентом жизни нашей семьи после революции. Воспоминания о тех кошмарных днях в подвале на Гороховой не оставляли Степана Никитича.

В жутких 37–38-х годах НКВД вновь пошло по спискам всех тех, кто так или иначе был связан с Домом Романовых. Степан Никитичу было уже 65 лет. Но он понимал, что у Князя тьмы нет срока давности, и он приготовился вновь отвечать его приспешникам за свою «вину» – за верную службу «Богу, Царю и Отечеству». Возраст и давность значения не имели, ибо борьба шла на духовном уровне.

Если бы кто из многочисленных соглядатаев того времени прознал про «Романовскую» икону, берегаемую в нашем доме за занавеской, то финал этой истории наступил бы очень быстро, завершившись в страшной Левашовской пустыни под Ленинградом. И не родился бы недостойный автор этих строк.

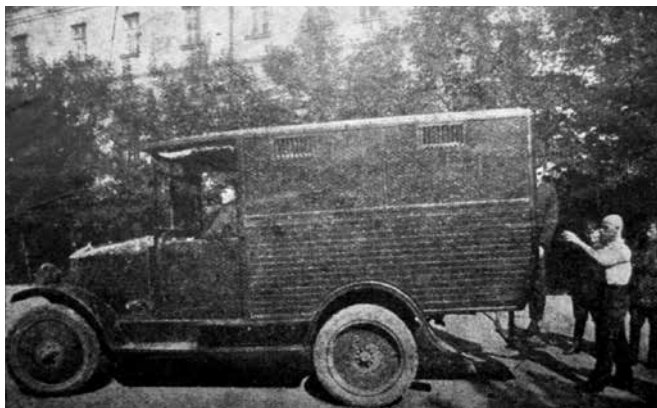
Наша семья жила в постоянном и напряженном ожидании ареста. Но все равно Степан Никитич и его жена Мария Федоровна оставались верными хранителями святого образа и почитателями памяти Царственных мучеников. Постоянно молясь перед этой иконой и взывая: «да минует меня чаша сия», не остались верные чада Божьи без всесильного Покрова Царицы Небесной. И вселяющие ужас ночные «черные вороны» вновь и вновь проезжали мимо.

Когда в 1959 году было принято решение передать икону в Серафимовскую церковь, то и в этом случае тайна иконы не была открыта. Таково было неперемное условие нашей ба-

Управляющий дворца Великого князя Михаила Александровича в Петрограде Степан Никитич Пименов

«Черный ворон», автомобиль НКВД, вселявшая ужас примета быта Ленинграда тридцатых годов XX века

бушки Марии, дочери Степана Никитича. Выбор храма был обусловлен как близостью его к новому месту проживания нашей семьи, так и тем, что на Серафимовском мемориальном кладбище упокоились многие тысячи погибших от голода жителей блокадного города, среди которых мог быть и Степан Никитич.

Много позже, уже в восьмидесятые годы прошлого столетия, когда я познакомился с нынешним настоятелем Серафимовской церкви протоиереем Николаем Коньковым, то узнал, что икона наша весьма почитаема верующими, к ней молитвенно и сугубо обращаются многие прихожане. Также эту икону особо отмечал известный старец последних времен протоиерей Василий Ермаков. Будучи в течение двадцати шести лет настоятелем Серафимовской церкви, отец Василий именно у этой иконы молился и проводил Таинство Исповеди.

Первое официальное сообщение об этой иконе на исторической конференции, посвященной памяти Великого князя Михаила Александровича, которая проходила в его дворце на Английской набережной 19 мая 2010 года

Впервые я нарушил молчание и поведал отцу Василию наше семейное предание о Казанской (Романовской) иконе Божией Матери где-то в 2005 году. Батюшка очень заинтересовался моим рассказом и просил меня обязательно обо всем этом написать. И в дальнейшем при наших встречах, когда я, бывая в Питере, приходил послужить в Серафимовскую церковь, батюшка неизменно интересовался, готова ли моя книжечка про Казанскую икону. Но... меня ждала другая срочная работа в Комиссии по канонизации святых, и параллельно я должен был подготовить к публикации исследования, по-

священных древним подвижникам Крайнего Севера, – поэтому, увы, я не смог исполнить просьбу отца Василия Ермакова при его жизни.

Первое официальное сообщение об этой иконе я сделал на конференции, посвященной памяти Великого Князя Михаила Александровича, которая проходила в его дворце на Английской набережной 19 мая 2010 года. Как потом стало понятно – это было столетие прибытия иконы в 1910 году из великокняжеского имения Брасово во дворец Великого Князя.

VII

История этой иконы уходит вглубь веков, к непосредственному моменту восхождения на трон первого Царя династии Романовых. Икона Божьей Матери «Казанская» была вручена некоему священноиноку Прокопию, родом греку, пришедшему из Киево-Печерской Лавры в Москву испросить благословение на возрождение монастыря в Площанской пустыни в брянских землях. Она стала зримым воплощением этого благословения, что преподал обители первый Царь Дома Романовых Михаил Феодорович.

Обретя такое духовное начало, обитель начала активно строиться и укрепляться. Место это стало именоваться так: мужской монастырь Казанская Богородицкая Площанская пустынь, и в нем всегда свято сберегался этот древний образ как духовный стержень обители.

Шло время. Почитание святыни возрастало и вскоре стало повсеместным в Орловской епархии. Чудотворная икона Божией Матери «Казанская – Площанская» ежегодным Крестным ходом износилась из монастыря для поклонения по городам и весям Орловской епар-

Посещение Великим Князем Михаилом Александровичем Площанского Богородичного монастыря в 1901 году.
Фото ЦГАКФФД СПб.

Император Александр III
Миротворец

хии и за ее пределы. С семидесятых годов XIX века Царица Небесная в образе Божией Матери Казанской начинала Свои путешествия с торжественного посещения великоКняжеского имения Брасово.

Когда же в 1888 году в монастырь пришло известие о великой милости Божией, явленной в чуде спасения Царской семьи, то в память об этом событии было решено сделать подношение царственному соседу, тогдашнему владельцу имения Брасово, Великому Князю Георгию Александровичу. Таким подарком стал точный список с чудотворной Площанской иконы, выполненный наиболее достойным иконописцем монастыря иеромонахом Савватием. Икона писалась им «в полную

меру и подобие», то есть облик Богородицы копировался досконально. Равным образом и размеры иконы соответствовали подлиннику: «пять четвертей на один аршин», что в переводе на современное исчисление означает 89×71 см. Год спустя икона обрела и свой удивительный серебряный оклад, увенчанный царской порфирой, также копирующий ризу первообраза.

С 1899 года царское имение Брасово, находившееся рядом с Площанской пустыней, было отписано младшему брату Царя Великому Князю Михаилу, и икона «Казанская – Площанская» стала его моленным образом. Перевезенная в 1910 году в петербургский дворец, эта икона всегда была с ним, и лишь ее значительные размеры не позволили Князю забрать ее с собой в пермскую ссылку.

Таким образом, мы видим, что через три столетия благословение первого Царя династии Романовых Михаила I зримым образом перешло через эту икону к последнему российскому Царю Михаилу II.

VIII

17 октября 1888 года у станции Борки Харьковской губернии на полном ходу потерпел крушение железнодорожный состав, в котором следовал российский Император Александр III со своей семьей. Среди искореженных обломков вагонов были обнаружены тела двадцати одного погибшего. Семья Императора серьезно не пострадала. «Все мы были облиты кровью людей, убитых и раненых вокруг нас». Император удерживал на своих плечах крышу рухнувшего вагона, пока все семейство не оказалось в безопасности. В момент катастрофы младшие дети Царя Михаил и Ольга находились в «детском» вагоне. Чудесным образом Ольга оказалась выброшенной далеко за железнодорожную

«Исполинская фигура Александра III, как показала история, в полной мере служила гарантом не только безопасности России, но и стабильности во всей Европе»

17/30 октября 1888 г. царский поезд, шедший с юга, потерпел крушение у станции Борки Харьковской губернии, в 50 километрах от Харькова. Семь вагонов оказались практически уничтоженными

насыпь, а невредимого Михаила Император с помощью солдат откопал из-под грудой обломков вагона.

О небывалой физической силе самодержца Александра III ходили невероятные слухи. Рассказывали, что на одном из официальных приемов Император, услышав предложение австрийского посла решить балканский вопрос с помощью двух-трех дивизий, взял со стола ложку и, завязав ее узлом, пояснил: «Вот что я сделаю с вашими дивизиями!» Поговаривали, что Императрица неодобрительно относилась к подобным демонстрациям при посторонних. Но юные «их Императорские Высочества» были в восторге, видя, что отец у них «настоящий Геркулес», и если рядом нет «мама́», то согнуть подкову, кочергу, серебряный рубль или разорвать пополам целую колоду карт для него было вовсе не сложно.

Такие же сила и твердость воплотились и в образе его правления Российской империей. «Исполинская фигура Александра III, как показала история, в полной мере служила гарантом не только безопасности России, но и стабильности во всей Европе». Он поистине явился для мира тем самым «*удерживающим теперь*» (2 Фес. 2, 7).

Но случившееся близ железнодорожной станции Борки испытание его сил оказалось за пределами физических возможностей Императора. Он «удержал» династию, уберег будущего наследника престола – двадцатилетнего Николая. Однако исполинское здоровье Государя оказалось подорванным. Он стал все чаще болеть и угас, не дожив даже до пятидесяти лет.

Но тот памятный 1888 год был для Царской семьи еще и годом юбилеев. Братья-Цесаревичи отмечали свои «круглые даты». В мае отпраздновали двадцатилетие будущего наследника престола Николая, а его младшему брату Михаилу в ноябре исполнялось десять лет. Впереди у царственных братьев было еще ровно тридцать лет жизни. Тридцать лет до страшного 1918 года – юбилейного и рокового. Их расстреляли, когда одному было пятьдесят, а второму – сорок.

IX

От своего отца-Императора младший сын Великий Князь Михаил Александрович унаследовал удивительную физическую силу, а от матери – неотразимое обаяние. Но главное, что дали ему родители, – это основополагающую жизненную установку: «верно хранить в душе своей святую веру и преданность Церкви как драгоценнейший залог блага народного». Все дети Александра III в полной мере реализовали в своих судьбах этот завет отца. Наиболее точно суть этого внутреннего истинно православного духовного стержня всей семьи Романовых выразил в своем дневнике старший сын Императора, Николай Александрович: «Я имею твердую и полную уверенность, что судьба России, точно так же, как судьба моя и моей семьи, находится в руках Бога, Который и поставил меня на мое место. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его волей, полагая, что никогда я не имел другой мысли, как только честно служить стране, управление которой Он мне вверил».

Можно, конечно, немало преуспеть в поисках отличий в характерах двух братьев, пытаясь сослагательно моделировать варианты развития истории России, забывая, что произошедшая катастрофа начала XX века есть неотвратимое наказание Божье за грех отступления народа нашего от веры своих предков. Если же осознать непреложность этой истины, то первостепенную важность принимает для нас то общее, что, несомненно, объединяло сыновей Александра III, двух братьев Романовых, это их глубокая, абсолютно органичная для русского человека и естественная, как дыхание, крепкая православная вера. «Да будет Воля твоя, Господи! Не оставь нас в будущем, как Ты не оставлял нас в прошлом. Аминь».

По словам графа С. Ю. Витте, если по уму и по образованию Михаил Александрович и уступал брату, то «по характеру он пошел в отца». Впрочем, кто бы ни высказывал свое мнение о Михаиле Романове, при всем широчайшем политическом спектре авторов одно отмечается неизменно: «честность, прямота и несомненное благородство характера».

«Любимец родных, однополчан-офицеров и бесчисленных друзей, он обладал замечательным методическим умом и мог бы выдвинуться на любом посту», – писал о нем Великий Князь Александр Михайлович. Ему вторит другой современник: «Я никогда в жизни не встречал

человека, подобного ему, настолько не испорченного и благородного по натуре... Он не хотел признавать, что в мире существует зло и неправда, он считал, что верить нужно всем». Таким образом, мы видим, что прекрасно образованный и воспитанный на возвышенных примерах христианской добродетели Михаил являл собой редкий образец лучших человеческих качеств.

Но, увы, время неумолимо приближало эпоху совсем других личностей и торжества принципиально иных человеческих качеств и устремлений. В Перми, на знаменитых Мотовилихинских оружейных фабриках, уже вызревали палачи Великого Князя. Молодые за-

Двадцатилетний поручик Михаил Романов с сестрой Ольгой

водские рабочие все дальше и дальше отходили от традиционных российских христианских устоев, все чаще впадали в опьянение от вседозволенности, все больше очаровывались головокружительными призывами решить все проблемы силой оружия: «Организуйтесь и вооружайтесь! Приобретайте оружие, давайте на оружие деньги, входите в боевые дружины партии. Будьте готовы к кровавому бою за свободу! К оружию, граждане!» (из воззвания Пермского комитета РСДРП – будущих убийц Великого Князя).

Х

Младшая сестра Михаила, Великая Княгиня Ольга, единственная из детей Александра III дожившая до глубокой старости и оставившая нам свои воспоминания, была очень близка со своим братом. «У нас с ним было много общего, – рассказывала Великая Княгиня, – у нас были одинаковые вкусы, нам нравились те же люди, у нас были общие интересы и мы никогда не ссорились. Когда меня разлучали с братом, я приходила в отчаяние». Думается, что многое из того, что оставила нам в своих воспоминаниях Ольга Александровна, точно так же мог бы сказать и Михаил Александрович, доживи он до тех времен, когда люди пишут свои воспоминания.

Как известно, во время железнодорожной катастрофы 1888 года шестилетняя Ольга была чудесным образом выброшена из летевшего под откос вагона далеко за придорожную насыпь. Когда же ее наконец обнаружили и попытались поднять, она вырвалась и побежала, крича: «Они сейчас придут и всех нас убьют!» Ребенок выразил то, что с некоторых пор всегда чувствовал и переживал каждый член Императорской семьи. Дети жили и воспитывались в постоянном ожидании смерти. Угроза покушения террористов стала неизбежным фоном жизни Романовых. Эта повседневная возможность уже сегодня предстать перед Высшим Судией формировала особое отношение к жизни: боязнь греха, размышление о главном и ежедневная готовность принять волю Божию. «Уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге», учит Божественный псалмопевец, и царственные дети в полной мере «уразумели Его страх», познали Бога в своем сердце и боялись преступить заветы Его.

«В Гатчинском парке был мостик, перекинутый через водопад, – писала в своих воспоминаниях Ольга Александровна, – вода неслась с оглушительным ревом, а мостик казался таким непрочным, что многие боялись ходить по нему. Если же людям все-таки нужно было перебраться на другую сторону, они пробегали по мостику, не задерживаясь ни на секунду. Так вот, мы с моим братом Михаилом частенько ходили к этому водопаду, чтобы постоять на мостике. Стояли мы, вероятно, всего несколько минут. Но минуты эти мне казались долгими

часами. Нам было ужасно страшно, и мы дрожали, разглядывая грохочущие, пенящиеся струи воды, мчавшиеся вниз. Но делали мы это не напрасно – мы побеждали свой страх. Покидая мостик, мы испытывали волнение и такое чувство, будто мы достигли, совершили нечто очень важное.

Я хочу, чтобы вы знали про этот мостик, потому что я намерена закончить свои дни с таким же чувством достигнутой цели, выполненной задачи. Хотя я и была не в силах дать много, но думаю, я старалась, как могла, служить своей милой Родине в качестве представительницы семьи Романовых»⁵.

Она действительно всю жизнь несла это бремя ответственности, оставаясь истинной представительницей семьи Александра III и являя собой воплощение лучших черт характера этой древней монархической династии.

Как известно, в 1901 году девятнадцатилетнюю Ольгу выдали замуж за принца Петра Ольденбургского. Ничего путного из этого брака не получилось, да и брака, по сути, не было: принц его проигнорировал.

Через два года, в апреле 1903 года, на военном смотре полка, проходившем в Павловске, Ольга Александровна вела беседу с офицерами-гвардейцами. Тут она обратила внимание на одного высокого капитана в синей форме гатчинских кирасиров. По ее просьбе брат Михаил познакомил Ольгу со своим другом, офицером Лейб-гвардии Николаем Куликовским. Этот момент решил ее судьбу – Ольга поняла, что в ее жизни все изменилось: она полюбила.

Прямо из Гатчины Ольга Александровна отправилась в Петербург. «Она нашла мужа во дворце, в его библиотеке, и сообщила ему, что встретила человека, который ей дорог, и попросила немедленно дать ей развод». Принц Петр это известие встретил хладнокровно, впрочем, при этом отнесся с полным пониманием к ситуации. Однако разводиться не предполагал, считая необходимым сохранить репутацию и честь семьи, справедливо усматривая возможные негативные последствия этого шага. Он предложил вернуться к этому вопросу через несколько лет. В то же время принц вовсе не возражал и против встреч Ольги с Куликовским. Более того, он предложил капитану стать его адъютантом и даже переехать в их дворец на Сергиевской улице в Петербурге. Казалось бы, вот он, пример «современного, свободного от предрассудков» взгляда на брак и «цивилизованного» решения проблемы. Конечно же, для Ольги Александровны это было абсолютно неприемлемо, поскольку предполагало осквернение Таинства Брака и совершение греха прелюбодеяния.

Так что, по мнению близко знавших Ольгу Александровну людей, несмотря на то, что Николай Куликовский действительно стал адъю-

⁵ *Воррес Йен. Последняя Великая Княгиня...*

Великая Княгиня Ольга
с мужем Николаем
Куликовским и двумя
сыновьями

тантом принца, «влюбленные так и не имели интимных отношений вплоть до 1915 года». Это же подтвердила позже и сама Великая Княгиня в своих воспоминаниях.

В наше время это может показаться кому-то диковинным, но главным препятствием «обрести счастье» с любимым было именно чистое исповедание веры Великой Княгиней. Близкие отношения для Ольги предполагали (по «ныне устаревшему» взгляду верующих людей) непременно рождение детей. Но дети, родившиеся в такой ситуации, считались бы детьми Петра Ольденбургского.

Православная вера, которая не позволяла ей грешить, была духоносной традицией жизни ее предков и неотъемлемой частью ее души. «Она не была склонна к религиозному мистицизму или экзальтированности. Но брак ее был венчан в церковном Таинстве,

и она не могла нарушить закона своей веры. Потому Ольге Александровне не оставалось ничего другого, как 13 лет (!) ждать расторжения ее брака волеизъявлением той же Православной Церкви»⁶.

Лишь в 1916 году Великая Княгиня получила развод. 4 ноября этого же года 34-летняя Ольга и 35-летний Николай Куликовский обвенчались в Киеве в Старо-Киевской Васильевской церкви в присутствии Императрицы Марии Феодоровны. Вскоре у них родились двое сыновей, давшие ныне известных потомков династии – семейство Куликовских-Романовых.

XI

В свете вышесказанного совершенно по-иному предстает и история удивительной любви Великого Князя Михаила Романова и Натальи Шереметьевской. Надо заметить, что подчас современные исследователи, сами еще находясь вне традиции христианского мировоззрения, тем не менее, смело берутся описывать истории жизни людей, воспитанных и живших в соответствии с законами православной веры, уверенно полагают возможным проследить движения их душ, оценить их поведение и, проанализировав их поступки, сделать однозначные выводы о мотивах, ими двигавших...

У большинства исследователей биографии Великого Князя хорошим тоном считается особый авантюрно-романтический образ преподносить историю его встречи с женщиной своей судьбы. Не придавая

⁶ Воррес Йен. Последняя Великая Княгиня...

при этом значения ни точности дат, ни достоверности называемых мест или приводимых обстоятельств. Акцент делается на «роковом событии» и «на вихре невероятных страстей», захватившем Михаила и Наталью в духе авантюрных романов⁷. Однако все, к счастью, было не совсем так, а порой и совсем не так.

Великий Князь Михаил Александрович (1878–1918), четвертый сын Александра III, младший брат Николая II; российский военачальник, генерал-лейтенант

Графиня Наталья Сергеевна Брасова, урожденная Шереметьевская (1880–1952)

Все, кто так или иначе был знаком с Натальей Шереметьевской и брался излагать историю ее жизни, неизменно упоминали про ее непростой, эмоциональный, но одновременно и твердый характер, что, надо думать, во многом соответствовало истине. И, конечно же, не случайно эта женщина, оказавшаяся не просто рядом, а кровно сроднившаяся с ключевыми фигурами российской истории в наиважнейшие моменты ее трагических изломов и катастроф, во многом явилась символом происходящих событий. Именно она оказалась самым близким человеком последнего в истории России Императора. Все ее внутренне духовное устройство и иллюзорные идеалы «интеллигенции» должны были столкнуться с иным образом мировосприятия, с подлинным благородством души, с чистой естественностью православной веры.

Наталья Шереметьевская в полной мере воплотила в себе духовные черты тех глубоко интеллигентных слоев российского общества, которые вполне сформировались накануне революции и, не ведая того, вполне приобщились тлетворного духа мировой апостасии. Именно о них верно заметил В. В. Розанов в своей статье «Интеллигенция и революция»: «Насладившись в полной мере великолепным зрелищем революции, наша интеллигенция приготовилась надеть свои подбитые мехом шубы и возвратиться обратно в свои уютные хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы были сожжены».

⁷ Мы сейчас не касаемся тех откровенно хамских произведений советских лет, где Наталья Сергеевна выставляется криминальной мошенницей, «женщиной хитрой и ловкой, как Мата Хари», а Великий Князь называется не иначе как «Мишка», который, «передав Наталье свой дальнбойный "бульдог"», подбадривает свою поделницу словами: «Возьми мою штуку – бей прямо в морду!» (из романа В. С. Пикуля «Нечистая сила»).

Все вышесказанное будет достаточно верной характеристикой этой женщины и будет мало чем отличаться от всего ранее написанного о ней, но только при одном непременном условии. Это условие покажется странным и явно надуманным для современного мира, но оно чрезвычайно важно для нас – Наталья Шереметьевская человек верующий. Она живет и выстраивает свои поступки в строгом каноне христианской нравственности. Она не приемлет греха и боится его совершить.

Равным образом необходимо внести ясность в суть нравственных устоев и духовного устройства самого Михаила Александровича. Практически во всех исторических исследованиях считается обязательным упомянуть некую «любовеобильность» Михаила Александровича, выставляя его таким ловеласом и покорителем женских сердец. Просто удивительна эта настойчивость – людям, наверное, становится легче, если их постыдные грехи удастся приписать кому-нибудь еще, замавав чистый образ, оболгав непорочность. Видимо, тогда и самому становится не так стыдно, и совесть не так обличает.

Полюбив Наталью Сергеевну, Михаил Александрович решительно не желал никаких постыдных тайн в их отношениях. Его цельная натура не принимала условий негласных любовных встреч. Он, как и всегда, проявлял «непоколебимую твердость убеждений и кристальную душевную чистоту». Именно эти цельность и чистота обусловили принятие им весьма непростого решения о церковном браке с Натальей, несмотря на запрет со стороны своего венценосного брата, Императора Николая II.

Думается, нелишним будет заметить, что «кристальная душевная чистота» для Михаила, несмотря на распускаемые о нем сплетни, была неразрывно связана с чистотой телесной. В одном из писем он признавался своей избраннице, что при первой встрече в Копенгагене очень переживал из-за отсутствия к своим тридцати годам «известного опыта», что «раньше много горевал, и так тяготился мыслью, что никогда не было близости, и думал, неужели ее не будет всю жизнь... В Копенгагене... я страшно страдал и мучился по поводу именно этого вопроса. И вот только теперь я совсем успокоился, после того, что почувствовал, как сильно мы принадлежим друг другу и как глубоко счастливы этим»⁸.

ХII

Раскрывая внутренний мир Великого Князя, мы не можем не сказать несколько слов и о его венценосном брате – Царе-страстотерпце Николае Александровиче, явившем вместе со своей семьей пример жертвенной любви и мужественного исполнения своего христианского долга.

⁸ Письмо от 29 октября 1909 года. ГАРФ, 622/12.

«Бог знает, что такое за время, когда один только эгоизм царствует над всеми другими чувствами: совести, долга и порядочности!» – в сердцах писал в то жестокое время Император Николай Романов.

Не секрет, что о личности Николая Второго и об образе его правления сказано чрезвычайно много и зачастую прямо противоположного. Что же необходимо понять нам, если мы желаем приблизиться к потаенному механизму его внутренних духовных устремлений, постичь, насколько Царь-страстотерпец реализовал свое предназначение на земле, как сумел он воплотить неисповедимую тайну Божьего Промысла о последнем монархе России?

«Бог знает, что такое за время, когда один только эгоизм царствует над всеми другими чувствами: совести, долга и порядочности!» (Император Николай II)

Императрица Мария Александровна, жена Императора Александра II. «Мама своим примером и глубоко христианской верою приучила и нас любить и понимать христианскую веру, как она сама ее понимала. Благодаря ей мы, все братья и Мария, сделались и остались истинными христианами и полюбили и Веру, и Церковь» (Император Александр III)

Всю свою внутреннюю духовную установку, в основе которой лежала чистая христианская вера, Николай унаследовал от своего отца-Императора. В свою очередь, Александр III, касаясь истоков своего неукоснительного, подлинно евангельского мировоззрения, с чувством глубокой благодарности вспоминал мать, Императрицу Марию: «Мама постоянно нами занималась, приготавливала к исповеди и говенью; своим примером и глубоко христианской верою приучила и нас любить и понимать христианскую веру, как она сама ее понимала. Благодаря ей мы, все братья и Мария, сделались и остались истинными христианами и полюбили и Веру, и Церковь. Сколько бывало у нас разговоров самых разнообразных, душевных, и всегда Мама выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила что

ответить, успокоить, побранить, одобрить, но всегда с возвышенной христианской точки зрения».

Почему же даже сейчас, по прошествии стольких лет и столь невиданных испытаний, выпавших на долю нашего народа, многое в поступках последнего российского самодержца по-прежнему вызывает недоумение, а отношение к образу его правления чаще всего может быть охарактеризовано как непонимание и неприятие?

Да, действительно, мы не можем его понять. Это потому, что мы, российский народ, его подданные, перестали ими быть. Народ утратил понимание монархической идеи. Иные идеалы овладели умами и душами бывших «верноподданных Его Императорского Величества», некогда верных слуг и чад богоизбранного Царя-батюшки. Не Царь оказался не тот, а народ перестал быть царским. «Кругом царит обман, трусость и измена», – с печалью пишет Царь в своем дневнике. Император Николай ясно видел и хорошо понимал всю суть происходящего страшно-го отступления России от Царя и, следовательно, от веры. Ибо власть самодержца позволяет установить в «царствии земном» образ государственного правления, в наибольшей степени соответствующий монархическому устройству «Царствия Небесного».

Сам же последний Государь был удивительно достойным человеком, истинным христианином, правителем кристальной честности. «Нет такой жертвы, которой я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России». Вся логика или, якобы, отсутствие таковой в образе правления последнего Императора определялись тем же незыблемым принципом – «как бы не было греха». Невозможность пойти на компромисс в деле спасения души, допустить измену заповедям Божиим, склониться ко греху – эти принципы неизменно оставались приоритетными и определяли все решения и поступки Николая II.

Именно потому острие всей разрушительной, бесовской работы революционеров в России было в первую очередь направлено против Царя и его семьи. Николай II до конца оставался тем самым «удерживающим» Россию от падения в бездну греха.

И вовсе не материальные причины или «бедственное» состояние страны определили российскую катастрофу XX века. За 20 лет правления Николая население империи возросло на пятьдесят миллионов (!) человек, или на 40 %.

Причина произошедшего – духовный недуг, поразивший Россию, тяжелая болезнь, издревле известная в христианской аскетической практике под именем «бесовской прелести». Когда идеалы христианства, на которых выросла и воспиталась Православная Русь, оказались обоганы и перевернуты, как в кривом зеркале. И с прекрасными словами на устах, воспевающими свободу, любовь, братство, сатана повел богоизбранный русский народ по пути служения греху, ненависти и раз-

рушения. О невозможности этого всегда предупреждало нас Священное Писание: *«лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света»* (2 Кор. 11, 15). Господь попустил силам тьмы взять власть над Россией за грех отступления от веры, ибо превзошло беззаконие людей долготерпение Божье, «а потому не великое дело, если и служители Князя тьмы принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их».

Император Николай II:
«Я родился в день Иова
Многострадального. Я го-
тов принять свою судьбу»

Более того, сегодня можно реально оценить степень вклада каждого из участников тех событий в богоборческую, сатанинскую работу по разрушению православной духовности в России. Тест этот несложен – вклад этот равен уровню отступления каждого от верности монаршей власти, степени внутреннего неприятия собирательного образа последнего Императора и его семьи. Надо сказать, что этот метод проверки духовного состояния христианина вполне применим и в настоящее время.

Попущенная Господом власть тьмы охватывала все большее количество некогда «верноподданных», в том числе и самое близкое окружение Николая II. Великая Княгиня Ольга вспоминала: «Не было никого из членов нашей фамилии, которые могли оказать поддержку Ники. Какой же пример могли мы дать своим соотечественникам? Ничего удивительного в том, что Ники, не находя нигде поддержки, стал фаталистом. Нередко, обнимая меня за плечи, он говорил: “Я родился в день Иова Многострадального. Я готов принять свою судьбу”. Точно так же, в полной мере полагаясь на волю Божью, воспринимала свой монарший и семейный долг и супруга Николая Александровича, Императрица Александра Феодоровна, находя утешение лишь в чаянии «жизни будущего века»: «...когда эта жизнь закончится, мы встретимся вновь в другом мире и останемся вместе навечно...»

XIII

Когда в 1914 году 1 августа началась Первая мировая война, то наместник Кавказа, граф Воронцов-Дашков подал Государю прошение о том, чтобы Его Величество «в знак внимания и милости к народам Кавказа» назначил начальником вновь образуемой из кавказских горцев дивизии своего Августейшего брата.

Так состоялось назначение Великого Князя начальником дивизии, которая вскоре покроет себя неувядаемой славой в Великую войну, как, впрочем, и большинство иных частей Русской Императорской армии. Это воинское соединение – «Кавказская туземная конная дивизия» – было образовано Высочайшим приказом Николая II от 23 августа 1914 года и состояло из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского и Ингушского.

Командующий Кавказской туземной конной («Дикой») дивизией, Великий Князь, генерал Михаил Романов

Геройское командование братом Царя Дикой дивизией в дальнейшем повлекло особо уважительное отношение к Михаилу Александровичу со стороны всей Русской армии.

По воспоминаниям современников, Великий Князь всегда с изумительным спокойствием, не обращая внимания на разрывавшиеся кругом снаряды и свистевшие пули, смотрел в глаза смертельной опасности. При этом он был весел и бодр, стремясь туда, где разворачивались главные события боя. Дивизия очень полюбила Михаила Александровича. «Офицеры любили его за дивные душевные качества. Дикие же горцы-всадники – за его храбрость и еще больше за то, что “наш Михаил – брат самого Государя”. Тут любовь переходила просто в обожание. Горцы его боготворили».

В дивизии Михаила рядовых не называли «нижними чинами», как это было принято в российской армии, а «всадниками». Так как у горцев не существовало обращения на «вы», то к своим офицерам, генералам и даже к Великому Князю Михаилу Александровичу всадники обращались на «ты», что нисколько не умаляло значения и авторитета командного состава в их глазах и никак не отражалось на соблюдении ими воинской дисциплины.

В горцах не было никакого раболепства перед офицерами, они всегда сохраняли собственное достоинство, а высокая дисциплина, существовавшая в дивизии, в первую очередь была связана с тем, что «всякий мусульманин воспитан в чувстве почтения к старшим – это поддерживалось “адатами” – горскими обычаями. Уклад в дивизии, скорее, был патриархально-семейный, основанный на взаимном уважении. Брани вообще не было места... Офицер, не относящийся с уважением к обычаям и религиозным верованиям всадников, терял в их глазах всякий авторитет. Таковых, впрочем, в дивизии не было».

Лишь одним своим появлением в войсках Михаил «наэлектризовывал» горцев. Они очень любили его, любили за многое: прежде всего за то, что он брат Государя и храбрый джигит, а потом уже за стройность

фигуры, тонкость талии, за умение носить черкеску, за великолепную посадку, за приветливость и за то, наконец, что у него была такая же ясная, бесхитростная душа, как и у них, этих простодушных всадников.

«Через глаза нашего Михаила Сам Бог смотрит», – как-то сказал один умиравший в госпитале горец, когда Великий Князь, навестив его, отошел от кровати. Михаил лично озаботился скорейшим назначением в их дивизию священника – им стал протоиерей Михаил Поспелов, тот который в 1909 году крестил его сына Георгия.

С офицерами «Дикой дивизии»

«Через глаза нашего Михаила Сам Бог смотрит», – как-то сказал один умиравший в госпитале горец, когда Великий Князь, навестив его, отошел от кровати

За время войны через службу в дивизии прошло более 7000 всадников – уроженцев Кавказа. Около 3500 из них были награждены Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями «За храбрость», а все офицеры дивизии были удостоены орденов.

«Революционное лихолетье дало много ярких доказательств того, что горцы Кавказа были до конца верны чувству долга, воинской чести и доблести...»

XIV

«Беспокоиться обо мне не надо, потому что я вне боя, далеко», – так неизменно писал в письмах своей дорогой Наталье любящий ее Михаил. На самом же деле уже по всем фронтам шли слухи об удивительных успехах лихих горских всадников, которых лично водит в атаки брат Царя.

Один из военных корреспондентов писал: «он всегда там, где опасно и где противник развил губительный огонь. Толкает Михаила Александровича в этот огонь личная отвага сильного физически, полного жизни воина и кавалериста... Полки, видя Великого Князя на передо-

вых позициях своих, воспламеняются, готовые идти за ним на верную смерть».

Михаил, однако, в своих письмах Наталье всячески стремится представить совершенно иную, идиллическую картину: «Я больше все сижу дома и страшно тоскую. Быть на войне и так мало пользоваться свежим воздухом даже глупо».

На самом же деле «свежего воздуха» было предостаточно. Он вместе с войсками постоянно находился на передовой, продвигаясь от деревни к деревне, ночуя где придется. В результате «он оказался впереди основных сил дивизии, когда они подошли вплотную к австрийцам», в авангарде которых оказались знаменитые тирольские стрелки. Вдвое меньшей численностью, чем противник, татары и чеченцы Михаила вступили в рукопашный бой с австрийцами прямо в лесу. Это было кровавое побоище. С тирольскими штыками австрийцев насмерть схлестнулись шашки и кинжалы горцев.

Половина горцев Михаила полегла в этом сражении. Когда после боя Михаил объезжал верхом это страшное место, он был потрясен героизмом, проявленным его полками, и одновременно страшно подавлен зрелищем лежавших повсюду среди деревьев мертвых тел тирольцев и своих бойцов.

В представлении о награждении Михаила, единогласно одобренном «Георгиевским советом», значилось, что он представлен к Ордену св. Георгия 4-й степени за отличие в боях за Карпатские перевалы в январе 1915 года, в которых он «подвергал свою жизнь большой опасности, вдохновляя и подбадривая своих солдат и офицеров примером личной храбрости и мужества под непрерывным вражеским огнем во время атак превосходящих сил противника, и при переходе русской армии в наступление своими активными действиями способствовал успешному развертыванию маневров остальных войск».

Авторитет Великого Князя Михаила Александровича в войсках был очень высок. Михаил «был всеобщим любимцем на фронте, и его Дикая дивизия, состоявшая из кавказских туземных частей и по сей день все еще не выходящая из боев, считалась Ставкой лучшей кавалерийской боевой единицей».

Император Николай всегда был очень щепетилен в ситуации, когда вставал вопрос о награждении кого-либо из его родственников. Однако в данном случае он не сомневался и был чрезвычайно доволен «превосходным поведением Мишиной дивизии в февральских боях». В своих письмах Императрице он подчеркивал, что «Миша сам все время находился на линии огня. Все просят меня дать ему Георгиевский крест, что я и сделаю. Я рад за него, ибо думаю, что эта военная награда действительно им заслужена».

XV

«Какая-то бодрая, ритмическая четкость движений. Высокая, мускулистая фигура спортсмена в легком холщовом кителе с генеральскими погонами. На груди Георгиевский крест. На бледном, бритом, с удлинненным овалом лице сияют приветливо и мягко светлые пытливые глаза. Такая открытая лучистость взгляда – свойство высоких, кристально чистых натур. Изучая этот взгляд, начинаешь понимать обаяние, внушаемое Великим Князем Михаилом всем тем, кто хоть однажды видел его близко. В чем же секрет такого властного очарования? Душа благородная, прекрасная угадывается во всем, в каждой фразе, в каждом взгляде, жесте. Этот человек – сама олицетворенная искренность, так гармонично переплетавшаяся с царственной простотой. Он не только любимый всеми военачальник, покрывший славою и себя самого, и дивизию, но и отважный, не знающий страха солдат...

Великий Князь трогателен скромной и простой любовью, он весь в этой чарующей простоте – любить Россию и все русское.

И в религиозности Великого Князя есть что-то напоминающее древнюю васнецовскую Москву, которая, к слову сказать, всегда так по

С кавалерами Ордена святого Георгия. У всех награжденных наградной знак к ордену – «Георгиевский крест». Июль 1916 года

сердцу Его Высочеству. Он не пропускает ни одной обедни, и храм так гармонирует со всем его обликом. Прихожане – толпа наших серых героев. Впереди – высокий, стройный и гибкий стоит Великий Князь, ушедший целиком в молитву»⁹.

Чтобы убедиться в том, что приведенное свидетельство не «заказная статья», приведем воспоминания казачьего офицера Сергея Курнакова: «Высокая, атлетическая фигура Великого Князя Михаила была облачена в черную черкеску. Генеральские аксельбанты на правом плече и белый крест святого Георгия раскачивались в ритм с его пружинистой походкой. Мне никогда раньше не приходилось встречаться с Великими Князьями. Но этот был одно обаяние. Чистые голубые глаза излучали доверие. Легкая курносость была вызовом на откровенность. Осанка прямая и стройная, но не высокомерная. И тело римского гладиатора...

Как было бы хорошо отдать жизнь за такого человека. Не зря кавказцы обожают его!»¹⁰

Русский дипломат из славной купеческой семьи, Дмитрий Абриков, в юности серьезно ухаживавший за Наталией Сергеевной, вспоминал, что почувствовал неловкость, когда получил приглашение в гости к чете Великого Князя. Однако все быстро прошло, ибо Дмитрий «сразу же попал под его обаяние... никогда не встречал более порядочного и благородного человека; было достаточно взглянуть в его светлые голубые глаза, чтобы устыдиться своих подозрений и двойственных чувств».

Сказанное вовсе не значит, что иные братья и сестры Михаила не обладали этими достоинствами. Вся семья Александра III излучала эту силу и очарование. Однако надо понимать, что острие клеветы и пропаганды, вся сила революционной разрушительной работы были направлены конкретно на Императора Николая II и его семью.

О том, что все российское общество к февралю 1917 года оказалось обманутым, введенным в страшное заблуждение, свидетельствуют воспоминания А. Ф. Керенского. «Обезоруживающе обаятельный человек», – пишет о Царе лидер Февральской революции после свидания с бывшим Императором. Вскоре Александр Федорович с удивлением скажет сопровождавшим его лицам: «А ведь Николай II далеко не глуп, вопреки тому, что мы о нем думали».

XVI

Вникая в исторические свидетельства тех лет, невольно потрясешься, насколько вся атмосфера общественной жизни была пропитана грязью и ложью. Люди пребывали в состоянии некой бесовской оду-

⁹ ГАРФ. Очерк «Великий Князь Михаил Александрович на войне». Ф. 668, оп. 1, д. 1081.

¹⁰ *Kourmakoff Serge. Savage Squadrons.* Hale, Cushman & Flint: Boston – New York, 1935.

раченности, плодя вокруг себя явные наветы и измышляя клевету друг на друга. Народ встал на гибельный путь разрушения и потому остро нуждался во внутреннем оправдании своих грехов, недостойных мыслей и поступков.

Михаил и Наталья. «Я имела возможность убедиться в той огромной любви, которую Наталья Сергеевна испытывала к своему мужу» (из воспоминаний Ольги Путятиной)

В дальнейшем эти вымыслы обрели в советской общественной науке статус убедительного исторического факта и сейчас, продолжая жить в наших сердцах, творят свою разрушительную работу.

Так случилось, например, с Великим Князем Кириллом Владимировичем и историей о его «красном банте»¹¹.

И с Великим Князем Сергеем Александровичем, убиенным террористами, на которого, вопреки ясному свидетельству жены прмц. Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, продолжают навешивать ярлыки всяких гнусностей¹².

И в нашем случае с женой Великого Князя Михаила, Натальей Сергеевной, которая, как свидетельствует ее близкая подруга Княгиня Ольга Путятина¹³, не имеет ничего общего с той женщиной, к которой многие относились с неприязнью или презрением. Она запомнилась ей как «человек огромного обаяния, наделенный всеми притягательными чертами, которыми может обладать женщина, — изяществом, элегантностью, прекрасным умом, который пленял всех, кого привлекала ее поразительная красота». Ольга Павловна, имея возможность часто беседовать с Натальей, убедилась «в той огромной любви, которую она испытывала к своему мужу»¹⁴.

Великий пост весной 1915 года Наталья Сергеевна проводила особо сосредоточенно. Дивизия Михаила вела тяжелые бои в Карпатах, и он не мог отлучиться даже на Пасху. «Мы все время в соприкосновении с противником... Мысленно буду ежесекундно и нераздельно с тобой

¹¹ Из воспоминаний очевидцев: «Не только на Великом Князе, но и ни на одном матросе этих бантов не было» (контр-адмирал Р. Д. Зеленцкий); «Вопреки существующим рассказам, у него не было на плече красного банта» (полковник Б. Энгельгардт); «Ни на одном из них не было никаких бантов или каких-либо неформенных отличий» (С. Т. Варун-Секрет).

¹² «Когда я видела, каким глубоко религиозным был Сергей, то я чувствовала себя отставшей от него, и чем больше я узнавала его Церковь, тем больше я чувствовала, что она приближает меня к Богу» (из воспоминаний Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, прмц. Алапаевской).

¹³ Вдова кавалергарда Князя Павла Павловича Путятина Княгиня Ольга Павловна скончалась на острове Мальта 15 апреля 1967 года. Похоронена на местном кладбище после отпевания в греческой церкви. Большая ее заслуга — создание в столице Мальты Валетте школы русского балета.

¹⁴ *Poutiatine, Princess Olga. Les Derniers Jours du Grand-Duc Michel Alexandrovich // Revue des Deux Mondes. Paris, 1923.*

в Гатчинской дворцовой и так горячо и нежно мною любимой церкви». Наташа пишет, что ходит «в новую монастырскую церковь», но там так много людей, что «невозможно молиться, потому на Страстной неделе и на все эти торжественные постные службы, которые я так люблю, буду ходить в дворцовую церковь».

XVII

В очередной раз Великий Князь приехал с фронта к семье в Гатчину в отпуск по болезни уже в феврале 1917 года. Здесь, в Гатчине, их застала Февральская революция.

2 марта Император Николай II подписал манифест, который революционная пресса немедленно назвала «отречением» от престола. В действительности же речь шла лишь о передаче «наследия нашего брату нашему» Михаилу, поскольку монархия по определению не может совершить «отречения». Этого никогда не будет, поскольку это юридический нонсенс. Сам народ даровал власть над собой Романовым на Соборе 1613 года, «призвав на царство», следовательно, и освободить Романовых от власти мог лишь тот же народ, таким же своим соборным волеизъявлением и не иначе. Но, надо заметить, что даже и до сего дня такого Собора собрано не было и решение о судьбе российской монархии народом также не принято.

Император Николай II накануне отречения: «Если я помеха счастью России и меня все просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь свою отдать за Родину»

Передаче престола предшествовали тяжелые раздумья Императора: «Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественные силы просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь свою отдать за Родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает»¹⁵.

В результате престол был отдан брату Михаилу Александровичу: «...Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского». В своем манифесте Николай Александрович ясно наставляет младшего брата в необходимости учесть волю народа через законно избранных его представителей: «Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и неруши-

¹⁵ Дубенский Д. Н., генерал. Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. III.

мом единении с представителями народа... На тех началах, кои будут ими установлены... Да поможет Господь Бог России».

Именно из этого принципа исходил и Михаил Александрович, составляя свой манифест, который так же лживо левой прессой был немедленно представлен как «отречение».

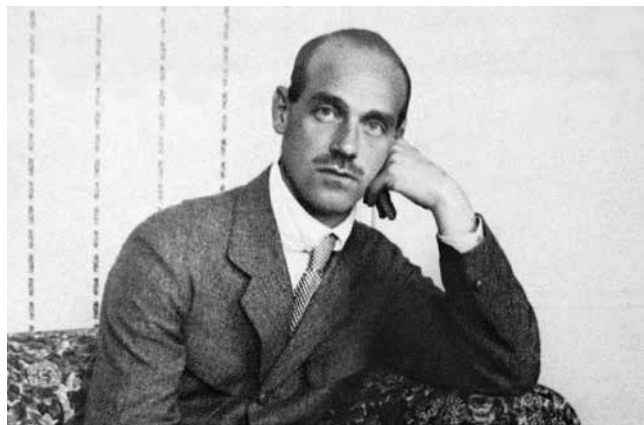
Члены только что сформированного Временного правительства звали Великого Князя в столицу и долго совещались с ним в квартире Князя Путятина на Миллионной улице, 12. «Великий Князь держал себя с безукоризненным тактом и благородством, и все были овеяны сознанием огромной важности происходившего»¹⁶. Михаил Александрович попросил время на размышление и уединился в путятинском кабинете. Министры молча ждали в гостиной.

Командующий 2-м кавалерийским корпусом генерал Михаил Романов. Январь 1917 года

Видя повальную атмосферу измены и обмана, революционное помутнение умов и сердец, Великий Князь Михаил принял продуманное и, пожалуй, единственно верное в то время решение: «При настоящих условиях я не считаю возможным принять престол, – объявил он министрам Временного правительства, – Предоставляю окончательное решение этого вопроса Учредительному собранию».

Исходя из вышесказанного, Михаилом был составлен следующий манифест: «...Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспри-

Император Михаил II. Квартира князя Путятина, Миллионная улица, дом 12. 3 марта 1917 года

¹⁶ Нольде Б. Э. Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930.

ять Верховную власть, если такова будет воля народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления... Государства Российского...»

Из сего документа ясно следует, что Великий Князь Михаил также не отрекался от престола, но отложил восшествие на него до законного волеизъявления русского народа об образе правления государством, то есть до решения Учредительного собрания. Революционное состояние народа обуславливало необходимость подтверждения клятвы, данной на Земском соборе 1613 года, как о верности Дому Романовых, так и принципам монархии в целом. Те же формулировки звучали и в тексте новой воинской присяги 1917 года, которой присягала Российская армия: «...Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания».

Однако подлый военный переворот, произошедший в Петрограде в октябре 1917 года, похоронил все планы установить законный образ правления в России. Была явлена та самая «тайна беззакония», поскольку, по пророчеству апостола, был «взят от среды удерживающий теперь», ибо законный «Удерживающий» правитель был принужден оставить престол. Тот же, кто мог реально стать новым «Удерживающим», был расстрелян самым первым, в Перми, в ночь на 12 июня 1918 года.

XVIII

Вовсе не желая, описывая исторические события, предаваться бесплодному «сослагательному наклонению», все же оценим шансы Михаила Александровича как возможного правителя России в то смутное время. Выше мы неоднократно приводили многочисленные свидетельства современников, единодушно признававших высокие нравственные, деловые и боевые качества Михаила Романова.

Это вынуждены были признавать и его политические противники и даже идеологические враги. Как, например, большевик Владимир Гущик, познакомившийся с Великим Князем будучи комиссаром Гатчинского дворца, где Михаил находился под домашним арестом. Но и он не мог не свидетельствовать об авторитете Михаила Александровича и большом политическом потенциале его личности: «Великий Князь имел три редких достоинства: доброту, простоту и честность. Ни одна партия не питала к нему неприязни. Даже социалисты всех тонов и оттенков относились к нему с уважением».

Решающее значение в оценке шансов Михаила Романова на роль политического лидера в то время, безусловно, имел его неоспоримый авторитет и, более того, любовь к нему в войсках. И, конечно же, не

надо забывать, что за ним стояла слава и сила знаменитой Дикой дивизии.

В воспоминаниях офицеров-горцев о тех днях говорилось, что «отречение Государя от престола потрясло всех, и того “энтузиазма”, с которым якобы все население встретило отречение, не было. Была общая растерянность, вскоре сменившаяся каким-то опьянением от сознания, что “теперь – все позволено”. Всюду развевались красные флаги и пестрели красные банты. В Дикой Дивизии никто их не надел – кроме обозников и матросов-пулеметчиков...»

Устойчивая и стабильная обстановка, сохранившаяся после Февральской революции в Кавказской конной дивизии, не поддававшейся пораженческой пропаганде и революционной демагогии, устраивала далеко не всех. Реальной силы этой дивизии очевидным образом опасались в февральском Петрограде, находившемся во власти пьяного разгула и анархии. И в дальнейшем ее всадников очень боялись как правительство Керенского, так и ленинская клика.

Но именно такого, кровавого, «на штыках» восшествия на престол не мог допустить Михаил. «Можете ли Вы указать хоть одну сильную группу работников или умов государственного направления, на которую можно было бы опереться? – спрашивал Михаил близкого ему адвоката Иванова, и сам же отвечал: – Я не вижу. Одни штыки кругом. Штыки и клинки». Надо прямо заявить – никто не может упрекнуть Михаила в боязни и малодушии. Он боевой офицер, не раз глядевший смерти в глаза и видевший много крови. В то же время лить кровь своего народа он не мог. Подписывая манифест, Михаил следовал высшим нравственным христианским принципам, а не сиюминутной политической выгоде: «Я поступил правильно, и отказался, чтоб не было никаких поводов проливать кровь».

ХІХ

В феврале 1918 года Совнарком принял решение, подписанное Лениным: «Бывшего Великого Князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона, делопроизводителя Гатчинского дворца Александра Михайловича Власова и бывшего начальника Гатчинского железнодорожного жандармского управления Петра Людвиговича Знамеровского выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения».

Управляющий и личный секретарь Великого Князя англичанин Брайан (Николай Николаевич) Джонсон остался в нашей стране добровольно. В декабре 1912 года Николай Джонсон заменил Великому Князю отрекшегося от него прежнего адъютанта графа А. А. Мордвинова. Еще в ноябре 1901 года Михаил и Николай вместе окончили Михайловское артиллерийское училище и получили обер-офицер-

ские звания поручиков. Выйдя в офицеры, Джонсон всегда оставался добрым другом, а в трудную минуту стал и личным секретарем Великого Князя. Великого Князя и Джонсона объединяла дружба и любовь к музыкальному творчеству. Михаил имел явные музыкальные таланты и хорошо играл на фортепьяно, гитаре, балалайке и флейте. Джонсон часто аккомпанировал Михаилу на рояле.

Английский посол в Петрограде Бьюкенен рекомендовал Джонсону покинуть Россию, но тот ответил: «Я не оставляю Великого Князя в такой тяжелый момент». Верный Джонсон не оставил Михаила Александровича и в минуту смертельной опасности, приняв вместе со своим господином мученический венец¹⁷.

За своим господином в Пермь добровольно последовали и верные слуги Князя камердинер В. Ф. Чельшев, шофер П. Я. Борунов и другие. На все просьбы жены, Натальи Сергеевны, желавшей разделить участь мужа, Великий Князь отвечал твердым отказом и наконец уговорил ее остаться в Гатчине и ждать исхода событий.

Тогда Наталья Сергеевна занялась очень важным делом – отправкой сына за границу. Целый месяц ушел на то, чтобы суметь переправить маленького Георгия в Данию под видом сына уезжавшей с ним гувернантки. Мальчика согласилось принять датское королевское семейство – родственники Императрицы Марии Федоровны. Дальнейшие события показали, что Брасова поступила мудро: оставаться в России мальчику царской крови было крайне опасно.

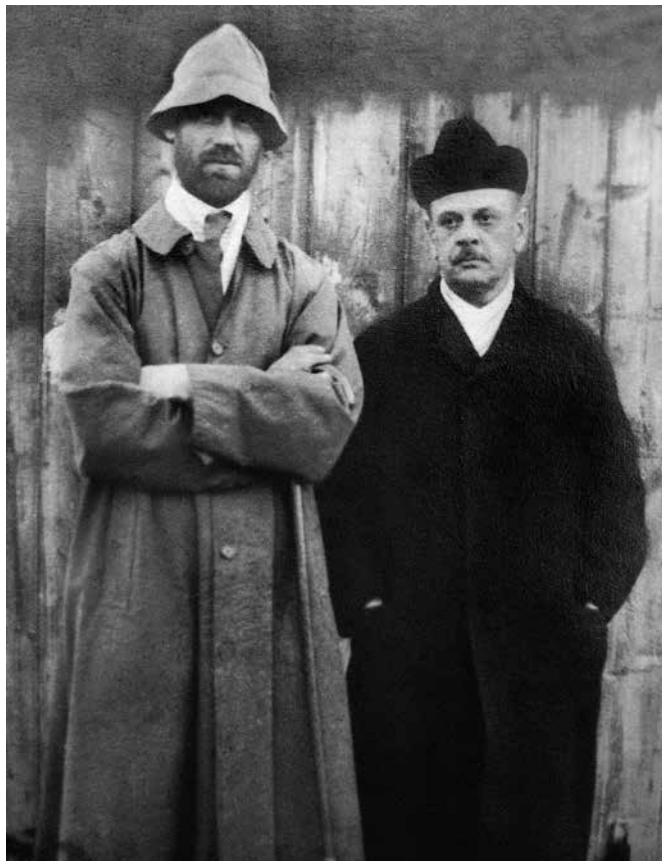
XX

Пасхальные торжества, происходившие в Перми весной 1918 года, во многом определили трагическую развязку с пребыванием в ссылке Михаила Александровича. Очевидная любовь Михаила Александровича к церковным службам, на фоне желанья православного люда выразить сочувствие и «верноподданнические настроения» гонимому «Его Императорскому Высочеству», накалило атмосферу в Перми и крайне озлобило большевистские власти.

Пермский архив сохранил донесения того времени большевистским властям города о все возрастающей популярности Великого Князя среди жителей Перми. «...В городе стали распространяться слухи, главным образом среди мещан, буржуазии и солдат..., о том, что не худо бы вновь на престол пригласить Михаила. Стали всячески говорить о его полководческом искусстве и тесных связях с буржуазией. Было ясно, что буржуазия готовится встать под знамя Михаила. Держать в такой обстановке Михаила стало невозможно...»¹⁸

¹⁷ «Знайте, я около М. А., пока нас не разлучат, я все силы положу, что бы ему смягчить черные дни. Остальное от Бога. Будьте бодры, верьте, что все образуется, и даст Бог, скоро увидимся. У нас совесть слишком чиста, чтобы бояться чего бы то ни было. Да благословит Вас Господь. Всегда Ваш, Н. Н.» (из последнего письма Николая Николаевича Джонсона Наталье Сергеевне).

¹⁸ Пермский Госархив новейшей истории и общественно-политических движений. Ф. 90. Оп. 2. Д. Г-19. Л. 52–53.

Последнее фото Михаила Александровича и его друга полковника П.А. Знамеровского сделанное на рынке в Перми, 9 апреля 1918 года

О том же свидетельствовали и дипломатические донесения, отмечавшие необычайную «популярность Михаила и историю о том, как жители Перми засыпали Михаила пасхальными подарками»¹⁹.

«Население города Перми, как мне удалось это заметить, пока я там был, относилось к Михаилу Александровичу прекрасно. Он принужден был ходить преимущественно по вечерам: иначе его окружал народ и открыто выражал ему свое сочувствие. Провизией его затаскивали: почти каждый день у него в номере была в банке свежая стерлядь. Великий Князь с прислугой занимал в Королевских номерах четыре номера»²⁰.

9 мая 1918 года состоялся торжественный общегородской Крестный ход во главе с правящим пермским архиереем архиепископом Андроником (Никольским). В этом величественном шествии уча-

¹⁹ Из донесения немецкого дипломата в Берлин от 15.06.1918 года. Государственный архив, Лондон. PRO/GFM 6/139 A29471.

²⁰ Из протокола допроса Р. М. Нахмана, почетного гражданина г. Чита. «1919 года, декабря 12 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чита допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля».

ствовали многие тысячи людей. Развевались многочисленные хоругви, всем народом пелись пасхальные ирмосы, священники призывали к объединению верующих у Креста распятого Христа. В Крестном ходе принял участие и Михаил Александрович со своим окружением. Это было подлинное торжество Православия. Архиепископ Андроник, напутствуя расходящиеся по своим храмам приходские Крестные ходы, говорил, что «враги христианства восстали на Церковь Христову, а именно в Церкви все наши устои, сохраняющие от развала и уничтожения нашу нацию».

Дневник Михаила Александровича свидетельствует об участии Великого Князя с супругой в этом Крестном ходе. Однако, понимая, что всякое неверно произнесенное слово, искренняя фраза в дневнике будут истолкованы против него, Михаил подчеркнуто сдержан и пишет сознательно сухо и скупое, справедливо полагая возможное прочтение этих строк своими недругами. Так что тот грандиозный Крестный ход и хождение Великого Князя с народом 9 мая в дневнике отражено как: «Днем прошлись по Торговой, Монастырской, и обратно вдоль реки. После чая Наташа и я легли отдохнуть».

На следующий день, 10 мая, вечером владыка Андроник служил Пасхальную вечерню. Служба эта была завершена проповедью, которая явилась примером бесстрашия и твердости духа. В этих словах звучит исповедание веры и готовность следовать за Христом вплоть до венца священномученика.

«Враги Церкви посягают на церковное имущество, собранное в течение веков верующим народом, и потому я, преемственно получивший власть, данную Христом апостолам “вязать и решать грехи людские”, отлучаю от Церкви посягающих на храм Господень, доколе они не исправятся». Далее владыка бесстрашно сказал, что если ему и смерть придется принять, то он готов умереть. Эта проповедь явилась ответом архиерея на так называемый декрет о национализации церковного имущества, осуществление которого вылилось в грабежи церквей.

Великий Князь упоминает эту службу в своем дневнике: «В 5.30 Наташа, Джонсон и я отправились в Петропавловский собор, где служил пасхальную вечерню архиепископ Андроник». Далее, не имея возможности выразить в строках дневника свою искреннюю поддержку мужественному архипастырю, Михаил Александрович, тем не менее, замечает: «служит он очень хорошо». Безусловно, Михаил Александрович общался с владыкой, пребывая с ним в полном единомыслии и любви, но все это остается за скупыми строками дневника.

Михаил Александрович в Перми встречается с особо доверенными людьми владыки: «11 мая. Днем Наташа, Джонсон и я пешком пошли к архимандриту Матвею (ректору семинарии)». Архимандрит Матфей – близкий друг и единомышленник владыки Андроника. Он будет расстрелян вскоре после мученической кончины своего архипастыря.

Понимая, что эта запись в дневнике – компромат, Михаил Александрович поясняет: «Мы смотрели его квартиру, так как все ищем, куда бы можно было переехать. Нас угостили кофе и пасхой – он, бедный, будучи нездоров, лежал в постели. Оттуда с Монастырской мы возвратились пешком домой». Эти хождения пешком неизменно выявляли необычайную «популярность Михаила» в народе и породили многочисленные «истории о том, как жители Перми выражали ему любовь и сочувствие».

Вечером 24 мая архиепископ Андроник напишет патриарху Тихону: «Что-то ужасное назревает всюду и у нас. Я пока на свободе, но, вероятно, скоро буду арестован. Признаки полной анархии. На случай ареста оставляю распоряжение о закрытии всех градо-Пермских церквей. Пусть считаются с самим народом». И далее владыка информирует Святейшего: «Н. А. Р. [Николай Александрович Романов – *И. М.*] в Екатеринбурге. М. А. Р. [Михаил Александрович Романов – *И. М.*] здесь на свободе. Да хранит Вас Бог»²¹.

XXI

Говоря о высокой духовности, строгой нравственности и искренней христианской вере поминаемых в книге замечательных людей, таких как Великий Князь Михаил Александрович, Великая Княгиня Ольга и другие венценосные дети Александра III, мы понимаем, что имеем дело с лучшими людьми, с теми, что с полным достоинством христианина встретили времена кровавого Армагеддона. Вспоминая добрым словом Степана Никитича Пименова и других преданных служителей Богу, Царю и Отечеству, мы отдаем себе отчет в том, что к тому времени такие люди уже стали редкостью.

После трагедии 1917 года в полной мере расцвело духовное убожество людей, которых Князь тьмы призвал творить свою кровавую работу. Это те самые «бесы» Достоевского, палачи Святой Руси.

Организатор пермского беззакония Гавриил Мясников – палач Великого Князя. Всю свою жизнь Гавриил посвятил террористической деятельности, стремясь стать профессиональным убийцей. За явную «одержимость» и способность на любую жестокость его побаивались даже товарищи по партии, считая «кровожадным, озлобленным и вряд ли нормальным человеком».

Не менее «примечательны» и иные «герои революции», профессиональные бандиты, составившие Пермский заговор. С конкретной инициативой тайного похищения и убийства Князя выступил начальник Пермской милиции В. А. Иванченко.

²¹ Вскоре после убийства Великого Князя, 20 июня 1918 года, палачами Пермского ВЧК владыка Андроник был живым зарыт в землю.

Владыка Андроник (Никольский), (1870–1918), архиепископ Пермский и Соликамский. «Может быть, меня на свете не будет, но не покидает меня надежда и уверенность, что Россия воскреснет со своим возвращением к Богу. Простите и молитесь о призывающем Божие благословение грешном архиепископе Андронике»

Владимир Иванович Иванченко родился в 1874 году в семье высланного в Пермскую губернию контрабандиста. Какое-то время работал на Мотовилихинском заводе. В 1902 году вступил в РСДРП и вскоре стал террористом-боевиком. В 1907 году параллельно вступил в шайку грабителей-налетчиков, называвших себя «лесные братья». За разбой и грабежи был арестован и приговорен к пяти годам заключения и двум годам ссылки. Но в 1918 году стал членом исполкома Мотовилихинского совдепа, комиссаром Перми и начальником городской милиции (!).

Своей задумкой Иванченко поделился с Г. И. Мясниковым, который его поддержал с большим воодушевлением. «Думаю, если все сойдет гладко, – размышляя председатель Мотовилихинского райкома партии Мясников, – то это послужит сигналом к уничтожению всех Романовых, которые еще живы и находятся в руках Советской власти».

В эти планы было решено посвятить еще одного «надежного товарища» – Жужгова Н. В.

Николай Васильевич Жужгов родился в 1877 году в Пермской губернии в семье мотовилихинского рабочего. Начинать работать на Мотовилихинском заводе. Во время революционных беспорядков 1905 года стал боевиком-террористом. Позже также вошел в бандитскую шайку «лесных братьев».

В 1906 году во время пьяного застолья затеял драку, которая переросла в перестрелку и он был ранен. В больнице во время допроса Василий выдал своих подельников, в том числе и стрелявшего, который был арестован и приговорен к повешению. Сам же Жужгов стал осведомителем полиции. За совершенные во время пребывания в шайке многочисленные преступления отбывал наказание в Амурской губернии. Ну а в 1918 году он стал помощником начальника милиции Мотовилихи и членом Пермской губчека.

В первых числах июня 1918 года план убийства был продуман в деталях. Накануне злодеяния на совещании в мотовилихинской милиции к заговору были подключены еще несколько человек, поскольку не было уверенности, что удастся легко справиться с Великим Князем и его другом Джонсоном.

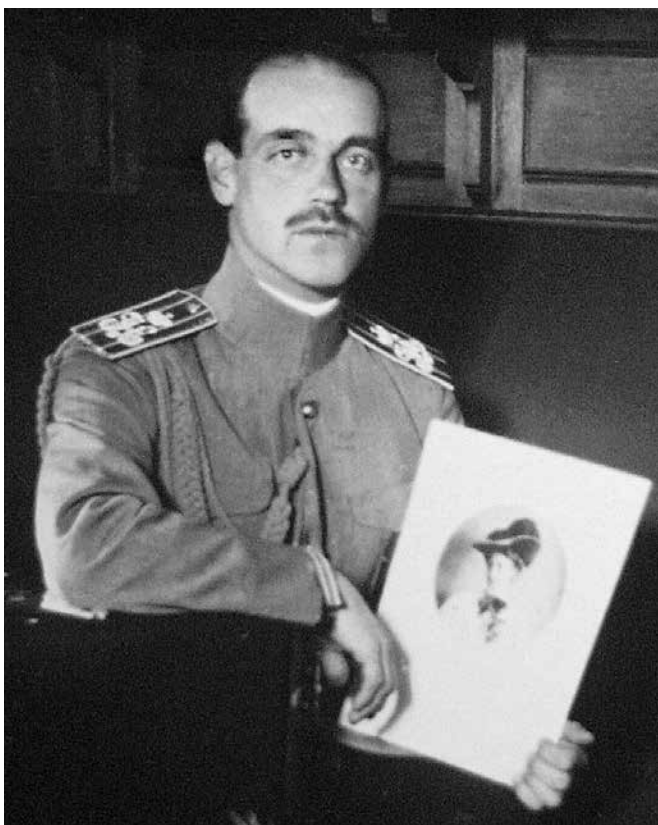
XXII

«Пермь. 4/17 мая. Отъезд Наташи был решен вчера вечером, очень грустно опять оставаться одним. Сибирский экспресс запоздал примерно на 36 часов. Наташа получила место в маленьком купе международного вагона. Поезд отошел в 12 часов 10 минут. С отъездом Наташи стало так грустно, так пусто, и все как-то кажется по-другому, и комнаты стали другими».

Надо сказать, что после прошедших Пасхальных дней Светлой седмицы Михаил стал уклоняться от упомянутых «публичных» перемещений по городу. Маршрут его прогулок все чаще проходит по безлюдным местам: «переехали через реку, пошли к полигону, затем левой стороной полигона в глубь леса до проселочной дороги, по дороге влево лесом, затем вырубкой вышли к Каме...»

Когда верующие «узнали о местах пребывания Михаила Романова, то началось нечто вроде паломничества на те места, где гулял Михаил Романов, чтобы хоть глазком взглянуть на будущего «помазанника божия», – так докладывали о ситуации вокруг Великого Князя осведомители ВЧК.

Великий Князь Михаил с фотографией жены Натальи Сергеевны. «Мой Ангел ненаглядный, меня утешает только одно – это моя любовь к тебе, которая по-прежнему заполняет все мое существо. Если бы ты знала, как я изнываю, тоскую и таю без тебя!»

В разлуке с женой Великий Князь очевидным образом сильно тосковал. Он почти каждый день писал Наталье Сергеевне письма, просил привезти ее фотографии. Ей отправил свою, сделанную на Сенном рынке в Перми, – с бородой (не брился со дня отъезда из Гатчины). Фотография эта стала последней.

За несколько дней до своей гибели Михаил Александрович вновь заболел – наступило обострение давнего недуга.

24/6 июня. «Сегодня у меня появились мои знаменитые боли в желудке, лег поэтому раньше».

«После 12 часов дня я больше не ел, так как боли у меня все продолжают».

«Провел целый день в постели у окна и продолжал ничего не есть со вчерашнего дня, т. е. даже ни капли молока. Боли по временам все-таки появлялись».

29/11 июня, вторник. «За целый день выпил стакана полтора молока пополам с водой, больше ничего. Сегодня были боли послабее и менее продолжительные... Потом я писал Наташе в Гатчину».

Это последние строки дневника, который по давней традиции обязательно вел каждый член семьи Романовых.

Упомянутое последнее письмо, отправленное «Наташе в Гатчину», заканчивалось словами: «Дай Бог нам скоро снова быть вместе...»

Переписка Великого Князя того времени сдержана и в ней много недоговоренного. Письма часто вскрывают. Михаил не желает, чтобы грязные руки и похотливые глаза новых властителей страны касались его внутреннего мира.

Наталя всегда берегла его письма, присланные с фронта, и особенно одно, написанное в августе 1916 года: «Я только что был у Всенощной, церковь была пуста, вечерние солнечные лучи наполняли храм, и я мысленно переносился в Гатчину, в мою любимую дворцовую церковь, где мы столько раз молились вместе... Никогда не забуду, как мы в 1908 году впервые были вместе у Всенощной в деревянной церкви, которой больше нет. Мы тогда стояли рядом, и было так отрадно на душе...»

Моя Наташа, моя нежная, мой Ангел ненаглядный, меня утешает только одно – это моя любовь к тебе, которая по-прежнему заполняет все мое существо. Если бы ты знала, как я изнываю, тоскую и таю без тебя!»

XXIII

В ночь с 12 на 13 июня восемь заговорщиков ворвались в гостиницу и потребовали от Великого Князя следовать за ними, объясняя свои действия необходимостью срочной эвакуации. Секретарю Князя, Николаю Джонсону, было предложено остаться, но тот категорически отказался покинуть Великого Князя.

Воспоминания убийц Великого Князя, как и все подобные свидетельства духовной низости и морального убожества участников, изобилуют путаной ложью, восхвалением собственного «героизма» и особой личной роли в происходящем беззаконии. Если все же суммировать свидетельства всех участников этого злодейского убийства, то дальнейшая картина могла быть следующей.

«Мы увезли их на Сибирский тракт. Сначала похищенные вели себя спокойно но, когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там, в особом вагоне мы их отправим дальше.

Доехали до керосиновых складов, что в пяти верстах от Мотовилихи. Отъехав еще версту от складов, повернули направо в лес... По дороге никого не встретили, была ночь.

Когда же отъехали еще сажень 100–120, Жужгов крикнул: «Вылезай!» Я быстро выскочил первым и потребовал, чтобы мой седок Джонсон тоже вышел. И только он стал выходить из фаэтона, я выстрелил ему в висок, и он, качаясь, упал. Колпащиков тоже выстрелил в Джонсона, но патрон у него застрял в браунинге.

Жужгов в это время хотел сделать то же самое и с Великим Князем, но только ранил Михаила Романова, и потом у него сделалась осечка, и он стрелять больше не мог. В это время Великий Князь поднял его за шиворот и повалил под себя. Жужгов «барахтался» под Великим Князем, когда я (Марков) выстрелил в Князя. Лишь после этого Жужгов сумел освободиться. После этого дважды раненый Михаил Романов направился ко мне, прося дать ему помолиться и проститься со своим раненым секретарем. В ответ Жужгов сразу хотел выстрелить, но у него совсем застрял барабан нагана (пули были самодельные). И тогда я на довольно близком расстоянии (около сажени) сделал второй выстрел в голову Михаила Романова, от чего он свалился тотчас же. Потом уже еще двое из наших стреляли в него и секретаря.

Это было ночью 12 июня, но было почему-то очень холодно. Зарыть трупы нам нельзя было, так как светало быстро и место было недалеко от дороги. Мы забрали с убитых одежду и вещи и оттащили их обоих вместе в сторону от дороги, завалив прутьями. После чего все уехали в Мотовилиху».

Палачи хвастались друг перед другом тем, что им досталось от убитых. Среди окровавленной одежды и прочих вещей упоминалось и кольцо, снятое с пальца Великого Князя.

«Золотые кольца с широким стальным ободом снаружи» – подобные кольца, сделанные из стали, чугуна, железа, все офицеры носили с XIX века. На золотой подкладке гравировались имя и фамилия офицера. Такое кольцо выполняло предназначение жетона, по которому можно было опознать погибшего. Неблагородные металлы использовались для того, чтобы мародеры не снимали его с трупа. Но, как мы

видим, у этих «товарищей» не было никаких моральных ограничений. Все в строгом соответствии с указанием вождя: «нравственно то, что выгодно пролетариату» (В. И. Ленин).

«Зарывать тела ездил на другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером Новоселовым. 13 июня 1918 года в 10 часов утра они прибыли на место расстрела, где выкопали по обыкновению могилу, в которой и зарыли Михаила Романова и его верноподданного Джонсона.

Когда мы закончили, я (Новоселов) на одном из сосновых деревьев над могилой Романова вырезал четыре буквы: ВКМР, что обозначало: здесь расстрелян Великий Князь Михаил Романов».

Так наступило 13 июня – праздник Вознесения Господня 1918 года.

XXIV

В Площанской пустыни, где началась история нашей иконы, после 1917 года была организована коммуна «Пчела». Монастырь был практически ликвидирован в 1921 году, но церковные службы все еще служились до 1924 года. В 1924 году губернские власти приступили к мероприятиям по разоблачению «обмана монастырских церковников» по почитанию могил монастырских старцев и чудотворной Площанской иконы.

Доклад о работе «разоблачительной» комиссии рассматривался на XI Брянской губернской конференции 18 ноября 1924 года. На митинге в клубе было вынесено постановление: «Приветствовать представителей губкомиссии за вскрытие мощей и раскрытие всей жизни монастыря и просить членов комиссии окончательно ликвидировать монастырь...»

К уголовной ответственности за обман народа при почитании чудотворной Площанской иконы был привлечен настоятель монастыря игумен Никодим (Спиридонов). В январе 1925 года ему было предъявлено обвинительное заключение:

«Бывшего игумена Площанского монастыря Никодима Спиридонова привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в том, что, находясь в Площанском монастыре с детства и безотлучно с 1894 года по день закрытия его и зная цель легендарных слухов о... чудотворной иконе и проч. достопримечательностях монастыря, распространяемых как администрацией, так и монахами указанного монастыря, в бытность свою с 1915 года и до ноября 1924 года игуменом этого монастыря, с целью извлечения средств и разных выгод для монастыря, а также пользуясь суеверием и религиозными предрассудками части окрестного крестьянского населения, разрешал совершать и сам совершал обманные действия... перед так называемой чудотворной иконой и прочими достоприме-

чательностями монастыря, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 120 УК».

Игумен Никодим был приговорен к шестимесячному тюремному заключению. В те годы сроки были еще невелики.

Спустя семь лет, в 1932 году, тридцать площанских монахов, разошедшихся по окрестным деревням, были отысканы и арестованы ГПУ. Все насельники пустыни были репрессированы и получили сроки. Те же из них, кто дожил в заключении до осени 1937 года, были расстреляны в сталинских лагерях.

Был разрушен величественный Казанский собор монастыря, уничтожена надвратная церковь Всех Святых, не пожалели и скромную церковь Покрова Божией Матери.

Первая панихида на могиле Натальи Сергеевны и сына Георгия в Париже совпала с началом написания книги в 2008 году

Новая надпись на русском языке на надгробной плите

Дорожка на Парижском кладбище Пасси (на площади Трокадеро), ведущая к могиле самых дорогих людей Великого князя Михаила Романова – жены и сына.

По преданию, один из монахов при закрытии пустыни в 1924 году сумел спасти чудотворную Казанскую икону Божией Матери «Площанская». Умирая, он завещал вернуть икону обители, когда придет светлое время ее возрождения, однако ныне местонахождение этой первоначальной Площанской иконы неизвестно.

Сегодня с нами пребывает икона Великого Князя Михаила Александровича, сохраненная в Петербурге. Эта икона, являющая нам полную меру и подобие того первоначального образа, очевидным образом есть особое утешение, дарованное нам от Господа, и благодатная возможность восстановить трагически прерванную связь времен.

XXV

Сейчас мы так и не знаем достоверного места последнего упокоения Великого Князя Михаила Александровича Романова, где можно было бы достойно почтить его память. Неоднократные поиски захоронения, предпринятые в районе Пермской Мотовилихи, результатов не дали.

Но у нас есть могила его законных жены и сына – его плоти и крови. Для каждого христианина Таинство церковного Брака означает «венчание в плоть единую». Другими словами, Михаил и Наталья, соединившись в Браке, стали *«два одной плотью; так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает»* (Мк. 10, 8; 9).

Гатчина, 1912 г.

Потому статус могилы на кладбище Пасси, что близ площади Трокадеро, много выше, чем тот, о котором свидетельствует надгробная надпись. Здесь, в центре Парижа, мы можем полноценно поклониться не только самым дорогим для Великого Князя людям, но и самому Михаилу Александровичу Романову. Кто знает, может быть, в том и состоит Промысл Божий, не открывающий нам места могилы на Сибирском тракте Перми и призывающий всех приехать и помолиться здесь, в Пасси.

И, конечно же, моленная икона Великого Князя, «Казанская–Площанская», что в церкви преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга, ждет к себе каждого радетеля памяти семьи Романовых, и никто не уйдет от нее неутешенным. Вспомним этот удивительный ее трехсотлетний путь от первого Царя Дома Романовых Михаила I, благосло-

вившего этой иконой Площанскую пустынь, до последнего Царя Дома Романовых Михаила II, молившегося у этого образа до самого убийства своего Крестным путем к мученической кончине.

Думается, что если бы Михаил Александрович имел время и возможность оставить нам свои прощальные наставления, то он повторил бы слова своего венценосного брата-страстотерпца Николая Александровича, записанные Великой Княгиней Ольгой: «Отец просит передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь...»

Святые князья-мученики Иоанн, Константин и Игорь Алапаевские. Отрывки из книги

ЧАДАЕВА Алина Яковлевна,
писатель (г. Сумы)

І. Отец – о детях

К 1892 году Великий Князь Константин Константинович (К. Р.)¹ был отцом уже пятерых детей. Старшему – Иоанну – исполнилось шесть лет. Остальные – мал-мала меньше: Гавриил, Татиана, Константин и новорожденный Олег².

В том же 1892 году в течение двух с небольшим месяцев К. Р. работает над переводом отрывка из хроники Шекспира «Король Генрих IV». Через год он предпошлет ему подробное предисловие и «передаст вкратце содержание четвертой сцены четвертого акта второй части хроники».

Отцы и дети: преемственность или столкновение поколений? Чаше всего Шекспир отвечал на эту дилемму словами Христа: «Враги человеку – домашние его». Так решены драмы «Король

¹ Великий Князь Константин Константинович, поэтический псевдоним К. Р. (1858–1915) – член Российского Императорского Дома, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, генерал-инспектор Военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, поэт, переводчик и драматург.

² Князь императорской крови Олег (1892–1914) погиб на фронте во время Первой мировой войны. Корнет Романов награжден орденом святого Георгия IV степени «за мужество и храбрость, проявленные при стычке и уничтожении германских разведов». Известно его изречение: «Жизнь не удовольствие и не развлечение, а крест».

Лир», «Гамлет». Ситуации не подгоняются «под ответ», пусть даже евангельский. И в «Короле Лире» есть Гортензия, и совершенно иной подход к теме в хронике «Король Генрих IV».

Но вот выбрал же Августейший переводчик почему-то именно финальную сцену – не потому ли, что опасность разочарования в детях подстерегает каждого отца? И горькие, и гневные филиппики старого короля аукнулись во все последующие столетия и коснулись велико-Княжеской семьи Константина Николаевича и Александры Иосифовны. Всю жизнь они старались вычеркнуть из сердца, из государственной деятельности, из права на престол сосланного в Ташкент беспутного своего сына Николая. А ведь он был внуком Николая Первого и, как и другие их сыновья, – Великим Князем Николаем Константиновичем.

Напомню сюжет отрывка в изложении К. Р.

Старый король, отец троих сыновей, Генрих IV смертельно болен. «Принцы и лорды переносят короля в глубину комнаты и кладут на кровать. Король просит, чтоб около него не было шума... Он велит положить свою корону подле себя на подушку и засыпает.

В это время, веселый и беспечный, входит принц Генрих; он уже знает о поражении мятежников и спрашивает, слышал ли о том король. Глостер отвечает брату, что отцу стало хуже... Все оставляют короля», кроме Генриха, «он остается при отце один».

Сон больного так глубок и покоен, что сын – принц Генрих – полагает, что он стоит у одра усопшего. Он надевает корону со словами:

«А мне твой долг – корона властелина,
Что мне, ближайшему по сану и по крови,
Принадлежит».
С тем и уходит.

Очнувшись ото сна, властитель, не находя короны, произносит горестный и гневный монолог, отозвавшийся эхом не только в историях монархических династий, но и в частных семьях, где есть отец и дети.

«Вот для чего отцы в безумном попеченьи
Сон губят думами, заботой – ум,
Трудами – тело,
Вот для чего скопляют груды злата,
С трудом добытого в чужих краях,
Вот для чего детей пекутся обучить
Художествам и ратному искусству!
Подобны пчелам мы: они со всех цветов
Собирают сладкий сок.
И, мед держа во рту и в ножках воск, летят
Обратно в улей свой... и словно пчел, в награду
За труд нас убивают... Горечь эта
Отцам заботливым предсмертное возмездье!»

Но, слава Богу, преемник не таков. Оплакивал он мнимую кончину отца и готов отречься от королевского венца, лишь бы не огорчать любимого родителя и великого короля.

К счастью, самому Константину Константиновичу подобные искушения не грозили. Блистательно переведенный им отрывок читается теперь как предостережение, как назидание на смену идущим.

Были у Великого Князя и иные тревоги, ибо с рождением жизни рождается и смерть. Он знал, как тяжок династический крест. Знал, что Император и его ближайшие родственники должны быть подобны атлантам, держащим на своих раменах небо над беспокойным Российским государством. Убийство Павла I, Александра II, пожар терроризма уже опалили его и его детей.

О том ли размышлял Константин Константинович, склонившись над колыбелью своего первенца «Иоанчика», Князя Иоанна Константиновича...

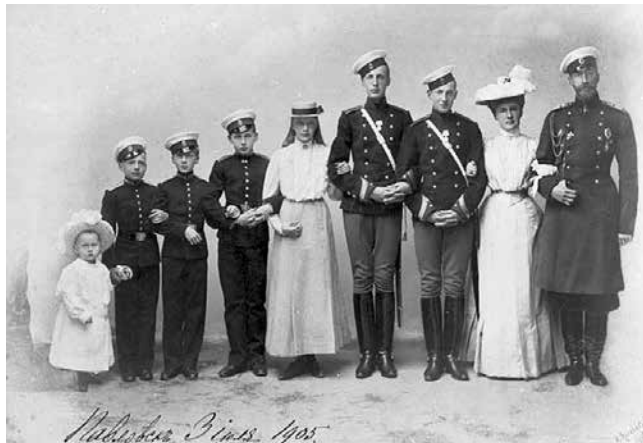
«...В тихом безмолвии ночи
С образа в грусти святой
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.
Сколько участия во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей...
Спи же! Еще не настали
Годы смятений и бурь!
Спи же, не зная печали,
Глазки, малютка, зажмурь!»

Второй сын – Князь Гавриил – вспоминал, как требователен к детям отец, как религиозен и дисциплинирован был мир детской. Зная характер и способности каждого из своих детей, Великий Князь не позволял унижать того, кто слабее. Чаще всего это касалось четвертого ребенка в семье – Князя Константина.

«По четвергам мы, вместо послеобеденных уроков, – писала Княжна Татиана, – ездили осматривать музеи, фабрики и всякие достопримечательности, и там обыкновенно были книги для посетителей. Когда доходила Костина очередь подписаться, он путал буквы, вздыхал, почти плакал: “Ах, зачем мне дали такое длинное имя”. Про него говорили, что он неумный. Тогда каждый раз отец возражал: «Он совсем неглупый, просто он не такой блестящий, как Олег».

Он (Костя) никак не мог решиться, в какой полк поступить. Отец помог ему: «...в мой любимый пехотный Лейб-гвардии Измайловский». Свое маленькое эссе о брате Княжна завершает фразой: «Измайловцы любили его».

Краткий рассказ о судьбе Князя Константина продолжила его младшая сестра Княжна Вера. «Во время войны 1914–1918 годов он спас полковое знамя и был награжден орденом св. Георгия IV степени.

Великий Князь Константин Константинович (1858–1915), поэтический псевдоним «К. Р.», внук Николая I, генерал от инфантерии, генерал-инспектор Военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, поэт, переводчик и драматург

Семья Князей «Константиновичей». Дети Великого Князя Константина Константиновича Романова и Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны (1865–1927)

Помню, как он пришел к завтраку, приехав в отпуск, и пошел к больному отцу, явиться. Меня от радости и волнения душили слезы: “у Кости – Георгий!” Он был моим крестным отцом, очень заботливым. Отличался большой добротой и шармом и характером скорее походил на мать».

Если бы развить содержание этих строк, наполнить их подробностями... Когда-нибудь и эта земная плоть жизни выйдет на свет из архивных лабиринтов.

Я уже писала о том, насколько провидческой оказались «Строфы» К. Р. «Севастиан-мученик». Автор словно пронизал завесу времен. И для поздних своих переводов избирал стихи, звучавшие, как охранительные молитвы.

Летом 1910 года в тихом, уединенном Осташеве он переводит «из Елены Энгельгардт» стихотворение «Жизнь песни». Снова, как в раннем произведении, посвященном его первенцу, – колыбель, небесные силы

Алапаевский мученик
Князь императорской
крови Константин
Константинович (1890–
1918) – сын Велико-
го Князя Константина
Константиновича, штабс-
капитан Лейб-Гвардии
Измайловского полка.
Во время Великой вой-
ны спас полковое знамя
и был награжден за это
орденом Св. Георгия IV
степени

над младенцем, на этот раз «Посланник рая //
С арфой ангельской в руках». Герою стихотво-
рения было дано повеленье свыше: «Пой, что
прожито тобой». И он пел «все, чем сердце
пламенело», все, через что проходит каждый
житель земли. И вот он уже – «престарелый
песнопевец»:

«...Шел по темному пути,
Возводя с надеждой взоры,
Пел о свете впереди».

О себе – «песнопевце» – писал К. Р.? Но ведь
и старший сын его Иоанн – пел. И его можно
назвать «псалмопевцем». Он был первым кти-
тором Спасо-Преображенского храма в Тяр-
леве. Специально для церковного хора этого
храма, построенного его попечительством,
написал духовную музыку на молитву «Ми-
лость мира». О себе ли, предчувствуя скорую
смерть, или о безвременной гибели сына ска-
жет он в последней строфе:

«...Не смолкая, должно петь мне
Все, что пережито мной,
До поры, когда, умчавшись
На серебряных крылах,
Жизнь другую, песнь иную
Я узнаю в небесах!»

В первые дни 1911 года в Мраморном дворце К. Р. обратился к по-
эзии Виктора Гюго. И перевел, словно благословив своих детей, сти-
хотворение «Надежда на Бога»:

«Надейся, о дитя! Все завтра, завтра, снова
И завтра, и всегда. Верь в Божью благодать!
Надейся, и когда заря зардеть готова,
Благословенья мы с надеждой будем ждать.
За грех, о ангел мой, нам суждены страданья.
Быть может, за святой молитвы лишний час,
Господь, благословив и слезы покаянья,
И грезы чистоты, – благословит и нас».

Все богатства своей щедрой души Великий Князь поделил поровну
между своими детьми. И даже поэтическую лиру завещал преемни-
ку – молодому одаренному Владимиру Палею – Князю императорской
крови.

II. Тярлево

14 октября 2008 года, в день Покрова Матери Божией, ранней электричкой я приехала в Павловск, чтобы успеть на Литургию в Спасо-Преображенский храм в Тярлево. Здесь было средостение памяти о двух сыновьях Великого Князя – Иоанне и Игоре. Они руководили строительством этого храма. Его задумали возвести в честь 300-летия Дома Романовых, и многие высокие персоны династии были причастны к материальному обеспечению строительства.

Дачный поселок Тярлево считался окраиной Павловского парка, принадлежавшего Великому Князю Константину Константиновичу. Он пожертвовал участок земли мерою до 600 кв. сажен, а Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Мария Павловна оказала денежную помощь на сооружение церкви. Пятьсот рублей благословила передать на постройку Императрица Александра Феодоровна.

Храм начал сооружаться в 1912 году, а был завершен и освящен 6 июля 1914 года. Вся предшествующая жизнь братьев была как бы приготовлением к этому деянию. Ступени храма стали первыми ступенями на восхождения Князей-братьев к святости. На протяжении трехсот лет среди Романовых не было никого, подобного Иоанну Константиновичу. Он сочетал в себе ратника и молитвенника, создав в единстве этих качеств образ воина Христова³.

Все дети великоКняжеской четы воспитывались в традиции православия. Корни древнего русского древа словно прорастали сквозь стены их детской. «Еще перед рождением первенца родители украсили комнаты для ребенка в стиле древних русских теремов» (из ст. Т. А. Алексеевой). Храм, иконы, причастие, молитва были главными каждодневными воспитателями детей, правилом, которое изначально согрето их сердечной любовью.

Дети воспитывались в равных условиях, но на Князе Иоанне лежала печать избранности. Его религиозность не от умозрительности, да и вся природа его не склонна к мудрствованию. Константин Константинович в дневнике оставил портрет сына: «И вот пролетело 20 лет со дня рождения нашего Иоанчика. Милый юноша, совсем еще мальчик, благочестивый, любящий, вежливый, скромный, немного разиня, не обладающий даром слова, не сообразительный, но вовсе не глупый и бесконечно добрый».

Духовным пристрастиям Князя Иоанна импонировал проект Спасо-Преображенской церкви, выполненный архитектором А. А. Захаровым в псковско-новгородском стиле. Пятикупольный, он словно восходил на Фаворскую гору, где преобразился Господь. Наверное,

³ Князь Иоанн Константинович в Первую мировую служил флигель-адъютантом и был награжден золотым Георгиевским оружием за храбрость, проявленную в ходе августовских боев 1915 года, при выполнении опасных для жизни заданий в качестве ординарца при штабе 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии.

усердием молодого старосты были обретены древние афонские иконы, подаренные Государем Николаем II. Двухъярусный иконостас изнутри поддерживал идею Фаворского восхождения и в росписях и иконах соответствовал замыслу.

Благоговение Князей, ставшее краеугольным камнем храма, воплотилось и в духовных песнопениях, слившихся с линиями стен и пятикратным небом куполов, и ликами святых.

В марте 1918 года Князь Иоанн Константинович ступил под своды «своего» храма сначала в качестве диакона, а через неделю – 10 марта – в сан священника. О хиротонии сообщали «Прибавления к Церковным ведомостям» № 7–8 от 2/ 15 марта:

«Посвящение в диаконы Князя Иоанна Константиновича.

3 марта в Иоанновском монастыре на Карповке, во время архиерейской Литургии, состоялось посвящение в диаконы Князя Иоанна Константиновича. В следующее воскресенье состоялось возведение его в сан иерея. Иоанн Константинович женат на Княжне Елене Петровне, с которой разводится, принимает монашество и будет, как ожидают, возведен в сан епископа»⁴.

Надо хорошо понимать, в какое время Князь Иоанн принял решение встать на священническую стезю и всецело посвятить свою жизнь Богу. В том же номере «Церковных ведомостей» помещено «Послание патриарха Тихона», обращенное к тем, кто «с поля ратного, пред лицом врага иноземного, бежит с оружием в руках, чтобы этим же оружием расстреливать друг друга в междоусобной войне». Уже начались «насилия над духовенством» и «захват церковного имущества». Святейший Патриарх и Священный Синод 15 / 28 февраля (в канун рукоположения Князя) обратились с «Призывом к пастырям», а значит, и к нему, будущему иерею Иоанну:

«Пастыри призываются крепко стоять на страже Святой Церкви в тяжкую годину гонений, ободрять, укреплять и объединять верующих в защите попираемой свободы веры православной и усилить молитвы о вразумлении заблудших».

В «Постановлении» Патриарх и Синод наставляли священников и мирян, как «священные сосуды и прочие принадлежности богослужения должно оберегать от поругания и расхищения... В случаях нападения грабителей и захватчиков на церковное достояние следует призывать православный народ на защиту Церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов...»

Так что Князь Иоанн хорошо понимал, на что идет. Внутренне готов был к любому повороту событий в стране и с ним лично. И с женой

⁴ Монашеский постриг принять Князь Иоанн уже не успеет. Через двадцать дней начнется Крестный путь священника-Князя Императорской Крови Иоанна. В самом начале апреля 1918 г. он со своими братьями будет выслан из Петрограда в Вятку, где первое время будет служить в соборе св. благоверного Князя Александра Невского.

Алапаевский мученик
Князь императорской
крови Иоанн Константи-
нович (1886–1918),
с марта 1918 года – свя-
щенник. На снимке с
женой – дочерью короля
Сербского принцессой
Еленой Петровной

хотел развестись не только потому, что готовился принять монашеский постриг, но чтобы тень его судьбы не пала на жену и детей. Разводом – уберечь, защитить.

Между строк позволю себе удивиться. Из двух журналов «Церковные ведомости», которые находятся в моем архиве, один оказался именно тот, № 7–8 за март 1918 года, с тем самым «Прибавлением», где речь идет о рукоположении Князя Иоанна. Знаю по опыту: Господь, когда приспееет время, положит в руку то самое, «единое на потребу».

Рукоположение во иереи – еще одна ступень, ведущая Князя Иоанна к святости и... к Голгофе.

Религиозная деятельность Иоанна Константиновича определяла каждый шаг его жизни, где бы он ни находился. Как и его отец, он был музыкально одарен, но слух и чувства Князя отдавали предпочтение песнопениям серафическим и мелодиям церковным. С детства воцерковленный, он знал и любил литургическую службу, был регентом хора придворной Мариинской церкви. Создал свой певческий духовный квартет, высокопрофессиональный. С ним участвовал в постановке драмы «Царь Иудейский», написанной отцом. Музыка А. К. Глазунова к спектаклю, по утверждениям специалистов, была сложна, особенно партии хора. Однако квартет Князя Иоанна справился с ними мастерски.

Единым возвышенным пафосом жили в знаменательный день постановки спектакля в Эрмитажном театре отец – Великий Князь Константин Константинович и трое его сыновей: Князь Иоанн и исполнители ролей Князя Константин и Игорь.

Разные следы оставляет на земле человек. Следы Иоанна Константиновича – от храма – к храму. Любимой святыней была Покровская церковь в Ореанде, построенная дедом Великим Князем Константином Николаевичем. Сохранилась телеграмма, опубликованная Т. А. Алексеевой, – посланная из Кореиза весной 1909 года: «Завтра буду служить обедню в Ореандской церкви». «Служить», возможно, в качестве чтеца или регента. В ту пору в Ореанде была и Великая Княгиня – вдова убиенного Великого Князя Сергея Александровича Елизавета Федоровна. Ей и адресовалась телеграмма. Наверное, никто из Дома Романовых той поры не был так духовно значим для Князя Иоанна, как настоятельница Марфо-Мариинской обители, чей крест-

ный путь в начале века был отмечен страданием и истинно христианским смирением перед волей Божией.

В 1913 году они вместе участвовали в торжествах прославления священномученика Патриарха Ермогена.

Потом, до смертной минуты, они понесут крест, ставший общим. В преисподней глубине шахты Елизавета Федоровна перебинтует израненную голову Иоанна полосками разорванного апостольника, и последнее – сверх силы – молитвенное пение живопогребенных вознесется из могильного ада к небу.

В годы Первой мировой войны фронтовая жизнь Князя Иоанна сочетала в себе исполнение воинского долга (в августе 1914-го он доставлял донесения начальнику дивизии) со служением почти священническим. Он понимал, как важно в условиях фронта достойно проводить убитых товарищей – всех, кто пал, без различия рангов. Когда позволяли обстоятельства, служил по ним заупокойную литию или панихиду и даже доброе прозвище обрел: «Иоанн Панихидный».

Служение Богу в помыслах и поступках Князя было непрерывным, и сердце его было подобно неугасимой лампаде. Незадолго до смерти отца, когда у больного участились приступы мучительной стенокардии, «во время одного из припадков Иоанчику прислали мантию св. Серафима Саровского», и сын принес ее отцу, – с благодарностью вспоминал этот случай Князь Гавриил. Он же пересказал шуточный эпизод.

В 1914 году «у Иоанчика родился первенец Всеволод Иоаннович. Он появился на свет в бывшей нашей детской спальне. Так как Иоанчик был очень религиозен, то братья его дразнили, что сын родится с кадиллом в руке. Поэтому они заказали маленькое кадило, и, как только Всеволод родился, ему вложили кадило в ручку. Так что Иоанчик впервые увидел своего сына с кадиллом в руке».

Братья «Константиновичи» спешили строить храмы в последние годы существования российской монархии. Умножали святые места, чтобы поддержать и укрепить в людях духовную опору. В 1916 году Князь Иоанн помогал основать в Стрельне подворье Шамординского монастыря. Его брат Князь Игорь участвовал в строительстве храма на могиле брата – Князя Олега в Осташево. Храм этот был посвящен святым Олегу Брянскому, Игорю Черниговскому и преподобному Серафиму Саровскому. Где, как не там, поминать братьев, павших за веру, Царя и Отечество: один – на поле брани, другой – живопогребенный «в рове глубоце»⁵.

Библейскими и древнерусскими именами нарекала своих детей великоКняжеская чета. Имя, говорят, есть судьба: и лежал ответ свя-

⁵ Князь Игорь Константинович (1894–1918). В начале Первой мировой войны вместе с братьями ушел на фронт, откуда в октябре 1915 был отправлен для лечения воспаления легких в Петербург. В связи с невозможностью по болезни продолжать службу на фронте отчислен в свиту Императора в чине флигель-адъютанта.

тых и русичей-Князей на Князьях и Княгинях императорской крови – «Константиновичах».

Князь Игорь крещен был 5 / 18 июня 1894 года в честь святого Князя – инока Игоря Ольговича Черниговского и Киевского. Блаженный Игорь, в схиме Георгий, в 1147 году убит был толпой киевлян, противников черниговских Князей. И не посмотрели убийцы на то, что смиренно жил он в Киевском Феодоровском монастыре. На вече решили они убить Игоря. Напрасно уговаривали их митрополит, Князь и бояре. Толпа ворвалась в монастырь и выволокла инока Георгия из храма во время Литургии. Князь Владимир с братом отбили у толпы ее жертву и привели во двор матери. Но народ и во двор вломился и убил несчастного в сенях терема. Потом толпа надругалась над телом: к ногам привязали веревки и, протащивши через город, его бросили на Подоле, нагого и окровавленного. Во время погребения его разразилась необычайно сильная гроза. Были и другие знамения, и тогда многие стали чтить его как святого⁶.

Толпой большевиков-изуверов был брошен в шахту Князь Игорь Романов. Через двадцать четыре года от дня рождения, в день крещения 5 / 18, но в месяце июле, Игорь Константинович был зверски умерщвлен. Недаром перед его рождением, весной 1894 года, «случился пожар в Стрельне, в детской, в которой жили Татиана, Костя и Олег... Слава Богу, детей вовремя вынесли» (из книги Князя Гавриила Константиновича⁷).

И другой был знак, как бы возвещающий о том, что опалены огнем будут жизненные пути Августейших детей. Это случилось в Стрельне 21 августа 1911 года, во время свадебных торжеств в честь Князя Иоанна Константиновича и сербской принцессы Елены Петровны. Князь Гавриил запомнил необычное событие и рассудил его как некий «перст указующий». «В Стрельне не было электричества, и потому в люстры, висевшие в зале, были вставлены свечи. Во время обеда свечи стали падать на пол, одна за другой... После того, как произошла революция и Иоанчик пал одной из многочисленных жертв, можно считать падение тех свечей плохим предзнаменованием, но вряд ли тогда это приходило кому-нибудь в голову».

Князь императорской крови Олег Константинович (1892–1914)

13 марта 1918 года, в канун своего ареста, Его Высочество Князь Иоанн, будучи уже в сане иерея, подал ходатайство о награждении причта Мариинской церкви г. Павловск

⁶ Федотов Георгий. Святые Древней Руси. М., 1990.

⁷ Князь Гавриил (1887–1955) в Первую мировую вместе с братьями ушел на фронт, участвовал в боях, храбро сражался и даже сумел вывести часть из окружения. В 1918 году 15 августа был арестован и провел в тюрьме около месяца. Спасен от расстрела Максимом Горьким, уехал в Финляндию, а затем в Париж, где написал книгу воспоминаний.

и Спасо-Преображенского храма в Тярлево. Он подал это прошение в Святейший Синод уже после падения династии Романовых в феврале 1918 года, надеясь защитить свое детище – духовное убежище местных прихожан.

Крестный путь своих строителей и благоукрисителей разделил и повторил созданный Князьями Иоанном и Игорем храм в Тярлево. Какое-то время, с 1906 по 1920 годы, храм еще держался, конечно, и молитвами тогда еще не прославленного Церковью преподобного Серафима Вырицкого (1866–1949). В то время будущий святой Серафим, тогда Василий Николаевич Муравьев, жил в Тярлево и, скорее всего, тоже вносил свою денежную лепту на строительство храма, а в какие-то годы был и его ктиторм.

Алапаевский мученик
Князь императорской крови
Игорь Константинович
(1894–1918)

Настоятелем же храма с 1923 и по сентябрь 1937-го, вплоть до своего ареста, был протоиерей Сергей Червяковский. Мужественный ратник за веру Христову, он, вместе со всей церковной двадцаткой, был арестован и расстрелян, а храм закрыт и осквернен. После этого церковь уже не действовала, в ней «устроили клуб, однако, по словам старожилов, в него никто не ходил».

Поправление храма неотвратимо продолжалось во все время забвения алапаевских мучеников. «В июне 1946 года он был передан предприятию и вскоре обнесен высокой стеной»⁸.

В разгул хрущевских гонений на веру по всей России пронесся смерч разрушений храмов и новых репрессий духовенства и верующих.

В Тярлево снесли все пять глав храма. В само здание вторгся один из цехов военного завода. Была разобрана колокольня. Церковная земля стала стремительно застраиваться, храм «взяли в плен», исказив истинное его предназначение, чтобы состоялось «преображение» наоборот: из светлого – в беспросветное.

III. Обвинительный акт

Расследованием убийства Князей Дома Романовых и Великой Княгини Елизаветы Федоровны с инокиней Варварой история обязана прежде всего Николаю Алексеевичу Соколову – судебному следователю по особо важным делам Омского окружного суда. После большевистского переворота он ушел из Пензы, переодевшись крестьянином, пешком добрался до Сибири, к адмиралу А. В. Колчаку. Последний

⁸ Храм-памятник Спасо-Преображения. СПб. – Павловск, 2005.

и поручил Н. А. Соколову произвести следствие по делу об убийстве Царской семьи и алапаевских мучеников. После падения Верховного Правителя А. В. Колчака следователю удалось пересечь Сибирь и эмигрировать в Европу, спасая следственные материалы и вещественные доказательства.

«Правдивым рассказом я полагал бы послужить моему родному народу», – писал Николай Алексеевич в предисловии к своей книге «Убийство Царской семьи». Она вышла в свет чрез год после его смерти, в 1925 году. «Никакой исторический процесс немислим вне представлений прошлого. В этом нашем прошлом – тяжкое злодеяние: убийство Царя и его семьи» и, добавлю, – алапаевских мучеников. Последняя глава книги им и посвящена.

Автор книги, а лучше сказать, обвинительного акта, начинает ее с событий «в ночь на 18 июля 1918 года», когда все алапаевские узники «исчезли из Алапаевска, а утром большевики расклеили по городу объявления, что их «похитили белогвардейцы».

Этой последней в их жизни, роковой ночи предшествовала ссылка – сначала в Вятку, затем в Екатеринбург «с правом свободного проживания». Иерей-Князь Иоанн даже пел на клиросе в вятском соборе св. Александра Невского. В Екатеринбурге стоял службу в соборе Князь Владимир Палей. Жили они в гостинице «Эльдорадо», а Великий Князь Сергей Михайлович – на частной квартире. Супруге Иоанна Константиновича Елене Петровне позволили сопровождать его в ссылку. Жить «в номерах» ссыльным было дорого, и через П. А. Леонова они искали квартиру. Он же – Леонов, показывая белогвардейским следователям, говорил, что «предлагал Князю Игорю скрыться и предлагал свой паспорт ему». Возможно, из провокационных целей, но, так или иначе, – «Игорь Константинович говорил, что он не сделал ничего худого перед Родиной и не считает возможным поэтому прибегать к подобным мерам». «Во вторник, на Фоминой неделе, какой-то красноармеец принес ему бумагу. Там говорилось, что все Князья должны переселиться в Алапаевск, согласно постановлению “местных комиссаров”».

IV. Алапаевск

Транссибирская магистраль идет мимо станции Алапаевск. В 1912 году к нему из Екатеринбурга протянули ветку. Необходимость ее диктовало бурное развитие промышленности на Урале. Основанный еще при Петре I в 1704 году, Алапаевск был одним из первенцев металлургии. Славился выпускаемым на местном заводе кровельным железом – не только в России. Говорили, что железо с клеймом «Старый сибирский соболь» могло не ржаветь более ста лет.

В середине XIX столетия в Алапаевске жила семья Чайковских. Глава семьи Илья Петрович был управляющим Алапаевскими и Нижневьян-

скими заводами. В этом уральском городе родились младшие братья Петра Ильича – близнецы Анатолий и Модест.

Накануне Первой мировой войны Великая Княгиня Елизавета Федоровна объезжала церкви и монастыри Урала. Посетила и заштатный город Алапаевск Верхнетурского уезда Пермской губернии. Можно с уверенностью предположить, что молилась она и в Свято-Троицком соборе, где 1 ноября 1918 года отпоют и ее, и семерых с ее союзников.

Пятью месяцами раньше их привезут в «Напольную школу», на краю города, и разместят в «четырёх больших и двух малых комнатах с коридорной системой. В одном из помещений находился караул, всегда из шести лиц». По словам Великого Князя Сергея Михайловича, «по большей части хулиганов». Да и приходящая повариха Кривова в показаниях следователям Колчака говорила о «хороших» и «плохих красноармейцах». «Австрийцы... были чрезвычайно грубы и по ночам, почти через час, врываются в комнаты Князей и производили обыски».

Узники знали, что обречены. Тем удивительнее их спокойствие, полное достоинства и покорности воле Божией. Поначалу режим был довольно свободный. Им разрешали гулять в поле, ходить в церковь и возделывать захламленный и запущенный участок земли при школе. «В огороде работали все, Князья и Княгиня, – подтверждает повариха Кривова и ее помощница Замятина, – и своими руками наделали гряды и цветочные клумбы; во дворе также все вычистили и привели в порядок, так что получился чистый и уютный уголок, где Князья нередко под открытым небом пили чай, читали и беседовали». Доступному островку земли возвращали ее райское предназначение.

«21 июня жизнь узников резко ухудшилась, – вновь обращаюсь к свидетельским показаниям из книги Н. А. Соколова, – был установлен тюремный режим, было отобрано имущество и деньги». Прогулки категорически запрещались.

К этому времени в Перми уже был инсценирован «побег» арестованного брата Царя Великого Князя Михаила Александровича, на самом деле – тайно расстрелянного 11 июня вместе со своим секретарем Николаем Джонсоном. Это был новый акт трагического фарса.

V. «Дьявола дети»

По тому же сценарию развивались события в Алапаевске.

Предварительно выдворили лишних свидетелей: доктора Гельмерсена, двух лакеев и монахиню Екатерину Янышеву. Супруга Князя Иоанна Елена Петровна срочно выехала, чтобы в центре хлопотать об освобождении мужа и повидать оставленных у бабушки в Петрограде двух своих малышек. Чекисты пресекли ее путь и разрушили планы: Елену Петровну арестовали в Екатеринбурге. Вместе с заключенными – графиней А. В. Гендриковой, А. В. Шнейдер и всей сербской мис-

Преподобномученица Великая Княгиня Елизавета Феодоровна (1864 – 18.7.1918), сестра Царицы-страстотерпицы Александры, настоятельница основанной ею Марфо-Мариинской обители. (По воспоминаниям схимонахини Анны (Тепляковой), 9 апреля 1910 года Елизавета Феодоровна была тайно пострижена в схиму с именем Алексия в честь святителя Алексия, митрополита Московского. Постриг над нею, скорее всего, совершил митрополит Владимир – первый из новомучеников Российских)

Преподобномученица Варвара (Яковлева) (†1918 г.), келейница матушки, крестовая сестра Марфо-Мариинской обители

сией она была отправлена в Пермь. Трупы расстрелянных А. В. Гендриковой и А. В. Шнейдер позже нашли за городом. Сербскую принцессу Елену Петровну убить не решились, видимо, боясь международных осложнений, перевезли в Москву, где полгода держали в тюрьме. Врач-психиатр С. Мицкевич «констатировал у нее психоневроз в стадии тяжелого психического угнетения... с приступами острой тоски, с мыслями о самоубийстве»

Об освобождении Княгини хлопотали сербский посланник Сполайковский и норвежский атташе Томас Христиансен. Наконец в декабре 1918 года Елена Петровна покинула Россию.

17 июля 1918 года, в день, когда в Екатеринбурге была злодейски убита вся Царская семья, в Алапаевске готовилось новое чудовищное преступление. Разыгрывалась новая дьявольская мистификация. Заключенным объявили, «что ночью все они будут перевезены в Верхне-Синячихинский завод, приблизительно в пятнадцати верстах от Алапаевска» (Н. А. Соколов).

Ночью произошла прелюдия кровавого спектакля: «около здания школы стали раздаваться разрывы гранат, слышались ружейные выстрелы». Инсценировали похищение узников белогвардейцами. «Комиссар Смольников матерился и уверял красноармейцев, что похитители увезли арестованных “на аэроплане”». Полетели лживые те-

леграммы в областной совдеп, а оттуда – в Совнарком Председателю ЦИК Свердлову и иже с ним – Зиновьеву и Урицкому: «были похищены, есть жертвы с обеих сторон, поиски ведутся», то бишь адресовались к главным «драматургам» дьявольской мистерии. Нашелся и труп – заранее расстрелянный житель Алапаевска, якобы жертва перестрелки.

Режиссеры и исполнители – «от лукавого» – играли зловещий фарс, отлично зная, кто «похитил» и куда «увезли» алапаевских узников. Страна – от Петрограда до Урала – превратилась в зловещую сцену. Актеры в масках «борцов за правое дело» перекидывались телеграммами, расписывали циничный «вестерн о похищении» в газетах.

Алапаевский мученик Великий Князь Сергей Михайлович (1869 – 1918) – внук Императора Николая I, генерал-инспектор артиллерии

О таких когда-то сказал Господь: *«Вы – дьявола дети!»*

Когда армия А. В. Колчака пришла на Урал, повариха Кривова дала «нить для расследования», сказав, что узников «собирались везти в Синячиху». Отыскались и два случайных свидетеля, которые ночью 18 июля встретили упряжки, везущие «коробки» – закрытые фургоны. «10–11 коробков, в каждом по два человека, без кучеров на козлах». «Ни криков, ни разговоров, ни песен, ни стонов – вообще никакого шума я не слышал: ехали все тихо-мирно».

Глаза узников были завязаны черными повязками. Привезли их на заброшенный железный рудник – в стороне от Синячихи.

«Шахта имела в глубину 28 аршин (то есть более 20 метров). Стенки ее были выложены бревнами. В ней было два отделения: рабочее, через которое добывалась руда, и машинное, куда ставились насосы для откачки воды. Оба отделения были завалены множеством старых бревен» (Н. А. Соколов).

У края ямы Великий Князь Сергей Михайлович «схватил за полу пиджака местного большевика Плишкина и чуть не увлек его за собой в шахту, оборвав полу его пиджака», – как показывали на допросе чекисты-расстрельщики. Выстрел в темя прервал жизнь Великого Князя. Но первыми были сброшены в шахту Великая Княгиня Елизавета Федоровна и Князь-иерей Иоанн Константинович. Существует версия, что они упали рядом на выступ и что раны на голове Князя Иоанна были перевязаны Елизаветой Федоровной, сумевшей порвать на бинты свой апостольник. «На груди ее была икона Спасителя с драгоценными камнями. По моим сведениям, – пишет Н. А. Соколов, – перед

Алапаевский мученик
Князь Владимир Павлович
Палей (1896–1918), сын
Великого Князя Павла
Александровича, поручик
Лейб-Гвардии Гусарского
полка; поэт

этой иконой молился Государь перед отречением от престола и передал ее затем Елизавете Федоровне. На обороте надпись: «Вербная Суббота. 13 апреля 1891 года». Дата, когда Великая Княгиня приняла православие.

Была икона и в кармане пальто Князя Иоанна. «Образ стерт, но на обратной стороне сохранилась надпись: «Сия святая икона освящена. На молитвенную память отцу Иоанну Кронштадтскому от монаха Парфения (Афонского Андреевского скита) г. Одесса 14 июля 1903 года». «Возможно, – предполагает Т. А. Алексеева, – эта икона была подарена Князю Иоанну на Карповке, где над ним была совершена хиротония»⁹.

Пальцы правых рук мучеников Елизаветы и Иоанна, а также инокини Варвары, были сложены для крестного знамения. Князь Владимир Палей был найден сидящим. Видимо, у него хватило сил сесть.

На мучеников, чтобы добить тех, кто еще подавал признаки жизни, сверху бросали землю, песок с хвоей, доски, столбы, гранаты. Но гранаты не разорвались...

Игумену Серафиму, впоследствии провожавшему тела убиенных до Пекина, неизвестный крестьянин рассказывал, «что ночью 18 июля возле этой шахты слышалось церковное песнопение, которое якобы продолжалось в шахте и весь следующий день». Чтобы окончательно умучить заживо погребенных, чекисты зажгли большой кусок серы и бросили его в шахту. Затем снова засыпали яму землей. Руководил изуверами начальник алапаевского ЧК Говырнин.

VI. Посмертные мытарства

В дальнейшем описании событий я буду опираться в основном на тщательно собранные историком Сергеем Владимировичем Фоминым и скрупулезно исследованные им факты, размещенные в интернете 10 января 2005 года под названием: «Алапаевские мученики: убиты и забыты». Он приводит свидетельства лиц, участвовавших в извлечении тел, когда южный Урал был освобожден от красных армией А. В. Колчака.

Было зафиксировано знаменательное явление: трупы убитых пролежали в шахте три месяца, однако «тело Великой Княгини Елиза-

⁹ «Константиновские чтения». Великий Князь Константин Константинович: К 150-летию со дня рождения. Сборник материалов научной конференции 15–16 октября 2008 года. СПб., 2008.

веты Федоровны... было найдено совершенно нетленным; на лице ее сохранилось выражение улыбки, правая рука была сложена крестом, как бы благословляющая. Тело Князя Иоанна Константиновича поддалось лишь частичному и весьма незначительному (в области груди) тлению...»

«После вскрытия тела почивших были омыты, одеты в чистые белые одежды и положены в деревянные гробы, снабженные внутри футлярами из кровельного тонкого железа». В кладбищенской церкви, куда сначала перенесли гробы, «отслужили заупокойную всенощную. Народу пришло столько, что храм не вместил всех пришедших проститься с августейшими страстотерпцами. ...На следующее утро (19 октября / 1 ноября), подняв гробы на рамена, понесли их сначала к Напольному училищу; там отслужили литию, затем – в Свято-Троицкий собор... Там совершили отпевание. Народу было еще больше, чем накануне: пришло множество богомольцев из соседних деревень. Многие плакали навзрыд», – вспоминал игумен Серафим (Кузнецов)¹⁰.

Журналист Гелий Рябов в конце 90-х годов прошлого века встретился в Алапаевске с «пожилой женщиной с хорошими манерами, Августой Семеновной». Она в огненном 18-м году училась в местной гимназии и участвовала в похоронах Великого Князя Сергия и остальных мучеников. «Вы бы слышали, – рассказывала она журналисту, – как рыдала толпа, когда их несли в гробах по улице (в октябре 1918 г.)... Гелий Рябов пишет еще об одной встрече в Алапаевске. И снова от непереносимой боли сжимается сердце.

Подошел «человек средних лет, интеллигентного обличья... протянул мне шарф: длинный, невероятно длинный... Кажется, он был шелковым, черно-серым, с мягким рисунком... И я отчетливо увидел Великих Князей посередине улицы... и на плече у Князя Игоря трепетал на ветру этот самый шарф...» Шарф взяли в морге: «там вещи с покойников сваливали в кучу, и каждый брал, что хотел – на память»¹¹.

Несколько лет назад мне довелось быть в Алапаевске. Тогда я еще не знала, что буду писать эту книгу, но душе, верно, надо было прикоснуться к живой памяти самой алапаевской земли и к храмам, молитвенно упокоившим страдальцев. Приуготовиться.

Нам открыли двери склепа, примыкающего к Свято-Троицкому собору. Пустой, он был полон памяти о восьмерых мучениках, чьи тела покоились здесь во гробах в течение восьми месяцев, чтобы в июле 1919-го продолжить свой скорбный посмертный путь.

Игумен Серафим, разделивший их крестный путь за гробом, в 1920 году в Пекине в своей книге восстановил житийную картину перенесения гробов в склеп. «После отпевания певчие пели стихиры св. Иоан-

¹⁰ Во время последней встречи в Москве весной 1917, уже после переворота, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна просила о. Серафима: «Если меня убьют, то прошу вас похоронить меня по-христиански».

¹¹ Рябов Г. Т. Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М.: Политбюро, 1998.

на Дамаскина. После прощания гробы были взяты на руки и при пении “Святой Боже”, при перезвоне колоколов и звуках духового военного оркестра, исполнившего гимн “Коль славен наш Господь в Сионе”, были перенесены в каменный склеп, где и были поставлены. Вход в склеп был заложен кирпичом.

Пройдут годы, пройдут столетия, но чем дальше будет удаляться день их праведной кончины, тем ярче будет виден их светлый образ душевной чистоты»¹².

Игумен Серафим (Кузнецов), (1873–1959). Упокоился в Иерусалиме в Малой Галилее

Намогильная плита с надписью «Русский священно-игумен Серафим, начальник Свято-Серафимовского скита Пермской епархии. Он привез гроб с телом мученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны в Иерусалим в 1920 году»

Батюшка Серафим не обманулся в своем предначертании. Так – по Божьей воле и по его слову – и происходит. Какая-то часть народа русского излечивается от исторического и нравственного беспамятства, и уж на слуху некоторых – имена, жития, лица и лики алапаевских страстотерпцев.

И еще об одной своей надежде пишет игумен Серафим: «Наступит время, настанет час, когда исполнится желание почивших – быть костями среди родных в земле родной».

Святые мученицы Елизавета и Варвара обрели для всех родную иерусалимскую землю, упокоились в храме во имя св. Марии Магдалины. Что же считать «землей Отечества» для остальных алапаевских мучеников?

¹² Серафим (Кузнецов), игумен. Мученики христианского долга. Пекин, 1920. Отец Серафим известен как основатель Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря и как автор книг о царевубийстве в Екатеринбурге и об алапаевском злодеянии. Книги эти были изданы в Китае в 1920 году, вскоре после описываемых отцом Серафимом кровавых событий. Там же отец игумен рассказал и о посмертных мытарствах останков восьмерых алапаевских убиенных.

VI. Читинское чудо

В июле 1919 года красные войска вновь подходили к Алапаевску. Нужно было спасти тела погибших от поругания. Согласно указаниям генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, сопровождать гробы алапаевских мучеников должен был игумен Серафим, духовник Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

В Алапаевске все восемь гробов погрузили в товарный вагон. Отец Серафим один сопровождал свой страшный и святой груз. Путь лежал в Читу сквозь строй большевистских кордонов. В специальном докла-

В ноябре 1920 года при содействии сестры Елизаветы Федоровны, принцессы Виктории, и во исполнение ее собственного желания, два гроба (Великой Княгини Елизаветы и инокини Варвары) из Пекина были перевезены в Иерусалим в крипту церкви св. равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании. После их прославления РПЦЗ в лике святых в 1982 г. мощи преподобномучениц были перенесены в храм монастыря

де игумен Серафим сообщал: «От Алапаевска до Тюмени ехал в вагоне с гробами 10 дней, сохраняя свое инкогнито, и никто не знал в эшелоне, что я везу восемь гробов. Это было самое трудное, ибо я ехал без всяких документов на право проезда, а предъявлять уполномочия было нельзя, ибо тогда бы меня задержали местные большевики, которые, как черви, кишели по линии железной дороги. Когда я прибыл в Ишим, где была Ставка Главнокомандующего (Григория Михайловича Семенова, Главнокомандующего всеми вооруженными силами

Дальнего Востока), то он не поверил мне, что удалось спасти тела, пока своими глазами не убедился, глядя в вагоне на гробы. Он прославил Бога и был рад, ибо ему самому лично жаль было оставлять их на поругание нечестивых. Здесь он дал мне на вагон открытый лист, как на груз военного назначения, с которым мне уже было легче ехать и сохранять свое инкогнито.

Предстояла еще одна опасность в Омске, где осматривали все вагоны. Но Бог и здесь пронес нас, ибо наш вагон, вопреки правил, прошел без осмотра. Много было и других разных опасностей в пути, но всюду за молитвы Великой Княгини Бог хранил и помог добраться до Читы, куда прибыл 16 / 29 августа 1919 года. Здесь злоумышленниками было устроено крушение, но наш вагон спасся по милости Божией. ...От Алапаевска до Читы ехал 47 дней. Несмотря на то, что гробы были деревянные и протекали, особого трупного запаха не было, и никто, ни один человек не узнал за это время, ЧТО я везу в вагоне, в котором я ехал сам с двумя послушниками, которых взял в Тюмени».

Из гроба Великой Княгини Елизаветы Федоровны вытекала благоуханная жидкость, которую отец Серафим собирал, как святыню, в бутылочки.

30 августа в Чите тела мучеников встречали русские и японские офицеры. «При содействии атамана Семенова, – продолжает свое скорбное повествование игумен Серафим, – и японских властей гробы в глубокой тайне были перевезены в Покровский женский монастырь, где почивали шесть месяцев в келии под полом, в которой я в это время жил». Как неусыпный страж, как ангел-хранитель, охранял он покой погибших. «Здесь, – писал он, – совершалась молитва, исходили струи кадильного благоухания и мерцала неугасимая лампада».

Помощник следователя Н. А. Соколова капитан П. П. Булыгин провел много часов в этой келии и даже не раз ночевал там. Те ночи в монастырских стенах принесли совершенно необычные переживания мирскому человеку. «Я никогда не забуду, – писал капитан, – тех старых, как мир, деревянных строений напротив соснового леса... Отец Серафим и два его послушника выкопали склеп под полом его келии, поставили в ряд гробы, прикрыв их всего на одну четверть землей. Таким образом, ночуя на разостланной на полу келии... шинели, я лежал всего на четверть над гробами мучеников.

Однажды ночью я проснулся и обнаружил монаха сидящим на краю своей постели... Он выглядел худым и изможденным в своей длинной белой рубахе и неслышно шептал: “Да, да, Ваше Высочество, Вы совершенно правы...” Отец Серафим явно разговаривал во сне с Великой Княгиней Елизаветой»¹³.

¹³ Двуглавый Орел. Вып. 2. Берлин. 1920. 15/ 28 декабря. С. 28–29. Цит. по: *Сергей Фомин*. Алапаевские мученики: убиты и забыты. Часть I. Звенигород.

С. В. Фомин приводит еще одно свидетельство о явлении Елизаветы Федоровны в читинском соборе, где осенью 1919 г. служил перед эмиграцией митрополит Нестор Камчатский. Трудно удержаться, чтобы вслед за Фоминым не повторить этот эпизод:

«Во время совершения малого входа все священнослужители выходят из алтаря на середину храма. ...Митрополит Нестор стоит посредине храма на приготовленном для него амвоне. В это время владыка видит, как из левого придела, живая, выходит Елизавета Федоровна. Молится перед алтарем и последняя подходит к нему. Он ее благословляет. Все переглядываются. Кого он благословляет? Пустое место?.. “Владыка, малый вход!” Но владыка Нестор никого не слышит. Радостный, сияющий, он входит в алтарь. В конце обедни говорит настоятелю: “Что же ты скрываешь? Елизавета Федоровна жива! Все неправда!” Тогда настоятель заплакал: “Какой там жива! Она лежит под спудом. Там восемь гробов”. Но владыка не верит: “Я видел ее живую!”»¹⁴.

VII. На русскую землю – в Пекин

Через полгода возникла настоятельная необходимость покинуть Читу и по распоряжению генерала М. К. Дитерихса тайно отправить траурный кортеж в Китай.

Когда прослеживаешь пунктир немислимо далекого пути, проделанного лежащими в гробах, представляется, что они совершали крестный ход по необозримым пространствам Урала, Сибири, Китая... Что они, по воле Божьей, уже почивали во святых и собою освящали земли, на которых предстояло пролиться морям крови и слез.

Надо с благодарностью вспомнить атамана Г. М. Семенова и его бывшую возлюбленную М. М. Семенову-Глебову, которые финансировали дальнейшее перемещение мучеников.

«До станции Хайлар, – докладывал далее игумен Серафим, – я доехал без всякой охраны, инкогнито, благополучно. Здесь же на несколько дней власть переходила к большевикам, которые мой вагон захватили, вскрыли гроб Иоанна Константиновича и хотели над всеми совершить надругание. Но мне удалось быстро попросить командующего китайскими войсками, который немедленно послал свои войска, которые отобрали вагон...»

В Пекин траурный поезд прибыл 3 / 16 апреля 1920 года – в Светлую Пятницу. Никто из членов российского посольства встретить его не явился. Но на вокзале приехавших ожидал крестный ход, возглавляемый архиепископом Иннокентием¹⁵. Рано утром они вышли с территории Русской Духовной Миссии в Китае и затем, по прибытии гробов,

¹⁴ Перевезение тела и погребение Великой Княгини Елизаветы Феодоровны // Двуглавый Орел, № 6. Берлин. 1921. 15 / 28 апреля. С. 35. Цит. По: *Сергей Фомин*. Алапаевские мученики: убиты и забыты. Часть I. Звенигород.

¹⁵ Митрополит Иннокентий (Фигуровский), (1864–1931), архиепископ Пекинский (апрель 1918).

С апреля 1920 года все восемь гробов с мощами алапаевских мучеников покоились в склепе при церкви Серафима Саровского на кладбище в 2 км от Пекина

перенесли их в церковь прп. Серафима Саровского на кладбище Духовной Миссии. Среди встречавших было много православных китайцев.

Сама Духовная Миссия и кладбище ее в двух верстах от Пекина еще с 1689 года стали островком русской земли в Китае. Не потому ли Господь направил путь страдальцев именно туда? История Миссии началась после заключения Нерчинского договора между Россией и Китаем.

«Китайские власти разрешили попавшим в плен казакам-албазинцам отправлять православное богослужение. По указу Императора Канси, в Пекине была выделена небольшая территория для сооружения православной церкви. В 1700 году Петр I приказал из учрежденной тогда Тобольской Духовной миссии двух-трех человек посылать в Пекин. В 1712 году цинское правительство дало согласие на деятельность Миссии, которая началась в 1715 году»¹⁶.

С того времени и началось преобразование участка китайской земли в русскую, христианскую. Свыше приуготовлялась она принять через два столетия тела святых российских новомучеников и, вопреки всем препятствиям, оставить их в ней как залог распространения имени Христова еще в одной стране мира.

В 1900 году случилось тяжелейшее испытание как для православных в Китае, так и для католиков и протестантов, и особенно для китайцев, принявших христианскую веру. Так называемое «Ихэтуаньское восстание» (Боксерское восстание) мало знает соперников в жестокости даже в сравнении с новейшими временами. Словно вся сатанинская рать поднялась на исповедников Слова Христова. С бешеной злобой ихэтуани осаждали русское посольство, громили Русскую Духовную Миссию, а также миссии других христианских конфессий.

¹⁶ Орлов О. В. Русская Духовная Миссия в Пекине в первые десятилетия XIX века // Новая и новейшая история. 1998, № 6.

Французский писатель-журналист Пьер Лоти в своих письмах под общим названием «Индия – Китай» оставил свидетельства этого кровавого шабаша:

«В этой пыльной долине когда-то были расположены христианские кладбища... здесь царят ужас и полный хаос. Китайцы вырыли самые старые кости, останки миссионеров, спавших в земле уже три века, изломали их, с бешенством сложили в груды и предали огню, чтобы, согласно своим верованиям, уничтожить малейшие остатки их душ.

Невдалеке жили добрые сестры-монахини, содержали школу для маленьких китайнок. От их скромного домика остались только груды кирпичей и золы; вырваны даже деревья их сада и в насмешку посажены обратно в землю корнями вверх.

Испорченные колодцы монастырского сада наполняют все окрестности трупным запахом. Боксеры засыпали их до самых краев телами маленьких учеников и трупами христиан, живших в окрестностях. На них – следы пыток.

Все жили посреди постоянного грома и грохота, среди постоянно-го града картечи или камней. ...раздавались трубные звуки боксеров или звон их ужасных гонгов. Их угрожающие громкие крики: “Ча, ча!” (Убьем, убьем!) или “Чао, чао!” (Сожжем, сожжем!) наполняли город как бы воем громадной несущейся за зверем стаи.

...А героизм, скромный героизм бедных христиан – китайцев, которые укрылись в епископстве. Они знали, что одно слово отречения, один знак почтения, отданный буддийским идолам, доставили бы им полную возможность жить, а между тем остались верными, несмотря на мучительный голод, несмотря на уверенность в ужасной смерти. Около пятнадцати тысяч их братьев были сожжены, разорваны на части и брошены в реку за новую веру»¹⁷.

Двести двадцать два православных китайца погибли, защищая Русскую Духовную Миссию. Наверное, их было больше – двести двадцать два из них, по представлению начальника Русской Духовной Миссии архимандрита Иннокентия Святейшему Синоду, были признаны святыми. В этой книге представлена посвященная им икона.

Христианская кровь, без различия китайской или русской наций, обагрила и осватила китайскую землю. Последствия религиозной войны, учиненной ихэтуанями, казались невосполнимы: Русская Православная Миссия была разорена, Успенский храм сожжен, осквернено кладбище Миссии.

Однако русские войска под командованием генерала Н. П. Линевича в соединении с союзными, в частности, французскими войсками 1 августа 1900 года штурмом взяли Пекин.

Святейший Синод в своем определении от 22 апреля 1902 года благословил на месте разоренной церкви Миссии устроить храм во имя

¹⁷ Вестник иностранной литературы. СПб. 1902.

Всех Святых Мучеников Православной Церкви со склепом для погребения в нем всех за веру православных китайцев избивенных, установив им ежегодное празднование 10 и 11 июня.

Глубокий мистический смысл есть в обретении останков алапаевских мучеников именно здесь, на многострадальной островке русской земли посреди огромного Китая. Митрополит Китайский и Пекинский Иннокентий наиболее глубоко понял смысл происходившего. Вспоминая тот день, когда гробы с останками Августейших мучеников были перенесены в церковь прп. Серафима Саровского, владыка говорил: «... когда раздалось пение тропаря “Да воскреснет Бог”, настроение наше резко изменилось и на душе стало радостно. Верилось, что Господь не допустит окончательной гибели России, и Россия вновь восстанет в прежнем величии и мощи, славя Воскресшего из Мертвых».

Какое-то время святые мученики-китайцы и Царственные страстотерпцы почивали под сенью одного храма. Он был воздвигнут во имя Всех Святых Мучеников на земле, приобретенной епископом Иннокентием на деньги контрибуции, полученные за разорение Русской Миссии – от последнего китайского Императора династии Цин. В склепе под храмом в шести больших каменных гробах и были упокоены двести двадцать два китайских мученика.

В этот склеп в 1938 году были перенесены пять гробов с телами Князей-мучеников и Федора Ремеза¹⁸. Боялись новой смуты, ибо Япония уже начала свое вторжение в Китай.

Но и на этом посмертные мытарства страдальцев не окончились. В 1943 году в присутствии делегатов эмигрантских комитетов Пекина, Тяньцзиня, Шанхая, двух врачей и других персон перекаладывали тела убиенных в новые гробы из толстого цинка на красивых медных ножках. Предварительно останки обмывали, переодевали во все новое...

По мистическому счету, возможно, все это происходило для того, чтобы удостоверить присутствовавших в признаках святости мучеников.

Выдержка из записки «Алапаевские мученики», подписанной иеромонахом Николаем: «Тела всех мучеников не были повреждены тлением. Никакого запаха от них не было, и на одежде не было плесени, хотя они пролежали 25 лет, причем несколько лет в дырявых гробах. В гробу Князя Игоря Константиновича нашли незабудку, она была свежа, как бы только сорвана в поле.

...Нетленные тела и сохранившаяся незабудка – это преславное чудо Промысла Божия и указание нам, грешным, на то, что святые души рабов Своих – мучеников – Господь принял в светлые Небесные Обители на вечное блаженство...»

¹⁸ Алапаевский мученик Федор Михайлович Ремез (1878–1918) – управляющий Двором Великого Князя Сергея Михайловича, добровольно последовавший за ним в ссылку.

Храм Всех Святых Мучеников на территории миссийского кладбища Пекина, в склепе которого 1938 по 1947 год покоились мощи алапаевских мучеников. Здание уничтожено в 50-е годы XX века

Состоялось еще одно, но опять-таки не последнее, – земное – переселение останков, а правильнее сказать – мощей новомучеников.

После капитуляции Японии в 1945 году красный Китай поднял голову. Коммунистическая армия Китая, во избежание передвижения японских войск, разобрала все железнодорожные и повредила все грунтовые пути. Таким образом, возможности бегства из Пекина в Тяньцзинь и Шанхай были отрезаны. В Русской Духовной Миссии ожидали «нашествия варвар», подобного ордам ихэтуаней. Нужно было уберечь тела мучеников от нового погрома.

Архиепископ Пекинский и Китайский Виктор решил «ввиду возможного прихода советских войск, спрятать гробы с Великими Князьями».

Иеромонах Николай – очевидец и участник последнего захоронения останков Августейших мучеников – в 1947 году – «в приделе апостола Симона Зилота, что с правой стороны храма Всех Святых Мучеников. ...На все гробы Князей положены медные доски, каждая на свой гроб. Могилу покрыли каменными плитами. Плиты покрыли песком и зацементировали; сверху положили искусственные плиты, коими выложен весь пол храма, и залили, соединили цементом. Никаких внешних признаков могилы в храме нет»¹⁹.

В 1955 году, с началом новых гонений, Московская Патриархия была вынуждена упразднить Русскую Духовную Миссию в Пекине, и все имущество было передано Посольству СССР в Китае. Храм Всех Святых Мучеников и колокольня – взорваны, на их месте разместилась детская площадка и другие постройки Посольства, богатейшее собрание книг сожжено.

В 1986 году храм прп. Серафима Саровского был разрушен. Через год русское кладбище окончательно стерто с лица земли по решению муниципальных властей и при полном безразличии со стороны Посольства СССР. На месте кладбища возник парк Озера молодежи. С тех пор большая часть мощей святых китайских мучеников, с которыми рядом упокоился и митрополит Иннокентий, покоится на дне искусственного водоема.

Этот печальный мартиролог приводит в своей книге «Алапаевские мученики: убиты и забыты» С. В. Фомин. Все же есть надежда на то, что «склеп, предусмотрительно забетонированный владыкой Виктором, при сносе храма прп. Серафима Саровского разрушен не был...

¹⁹ Свидетельство иеромонаха Николая, 15 ноября 1954 года. Обитель Святой Троицы. Джорданвилль.

На снимке: гробы с телами Князя Иоанна Константиновича, Великого Князя Сергея Михайловича и Князя Константина Константиновича в склепе храма во имя Всех Святых Мучеников в Пекине

и со временем мощи алапаевских святых мучеников будут обреты на территории нынешнего Посольства Российской Федерации в Китае»²⁰.

Но какова бы ни была их земная доля, небесная судьба их высока и определена изначально. Живущие ныне церковные иерархи только подтверждают Небесные установления. В 1981 году Русская Православная Церковь Заграницей прославила во святых всех (кроме Федора Ремеза) живопогребенных в Алапаевске.

Вослед Зарубежной Церкви и Святейший Синод Русской Православной церкви Московского Патриархата 17 апреля 1997 года постановил почитать «в лике местночтимых святых священномученика Митрофана и 221-го православного мирянина, с ним в Китае пострадавших». На уже упоминавшейся иконе на нимбах, венчающих восточные лица, начертаны их православные имена.

В России, кроме китайских мучеников, в лике новомучеников канонизированы преподобномученицы Елизавета и инокиня Варвара.

Князя «Константиновичи» были канонизированы Русской Православной Церковью за рубежом в 1981 году. В 2007 году состоялось историческое событие – был подписан акт о восстановлении канонического общения РПЦ и РПЦЗ.

На повестке дня вопрос о признании канонизации убиенных Алапаевских Князей всей полнотой Русской Православной Церкви.

²⁰ «Константиновские чтения». Великий Князь Константин Константинович: К 150-летию со дня рождения. Сборник материалов научной конференции 15–16 октября 2008 года. СПб., 2008.

XX век как время испытаний и скорбей

*Игумен МИТРОФАН (Баданин),
настоятель Успенского прихода
села Варзуга*

I

Наша конференция¹ проходит в год празднования 400-летия Дома Романовых. Эта дата и эта фамилия неизбежно возвращает нашу память к событиям начала XX века, к трагическому завершению великой истории правления этой царственной династии. Особое звучание нашим воспоминаниям придают факты канонизации многих членов семьи Романовых и многочисленные случаи мученической кончины большинства представителей династии в завершающий период ее правления.

Мы видим здесь явление особого Божьего Промысла о нашей стране, важного смысла в этом последнем, мученическом служении царственных страстотерпцев, в их смиренном восхождении на уральскую Голгофу. Также видится вполне закономерным, что вслед за царственными мучениками на эту Голгофу XX века взошел и весь российский народ.

Монархи царственного рода Романовых глубоко осознавали себя прежде всего христиан-

¹ Шестые Феодоритовские чтения: «Мученики XX века». п. Умба – с. Варзуга.

Император Николай II

скими государями и лишь затем русскими царями. Сознание необходимости исполнить особую евангельскую миссию, быть «удерживающим», понимание сакральной сути этого тяжкого служения в мире, где *«тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь»* (2 Фес. 2, 7), было присуще большинству императоров Дома Романовых.

Вершиной этого христианского служения, ее апогеем и Крестным путем стал период правления императора-страстотерпца Николая II. Стремление не допустить братоубийственных войн, противостоять надвигающимся кровавым событиям пронизывало всю политику императора. Так, именно по его инициативе в Гааге состоялось ранее не

виданное международное событие – первая мирная конференция по разоружению.

Противостояние Николая II приближающейся катастрофе XX века не было чем-то необычным и новым в российской политике. Предчувствие надвигающейся власти тьмы, усиление антихристианских сил и шествие «духа разрушения» в полной мере беспокоили и прежних российских государей. Так, еще в начале XIX века император Александр I тонко прозревал тайные механизмы формирования новой мировой политики: «Мы заняты важнейшей заботой, но и труднейшей также. Дело идет об изыскании средств против владычества зла, распространяющегося с быстротой при помощи всех тайных сил, кото-

Русская делегация на Гаагской конференции 1899 г.

Император Александр I

рыми владеет сатанинский дух, управляющий ими». Говоря об этом, Александр I в полной мере понимал всю ограниченность человеческих возможностей. Его размышления являют истинно христианский взгляд на историю: «...Средство, которое мы ищем, находится, увы, вне наших слабых человеческих сил. Один только Спаситель может доставить это средство Своим Божественным словом. Воззовем же к Нему от всей полноты, от всей глубины наших сердец, да сподобит Он послать Духа Своего Святого на нас и направит нас по удобному Ему пути, который один только может привести нас к спасению».

Спустя сто лет царь-мученик Николай Александрович вновь произнесет эти слова истинной веры, которые запишет великая княгиня Ольга: «Отец просит передать всем тем, кто остался Ему предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что **то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее**, но что не зло победит зло, а только любовь...»

II

Сегодня стало очевидно, как это предвидение нарастания в мире сил зла неумолимо сбылось в истории XX века и как стремительно продолжает возрастать власть князя тьмы. Когда читаешь документы недавнего прошлого человечества и сталкиваешься со свидетельствами главенства христианских принципов в государственной политике прошлых веков, кажется уже невероятным, что когда-то такое было. Как нечто диковинное ныне воспринимаются свидетельства того, например, что сила «крестного целования» при заключении мира являлась гарантией тому, что война не может начаться прежде срока. В современной политике введение подобных критериев воспринимается как абсурд и апеллирование к таким категориям будет оценено в лучшем случае как наивность.

Вся трагическая история прошедшего XX века, его великие потрясения и катастрофы, те «невиданные перемены, неслыханные мятежи», которые коснулись каждой семьи, каждого человека, разделившего судьбу своей страны, имеют одну единственную причину. Причина эта – отступление от Христа, забвение Его основополагающих заповедей любви и милосердия. Всякий пренебрегший помощью Господа

Апостол Иоанн Богослов

и защитой Его Церкви неизбежно окажется во власти торжествующих сил тьмы, испытает всевластие всемирного зла. Таков вселенский закон Божий, и смешны попытки современного гордого человека реально противостоять ему, уповая лишь на свои возможности.

В мистическом плане мы наблюдаем исполнение тех великих и страшных Божественных определений, что еще две тысячи лет назад были явлены апостолу Иоанну Богослову в его Откровении на острове Патмос. Невольно вспоминаются семь печатей, которые должен снять Божественный Агнец, распечатывая страшные события завершающего периода человеческой истории: *«И вышел конь рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч... И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными»* (Откр. 6, 3–4, 8).

Думается, что события XX века могут быть ясным свидетельством уже состоявшегося снятия и пятой печати, потому как *«когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судиши и не мстиши живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще **на малое время**, пока и сотрудиники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число»* (Откр. 6, 9–11).

Здесь упомянуты мистические слова о *«малом времени»*, что были вновь явлены в 1908 году, в видении святого праведного Иоанна Кронштадтского: *«И увидел я массу народа с радостными лицами, а в руках кресты, хоругви и свечи, а посреди между толпой стоял высокий престол на воздухе, золотая царская корона с надписью на ней золотыми буквами – “На малое время”»*. Думается, что это «малое время» есть период нашего нынешнего духовного благоденствия, который искупили для нас у Господа своею кровью новомученики и исповедники Церкви Русской. Но процесс завершения земной истории уже не остановить, и неумолимо приближается время *«великой скорби»*, когда *«сотрудиники и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число»*, дабы все христиане последних времен *«омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца»* (Откр. 7, 14).

III

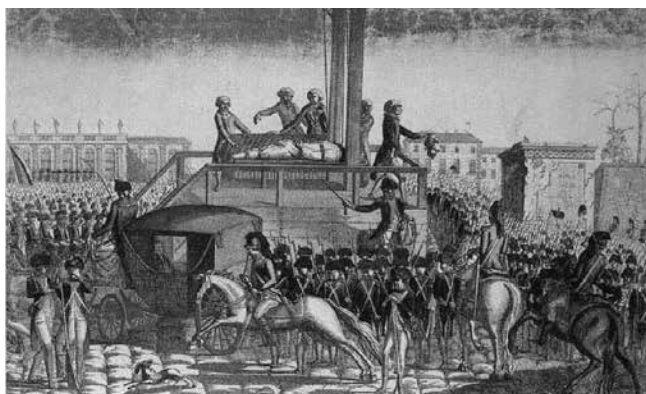
Все крупнейшие гонения, геноциды и репрессии, которыми отмечен XX век, неизменно опирались на некое идейное богоборческое обоснование, в первую очередь, отметававшее христианскую веру как основополагающий принцип человеческого бытия. Непременно утверждался новый взгляд на смысл человеческой жизни и возвещалась необходимость исполнить «особую историческую миссию».

Первый такой опыт был поставлен во времена Французской революции, которая творила свои кровавые изуверства с первоочередной задачей уничтожения христианства и вводя некие суррогаты «новой» религии, такие как «культ Разума», почитание «революционных мучеников» или «культ Верховного Существа».

Как и во Франции XVIII века, так и в дальнейшем непременно возвещалась некая «величественная» задача, которая сама по себе неизбежно утверждает известный принцип Н. Макиавелли – «цель оправдывает средства».

Для достижения поставленной цели прежде всего необходимо, опять же, ликвидировать те нравственные ограничения, барьеры человеческой совести, те вечные, основополагающие ценности, что были возвещены миру Христом Спасителем. С этой целью безнравственность жизненных принципов уверенно возводится в норму. Так, «великий вождь революции» В. Ленин в своей известной работе «Задачи союзов молодежи» дает молодым строителям коммунизма конкретную жизненную установку: «Нравственно то, что выгодно пролетариату». Эти слова равнозначны призыву завершить историю человечества, ибо принятие подобного постулата делает дальнейшее бытие мира лишенным смысла.

Так же и немецкий фашизм, придя к власти, решительно порывает с христианскими нормами жизни. Из меморандума Мартина Бормана всем гауляйтерам востока в декабре 1941 года: «Национал-социалистские и христианские идеи несовместимы». «Честными, порядочными,

Казни во время
Французской революции

верными мы должны быть по отношению к представителям нашей собственной расы и ни к кому другому» (Г. Гиммлер в 1940 году). Исходя из этих посылок Гитлер, инструктируя солдат вермахта перед решающей битвой на Востоке, был предельно откровенен: «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью».

IV

«Смерть одного человека – это смерть, а смерть двух миллионов – только статистика» (Э. М. Ремарк, «Черный обелиск»). Такова защитная реакция человеческой психики: невозможно охватить сердцем всю глубину таких трагедий, постичь эту непомерную скорбь. Но когда глубоко проникаешь в историю страданий хотя бы одного человека, возвращаешь из небытия одну судьбу, одно имя, то совершаешь великое дело, ибо океан состоит из капель. И каждый человек – целая вселенная.

Поэтому наша задача – произнести эти имена, восстановить справедливость, дать им нашу память и молитву. Но прежде все же дадим ту самую безжалостную «статистику», назовем страшные цифры.

В Османской империи в период с 1915 по 1923 год было проведено целенаправленное истребление христиан. В результате этих зверств было уничтожено около 1,5 миллиона армян, 1,2 миллиона понтийских греков и до 750 тысяч ассирийцев. Думается, что слова Папы Иоанна Павла II вполне справедливы: «Геноцид армян стал прелюдией к последующим ужасам: двум мировым войнам, бесчисленным региональным конфликтам и преднамеренно организованным кампаниям по истреблению людей, в результате которых лишились жизни миллионы верующих...»

Надо сказать, что «предтечей» этих событий, открывших наступление страшного XX века, было Ихэтуаньское восстание в Китае в 1901 году. Одной из принципиальных задач, стоящих перед восставшими, было

Геноцид армян
в Турции, 1915 г.

уничтожение христианства. Китаец-христианин был поставлен перед выбором: отречься от Христа или умереть. В результате христианство в Поднебесной было практически уничтожено, но дало целый сонм христианских мучеников Китая.

Следует вспомнить, что в дальнейшем более 10 миллионов китайцев были уничтожены Японией в ходе оккупации между 1937–1942 годами.

Нацистская Германия во время Второй мировой войны по расовому признаку массово истребляла евреев и цыган (Холокост). В результате было уничтожено 6 миллионов евреев и около 200 тысяч цыган. При этом мы наблюдаем, как теме Холокоста придается исключительный, едва ли не сакральный смысл, в то время как факт целенаправленного истребления русского народа в ходе той войны малоинтересен «мировому сообществу».

И это при том, что последние исследования позволяют говорить о 13 миллионах 700 тысячах человек уничтоженного мирного населения СССР. Из них было преднамеренно истреблено на оккупированной территории и погибло в результате боевых действий – 7 миллионов 420 тысяч; умерло вследствие гуманитарной катастрофы – 4 миллиона 100 тысяч; погибло на принудительных работах в Германии – 2 миллиона 160 тысяч. Порядка 500 тысяч человек не вернулись после войны, став эмигрантами. Следует еще раз напомнить, что здесь мы касаемся только потерь мирного населения и лишь в период 1941–1945 годов.

Многострадальная маленькая Сербия в годы Второй мировой войны подвергалась жесточайшим гонениям по расово-религиозному признаку. Профашистским хорватским режимом А. Павелича была поставлена задача: из всех сербов 1/3 часть должна была быть насильно обращена в католичество, 1/3 – изгнана и 1/3 – убита. В результате

На оккупированной территории

в период 1941–1945 годов было уничтожено 750 тысяч православных сербов (а также 40 тысяч евреев и 30 тысяч цыган).

В ходе войны отличились и украинские националисты. Подразделения УПА в 1943–1944 годах осуществили широкомасштабную акцию уничтожения поляков, проживающих в Западной Украине. Бандеровцы истребляли поляков целыми семьями и даже селами (колониями). В ходе бандеровских акций перестали существовать 399 польских сел на Волыни и 218 – на Ровенщине. Было уничтожено более 100 тысяч поляков.

Окаатоличивание
сербов в Хорватии

После Второй мировой войны все крупнейшие массовые истребления людей, все геноциды оказываются неразрывно связанными с имперскими амбициями США. В этом ряду уничтожение 4 миллионов корейцев в период с 1950 по 1953 годы и 4 миллионов индо-китайцев с 1960 по 1975 годы. В результате американской «антиповстанческой» политики ковровых бомбометаний во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже было убито более 4 миллионов человек. Можно вспомнить и сотни тысяч иракцев, погибших начиная с 1991 года и далее после вторжения и оккупации в марте 2003 года и по настоящее время.

Весьма памятным эпизодом циничной политики США стали события в Гватемале в 1980-х годах. Направляемый из США гватемальский диктатор Риоса Монта уничтожил более 200 тысяч индейцев майя, разрушив более 250 индейских деревенских общин.

Одним из самых изуверских режимов второй половины XX века следует признать правление диктаторов Пол Пота и Иенг Сари в Камбодже в 1975–1979 годах. Было произведено истребление порядка трех миллионов камбоджийцев. При этом, как и в случае с российской

Вьетнам. Тактика
выжженной земли

историей периода 1917–1924 годов, трудно подвести признаки геноцида под происходящие зверства, поскольку ни национальность, ни иные характеристики жертв не имели определяющего значения. Но, тем не менее, в первую очередь за эти четыре года были убиты все 60 тысяч христиан Камбоджи, как священники, так и миряне.

Не остались в стороне от трагедий XX века и народы Африканского континента. В 1994 году произошла массовая резня в государстве Руанда, в результате которой представители племени хуту истребили 800 тысяч членов племени тутси.

Есть еще один случай, когда произошедшему было присвоено слово «резня». Западное сообщество решило таким образом закрепить в массовом сознании огромный политический обман и провокацию, имевшие место в Сербии в 1995 году. Это было необходимо для того, чтобы в дальнейшем оправдать агрессию против Югославии. Так называемой «Резне в Сребренице», или, иначе, «массовому убийству боснийских мусульман боснийскими сербами», предшествовали действительно страшные события. Подразделения армии боснийских мусульман перед этим безжалостно убили 2383 мирных сербских граждан, включая женщин и детей. Только после этих событий армия боснийских сербов вошла в Сребреницу и тогда начались бои, казни и расправы, но следует подчеркнуть, что речь идет о цифре от 500 до 1000 человек боснийских боевиков, то есть исключительно военных.

V

Если коснуться имевшего место масштабного уничтожения русского народа в XX веке, то следует признать, что мы имеем довольно нестандартную ситуацию. Трудно установить, где проходило разделение и по какому принципу избиралась категория истребляемых слоев населения. Так, например, мы не можем установить национальной подоплеки. Если, конечно, не принимать во внимание, что подавляющее большин-

ство руководящих постов в Совете Народных Комиссаров 1918 года занимали евреи. Нельзя также утверждать, что разделение происходило лишь по религиозной составляющей. Нет сомнений, что наступили очевидные и жестокие гонения на Церковь, но кровавая Гражданская война шла вовсе не между христианами и атеистами. И подход классового разделения, на котором так лихо спекулировала ленинская клика, далеко не всегда прояснял картину происходящей страшной российской драмы: основная армейская масса состояла из крестьян, которые воевали как на стороне «белых», так и на стороне «красных».

Пожалуй, следует признать, что имело место разделение по принципу носителей разного духа, произошло масштабное противостояние сил света и тьмы, сил добра и зла. Господь попустил эту страшную кару за грехи русского народа, народа-богоносца, и, в первую очередь, за грехи вероотступничества и клятвопреступления. Таким образом стало возможно столь масштабное восстание сил князя тьмы. Началось шествие разрушителя и попрание самих основ нашей страны, ее истории, традиций, веры, моральных и семейных устоев, понятий о чести, благородстве, порядочности, культуре. Злодеяния эти творились руками самих повредившихся людей, созревших для этой бесовской работы, поклонившихся князю тьмы и вставших на путь духовной гибели. Таким образом, произошло покушение на фундаментальные основы традиционной российской жизни. В результате последовало уничтожение всех ее реальных носителей – русского дворянства, интеллигенции, офицерства, священников, промышленников, купцов, инженеров. Сюда же следует причислить и крестьян с рабочими, якобы во имя счастья которых творилась вся эта кровавая вакханалия.

О том, как жила Российская империя при «царе-батюшке», говорят результаты переписей населения. По первой всероссийской переписи 1897 года, численность населения в пределах современных границ Российской Федерации (то есть без азиатских и прочих окраин) составляла 67,5 миллиона человек. Через 15 лет, к 1913 году, на этой же территории уже жило 90 миллионов человек. За 15 лет – рост на 23 миллиона, или на 30 процентов (!).

После катастрофы 1917 года, к 1920 году, за три года революции демографические потери непосредственно в России оцениваются в 18 миллионов человек.

Вскоре и все окраины Российской империи вкусили плоды социальных и духовных экспериментов «кремлевских мечтателей». В марте 1920 года Лениным было принято решение о вторжении в Азербайджан и Грузию. Для его реализации было создано Кавказское бюро РКП(б) во главе с С. Орджоникидзе. И 27 апреля в Азербайджан вошла Красная армия. В республике был установлен режим неограниченного красного террора, осуществляемый С. Кировым. Для примера, когда 25 мая против большевиков восстал город Елизаветполь (Ганджа), то

Ушедшая Россия

при подавлении восстания было убито почти все население этого сорокатысячного города.

Вернемся в Россию. Так называемый «голод в Поволжье» 1921–1922 годов унес жизни около 5 миллионов человек. На самом деле фактически кроме Поволжья голодали Южная Украина, Крым, Башкирия, частично Казахстан, Приуралье и Западная Сибирь. На фоне имевшего место в эти годы неурожая случилась трагедия, которая явилась прямым следствием проводимого большевиками эксперимента по уничтожению денег и частной торговли при безжалостной продразверстке (насильственном изъятии продуктов) и прочих беззакониях военного коммунизма.

Патриархом Тихоном было дано благословение на сбор церковных ценностей для помощи голодающим, но святитель возразил против постановления ВЦИК от 22 февраля 1922 года «О ликвидации церковного имущества», где требовалось «изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды, и прочие богослужebные церковные предметы». Патриарх объявил, что «с точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства». Эти возражения были использованы большевиками для гонения на Церковь, для ее разорения и как повод для репрессий против верующих.

Об истинных мотивах большевистской «заботы о голодающих» говорят факты. Всего было изъято церковных ценностей на два с половиной миллиарда золотых рублей, но только примерно один миллион рублей был потрачен на закупку продовольствия для голодающих.

Долой Пасху.
Фото 1920-х гг.

Основная часть собранных средств пошла на «приближение мировой революции».²

Очередным страшным периодом массового уничтожения народа России стал голод 1933–1934 годов. Как показывают исследования, в целом урожай 1932 года был неплохим – средним за последние годы. Так что страшной особенностью этого голода было то, что «он наступил не вследствие засухи и недорода, как это бывало прежде в Поволжье, а в результате

принудительных сталинских хлебозаготовок. Впервые в истории поволжской деревни произошел искусственно организованный голод».³ Общие потери населения России за этот период оцениваются от 5 до 6,5 миллионов человек.

Одновременно с этим бедствием происходило сознательное разорение сельского уклада жизни в России. Из деревень изымались наиболее трудоспособные, нравственно крепкие крестьянские семьи. За два года (с 1930 по 1931), по данным Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, на спецпоселение было отправлено 380 тысяч семей общей численностью 1 миллион 800 тысяч человек. В последующие годы, с 1932 по 1940, дополнительно в ссылки было отправлено еще 500 тысяч раскулаченных. Порядка 100 тысяч «кулаков» погибли в пути следования и еще 300 тысяч умерли от голода и болезней уже в местах ссылки.

Одна из трагических страниц в уничтожении нашей национальной идентичности – это политика так называемого расказачивания. Начало массовому уничтожению казачества было положено директивой ЦК РКП (б) от 24 января 1919 года за подписью Я. Свердлова: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам».

В дальнейшем Советская власть продолжала политику по ликвидации казачества. Происходило как физическое уничтожение казаков в станицах и хуторах, так и переселение их на север, в необжитые районы. В течение 1930–1931 годов было арестовано и депортировано не менее 300 000 казаков из различных регионов, в большей степени из Уральской области и бывших территорий казачества на Северном Кавказе.

Особая страница в истории нашей страны в XX веке – это большой сталинский террор 1937–1938 годов. Арестам и заключениям по делам органов НКВД было подвергнуто свыше 1 миллиона 600 тысяч человек, из них около 700 тысяч человек были приговорены к расстрелу.

² Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 33.

³ Кондратиш В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991, № 6. С. 179.

Плакат 1919 г.

Согласно имеющимся официальным архивным данным, в 1930–1953 годах во всех местах заключения умерло 1 миллион 760 тысяч человек. Надо признать, что ряд исследователей справедливо ставит под сомнение эти цифры. Думается, что здесь нет ничего удивительного, поскольку вся жизнь в СССР находилась под удушающим контролем партии – организации, априори отвергнувшей какие-либо нравственные нормы и этические ограничения. Потому и историческая наука «страны советов», живя в репрессированном состоянии и будучи вынужденной выполнять идеологический заказ, была построена на лжи и фальсификациях. Реальные цифры погибших от репрессий, на которые выходят современные исследования, составляют порядка 4–6 миллионов человек.

При этом, как ни странно, самые массовые репрессии пришлось, опять же, на крестьянское сословие. Исторические исследования показывают, что процентное соотношение репрессированных выдвигает на первое место среди пострадавших российское крестьянство. Как результат подобного геноцида, произошли серьезные изменения качественной составляющей класса крестьян как производительной силы – трудовое и трезвое русское крестьянство перестало существовать. А ведь именно здесь сохранялись подлинная чистота и здоровье российского генофонда, именно из крестьянской массы вырастали наиболее успешные и талантливые предприниматели, военачальники, инженеры, врачи, ученые. Уничтожением трудового крестьянства коммунисты разгромили не только самое эффективное сельское хозяйство в мире, но и перешибли стеновой хребет русскому народу.

Надо сказать, что и в дальнейшем в отношении крестьянства политика целенаправленного истребления не прекращалась. Ликвидация частных подсобных хозяйств, запрет на содержание личного скота при

Хрущеве в 60-е годы завершились полным уничтожением так называемых «бесперспективных» сел. Сорок тысяч древнейших сел и деревень перестали существовать. Желаящие могут побывать в одном из таких сел на побережье Белого моря. Древнейшее село Кереть, родина великого подвижника Крайнего Севера преподобного Варлаама Керетского, и сейчас, спустя 60 лет, все еще потрясает развалинами некогда добротных домов, которые были вынуждены бросить жители Поморья.

VI

Двадцатый век положил начало процессам глобальных перемен в истории человеческой цивилизации, можно сказать, привел к тектоническим сдвигам в расстановке духовных сил в мире. Точка невозврата большинством англо-саксонских стран мира уже пройдена. Католическая Европа, в течение долгих веков гордящаяся своей великой христианской цивилизацией, ощущающая себя мировым оплотом нравственности и благочестия, надежно сцементированным непререкаемым авторитетом Папы, находится в состоянии духовного угасания.

Стремление к максимально комфортной жизни, с гарантированным на законодательном уровне «счастьем» и «защищенностью» от всех проблем, вскоре затмило суть учения Христа, в котором об этих приоритетах ничего не говорилось. Со временем возведение этих сверхзадач в ранг смысла жизни на земле сыграл с разжиревшей и обессилевшей Европой злую шутку. Задача наслаждения жизнью потребовала реализации ее потенциала во всех возможных формах и при этом с максимальным комфортом. То есть бывшие христиане Европы пошли по пути духовной деградации, возвратившись в язычество, приняв *«прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях»* (Еф. 4, 22).

Эта беда стала прямым следствием непомерно возросшей гордости представителей европейской цивилизации, которые *«по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине ожесточения сердца их. Они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью»* (Еф. 4, 17–19).

Единственной проблемой на этом гибельном пути стало противоречие с нормами христианской традиции, все еще закрепленными в законодательстве, поскольку большинство так называемых «наслаждений» напрямую связано с допущением греха. Следовательно, необходимо сделать очередной и закономерный шаг – возвести грех в норму на законодательном уровне.

Но мы это уже проходили. В истории человечества на все времена оставлен яркий и очень наглядный пример, чем должно завершиться подобное беззаконие. Это история гибели некогда цветущих городов

древнего мира – Содомы и Гоморры. Это некий памятный знак на пути человечества, модель, воспроизведенная Господом в миниатюре и наглядно рассказывающая нам о тех страшных событиях, которыми завершится человеческая история. О том и напоминает нам апостол Петр: «*города Содомские и Гоморрские, осудив на истребление, превратил в пепел, показав **пример будущим нечестивцам***» (2 Пет. 2, 6).

Но все же: почему Господь уничтожил именно Содом и Гоморру? Неужели в иных городах древнего мира не творился грех, не оскорблялась мораль, не попиралась нравственность? По толкованиям святых отцов, принципиальное отличие духовного состояния двух этих городов от остального ветхозаветного мира состояло в том, что их жители решили узаконить грех, придать ему статус нормы человеческой жизни. Таким образом предполагалось нейтрализовать чувство стыда, заглушить голос совести, устранить спасительные для души нравственные страдания человека, переживающего совершенное им греховное деяние. В итоге этих богоборческих усилий жизнь человека в Содоме и Гоморре потеряла смысл, благодатная перспектива покаяния и нравственного роста души была уничтожена. В те давние времена Господь положил конец этому пустоцвету в истории человечества, «*и пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сих, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастания земли*» (Быт. 19, 24–25).

Удивительно схожим образом развиваются сейчас события на всей территории «просвещенной Европы». Активно и открыто современное человечество, «*истлевающее в обольстительных похотях*» (Еф. 4, 22), стремится узаконить грех. На самых высоких уровнях ставится задача ликвидировать последние моральные, нравственные и законо-

Торжество содомитов
в Европе

Растлители используют детей в поддержке гей-парадов (Норвегия, Осло)

дательные препятствия для введения человеческого греха в обиход, предлагая патологию в качестве нормы жизни, представляя самые низменные страсти естественной потребностью каждого человека.

В памяти современного человека еще осталась логическая цепочка: грех есть зло, но современная либеральная идеология уже не ведает самого понятия греха, она утратила понимание того, что, собственно, есть грех. Но от этого инфантильного неведения зло греха не упраздняется и продолжает нести в себе страшную разрушительную силу, которая не утихнет, пока не достигнет своего апогея, а именно торжества небытия. Таким образом, мир, вставший на путь отступления от Закона Божьего и узаконивающий грех, не имеет будущего и неизбежно завершит свой путь катастрофой, повторив опыт Содома и Гоморры – *«И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их»* (Откр. 20, 9).

Реализуя греховный потенциал человеческой личности, «либеральная идея обличает себя как антихристианская, ибо диаметрально противоположна ей».⁴ В течение двух тысячелетий христианская идея, противостоя греховному началу в человеке, реализовала себя как торжество жизни, как полнота бытия. Именно в стремлении преодолеть свою врожденную человеческую греховность через покаяние и аскезу сокрыты истоки православной святости, и этим путем восходили к свету все великие подвижники христианства, своим житием придававшие высший смысл дальнейшей истории человечества.

Но когда же наступит этот День Гнева? Когда ниспровергнет Господь *«во гневе Своем и в ярости Своей... серу и соль, пожарище на всю землю»* (Втор. 29, 23)? Ответ на этот вопрос сокрыт в том же эпизоде Книги Бытия. Когда готовился суд Божий над городами разврата, Авраам выпрашивает у Господа условие отмены страшного решения об их уничтожении: *«да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять [праведников]? Он сказал: не истреблю ради десяти... Я ради них пощажу все место сие»* (Быт. 18, 32, 26). Таким образом, даже небольшое количество праведников, людей, живущих по Закону Божьему, способно удержать гнев Божий и продлить ход мировой истории.

VII

Но работа князя тьмы не знает перерыва, зло греха без устали разъедает души некогда верных чад Христовых. Все чаще правительства стран, имеющих древние христианские корни, отступают от евангельских заповедей и на законодательном уровне принимают решения, которые христианин не сможет исполнять, ибо они узаконивают грех. Становится очевидным, что в ближайшее время ве-

⁴ Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. *Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?* М., 2002. С. 121.

Сожженная церковь в Косово

рующие этих стран будут подвергнуты гонениям и репрессиям как нарушители государственного законодательства. Отступление от Христа в европейских странах, катастрофическое снижение реально верующих католиков в Европе значительно ослабляют сопротивление мировым силам тьмы.

Можно услышать, что имеет место рост числа католиков в мире, и это прежде всего касается стран Африки, Австралии и Океании. Но эта статистика подчас далека от реальной картины духовного состояния общества и отражает, по сути, лишь рост численности населения в странах, относящихся к католической традиции. В то же время количество *реально верующих*, и особенно в развитых европейских странах, уменьшается в геометрической прогрессии.⁵

В иных регионах мира все возрастающая сила тьмы также направляет острие своей работы в первую очередь на ненавистное ей христианство. Чаще всего орудием слепой ненависти князь тьмы избирает приверженцев ислама.

Так продолжается трагедия сербского народа и Сербской Православной Церкви в Косово и Метохии, начавшаяся в июне 1999 года, когда Церковь и народ были изгнаны со своей земли и была закрыта кафедра в Призрене. Не прекращаются свидетельства о страданиях сербов от беспрестанных нападений и покушений албанских мусульман на их жизнь, веру, честь и достоинство, на церкви и монастыри, а особенно на монастырское имущество.

Сейчас можно назвать 60 стран мира, где в отношении христиан не соблюдаются религиозные свободы. Наиболее драматичная ситуа-

⁵ Традиционно к реально верующим в католических странах относят тех, кто в воскресенье идет в храм на мессу.

Протесты христиан в Индии и Пакистане. Лозунги «Прекратите убивать христиан»

ция сложилась для христиан в Индии, Пакистане, Саудовской Аравии и Эритрее.

Так, сегодня индийский штат Орисса – один из центров нынешних гонений на христиан, охвативших Индию. Прошлым летом здесь погибло около пятисот христиан, были разрушены тысячи домов и сожжены сотни церквей. 50 тысяч христиан покинули свои дома и были вынуждены спасаться бегством.

В Пакистане, где проживает 3 миллиона христиан (2 % населения страны), происходит их постоянная дискриминация. В прошлом месяце толпа фанатиков разрушила три церкви в городе Сангла Хилл, что около Лахора, а также совершила нападение на две школы, гостиницу и монастырь.

Христиане на Ближнем Востоке, как и в других регионах мира, также испытывают гонения, сравнимые в ряде стран с теми, что были в ранние века христианства, или даже превосходящие их. В Египте уже сожжено более 40 христианских церквей, большая часть из них – церкви православных коптов.

За эти годы наступившего XXI века самая кровопролитная война сейчас идет в Сирии. Острые ненависти, конечно же, оказалось направленным против христианского населения, и в стране уже разрушено более 30 христианских церквей.

«В современном мире около 100 миллионов христиан подвергается гонениям. 75 % всех религиозных гонений в мире направлено против христиан. Каждый год 105 тысяч (!) христиан погибает в религиозных конфликтах. Каждые пять минут за веру в мире гибнет один христианин».⁶ Эти статистические данные подтверждают мировые аналитические агентства и ведущие социологи и религиоведы.

⁶ Из выступления митрополита Илариона (Алфеева) на пресс-конференции: «Преследование христиан – случайность или закономерность?» 27 июня 2011 года.

Христианка в г. Алепо (Сирия)

Храм в Сирии

По сообщениям специального докладчика ООН по правам человека, в Иране более 300 человек было арестовано именно из-за своего вероисповедания. Более того, прихожане всех христианских церквей, находящихся в Иране, пребывают в постоянном страхе. По сообщениям независимых экспертов, мусульмане, которые переходят или хотят перейти в христианство, подвергаются большой опасности и претерпевают сильные гонения.

Сейчас, как бы страшно это ни звучало, гонения на христиан в исламском мире принимают масштаб эпидемии. Приведенные нами примеры преследований христиан в исламских странах, конечно же, далеко не исчерпывающи.

VIII

Русская Православная Церковь с болью и тревогой воспринимает эту беду. Святейший Патриарх Кирилл неоднократно высказывался об этой проблеме как о нашей общей боли: «Весной 2011 года наш Священный Синод уже выступал с официальным заявлением по этому поводу. Также и прошедший недавно Архиерейский собор Русской Православной Церкви в одном из своих постановлений выразил «глубокую обеспокоенность в связи с резким ухудшением положения христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке». К сожалению, ситуация до сих пор не улучшилась. Если события и далее будут развиваться в подобном русле, то следы христианского присутствия могут практически исчезнуть там, где оно когда-то зародилось и существует уже два тысячелетия».⁷

⁷ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Из интервью интернет-порталу церковной информации Romfea.gr, 25 апреля 2013 года.

Христианство
на Ближнем Востоке

Мы, российские христиане, живем сейчас в период относительного благоденствия и мира. Это то самое «малое время», дарованное нам, чтобы собраться с силами, объединить всех верных, собрать воинство Христово под хоругвью с Ликом Спасителя для того последнего сражения с силами тьмы, когда *«будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое... Претерпевший же до конца спасется»* (Мф. 24, 9, 13).

Христианин – это тот, кто в полной мере исполняет заповеди Христа и следует путем Его страданий. Для достижения этого Господь открыл нам две возможности: либо послужить в лике преподобного, умирая в своем *«ветхом человеке»* и живя для Бога, сораспяться Христу (см. Гал. 2, 19), либо путем прямого мученичества, которым совсем недавно прошел великий сонм новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Значение мученического подвига в евангельской проповеди и христианизация Римской империи

*Архимандрит АМВРОСИЙ (Макар),
настоятель церкви святителя Амвросия
Медиоланского в Милане, Председа-
тель Киевского Религиозно-философско-
го общества, г. Милан, Италия*

Мученичество в Церкви Христовой является величайшим и неизреченным служением. Подвиг мучеников – это самое яркое и высокое свидетельство в этом мире о существовании Церкви, о ее Богочеловеческой природе, о ее небесности, духовности, неотмирности. Мученик (*греч.* μάρτυς – свидетель) своими страданиями и смертью свидетельствует людям мира сего, что Церковь Христова – это совершенно другой мир, другая жизнь, другое бытие человека, к тому же, полностью отличное от жизни человека в мире сем.

Христианские мученики свидетельствуют о том, что человек после грехопадения и изгнания его из рая, попав в рабство греха и зла, не мог сам избавиться от него, что, удалившись от Бога, он сам никак не мог возвратиться к своему Творцу, Отцу Небесному. Ибо человек настолько глубоко пал, так сильно извратил свою природу грехом, что ни сам он, ни ангелы Божии не мог-

ли помочь ему спастись, преодолеть грех, восстановить в нем образ Божий и возвратиться в утерянный им рай. Только Сам Бог мог совершить спасение человека от греха, беззакония и смерти, ибо «требовалось не менее как воссоздать человека»,¹ что мог совершить только Сам Творец, создавший человека, как учит святитель Афанасий Великий: «После того, как через преступление люди подверглись порче природы и лишились благодати, чему другому надлежало быть, или кто потребен был для восстановления их, как не Бог Слово, создавший вначале все из ничего?»²

Поэтому мученики своими мучениями и смертью свидетельствуют миру сему, что Господь Иисус Христос Сын Божий, сойдя с небес, воплотившись от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившись, проповедал Евангелие людям на земле, был распят на Кресте и, как учит апостол Павел, «умер за грехи наши, по Писанию», был погребен, воскрес в третий день (см.: 1 Кор. 15, 3–4) и, вознесшись на небо, ниспослал от Отца Духа Святого на Своих учеников и апостолов (см.: Деян. 2, 22–33), создал Церковь святую, которая есть Его тело и Он ее Глава (см.: Кол. 1, 18, 24).

Об этом христианские мученики свидетельствуют – о создании Церкви Христовой, не земной, а небесной, или, как говорит святитель Герман, патриарх Константинопольский: «Церковь есть земное небо, где небесный Бог живет и движется».³ То есть святые мученики свидетельствуют сему миру, что на земле кроме земного царства есть и Небесное Царство. Именно в этом и состоит смысл первых слов Христовой проповеди: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17; ср.: Мк. 1, 15), с которыми обратился к людям уже Предтеча Господень Иоанн, предваряя евангельскую проповедь Христа Спасителя.

Еще до основания Церкви Иисус Христос возвещает слушающим Его проповедь о приближении создания другого, нового мира, другой, новой жизни. Спаситель уже иудеям, не принимавшим Его проповедь, говорит, что Он совершенно не принадлежит к миру, в котором они находятся, что Он на земле от мира небесного. Поэтому Господь возвещает иудеям: «Вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин. 8, 23). А объявив людям, что Он не от мира сего, Христос

¹ Макарий, митрополит Московский и Коломенский. Православно-догматическое богословие. Т. 2. СПб., 1883. С. 12.

² De incarnat. Verbi Dei, п. 7; ср.: «Надлежало быть одному из двух, – говорит святой Прока Константинопольский, – или все, вследствие приговора, подвергнуться смерти, потому что все согрешили; или принести взамен такую цену, за которую всякое осуждение было бы отменено. Но человек не мог спасти себя, потому что он-то и подлежал долгу за грех. Не мог спасти рода человеческого и Ангел: потому что был недостаточный к такой цене. Итак, надлежало, чтобы безгрешный Бог умер за согрешивших: это только оставалось врачество от зла» (In laud. S. Virg. Orat. 1); «Бог Слово, единый человеколюбивый, является посредником между Богом и людьми, становится послушным Духу, врачует наше непослушание принятием того, что подобно нам и от нас, и делается для нас примером послушания, без коего невозможно получить спасение» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. III, гл. 1).

³ St. Germanus of Constantinople. On the Divine Liturgy (the Greek text with English translation). New York, 1984. P. 56.

также возвещает Своим ученикам, что и они, следуя Его Евангелию, уже принадлежат к тому же миру, в котором Он пребывает, то есть уже не принадлежат миру сему. Но кроме возвещения ученикам принадлежности их к иному миру Христос Бог напоминает им, что это не просто два мира на земле, а что они разные по содержанию и качеству, и не просто разные, но противоположные друг другу, а если противоположные, то противостоящие, между которыми не может быть согласия, а также и мира, как учит учеников Сам Господь: *«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»* (Мф. 10, 34–39).

Существо мученического подвига

Христос Спаситель ясно учит Своих последователей и учеников о постоянном противостоянии двух миров: земного и небесного, о несении апостолами из мира небесного в мир земной евангельской вести о любви, мире и истине, о противостоянии мира земного этой евангельской вести с неба, об отвержении миром сим апостольской проповеди, о ненависти к последователям Христова Евангелия, о притеснении, преследовании, гонении их, об их мученичестве. Господь прямо говорит Своим ученикам: *«Сие заповедаю вам, да любите друг друга. Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня знали, будут знать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше»* (Ин. 15, 17–20). Спаситель прямо говорит Своим ученикам о будущих гонениях на них сего земного мира, ненавидящего Евангелие Христово и Его Церковь, об их будущем убийстве, об их подвиге мученичества. Затем, утешая Своих учеников, Иисус Христос напоминает им о тщетности противостояния этого мира Евангелию, о его бессилии против последователей Христовых. Но также Господь напоминает о важности стоять до конца и не бояться гонителей и мучителей, о значении мученического подвига апостолов для проповеди, для распространения Церкви: *«Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь»* (Лк. 12, 4–5).

Однако Иисус Христос говорит не только о противостоянии мира

На картине «Христианские мученики в Колизее» художника К. Д. Флавицкого (1862 г.) запечатлен момент выхода христиан на арену цирка, на жестокие мучения, – это момент высшей точки духовной жизни христианина – исповедание своей веры во Христа «даже до смерти»

сего евангельской проповеди, об отвержении ее и о ненависти людей этого мира к последователям Христовым, Спаситель также учит слушающих Его проповедь о причине этого преследования и гонения, о существе этого противостояния, о противоположности содержания и качества земного и небесного царств. Об этом Иисус Христос учит Своих последователей в беседе с иудеями в храме (см.: *Ин. 8, 12–59*). В этой беседе Господь показывает, как противоположны эти два мира: мир земной, в котором грех, ложь и тьма, и мир, который Он несет им, и в него зовет людей войти, мир правды, истины и света. Христос Бог так прямо и говорит слушающим Его: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (*Ин. 8, 12; ср.: Ин. 1, 5; Ин. 9, 5; Ин. 12, 35; 1 Ин. 1, 5*).

В этой беседе уже действуют два мира. Фарисеи, ожесточенные в своих сердцах, начинают спорить с Иисусом Христом и отвергать это свидетельство как неистинное, оставаясь нераскаянными в своих грехах. И из-за нераскаянности фарисеи остаются во тьме неведения и неверия, поэтому Спаситель им говорит: «Вы не знаете, откуда Я и куда иду», и затем добавляет: «Вы судите по плоти» (*Ин. 8, 14*). И хотя Спаситель объясняет им, что Он послан Отцом Небесным, что Он не говорит только от Себя, что Он говорит и от Отца Его, фарисеи не только не верят этому в нераскаявшихся своих сердцах, но и, не понимая Спасителя, ожесточаются против Него. И Господь им отвечает: «Вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего; если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего» (*Ин. 8, 19*). И затем Иисус Христос объявляет фарисеям о том, что они остаются в своих грехах, во тьме, в мире сем, где царствует грех, неправда и зло, и не могут войти в мир, который Он принес людям с небес: «Я отхожу, и будете искать Меня, и умрете во грехе вашем. Куда Я иду, *туда* вы не можете придти», и объясняет им Господь: «Ибо

если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших» (Ин. 8, 21, 24). Спаситель продолжает их учить о вышнем, небесном мире, о любви Отца Небесного к людям, к которым Отец послал Его, но фарисеи не принимали Его проповеди и, как говорит евангелист Иоанн Богослов, даже «не поняли, что Он говорил им об Отце» (Ин. 8, 27).

Но в этой беседе действует и другой мир, мир света, любви и истины. В этот мир входили те иудеи, которые каялись в своих грехах, искали света Христова учения и отвергали тьму. Поэтому евангелист Иоанн подчеркивает: «Когда Он (Христос) говорил это, многие уверовали в Него», и затем добавляет: «Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики» (Ин. 8, 30–31). Этими словами Господь напомнил им, что они всегда через следование Его учению будут пребывать с Ним в этом другом мире правды и света, и Его Евангелие их просветит, переродит и сделает другими людьми, которые освободятся от этого мира греха и тьмы и будут пребывать в мире Божьей благодати. Иисус Христос прямо говорит уверовавшим в Него иудеям: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32).

Но если уверовавшие во Христа иудеи понимали, о какой свободе идет речь, то не уверовавшие в него иудеи, фарисеи не могли понять, о какой свободе Господь говорит им. Поэтому Спаситель нераскаявшимся в своих грехах иудеям и отвергающим Евангелие прямо напоминает: «Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8, 34), объясняя им, что Он говорит об освобождении от греховного рабства. Затем Господь, продолжая, взывает к их сердцам, пребывающим в рабстве греха и беззакония, Он зовет их к покаянию, к истинному освобождению от этого рабства тьмы, человеческих страстей и похотей и к переходу в мир света, правды и истины. Иисус Христос прямо им говорит: «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8, 36).

И далее Иисус Христос, перейдя к теме о содержании и качестве двух этих противостоящих друг другу миров и укорив фарисеев: «Слово Мое не вмещается в вас», начинает прямо обличать не принимающих Его Евангелие, утверждая: «Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего» (Ин. 8, 37, 38). И когда не уверовавшие во Христа иудеи сказали Ему, что они семя, дети Авраама и «не были рабами никому никогда», Господь их прямо укорил, говоря, что Авраам не поступал так, как они поступают, более того, Христос им сказал: «Если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы» (Ин. 8, 33, 39). Но, к сожалению, дела их были другими, не Авраамовыми. Если у Авраама сердце было чисто и светло, то у фарисеев оно было грязно и темно. Если Авраам слушал Бога и исполнял Его волю, то фарисеи были горды, честолюбивы и тщеславны, искали сво-

ей воли и исполнения своих эгоистических желаний. И поскольку фарисеи, иудеи, отвергающие Христово Евангелие, не являлись по делам своим детьми Авраама, любившего Бога и ближних, и, несмотря даже на то, что они именуют Бога Отцом своим, не любят Христа, то Он им объявляет: «Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня» (Ин. 8, 42). Из-за этой нелюбви к Нему они не только не могли понять Его проповедь, но они не могли даже слушать, слышать Его слово и переносить его. Потому что не принимающие Евангелие находятся в земном царстве тьмы, неведения и страстей, в рабстве греха, где царствует диавол и противостоит истине, он их держит и учит исполнять свои желания, удовлетворять свои похоти. Поэтому отцом их является сам диавол, о чем Иисус Христос объявляет фарисеям: «Вы делаете дела отца вашего»; «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 41, 44).

Возвестив в Своей беседе с иудеями об устройении на земле другого, нового мира в противовес миру сему и о разности, противоположности их содержания и качества, а также указав на то, что в новом небесном мире царствует Бог, а в старом, земном мире господствует, руководит, царствует диавол, Христос Бог говорит о принадлежности людей к этим двум царствам, соответственно своим делам и поступкам, и о причине не обращения и не покаяния людей, остающихся в старом царстве греха, из-за нежелания изменить свою жизнь и отвергнуть злые дела. Господь прямо говорит: «Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин. 3, 19–21).

Святые апостолы продолжили нести людям эту весть Христову о создании Церкви Христовой, нового мира, в котором христианин живет совершенно другой жизнью, полностью отличающейся от земной, о противоположности этих двух миров. Апостол Павел прямо говорит: «Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15), «Вы больше не рабы греха, но рабы праведности», «да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его» (Рим. 6, 2, 12); «стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1). И затем апостол напоминает христианам: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов

злобы поднебесных» (Еф. 6, 10–12). Апостол Иоанн Богослов также решительно говорит: «Не любите мира, ни того, что в мире» (1 Ин. 2, 15), «весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19).

Противоположность и противостояние двух царств очень ярко выражены в чине Таинства Крещения, когда человек, принимающий его, переводится из сего мира в мир Божий, когда он перерождается из старого человека в нового и становится членом нового царства, Церкви Христовой. Уже в первой молитве чина оглашения священник просит Бога о перерождении приступающего к Крещению: «Отстави от него ветхую оную прелесть, и исполни его еже в Тя веры, и надежды, и любви... Напиши его в книзе жизни Твоея, соедини его стаду наследия Твоего». Затем в запретительных молитвах священник силой Божьей велит диаволу отойти, отступить от готовящегося к крещению: «Убойся, изыди, и отступи от создания сего, и да не возвратишия, ниже утаишия в нем, ниже да срящещи его», «Изыди и отступи от запечатанного новоизбранного воина Христа Бога нашего», «Изыди и отступи от иже ко святому Просвещению готовящагося». И завершается это отвержение царства сатаны и переход в Царство Христово особым чином, в котором оглашаемый сначала поворачивается лицом на запад, духовный символ власти тьмы, сатаны, и на троекратный вопрос священника: «Отрицаеши ли ся сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его?» трижды отвечает: «Отрицаюся, отрекся». И оканчивается это отречение от сатаны символическим жестом: дуновением и плюновением на диавола, подчеркивая полное отбрасывание его и уход из его мира в мир Христов. Вхождение в царство Христовой благодати также сопровождается священнодействием. По этому готовящийся к принятию Крещения обращается лицом к алтарю и отвечает трижды на троекратный вопрос священника: «Сочетаваешися, сочетался ли ся Христу?» – «Сочетаваюся, сочетался», выражая полное соединение с Христом и желание пребыть в Его Царствии. Затем это соединение с Христом крещаемый подтверждает троекратным чтением Символа веры и поклонением Пресвятой Троице. Священник, переходя к совершению Таинства Крещения, снова просит Бога о подготовленном к этому таинству: «Отреши его ветхость, и обнови его в живот вечный, и исполни его Святаго Твоего Духа силы, в соединение Христа Твоего, да не ктому чадо тела будет, но чадо Твоего Царствия», и в великой ектении перед освещением воды также просит: «О еже достойну быти нетленного Царствия в ней (в освящающейся воде) крещаемому». После совершения Крещения ему сразу преподается Таинство Миропомазания, и новопросвещенный причащается Святых Таин Тела и Крови Христовых, входя в самое глубокое соединение со Спасителем в Его Царствии.

Совершая, таким образом, проповедь Евангелия и перерождение

Ангелы спускаются
с небес на место мучений,
дабы принять души
страдальцев за веру
и даровать им венцы
нетленной славы

принимающих его, укрепление в Духе Святом и в соединении с Христом Спасителем, апостолы вводили новых членов в Церковь, распространяли ее на земле, преодолевая земное царство дьявола, выводя принявших их проповедь из этого земного мира тьмы и греха в мир света и истины. Однако этот труд был не только тяжелым и непростым, но и требовал, конечно, трудной и упорной борьбы. Ибо мир греха, страстей и гордости, царство дьявола и тьмы противостояло всеми своими силами проповеди Евангелия, сопротивлялось распространению Церкви, всячески препятствуя вхождению в сердца человеческие света Христова и Божьей истины. Зло, ложь, гордость и страсти царства земного настолько ополчались против апостолов, проповедников правды, смирения и послушания Богу, против Царства Божьей благодати и любви, что уже в апостольское время воздвигали жестокие преследования и гонения, поднимая бурю против Церкви Христовой, с надеждой расправиться с ней и прекратить ее распространение, разбить ее и уничтожить.

Но пророческие слова Христа Спасителя о сохранении Его Церкви среди всех испытаний: *«Врата ада не одолеют ее»* (Мф. 16, 18) вдохновляли христиан-мучеников. И они, веря, что Господь не даст миру сему посрамить Церковь, претерпевали все гонения и мучения до конца, полагаясь на Самого Христа Бога в своих мучениях. И благодаря этой силе Божественной благодати, подаваемой Господом мученикам, они не только выдержали свои мучения, но и посрамляли мучителей и дьявола, поддерживаемого их в этих злодеяниях, как поем мы в общем тропаре мученикам: *«Мученицы Твои, Господи, во страданиях своих венцы прияша нетленные от Тебе, Бога нашего, имуще бо крепость Твою, мучителей низложиша, сокрушиша и демонов немощныя дерзости. Тех молитвами спаси души наша»*.

Подвиг мучеников – это воистину одно из самых величественных служений в Церкви Христовой, его действительно невозможно даже

описать, выразить словесно и даже воспеть, прославить его у нас нет достаточных возможностей, настолько это богатый и неизреченный образ. Святой Ефрем Сирий, начиная описание мученического подвига, чувствуя его величие и непостижимость и, вместе с тем, видя свою немощь и неспособность передать величие этого подвига письменно, говорит: «Малосмысленный, неученый и ничего не стоящий человек намеревается написать и выставить всем напоказ прекрасную, величественную и привлекательную картину, то есть рассказать о подвиге святых мучеников; в то же время нет у него и красок, достойных такой картины, и персты его неспособны даже этой картине дать совершенное начертание. Как же он, ничтожный и неискусный, осмеливается написать картину, которая выше маломощных сил его?»⁴

Однако христианское мученичество не было лишь свидетельством в мире сем о существовании на земле другого мира, Церкви Христовой. Мученики совершали самым ярким образом миссию Церкви: несли в мир сей Евангелие, просвещая людей истиной Христовой, как Сам Спаситель заповедал Своим последователям. Изложив Своим ученикам Заповеди Блаженства и завершив их словами: *«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня»*, Господь им сразу возвещает: *«Вы – соль земли», «Вы – свет мира»*, и объясняет Своим последователям: *«Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваши пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного»* (Мф. 5, 10–16). Поэтому мученичество христиан становится самым ярким светом в древнем мире: в заблуждении иудеев и во тьме языческого общества. Христианские мученики стояли впереди евангельской проповеди, просвещая светом Христова учения народы, исполняя самым глубоким образом заповедь Господню: *«Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам»* (Мф. 28, 19–20). Церковь Христова, будучи качественно другим миром на земле и имея заповедь Господню о просвещении народов Евангелием, не искала лишь сосуществования на земле с миром сим, но она всегда стремилась и все делала для того, чтобы просветить общество, в котором она жила. Церковь никогда не останавливалась в совершении этой миссии, даже тогда, когда этот мир жестоко гнал ее и преследовал, стремясь истребить христиан. Мученичество становится впереди этого церковного служения и, более того, видит себя полностью в этом служении и совершает его настолько успешно, что ведет общество к принятию христианства, его христианизации.

⁴ Преподобный Ефрем Сирий. Похвальное слово мученикам. Творения, том 2.

МУЧЕНИКИ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Церковная историческая наука, изучая феномен мученического служения, утверждает: «Мученичество есть продолжение *апостольского служения* в мире. (...) Мученики были проповедниками христианства, продолжателями апостольского служения, и эту миссию они исполняли именно как *μαρτυρεῖς*, т. е. являясь свидетелями».⁵ Исследователи добавляют: «Вместе с тем, мученичество – это следование путем Христовым, повторение страстей и искупительной жертвы Христа. Христос выступает как первообраз мученичества, свидетельства собственной кровью. Отвечая Пилату, Он говорит: “Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать ([греч.] *μαρτυρησω*) об истине” (*Ин. 18, 37*)».⁶

Действительно, Христос Спаситель пришел в этот мир, чтобы просветить его, чтобы спасти его от мрака неведения и греха, чтобы ввести людей в свет ведения и истины. Он умер на Кресте, воскрес и создал Свою Церковь на земле для того, чтобы выводить людей из тьмы печали и отчаяния в свет радости и надежды. Как Сам Господь этому служил Своей проповедью и крестной смертью, так Он послал и Своих учеников апостолов (*греч. ἀπόστολος* – посол, посланник, от *глаг.* посылать, *греч. ἀποστέλλω*) продолжать это служение. Поэтому святые апостолы не только просвещали иудейский и языческий мир проповедью Евангелия, они все также претерпели гонения, преследования и мучения от восставших против их проповеди иудеев и язычников, и затем все они запечатлели свою проповедь мученической смертью, кроме апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Об этом проповедническом подвиге святых апостолов, завершивших свою жизнь мученической кончиной, ярко свидетельствует уже смерть первомученика святого апостола и архидиакона Стефана, который не только, уподобляясь Иисусу Христу, смиренно и кротко принял мученическую смерть от иудеев, побивших его камнями (*см.: Деян. 7, 57–59*), но и, подобно Спасителю, просившему у Отца Небесного прощения Своим распинателям: «Отче прости им, ибо не знают, что делают» (*Лк, 23, 34*), первомученик также обратился к Богу, прося прощения греха своим убийцам: «Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил» (*Деян. 7, 60*).⁷

⁵ Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Том III. История Церкви в период до Константина Великого. Ч. I, 1.; см.: Поснов М. Э. История христианской Церкви (до разделения Церквей в 1054 г.). Гл. 2.

⁶ Мученик. Открытая православная энциклопедия «Древо»: <http://drevo-info.ru/articles/1068.html>; см: Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. http://azbyka.ru/tserkov/svyatye/zhivov_agiografia_1g5_all.shtml; Епископ Балашихинский Николай. Иконография святых мучеников: <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/64/1321>.

⁷ Поэтому Евсевий Кесарийский пишет, что мученики «охотно отдавали звание мученика Христу, верному» и свидетельствовали о себе: «А мы просто исповедники ничтожные», см.: Евсевий Памфил. Церковная история. Книга пятая, 2, 3.

Смерть святого апостола Стефана была не просто первым мученическим подвигом в просветительском служении апостолов. Святая кончина первомученика ярко свидетельствует о существовании мученичества Христовых последователей, о величии этой кончины, о силе и непреодолимости свидетельства мучеников, об их небесности, надмирности, неотмирности. Но, вместе с тем, этот образ мученической кончины свидетельствует и о ничтожности и превратности грешного мира сего, лежащего во зле и беззаконии, о его ненависти к свету правды, истины и любви.

В мученическом подвиге христиан речь шла о свете и тьме, об истине и лжи, о любви и эгоизме, о святости и грехе, что, естественно, ярко свидетельствовало о силе и непреодолимости света, о немощи тьмы перед светом Христовой правды, любви и истины, как об этом говорит святой апостол и евангелист Иоанн Богослов: *«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»* (Ин. 1, 5). Поэтому святые мученики, продолжая апостольское служение несения света и истины в сей мир тьмы и лжи, смиренно и кротко переносили гонения, преследования и все мучения, помня о непреодолимости Церкви, о чем Сам Господь заповедал Своим ученикам: *«Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»* (Мф. 16, 18). Христианские мученики не только помнили это учение Христова о Церкви, о ее силе и непобедимости, но и видели в своей жизни, как немощны зло и ненависть мучителей и как силен Господь в Своей Церкви и в их мучениях. Они видели, сколь несравнимо благо вечной жизни с временными, тленными, преходящими благами века сего, как они ничтожны и мрачны в сравнении с величием, славой и светом будущей жизни, ибо мученики жили уже не в мире сем, а на небесах, со Христом Спасителем, подобно апостолу Павлу, как он сам об этом свидетельствует: *«уже не я живу, но живет во мне Христос»* (Гал. 2, 20). И святые мученики не только видели эту несравнимость благ двух противоположных друг другу миров, но своим спокойствием, кротостью и смирением свидетельствовали языческому миру о том, как ничтожны блага мира сего и как величественно сокровище мира небесного, вечного.

Это свидетельство было настолько ярко и неизреченно, что прекрасно выражалось в парадоксе самого мучения: мученики, терпевшие страшные, неопишуемые муки и страдания, всегда сияли радостью и красотой своей кроткой и смиренной души, а мучители, которые издевались над мучениками, над своими жертвами, пребывавшими полностью в их руках, были мрачными и печальными, злостными и ненавистными, вместо того чтобы радоваться победе в умерщвлении жертв. Мучители печалились потому, что не могли победить мучеников, склонить их к отречению от Христа, ибо мученики побеждали мучителей своей стойкостью, непреодолимостью, непобедимостью.

Св. мученица Иулия на кресте. Худ. Макс Габриэль Корнелиус (1902 г.)

Господь даровал Своим рабам, верным Своим последователям и служителям, мученикам, такую силу, что они не только спокойно переносили мучения, но и (парадоксально) мучители больше уставали, даже изнемогали в совершении мучений, чем сами мученики, переносившие их. Это прекрасно описывает в своей истории Евсевий Кесарийский, повествуя о славном мученичестве Лионских мучеников (пострадавших в 177 году) и среди них – хрупкой слабенькой Бландины, которая не только мужественно перенесла мучения, но победила своей крепостью изнемогших мучителей. Автор пишет: «Боялись за нее все: и мы, и ее земная госпожа, сама бывшая в числе исповедников, считали, что у Бландины, по

ее телесной слабости, не хватит сил на смелое исповедание. Она же исполнилась такой силы, что палачи, которые, сменяя друг друга, всячески ее мучили с утра до вечера, утомились и оставили ее. Они признавались, что побеждены, и не знали, что еще делать; они удивлялись, как Бландина еще живет, хотя все тело у нее истерзано и представляет собой сплошную зияющую рану. По их утверждению, пытки одного вида достаточно, чтобы человек испустил дух, – не надо стольких и таких. Но блаженная, как настоящий борец, черпала новые силы в исповедании: она восстанавливала их, отдыхала, не чувствовала боли, повторяя: «Я христианка, у нас не делается ничего плохого»».⁸

Жития множества древнехристианских мучеников свидетельствуют об изнеможении мучителей во время мучения мучеников и о необычайной стойкости мучеников. «Мучители изнемогли, – сообщается в житии мученицы Татианы Римской, девы и диаконисы († 226), – и заявили, что кто-то невидимый бьет их самих железными палками, девять из них тут же умерли». «Слуги пришли в сильную ярость и начали всячески мучить святого со всей своей силой, пока сами совершенно не изнемогли», – повествуется в житии священномученика Викентия Августопольского (Сарагосского), диакона († 304). «Мучители ослабели, их сменили другие, и те изнемогли, а мученик был непоколебим», – сообщает житие священномученика Климента, епископа Анкирского († 312). Святой Ефрем Сирийский, описывая необычайную силу мучеников и жалкое бессилие мучителей и их предводителя дьявола, образно говорит: «Враг увидел, как отважно и безбоязненно вступаете вы в борьбу, вовсе не имея в сердце страха перед угрожающими истязаниями и искушениями, – и изнемогла крепость лукавства его. Поскольку же пре-

⁸ Евсевий Памфил. Церковная история. Книга пятая, 1, 18–19.

одолевали вы все истязания его, то предпринял враг попытку страхом меча привести в боязнь ваше мужество, чтобы отреклись вы от Христа, всегда вожделенного душам боящихся Его. И не знал он, жалкий, что меч его из выи святых подвижников изводит обильные источники кровей, и в этих-то потоках кровей святых сам он погибает. Однако же со стыдом сказал силам своим: «Боюсь и робею этой крови, струящейся из выи закалаемых за имя Иисуса Назарянина, потому что друг друга убеждают они умереть за Него. Омрачила меня дымящаяся кровь их. Уже не в силах я одного часа или даже мгновения противостоять единомудушью учеников Христовых. Для меня гораздо лучше было бы не воздвигать на них царей. Ибо вот, повсюду преследует меня кровь их. Воня (благоухание) этой крови расслабляет мои силы. Не могу никак и приблизиться к тому месту, где есть кости учеников Иисусовых».⁹

Однако, несмотря на то, что язычники не понимали христиан, отвергали их, считали их недопустимой сектой, в которой они предаются постыдным делам, как свидетельствует Афинагор Афинский: «Нас обвиняют в трех преступлениях: в безбожии, в ядении человеческого мяса, подобно Фиесту, в гнусных кровосмешениях Эдиповских»¹⁰ (так представляли себе язычники христианские агапы), христианские мученики все время положительно влияли на языческое общество своей кротостью и смирением, они просто сияли перед народом своей любовью, невинностью и благостью. Тертуллиан, видя это неизреченное влияние христианских мучеников на общество Римской империи, емко выразился: «Чем более вы истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь мучеников есть семя [христианства]» («Semen est sanguis christianorum»)¹¹.

Древнехристианские мученики сильно влияли на сознание не только простого народа, но и на людей образованных, интеллектуальных, на философов, которым казалось, что христиане отказались от своей древней культуры и цивилизации. Мученики показывали им, что они отнюдь не чужды развития человеческого разума, познания, а наоборот, всецело находятся в поиске истины и правды. Римское языческое государство также, не понимая христиан, преследовало Церковь, потому что она была новым независимым тайным обществом, к тому же, находящимся в оппозиции к официальной религии, противником культа императора, что считалось государственной изменой и поэтому тяжким преступлением. Но древнехристианские мученики, спокойно перенося гонения и мучения, свидетельствовали правителям империи о своем уважении к государственной власти и к ее законам. К тому же, мученики также влияли на государство и своим миролюби-

⁹ Преподобный Ефрем Сирин. Похвальное слово мученикам. Творения, том 2.

¹⁰ La supplica in favore dei cristiani. 3.

¹¹ Апология. 50 // Тертуллиан. Творения. Киев, 1912. Ч. 2. С. 50.

ем и благочестием, своим покоем, кротостью и смирением. Эти их качества и добродетели замечали и правители в Римской империи. И не только замечали, но и всматривались в благочестивую жизнь христиан, изучали основы христианской религии и даже предпочитали их язычникам.

Показательным в этом отношении был отец Константина Великого Констанций I Хлор, который в 293–305 годах управлял Галлией, Британией и Испанией как цезарь, а 305–306 был августом, императором западной части Римской империи. Благодаря этому яркому свидетельству христианских мучеников и жизни всей Церкви император Констанций не только хорошо видел, как вера в Иисуса Христа делает христиан нравственно твердыми и любвеобильными людьми, как они, следуя Закону Божию, являются сильной и крепкой опорой для общества и государства, но он также прекрасно видел на этом фоне христианской жизни своеволие и развращенность язычников, становящихся безразличными, изменчивыми и даже ненадежными для императора. Поэтому Констанций не только не преследовал христиан, он прямо предпочитал их язычникам и даже часто освобождал язычников, активных идолопоклонников, от государственных должностей и ставил на их места христиан и приближающихся к христианству людей.¹²

Это предпочтение христианства язычеству в государственном управлении своего отца с детства прекрасно видел Константин, что помогло ему формироваться христианином, несмотря на трудные обстоятельства его жизни. Константин длительное время был вынужден провести при дворе императоров восточной части Римской империи Диоклетиана и затем Галерия в их столице Никомедии, вдали от своих благочестивых родителей. Однако безнравственность этой среды не только не сломила Константина, а еще более утвердила его в христианстве, помогла ему возрасти в христианской чистоте, правде и любви. Благодаря своим христианским взглядам Константин смог сохранить себя от развращенной среды императорского двора, которая «представляла собою тогда в малом виде все то нравственное и религиозное растление, до какого только может доходить человечество, поработаемое нечистыми, страстными сердечными похотями и впадающее в “превратный ум” (*Рим. 1, 28*). Суетная пышность и роскошь, пьянство и объедение, необузданный разврат мысли и жизни, интриги и крамолы, озлобление против истинного богопочитания и лицемерное, лживое почтение к мнимым богам».¹³

¹² ΕΥΣΕΒΙΟΣ ΕΙΣ ΤΟΝ ΒΙΟΝ ΤΟΥ ΜΑΚΑΡΙΟΥ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΟΥ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ. *Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. Жизнь блаженного василевса Константина. Кн. I, 16.*

¹³ Житие святого равноапостольного царя Константина и святой матери его Елены. Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Месяц май.

На христианское формирование Константина также сильно повлияла его мать, благочестивая Елена, которая, приняв Таинство Крещения, помогала своему сыну все более и более отвергать язычество и следовать Евангелию. Став в 306 году, после смерти своего отца, цезарем Галлии, Британии и Испании, Константин продолжил благочестивое правление своего отца в этой западной части империи, вводя евангельские основы в жизнь общества и в государственное управление. Более того, жестокость, ненависть, развращенность и вражда языческих правителей Римской империи в отношениях между собой и с народом заставляли цезаря Константина даже быстрее отвергать ложность и тьму языческого неведения и следовать истине и свету Евангелия, так ярко проповеданного святыми мучениками. Константин об этом свидетельствовал сам: «Я отчуждился от бывших доселе правителей, потому что видел дикость их нравов».¹⁴

Однако Константин, увидев этот свет Христов в жизни христиан, осещающий народы Римской империи подвигом мучеников и жизнью всей Древней Церкви, желал помочь преодолеть тьму язычества во всех частях его большого государства, где еще лилась кровь мучеников и продолжала светить людям своей истной и любовью. Откликаясь на просьбу народа, Константин, ставший в 308 году августом Запада, освобождает Италию и столицу империи Рим в 312 году от жестокого и порочного тирана Максенция. Эта победа над Максенцием, которая предварялась чудесными явлениями, очень вдохновила Константина, как сообщает Евсевий Кесарийский: «Однажды, в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу, — говорил василевс, — я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: “Сим побеждай!”».¹⁵ И затем Евсевий продолжает: «Во сне явился ему Христос Бог с виденным на небе знамением и повелел, сделав знамя, подобное этому виденному на небе, употреблять его для защиты от нападения врагов».¹⁶ Данные чудесные явления не только подняли дух августа Константина и его армии в борьбе с Максенцием, которого они быстро победили, но эта поддержка Господня для Константина стала самым мощным толчком к продолжению его борьбы с язычеством и введению христианства в обществе и Восточной части Римской империи.

Для этого император западной части Римской империи Константин сближается с восточным императором Ликинием, даже роднится с ним, выдавая свою сестру Констанцию замуж за него. Во время этих свадебных торжеств в Милане в 313 году, 1700 лет назад, Константин смог склонить Ликиния к составлению текста Миланского

¹⁴ *Евсевий. Жизнь Константина. Кн. II, 49.*

¹⁵ Там же. Кн. I, 28.

¹⁶ Там же. Кн. I, 29; cf.: Lucius Caecilius Firmianus Lactantius. *De mortibus persecutorum*. 44, 5, 6.

Замученная христианка-сирийка до и после многодневных пыток и изуверств, которым ее подвергали так называемые «повстанцы» из столь любезной Западу сирийской оппозиции

هذا هو ما يحدث لإخواتنا المسيحيين في سوريا:)
 اغتصاب من قبل أكثر من 20 رجلا قبل قتلها... هل
 سوف يستيقظ العالم ضد هذه الوحشية؟؟ هل وسائل
 الاعلام سوف تتحدث عن هذه القصص؟؟

эдикта, даровавшего свободу христианской религии, к провозглашению его, обнаругованию и направлению его главам *провинциальных* администраций Римской империи. Это была воистину величайшая победа мученического подвига христиан, которые через все препятствия и противостояния, гонения, ненависть мира сего прошли спокойно, кротко и смиренно перенесли все мучения, преодолев тьму и гордость диавола, зла и греха земного мира, вводя в него свет Евангелия. И хотя император Ликий, победив восставшего Максимиана Дазу и став полноправным правителем Восточной империи, начал воевать против императора Константина и вместе с этим противостоять действию Миланского эдикта на востоке Римской империи, преследовать и гнать Церковь, но все это уже не имело никакой силы. Более того, это противодействие не только не поколебало убеждений народа в истинности христианства и ложности язычества, но еще и усиливало их и помогало людям все яснее и яснее видеть правду и вечность христианства, а также глубже понимать и разоблачать слабость, ничтожность и тщетность языческой религии. Благодаря мученическому служению евангельской проповеди общество глубоко просвещалось истиной Церкви Христовой, ее неземной сущностью, ее вечной жизнью, ее любовью и благостью, особенно на фоне все углубляющегося развращения и разложения язычников, которые увеличивали упадок империи и приближали ее разрушение и крушение.

Противостояние императора Ликиния стало только последним усилием тьмы противостоять евангельскому свету, пришедшему в общество Римской империи через мученическое служение Христовой проповеди. И когда император Ликиний в 324 году начал вести войну с Западной империей, желая ее захватить, император Константин легко и быстро справился с противником, выиграв все сражения. 18 сентября 324 года император Константин, став единым правителем всей Римской империи, дал всем народам страны возможность основательно изучать учение Церкви, глубоко просвещаться Евангелием, принимать Крещение, возрастать духовно и укрепляться в христианском благочестии, решительно отвергая ложность и заблуждения язычества. И это все равноапостольный Константин делает благодаря подвигу святых мучеников, которых он особенно любил, как свидетельствует Феодорит, епископ Кирский, описывающий деятельность императора Константин на первом Вселенском соборе, когда он встретился с епископами исповедниками, пострадавшими во время гонений. Автор пишет, что Константин, «заметив же, что у некоторых исторгнуто по правому глазу, и узнав, что это страдание они потерпели за твердость в вере, прикасался губами к их язвам с полной верой, что извлечет отсюда благословение для своей любви».¹⁷

Это широкое просвещение языческих народов Евангелием принесло Римской империи полную христианизацию общества и следование обществом в своей жизни и деятельности Христовым заповедям, что явило полную победу Церкви, христианства, царства не от мира сего над царством мира сего. Ибо общество, принявшее Евангелие и живущее по заповедям Христовым, уже не является обществом от мира сего, находящимся во тьме неведения и пороков, а становится обществом Божиим не от мира сего, знающим истину и живущим нравственно-духовной жизнью. В этом есть смысл Евангелия, миссия Церкви, задание каждого христианина – нести свет Христова учения людям мира сего, царства земного, погрязшего в тьму греха, страстей и неведения, пока люди не примут Евангелие, пока не будут следовать его истине. И хотя с христианизацией общества заканчивается это высокое служение мучеников для проповеди Евангелия, потому что люди уже живут по евангельским заповедям, образ мученического подвига настолько значителен и важен для Церкви, что остается всегда примерным и живо питающим души верующих, всегда ярким и величественным. Церковь Христова навсегда остается Церковью мучеников, помня этот величественный подвиг и всегда живя им, ибо только он меняет мир, преодолевает грех и зло мира сего, мира земного. Об этой живости восприятия мученического подвига говорит святитель

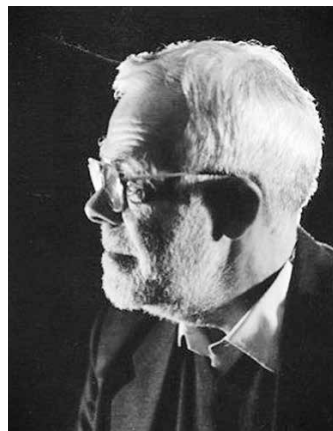
¹⁷ Феодорит, еп. Кирский. Церковная история. Кн. 1, 11.

Иоанн Златоуст, напоминая своим слушателям, жившим в уже христианском обществе: «Но и мы можем подвизаться, как во время мученичества. Мученики презирали жизнь, ты презирай удовольствия. Они ввергали тела свои в огонь, ты ввергай теперь имущество свое в руки бедных. Они попирали ногами горячие уголья, ты погашай пламень похоти. Трудно это, но и полезно. Смотри не на прискорбное настоящее, а на приятное будущее, не на бедствия присущие, а на блага уповаемые, не на страдания, а на награды, не на труды, а на венцы, не на подвиги, а на воздаяния, не на скорби, а на утешение, не на горящий огонь, а на царство предстоящее, не на окружающих палачей, а на увенчивающего Христа».¹⁸

¹⁸ *Святитель Иоанн, архиеп. Константинопольский, Златоуст. Похвальное слово всем святым мученикам, 2.*

Между мученичеством и повседневностью: советский опыт

*МАЛАХОВ Виктор Аронович,
доктор философских наук, главный
научный сотрудник Института
философии им. Г. С. Сковороды НАН
Украины, г. Киев*

*«...Лице Его видит праведника».
(Пс. 10, 7)*

«Да разве могут дети юга,
Где розы блещут в декабре,
Где не разыщешь слова “вьюга”
Ни в памяти, ни в словаре,
Да разве там, где небо сине
И не слиняет ни на час,
Где испокон веков поныне
Все то же лето тешит глаз,
Да разве им хоть так, хоть вкратце,
Хоть на минуту, хоть во сне,
Хоть ненароком догадаться,
Что значит думать о весне,
Что значит в мартовские стужи,
Когда отчаянье берет,
Все ждать и ждать, как неуклюже
Зашевелится грузный лед.

А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
Но только гордость и беда.
И в крепкой, ледяной обиде,
Сухой пургой ослеплены,
Мы видели, уже не видя,
Глаза зеленые весны».

Это стихи Ильи Эренбурга, грешного советского поэта. Впрочем, в данном случае неважно, кто написал эти стихи, – главное, что не мученик. Подписаться под ними мог бы, наверное, всякий советский человек; вовсе не нужно было быть мучеником, чтобы воспринять их как свои, просто нужно было жить в то суровое время. Стоит представить себе эти лютые голодные зимы, зимы военные и послевоенные, зимы летние и весенние, эти облака над невольной страной, эти пионерские тропы, бедные лагеря...

О настоящих мучениках, сознательно принявших страдание за веру Христову, за угнетаемых ближних, за свободу и достоинство человека, нужно говорить подробно и честно, – но другие, ближе стоящие к подобному опыту, сделают это лучше, чем я. Я же усматриваю свою посильную задачу в том, чтобы на этих нескольких страницах указать – только лишь указать, не более! – на *тень мученичества*, привлечь внимание к своеобразной его гравитации, под привычным воздействием которой десятилетиями жила страна. Если подлинных мучеников, ведомых нам и неведомых, были, наверное, многие тысячи, если миллионы людей томилась и умирали в лагерях, то десятки миллионов жили в это же время «обычной» человеческой жизнью – ходили на работу и в кино, встречали Новый год, наведывались на базар за картошкой, дружили, веселились, хоронили родню... И вздрагивали от неожиданных звонков, и ежились под случайным неведомым взглядом, и знали, помнили, что всякий опрометчивый поступок может вывести на порог, за которым – беда и смерть. Жуткие слухи о тех, кого «забрали», переползали из дома в дом...

Разумеется, самому быть мучеником и жить в тени чьих-то мучений – вещи глубоко разные. В обыденной жизни тех лет, какие бы зловещие тени над нею ни нависали, было немало и света, и надежд на будущее, и простой человеческой доброты, от утраты которых ныне щемит сердце. Светлые стороны советской повседневности, безвозвратно утерянные сегодня, – это ведь тоже правда, отворачиваться от которой значит непозволительно упрощать задачи нашей исторической памяти, задачи осмысления нашего собственного места в мире и в истории страны.

И, тем не менее, пребывать в тени чужих мучений, испытывать на себе силу их притяжения значит тоже в какой-то мере быть этим мучениям сопричастным. Мне эта немая, невысказываемая сопричастность представляется принципиально значимой, поскольку благодаря ей само мученичество – явление, бесспорно, высокое и страшное, – сопрягается с обычной человеческой жизнью, а не противопоставляется ей. Все было бы еще гораздо страшнее, если б такой сопричастности не было – если бы те, кто на воле, в светлых домах, не чувствовали бы для себя никакой угрозы и не ощущали бы никакой тревоги от того, что кто-то там «сидит» страдает: ну сидят враги народа, и правильно сидят, нам же, честным людям, спокойнее... К счастью, было иначе: между мученичеством и повседневностью пролегла полоса сопричастности, каким-то удивительным образом все же спланивающая страну, формирующая у самых разных людей сходные нравственные очевидности.

Свет, принято считать, лучше всего различим на фоне тьмы. Мысль о мученичестве соблазнительно легко сочетать с мыслью о злодействе: чем выше подвиг, чем святее жертва, тем неотвратимее гнев, направленный на ее предполагаемых мучителей – сожигателей, распинателей, палачей, да и просто на тех, кто безучастно стоял рядом, и на детей и потомков этих безучастно стоявших тоже. Существует эмоциональный шаблон, сообразно которому благоговение перед мученичеством почти неизбежно порождает ненависть: нынешний культ шахидов в ряде исламских стран – ярчайшее тому подтверждение. (С той, разумеется, существенной оговоркой, что в современном мире инициатива убийства преимущественно на их, шахидов, собственной стороне – можно сказать, самой своей героической смертью они казнят неповинных людей). Да и в истории христианской Церкви нередки случаи, когда факты мученичества за веру истолковывались в духе разжигания вражды к иноверцам, когда само преклонение перед Крестом Господним оборачивалось вспышками неукротимой ненависти – вопреки основополагающему христианскому пониманию мученичества как свидетельства прощения и любви. Если же говорить о нашем конкретном советском и постсоветском опыте – сколь часто приходится наблюдать, как благочестивое памятование новомучеников выливается в обоснованное, но, увы, совершенно бесплодное возмущение, ведет к обострению вражды между различными частями нашего и без того раздерганного общества.

Так вот, куда более плодотворным в нравственном отношении представляется мне взгляд на человеческое страдание как на источник (зачастую подспудный, невыявленный) личной стойкости и солидарности для тех, кто оказался ему в какой-то степени причастен. Все это не стоит, разумеется, понимать чересчур прямолинейно – жизнь чело-

веческая вообще сложна и многосоставна, и намешано в ней обычно всего понемногу. И, тем не менее, очевидно, что сосредоточение на проявлениях мученичества способно либо вовлекать в пучину ненависти, ненависти, повторяю, небезосновательной и оттого тем более безысходной, – либо пробуждать сострадание, открывать нашему взору лучшие начала в человеческом существе. Последнее, думается, более по-христиански. Хотелось бы этой небольшой заметкой хоть в малой мере послужить утверждению именно такого, сострадательно-собирательного понимания феномена мученичества и ситуации человека перед лицом мучений в целом.

Итак, применительно к нашей теме и имея в виду только что очерченный «сострадательно-собирательный» подход к ее осмыслению, можно, по-видимому, говорить прежде всего о трех основных родах мученичества (именно мученичества, т. е. добровольно принятого страдания «даже до смерти» (Флп. 2, 8), а не о человеческом страдании как таковом, которого за истекшее столетие накопились в нашем «пространстве» поистине космические объемы).

Во-первых, это собственно мученичество в строгом церковном смысле слова: мученическая смерть, принятая за веру и во свидетельство о Христе.¹ По всей Руси верующих христиан, подобным образом принявших смерть в годы террора, были, очевидно, тысячи и тысячи. Сообразно трагическим обстоятельствам их гибели, Архиерейским собором РПЦ 2000 года были прославлены «как известные, так и неизвестные нам мученики и исповедники веры»;² на 1 января 2011 года поименно канонизированы 1774 человека.³ Среди этих тысяч были, конечно, активные борцы с атеистическим режимом, самоотверженные герои сопротивления, были и люди тихие, безответные, смиренно и просто делающие свое дело в молчаливой готовности принять крест Христов.

В свое время Г. П. Федотов усматривал в страсотерпчестве Бориса и Глеба «самый парадоксальный чин русских святых».⁴ Самый парадоксальный – но и глубже всего укорененный в народном сознании. Особенность этого полюбившегося древним русичам типа святости, согласно Федотову, в том, что на место аскетической героики греческих мученических житий он выдвигает «дух вольного страдания»,⁵ на место «твердого ожидания смерти»⁶ – смирение и жертвенность. Между этими альтернативами мученичества, замечает исследователь, «древняя Русь сделала свой выбор»;⁷ должно быть, в этом выбо-

1 См., напр.: Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: «Гнозис», 1994. С. 58–68.

2 URL: ru.wikipedia.org/wiki/Собор_святых_новомучеников_и_исповедников_российских..

3 Там же.

4 Федотов Г. П. Святые Древней Руси (X–XVII ст.). 4-е изд. Paris: YMCA-PRESS, 1989. С. 30.

5 Там же. С. 27.

6 Там же. С. 25.

7 Там же. С. 28.

ре было нечто сквозное, трансисторическое, ибо и в XX веке сколько же людей шло на крестные муки кротко, безоглядно – словами Федотова, даже не в борении «за веру Христову», а просто «в последованиях Христу».⁸

Ныне и присно по кручам Синая,
По полю русскому в русское небо,
Ни колоска под собой не сминая,
Скачут лошадки Бориса и Глеба...

Борис Чичибабин

Разумеется, в советское время мученики подобного рода (собственно мученики в христианском понимании этого слова) не были и не могли быть на виду. Это, однако, не означает, что они не оказывали на нравственную атмосферу тех лет никакого воздействия. Они были христианами, и нельзя забывать об их молитвенном соприсутствии в нашей тогдашней, пусть внешне и обезбоженной, жизни. Вместе с тем, реальные человеческие связи всегда глубже и богаче тех идеологических схем, которыми их стремятся обуздать власть предержавшие. И вот на уровне непосредственных взаимоотношений, официально как бы не замечаемых, но при этом вездесущих, формирующих и пронизывающих повседневное бытие всякой человеческой общности, вполне ощутимым во множестве случаев оказывалось влияние если не собственно мучеников, то, по крайней мере, людей, близких к ним по своему душевному складу, своей человеческой несокрушимости.⁹ Память детства, семейные предания, старинные альбомы оживляли образы таких людей в сознании их потомков – современников новой советской эпохи.

Во-вторых, своих официальных мучеников имел и советский режим. Слово «мученик» в этом контексте я употребляю без кавычек, поскольку речь-то идет о реальных людях, сознательно пострадавших за свои убеждения, – пусть их биографии зачастую и искажались в пропагандистских целях. В высшей степени характерным представляется то, что без опоры на «сонм» (здесь-то уже кавычки неизбежны) подобных мучеников советский строй, оставаясь собою, обходиться не мог. Поколение за поколением выросло под аккомпанемент рассказов о жертвенных подвигах Пашки Корчагина, Зои Космодемьянской, Александра Матросова... Разумеется, все такие рассказы неизбежно имели своей сверхзадачей утверждение начал единомыслия и одиночества в тогдашнем советском обществе. И, тем не менее, в рамках решения самой этой задачи воспитание на подобных обра-

⁸ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 28–30.

⁹ О подвиге мучеников XX века как свидетельстве нашему времени о несокрушимости духовных основ человеческого бытия ср.: Делл'Аста А. В борьбе за реальность. К.: Дух і Литера, 2012. С. 154–159.

Советские люди

зах в какой-то мере делало юношей и девушек той поры нравственно чище, прививало им самоотверженность, своего рода душевное благородство. Помню, что пионерский отряд класса, в котором я учился, носил имя Лизы Чайкиной. Что мы знали о Лизе Чайкиной? Что была такая смелая девушка, которая боролась с фашистами и пострадала за наше счастливое детство.

В-третьих, наиболее, по-видимому, распространенную в советское время категорию «малых» мучеников (пишу так, дабы отмежевать рассуждение о подобных людях от бестактных притязаний на какую-то исключительность и величие) составляли те, кто, не имея незывлемых духовных или идеологических ориентиров – а может, догадываясь, что «все не так, как надо», – тем не менее, готов был пострадать за свою страну, какова бы она ни была («жила бы страна родная...»), за привычный уклад жизни, за свой город, друзей и любимых. Подобного рода внутренняя готовность (как раз и отличающая мученика, пусть и «малого», от просто страдальца), насколько можно судить, отнюдь не была редкостью; память о ней хранят многие семьи. Моего, например, дядю, красноармейца-еврея, замучили в Крыму фашисты, вырезали на его груди пятиконечную звезду и убили – так он знал, за что воевал. И отец мой знал, во имя чего добровольцем ушел на фронт. Думаю, массовый характер подобных жизненных установок многое объясняет в поведении советских людей в период Великой Отечественной войны, да и позже – вплоть до самоотверженности черныбыльских ликвидаторов и мужества моряков-подводников погибшего «Курска».

И вот, возвращаясь к началу этих заметок, хотелось бы повторить, что под непритязательными стихами о суровых зимах, грузных льдах и ожидании весны мог бы, по-видимому, подписаться едва ли не каждый советский человек, какая бы из упомянутых трех разновидностей

Плакат 1930-х гг.

мученичества при этом ни витала перед его внутренним взором. «Век-волкодав» (О. Э. Мандельштам) щерил зубы на каждого – священника, партийного работника, инженера, крестьянина, юношу, обдумывающего житье; невозможно было, живя в Союзе, этого не ощущать. Тяжкий лед страданий, сковавший страну, придавал особую цену и вес этосу мужественного, мученического их приятия. По всем краям и пределам повседневного человеческого бытия пролегла некая суровость – суровость недреманных ведомств, суровость стихов о войне и угрозе, суровость призывов, приказов, ударов, бросков – словно бы только в этом обжигающем кольце и могли существовать уют домашнего очага, раздолье народных гуляний, пионерское лето, буйство вечерних столичных огней.

...И как один умрем
в борьбе за это, –

пелось в старой революционной песне. Годы революции прошли, но навык воспринимать страдание и смерть как истину бытия остался. «Век-волкодав» учил: чем жесточе, тем правдивее. «Жестокое, но праведное время», – говорили в советскую эпоху о ярчайших страницах ее истории.

Итак, мучение как сокровенная основа бытия, мучение как то, чего ждешь, чего боишься, перед чем благоговеешь, мучение, попушением Господним ставшее конститутивным элементом «обычной» человеческой повседневности, – думаю, в отвлечении от этого фактора невозможно понять того, чем мы располагали в советское время и что мы вместе с ним утратили.

Речь, конечно же, не о том, что, мол, люди советской поры непрестанно мучились, не ведали светлых дней, и уж вовсе не о том, будто бы они в большинстве своем были мучениками или осознавали себя таковыми. Сознать себя мучеником – вообще сознание дурное, греховное. Речь о восприимчивости и уважении к мученичеству как таковому, речь о всеобщем убеждении, что страдание учит, возвышает человека, что по-настоящему великие вещи обязательно надо выстрадать. Достоевский в этом отношении неожиданно оказывается более близким «советскому» взгляду на вещи, чем, скажем, много страдавший на своем веку русский писатель XX века Константин Воробьев, страстно утверждавший, что возведение страдания «в некую доблесть» являет собою «ложь, всесветный обман»...¹⁰

Впрочем, вскоре после крушения Советской власти сентенция о том, что «горе человека не красит» и что, прежде всего, «человек должен сделать себе радость при своей жизни»,¹¹ обрела такую степень самоочевидности, о которой горький молчалиник Воробьев, надо полагать, и не думал.

Исчезновение уважительного отношения к страданию, вообще утрата «горизонта страдания» как формирующего начала повседневного человеческого опыта – быть может, одно из характернейших отличий постсоветского этапа нашего совместного бытия от советского. Относиться к упомянутому отличию можно, конечно, по-разному. Главное, что в этой связи хочется отметить то, без чего все остальное оказалось бы, наверное, прямой неправдой, – это то, что при всех наших нынешних безобразиях один только факт преодоления той страшной и кровавой полосы XX века, которой в основном был обусловлен доставшийся нам в наследство опыт страдания, уже сам по себе побуждает к позитивному восприятию дня сегодняшнего; это историческое обстоятельство, на мой взгляд, невозможно переоценить.

Однако необходимо сказать и о другом. Упразднение «высокого» страдальческого горизонта человеческой жизни легко приводит, как показывает уже нынешний наш опыт, к засилью своекорыстия и гедонизма, а через гедонистическое опустошение души – к популярному воззрению: все «туфта», сиречь симулякры, а те, кто еще чем-то мучается, страдает, – те «лохи». Заимствуя жаргонизм современной физики, можно сказать, что типичным для наших дней явлением, к сожалению, становится своего рода «схлопывание» человека – утрата его бытием внутреннего напряжения и, как следствие, экзистенциальный провал. Оттого по-особому важны сегодня уроки исторической памяти: не только как напоминание о том, что не должно повториться, но и как внесение контрастного трагического фона в наше нынешнее,

¹⁰ Память горькая и чистая: Из архива писателя Константина Воробьева // Правда. 1988, 31 октября. С. 4.

¹¹ Там же.

зачастую довольно-таки пустопорожнее, существование: перед лицом чужих мучений кривляться не станешь. Вопрос в том, возможно ли, представимо ли ныне сколько-нибудь серьезное отношение к жизни без этого трагического контекста, без постоянных напоминаний себе о том, что были ведь, и в не столь отдаленные времена, Голодомор, Холокост, ГУЛАГ, миллионы мученических смертей?

Не думаю, что существует простой ответ на этот вопрос.

История иконы Божьей Матери «Семь скорбей» времен Второй мировой войны

*ТАЛАЛАЙ Михаил Григорьевич,
кандидат исторических наук,
публицист и историк русского
зарубежья, г. Неаполь, Италия*

В России нечасто говорят об итальянской агрессии эпохи Великой Отечественной войны: врагом был германский нацист, а вовсе не растерянный, голодный и небритый «макаронник».

Недоумение и суровое сострадание перед бездыханным телом солдата-итальянца звучит в стихотворении Михаила Светлова, написанном в 1943 году:

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, –
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?
<...>

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

Заметим здесь, что война, народные страдания, бесконечные мучения высекали из многих поэтов, которые прежде (и потом) писали вполне советские стихи, слова воистину вдохновенные, трогающие сердца и поныне. В этом тексте Светлова явно сквозит искренняя жалость, пожалуй, даже милосердие – то, что на итальянском обозначают понятием «*pietá*». Обращает на себя внимания и образ нательного крестика у павшего солдата, говорящий об известной религиозности итальянцев (в то время как кресты у немецких солдат и на их военной технике носили лишь декоративно-распознавательное значение, безо всяких аллюзий на христианство).

Но действительно: как итальянцы оказались в донских «снежных полях»?

Их отправил на смерть диктатор Муссолини, ошибочно посчитавший Гитлера грядущим победителем. Вермахт даже не желал итальянского участия на Восточном фронте, зная о слабой подготовке итальянской армии и ее провалах на Балканских и Североафриканских фронтах. Итальянское правительство было унижено и тем фактом, что о нападении Германии на СССР оно узнало постфактум. Однако все-таки в Риме было решено объявить войну и сформировать особую армию, получившую – несколько позднее – название ARMIR, то есть «*Armata Italiana in Russia*», «Итальянская армия в России».

Диктатор Муссолини ошибочно посчитал Гитлера грядущим победителем, чем подписал смертный приговор и самому себе

Итальянские пленные
после капитуляции.
1944 г.

Итоги Восточного похода Муссолини таковы: 230-240 тысяч мобилизованных в ARMIР, из них около 100 тысяч павших и около 65 тысяч военнопленных. О масштабах национальной драмы может свидетельствовать другой факт: в Россию из Италии отправилось 700 железнодорожных составов с солдатами, а вернулось лишь 17, причем последний военнопленный итальянец репатриировался лишь в феврале 1954 года!

Так закончился римский поход на «защиту тысячелетней европейской культуры»: смертью своих солдат Муссолини подписал и смертный приговор самому себе.

Обычно историки выделяют четыре этапа Русской кампании итальянцев: 1) победоносное продвижение к Дону; 2) стойкое сопротивление во время контратаки Красной армии; 3) разгром в донских степях с одновременным разгромом немцев под Сталинградом; 4) отступление и плен.¹

Именно Дон стал знаком этой трагической эпопеи, как в мемориальном, так и религиозном ключе. *Il Don* для итальянца с исторической памятью – это символ страданий. «Возвращение на Дон» – так назвал одну из своих книг военный писатель Марио Ригони-Стерн, ворвавшийся в итальянскую литературу пронзительной повестью «Сержант на снегу» (1953).²

¹ * Историей о Мадонне дель Дон меня заинтересовала почти четверть века назад Анна Мария Канепа Мордаччи, один из первых моих итальянских друзей; она же передала мне вырезку из популярного журнала «Famiglia Cristiana» со статьей об образе. Помню, что на фотоиллюстрации в журнале был изображен созерцавший русскую икону итальянский бамбино в шляпе с черным пером, традиционным головным убором альпийцев. С тех пор я был особенно внимателен к этой истории, которая вышла на новый виток после встречи двух икон в декабре 2011 года (см. об этом в статье).

Общий современный очерк Русской кампании 1941–1943 годов с особым рассмотрением ее завершающего этапа см.: Джустини М.-Т. Итальянские военнопленные в СССР. 1941–1954 / Пер., науч. ред. М. Г. Талалай. СПб.: Алетейя, 2010.

² О творчестве М. Ригони-Стерн, вместе с обзором итальянской военной прозы, см.: <http://archive.svoboda.org/programs/otbe/2004/otbe.082504.asp>.

Старинная итальянская икона
Мадонна Семи скорбей, Vergine
dei Sette Dolori

Русская икона «Умягчение злых сердец»,
ставшая итальянской «Мадонной дель Дон»

На эту грандиозную реку итальянские корпуса, в том числе дивизии альпийских стрелков (*divisioni alpine*), вышли в ноябре-декабре 1942 года. Выдвижение этих специальных частей в русские степи стало очередной ошибкой командования Муссолини: подготовленные к сражениям в горных условиях и предназначенные первоначально к действиям на Северном Кавказе, альпийцы, хоть и отличались особой стойкостью, не смогли выдержать позиционных равнинных боев под шквалом «Катюш» и без танковой поддержки.

Одно из решающих столкновений между ARMIR'ом и Красной армией произошло на юге Воронежской области, близ городка Белогорье. На восточный берег Дона итальянцы после кровавых сражений выйти так и не смогли, и этому посвящен особый памятник, установленный у Белогорской переправы после победы.

На западном же (оккупированном) берегу среди разбитых и горящих изб итальянцами была обретена русская Богородичная икона, которую они сразу же окружили глубоким почитанием, наименовав Донской – «*Madonna del Don*» (к традиционной Донской иконе Божией Матери канона «Умиление», празднование 19 августа по ст. ст., она отношения не имеет).³

³ Возникает вопрос – а как же переводить на русский язык «*Madonna del Don*», раз Донской Божией Матерью титуловать ее неправомерно. Как нам кажется, возможен вариант *Дева Мария Донская* – таким образом учитывается и характерный для почитания Пресвятой Марии нюанс – на Востоке основное молитвенное внимание обращено

Статуя в базилике
Мадонна дей Сетте
Долори. Пескара, Италия

Обстоятельства обретения таковы. В ноябре 1942 года 5-й полк альпийской дивизии «Тридинтина» выходит к Дону. Батальон «Тирано» – по имени одного альпийского городка в Северной Ломбардии – дислоцируется близ города Павловск, в бывшей казачьей станице Белогорье. При батальоне командирован военный священник, капеллан дон Поликарпо, монах-капуцин, в миру носивший имя Нарчизо Крозара, родом из городка Вальдано, регион Венето. Именно к нему и обращаются альпийцы со словами: «*Abbiamo trovato la Madonna!*» – «Мы нашли Мадонну!» Возглавляет группу солдат лейтенант Джузеппе Перего из ломбардского городка Сондрио – он и ведет священника к одной из разрушенных

изб. В ней находится поразившая солдат икона Божией Матери «Умягчение злых сердец». Итальянцы вместе с доном Поликарпо молятся перед образом и забирают его с собой: дон Поликарпо водружает образ в избе, отведенной под походную капеллу. Позднее о своем участии в обретении иконы рассказал и бывший рядовой Уго Бальзаре (Бальзаре), побывавший в Белогорских краях в 2005 году.⁴

Отчего их поразила именно эта икона, найденная в Белогорье? Ведь, вне сомнения, и капеллан, и солдаты и ранее видели русские иконы – Казанскую, Владимирскую, Тихвинскую... Однако традиционные, византийского канона, образа мало тронули их души. На этот раз они увидели икону, которая напомнила им «родных» Мадонн.

Образ «Умягчение злых сердец», очевидно, проник в Россию через юго-западные русские, а также украинские земли, отразив католическую иконографию «Божией Матери Скорбящей» – *Mater Dolorosa*. Об этом писал позднее в своей мемуарной записке и сам дон Поликарпо: «Этот лик Мадонны показался мне таким отличным от обычно виденных и таким похожим на прекрасных Мадонн из наших краев».⁵

Вот почему итальянские солдаты кричали: «Мы нашли Мадонну!»

Белогорье в прошлом было казачьей станицей, близ которой находился и пещерный монастырь, устроенный казаками: вероятно, икона

к ней как к Матери Божией, на Западе – как к Приснодеве. Кстати, в месте ее нынешнего нахождения, в капуцинской базилике в Местре, на листке с русским текстом она титулуется именно как Дева Мария Донская.

⁴ «Летом 2005 года места донских боев посетил бывший рядовой итальянских войск, ныне архитектор Уго Бальзаре. Долго ходил он по заросшим травой окопам, вспоминая военные годы. Показывал созданный ими в меловом склоне у с. Басовка бункер. Здесь у поставленного образа Девы Марии солдаты мечтали о возвращении живыми домой. Уго Бальзаре приехал сюда вновь по зову своей совести, стремясь попросить прощения у жителей окрестных сел и г. Павловска»; см.: <http://www.azovhram.ru/content/view/135/51/>.

⁵ Краткий текст воспоминаний капеллана см.: <http://www.alpinivenezia.it/madonnadeldon/storia/storia11.htm>.

Вода реки Дон

Приношения иконе от ветеранов-альпийцев

Земля с берегов Дона

«Умягчение злых сердец» попала сюда через них.⁶

Начинается развал итальянского фронта. Лейтенант Джузеппе Перего гибнет при отступлении 23 января в бою при Арнаутове в Белгородской области. Капеллан хранит у себя икону и молитвенно обращается к ней при разного рода обстоятельствах. Так, он рассказывает о плененном и раненом красноармейце, пытавшемся покончить самоубийством: дон Поликарпо с Богородичным образом в руках умолил его не совершать такого тяжкого греха (о дальнейшей судьбе красноармейца не сообщается).

Знаменательны слова католического священника: «Я увидел, я почувствовал, что у этой святой иконы пребывают два народа, которые воюют между собой, но тут в любви к Божией Матери – пусть в час ненависти и крови – вдруг ощущают себя братьями».

Когда одного контуженного альпийца срочно отправили в Италию, дон Поликарпо вручил ему Богородичную икону с просьбой передать ее своей собственной матери в Венето, так как он по долгу службы должен был оставаться при дивизии. В сентябре 1943 года уже на территории Северной Италии он был арестован немцами за отказ служить в т. н. республиканской армии Муссолини (в тот момент низвергнутый

⁶ В недавние времена один местный священник, узнавший про Мадонну дель Дон, освятил близ пещер бывшего монастыря источник с названием «Умягчение злых сердец».

дуче устроил марионеточную фашистскую республику, призвав солдат и офицеров отказаться от клятвы королю). После разгрома нацизма, весной 1945 года, священник вернулся на родину в Венето, где его ждала мать – икона *Madonna del Don*, перед которой она молилась в ожидании сына.

С того момента начинается почитание в Италии Донской Девы Марии – в первую очередь, среди «солдаток», жен тех итальянцев, что не вернулись с Восточного фронта. Дон Поликарпо воспринимает это как призыв от Самой Божией Матери и объезжает с иконой города и веси, устраивая перед ней моления. Он возвышено называет свою поездку по Италии «Крестовым походом любви и прощения». Постепенно икона стала восприниматься и как икона ветеранов Русской кампании: к этому призывал сам священник, «в чаянии умиротворения душ, потревоженных войной», – воистину умягчение злых сердец.

Ее принятие католиками облегчалось, как об этом говорилось выше, художественной и типологической схожестью с «Мадоннами», близостью к итальянской религиозности и чувствительности.

Западный образ Скорбящей Девы Марии, *Mater Dolorosa*, иначе *Vergine Addolorata*, в действительности почти тождествен иконе «Умягчение злых сердец», где также изображены семь мечей (или стрел). Один из изводов *Mater Dolorosa* так и называется – Мадонна Семи Скорбей, *Vergine dei Sette Dolori*.

Близки православное и католическое толкования изображаемых мечей (стрел), которые относят их к исполнению пророчества к Матери Божией от старца Симеона Богоприимца: «Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лк. 2, 35). Отсюда – более редкое титулование русской иконы как «Симеоново проречение». Образ «Умягчение злых сердец» пишется с вонзенными в сердце Богоматери мечами – по три справа и слева, один снизу. Число семь для православных обычно означает полноту, избыточность чего-либо, а в данном случае – полноту и бескрайность того горя, печали и «болезни сердечной», что испытала Богородица во время Ее земной жизни.

В католичестве же число семь получило дальнейшую проработку – с перечислением семи скорбей (*Sette Dolori*): 1) Симеоново проречение, как в православной традиции; 2) бегство в Египет; 3) трехдневная утрата в Храме 12-летнего Иисуса; 4) встреча с Сыном на Голгофском пути; 5) стояние у Креста; 6) снятие мертвого Сына с Креста; 7) положение во Гроб.

В 1667 году в обиходе Римско-Католической Церкви утвердилась официальная месса в честь Скорбящей Мадонны, или Мадонны Семи Скорбей, и особое ее празднование – 15 сентября, в то время как Православная Церковь чествует эту икону на Сретение. Так же к *Mater Dolorosa* следует возвести истоки почитания другой русской иконы, необыкновенно близкой к «Симеонову проречению». Это икона

Семистрельная, которая пишется с вонзенными в сердце Пречистой мечами – тремя справа и четырьмя слева (празднование 13 августа).⁷ Есть и третья православная икона той же типологии – из города Жиздра, известная как «И Тебе самой душу пройдет оружие», или «Страстная». Икона показывает Божию Матерь в молитвенном положении; одной рукою Она поддерживает лежащего у Ее ног Младенца, другою же прикрывает Свою грудь от семи направленных в нее мечей.

В 1967 году по желанию капуцинского священника дона Поликарпо странствующую Мадонну поместили в базилику капуцинов в Местре, сухопутном предместье Венеции, в особом, торжественном по архитектуре и убранству приделе,⁸ в окружении множества мемориальных досок, преимущественно от ветеранов Русской кампании. Куррирует Богородичный придел Национальная Ассоциация альпийцев, Associazione Nazionale Alpini (ANA), региональные секции которой по очереди, раз в год, снабжают оливковым маслом «неугасимые» лампы перед иконой. При новом принесении масла делегаты от того или иного края зачитывают специально составленную молитву: «О Мария, Матерь Господа Нашего Иисуса, Владычица снегов и гор! В сей радостный час передачи Тебе масла лампы, для горения ее в течении года – во имя тех альпийцев, что пали на полях, где выполняли свой долг, и тех, что сегодня несут миротворческое бремя, мы молимся Тебе, вышняя паломница к бесконечному, звезда морей, Царица мира: Матерь Донская, вверяем под Твой покров весь народ альпийцев, вчера и ныне. Пусть над ним не опускается ночь безразличия, забвения и неверия. Помогите ему найти истинную Церковь – дом веры, солидарности и дружбы. Сохрани всех нас и – в особенности – тех, кто служит за пределами Родины. Пусть они действуют там без злобы и злопамятства, только одного мира ради».

В 1976 году для Донской Девы Марии была составлена особая месса, а после ее первого совершения кардинал Джованни Урбани, патриарх Венецианский, так обратился к образу: «О Пресвятая Дева, мы собрались у Тебя для молитвы. Как рады мы Твоему прибытию из дальних русских земель к нам в Местре, в этот великолепный храм монахов, детей святого Франциска Ассизского. О дражайший образ, останься среди нас и стань залогом единства христиан, которого мы так желаем».

В 2002 году икону официально провозгласили Небесной покровительницей всего действующего Альпийского корпуса. Установлено и особое празднование – каждое второе воскресенье октября. В Италии почитание иконы растет: в некоторых храмах устроены приделы (капеллы) в ее честь, к примеру, в Сампьердарена (близ Генуи) и в Реджо-Эмилии; возникли ее копии, «списки» – самая известная, рельефная

⁷ В церковном обиходе, впрочем, икону «Умягчение злых сердец» также часто именуют Семистрельной.

⁸ У итальянцев придел именуется капеллой, так же, как и часовня, вероятно, именно поэтому возникло ошибочное сведение об особой «часовне» в Местре.

копия из терракоты была выполнена скульптором Сильвани Леопарди для церкви в Терминилло по заказу Римской секции Национальной Ассоциации альпийцев.

Для первоначального образа в базилике в Местре скульптор Аджелиндо Модесто изваял прекрасный оклад из серебра весом в 14 кг со сценами обретения иконы и чудес от нее. По ее сторонам, в стеклянных чашах, – вода и земля, привезенные с Дона.

История с Мадонной дель Дон постепенно становится известной и в России. Она получает сегодня даже неожиданный стихотворный отклик от литератора А. М. Дягтерева:⁹

Враг на войне – всегда лишь только враг!
Узнал об этом Уго Бальзаре,¹⁰ когда почуял страх...
Рвались снаряды над Басовкой, пришел альпийцам крах.
Казалось, что спасти не мог уже и вещей маг...
По снегу Уго побежал, чтоб скрыться средь домов.
И вдруг икону увидал, услышав вышний зов.
Упал солдатик на колени, молитвы зашептал.
И образ древний, что нашел, с собою он забрал.
Комбат¹¹ Джузеппе Перего икону отобрал.
Но о находке чудотворной он в штабе рассказал.
От белогорской переправы о ней летит молва.
До капеллана Поликарпо она в тот день дошла.
Иконой русской капеллан спасался от всех зол.
Пешком от Пронькина яра¹² в Венецию пришел.
Родня погибших к той святыне поехала со всех сторон.
И скоро над донской часовней раздался тихий звон.
Сам папа римский прослыхал про чудные дела.
Как итальянцев средь снегов икона та спасла.
«Мадонною дель Дон» назвал ее святой отец.
И водрузил над нею свой золотой венеч.¹³

В декабре 2011 года в Местре встретились две чудотворные иконы «Умягчение злых сердец» – одна итальянская, другая российская, ми-

⁹ Александр Михайлович Дегтярев родился в Воронежской области в 1953 году. Выпускник филфака Воронежского госуниверситета, журналист и литератор; лауреат премии Союза журналистов России; автор книги «Воронеж – родина воздушного десанта». Его стихотворение «Мадонна дель Дон» см.: <http://www.stihi.ru/2010/09/14/2336>.

¹⁰ Уго Бальзаре – рядовой дивизии «Тридинта» итальянского Альпийского корпуса, после войны стал адвокатом, приезжал в воронежское село Басовка после перестройки. – *Прим. автора стихотворения.*

¹¹ В действительности – лейтенант, командующий взводом.

¹² Местность близ Белгородской переправы.

¹³ Увенчание иконы золотым венцом со стороны папы римского – легенда, как и то сообщение, что «папа римский вынужден был эту православную икону ввести в ранг католической» (<http://www.azovhram.ru/content/view/135/51/>), таких деяний вообще в Римско-Католической Церкви не совершают.

Мироточивая икона
«Умягчение злых сердец»

Молебен у двух икон
в базилике капуцинов
в Местре, Венеция, 2012 г.

роточивая.¹⁴ Встреча внутри базилики капуцинов произошла по почину православных клириков, и одним из ее организаторов был настоятель венецианской общины жен-мироносиц протоиерей Алексей Ястребов, кстати, житель Местре. Вот репортаж об этом событии.

«По благословию епископа Корсунского Нестора 8 декабря 2011 года в Италию прибыла из России для поклонения мироточивая икона Божией Матери “Умягчение злых сердец”, сообщает пресс-служба прихода святых жен-мироносиц в Венеции. В Миланском аэропорту Мальпенса икону встречали настоятель прихода святителя Амвросия Медиоланского Русской Православной Церкви в Милане иеромонах Амвросий (Макар) и клирики его прихода. Затем в церкви прихода началось непрерывное поклонение иконе, продлившееся до 6 часов утра следующего дня. 9 декабря икона отправилась в Падую и Венецию. <...> У церкви капуцинов икону встречал настоятель прихода святых жен-мироносиц Русской Православной Церкви в Венеции священник Алексей Ястребов с прихожанами, а также настоятель и многочисленные прихожане католического храма, среди которых еще есть те самые альпийские стрелки, которые привезли некогда икону в Венецию. Перед обеими иконами был отслужен молебен с акафистом. Затем верующие смогли приложиться к святыне. По окончании поклонения кортеж с иконой отбыл в Милан. С 8 по 14 декабря иконе смогут поклониться жители итальянских городов Брешия, Парма, Генуя и Турин».¹⁵

Рассказывает другой организатор этой необыкновенной встречи, игумен (ныне епископ) Митрофан (Баданин): «В подлинности этой истории мы сумели убедиться, прибыв в Венецию с нашим с чудо-

¹⁴ О чудотворной российской иконе «Умягчение злых сердец» см.: <http://www.pravmir.ru/italyanskoe-puteshestvie-mirotchivoj-ikony-umyagchenie-zlyx-serdec>.

¹⁵ См.: <http://www.pravoslavie.it/parish2011.htm>.

Вручение свечи от иконы
Мадонны дель Дон
на конференции

творным образом. На молебне у стоящих рядом двух удивительных икон присутствовали как наши православные прихожане, так и итальянцы. Это была очень важная встреча. Важная для умягчения наших сердец, так ожесточенных страшным XX веком. <...> На прощание всех собравшихся помазывали истекшим миром. Стоявшие несколько поодаль и наблюдавшие за происходящим со стороны католические монахи не выдержали и тоже подошли под помазание».¹⁶

Можно ли ждать, что и Мадонна дель Дон – в обратном движении – когда-нибудь посетит места своего обретения и примет на Дону молитвы ради мира, ради Умягчения злых сердец?

Приложение

МЕМУАРНАЯ ЗАМЕТКА ДОНА ПОЛИКАРПО¹⁷

Иногда с тыльных позиций появлялась одна быстрая симпатичная старушка и тут же исчезала среди деревенских *изб* [курсивом выделены русские слова]. Одна сновала среди этих разрушенных *изб* в поисках каких-то вещей, только ей одной ведомых.

Война ушла вперед, посеяв за собой хаос и разруху.

Деревня стояла в двух шагах от противника, укрепившегося на другом берегу реки.

В этой старушке все альпийцы видели своих матерей, оставленных на далекой родине плакать и молиться о своих сыновьях.

Снуга среди солдат безо всякого страха, она смотрела на них с материнской добротой, а к их *пону* относилась с почтением и уважением.

¹⁶ См. <http://www.pravmir.ru/italyanskoe-puteshestvie-mirotochivoj-ikony-umyagchenie-zlyx-serdec>. В феврале 2013 года мироточивая икона «Умягчение злых сердец» была вторично привезена в Италию; в базилику в Местре ее доставили 25 февраля.

¹⁷ Перевод осуществлен по тексту: <http://www.alpinivenezia.it/madonnadeldon/storia/storia11.htm>.

– Неужели вы не видите, что эти бедные и безутешные люди просто бегут отсюда... Что вы хотите от них? Они ищут в развалинах тряпки...

Так отвечал добрый командир батальона майор Дзаккардо, если кто-то обращал его внимание на русских сельчан на передней линии фронта.

Однажды женщина не пробежала, как обычно, мимо *пола* с черным пером в шляпе, но остановилась.

– Не знаю, – она заговорила вполголоса, как будто боясь, что ее услышат, – как выразить тебе свою признательность за твое отношение к нашим людям. Там, в развалинах моей избы, есть одна икона, мне очень дорогая. Приходи, возьми ее, я ее тебе дарю. В твоих руках ей будет надежнее всего.

Я уже знал, что Богородичные иконы для русского человека – это самое святое. К примеру, когда дочь выходит замуж, мать вручает ей по древнему обряду такой образ с тем, чтобы он хранил с Небес.

Когда мы идем к центру деревни, спускающейся по *балке* к реке, вижу нескольких альпийцев – они делают мне знаки подождать.

Подбегают, запыхавшись:

– Иди туда. Там, внизу, прекрасная Мадонна! – они показывают на *избы*. – Иди, капеллан. Ты должен ее забрать.

Отвечаю, что позднее пойду посмотреть и принесу им на их позиции. Альпийцы настаивают:

– Лейтенант говорит, что тебе надо ее забрать...

Они показывают мне туда же, куда мы идем с доброй старушкой. Каково же было мое изумление, когда я понял, что разрушенная изба старушки с ее иконой была та же самая, про которую мне говорили альпийцы.

Женщина вручила мне икону. Руки ее дрожали, а голос как будто шел из глубины души... Этот лик Мадонны показался мне таким отличным от обычно виденных и таким похожим на прекрасных Мадонн из наших краев. Я увидел, я почувствовал, что у этой святой иконы пребывают два народа, которые воюют между собой, но тут в любви к Божией Матери – пусть в час ненависти и крови – вдруг ощущают себя братьями.

Моя собственная *изба*, которую пощадила война, а потом редут в *Кирпинской балке* служили как капелла для альпийцев. Здесь, на передовой линии, чтимая икона нашла свой первый алтарь, – до тех пор, пока в командование батальона не стали приходить тревожные вести.

Немецкие танки, которые поддерживали наш фронт, ушли... Одновременно с другого берега реки ночами доносился все нараставший гул русской боевой техники. Мороз схватил в свои объятия степь и рассыпанные по ней развалины, и лед на Дону не брали даже бомбы. Противник становился все более смелым. Берег дрожал от снарядов тяжелых пушек и от рычания *катюш*.

В мой редут зашел альпиец с рюкзаком на плечах. Просунув голову через сорванную с петель дверь, говорит:

– Отец, прощайте! Возвращаюсь в Италию, – видно было, что он очень взволнован. – У меня тяжело больна мать... Помолись за нее. Хочу передать ей твое благословение.

Я тут же вспомнил и свою мать. Пригласив внутрь солдата, снял со стены святую икону и вручил ему.

– Тебя послало Провидение! Отвези эту икону моей матери. Тебе повезло, ты возвращаешься в Италию, мы же из этого ада не выйдем. Скажи моей матери, что пусть хранит ее во имя всех матерей, что не увидят нашего возвращения. Пусть икона станет этим матерям в утешение – ведь перед ней молились их сыновья.

Так отбыла в Италию эта икона, вместе с нашими сердцами. Не помню точной даты, но думаю, что это было в середине декабря 1942 года, когда альпийцы своей кровью начали писать беспримерные страницы героизма.

О значении скорбей и болезней в жизни христианина. Из книги митрополита Митрофана «Жемчужные глубины», 2020 г.

Митрополит
МИТРОФАН (Баданин)

АПОСТОЛ БОГОВИДЕЦ И ЕГО ПУТЬ СКОРБЕЙ

Из великой плеяды учеников Христа в полной мере Боговидцами можно назвать, пожалуй, лишь апостолов Павла и Иоанна. Безусловно, все апостолы видели своего Божественного Учителя в течение Его земного служения, но, как мы знаем, ясного понимания того, что перед ними Бог, в то время они не имели. Правда, мы помним гениальное и уникальное прозрение апостола Петра, с его знаменитым: *«Ты Христос, Сын Бога живаго»* (Ин. 6, 69). Также можно упомянуть и те сорок дней общения Спасителя с Его учениками после Воскресения, и покаянное исповедание Фомы: *«Господь мой и Бог мой!»* (Ин. 21, 28), равно и возглас над озером апостола Иоанна: *«это Господь»!*

Святой Апостол Павел. Худ. Доменико Эль Греко, 1614 г.

Христа» (Гал. 1, 12). *«Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом»* (Гал. 1, 1).

Это обучение началось еще на пути в Дамаск, когда Христос, решительно возведя злобного фарисея Савла в ранг Своего возлюбленного ученика Павла, объявил, что *«он есть Мой избранный сосуд, чтобы*

Но все равно такого полноценного опыта прямого общения и обучения от Самого Господа с Небес, с доведением всех основополагающих вероисповедальных истин, какого сподобился апостол Павел, – такого не имел никто.

Мы говорим не только о подробно описанной истории чудесного призыва Павла на апостольское служение, когда некто Анания, еврей-христианин из Дамаска, *«подойдя к Савлу, сказал: Бог отцов наших предызбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его»* (Деян. 22, 14). Мы знаем и о его последующем обучении непосредственно Христом: *«и научился я не от человека, но через откровение Иисуса*

Гравюра «Испытания апостола Павла. Кораблекрушение у о. Мелит» (Деян. 28)

возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми» (Деян. 9, 17). Опыт прямого Богообщения и научения продолжался затем в течение трех лет в Аравии, где Павел жил среди арабов, как об этом пишет он сам: «я не стал тогда советоваться с плотью и кровью, и не пошел к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию», и после вновь «возвратился в Дамаск» (Гал. 1, 16; 17).

Наверное, лишь только Павел, сетуя на то, что «никого не было со мною, но все меня оставили», может добавить, как нечто несложное: «Господь же предстал мне и укрепил меня... и я избавился из львиных челюстей» (2 Тим. 4, 17).

Однако те условия, что ставит Господь для такого избранничества и обретения возможности сверхъестественного пути богопознания, оказываются весьма суровыми. «Я покажу ему, сколько он **должен пострадать** за имя Мое» (Деян. 9, 17) – говорит о Павле Господь.

И действительно, получение этого недоступного для большинства знания сопровождалось невозможными для простого смертного испытаниями. На одну человеческую жизнь страданий Павлу выпало с избытком: «*Был я безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов; три раза меня били палками, однажды камнями побивали [это смертная казнь. – м. М.], три раза я терпел кораблекрушение, **ночь и день пробыл во глубине морской** (!); много раз был в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в нагоде*» (2 Кор. 11, 25).

При этом несомненно и то, что именно это знание, полученное Павлом непосредственно «*через откровение Иисуса Христа*» (Гал. 1, 12), явилось драгоценным сокровищем богословской мысли, и возвело Евангельское учение на высоту чрезвычайную. Эти духовные дары позволили Павлу обладать уникальным «*словом в проповеди, вверенной по повелению Спасителя нашего, Бога*» (Тит. 1, 3).

Апостол ясно свидетельствует о сверхъестественном, трансцендентном характере этого знания: «*Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо я и принял его и научился не от человека*» (Гал. 1, 11). И поясняет: «*я принял его через откровение Иисуса Христа*».

Апостол Павел использует здесь слово «откровение», по-гречески – «*αποκάλυψις*» («*апокалипсис*»). О том, что представляет собой подобное «откровение» и как переживается человеком это уникальное событие, подробно рассказывает другой апостол Боговидец – Иоанн Богослов: «*Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; то, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам... И когда я*

«Множество народа следовало и кричало: смерть ему!» (Деян. 21, 36). Гравюра «Апостола Павла спасают от толпы» Худ. Г. Доре

увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый» (Откр. 1, 10). Хорошо был знаком с этими состояниями прямого общения с Господом и пророк Давид: «я возлюбил откровения Твои. Трепещет от страха Твоего плоть моя» (Пс. 118, 119).

Столь непосредственные таинственные беседы Павла со Христом, пожалуй, не знают аналогов в истории Церкви. Вспомним, как апостол Павел, который не мог участвовать в Тайной Вечере, дает нам подробное описание Таинства Евхаристии: «ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал...» (1 Кор. 11, 23; 27). Здесь ясное указание на прямое его общение со Христом, о чем, собственно, свидетельствует и его восклицание: «Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?» (1 Кор. 9, 1).

Особое избранничество Павла подтверждает и совершенное им небесное путешествие, когда Божьим произволением был он «восхищен до третьего неба» (2 Кор. 12, 2). Именно в это время Павел трижды обращался ко Христу, умоляя освободить его от одного, особо мучи-

«Когда же пришли мы в Рим, то сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его» (Деян. 28, 16). Гравюра «Прибытие Павла в Рим», худ. Юлиус Шнорр фон Карольсфельд, 1855 г.

тельного, обстоятельства его служения. Как известно, апостол был жестоко терзаем нечистым духом: *«дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений»* (2 Кор. 12, 7). Эта духовная болезнь, конечно же, была большим искушением и могла приводить его учеников и слушателей к соблазну.

Павел свидетельствует, что эти его состояния часто провоцировались возникающими нестроениями в Церкви, прегрешениями своих учеников и отсутствием покаяния. Обращаясь к христианам Коринфа, апостол высказывает опасения, как бы *«не найти у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков»*, увидеть тех, кто *«согрешили прежде и не покаяться»* (2 Кор. 12, 20). И далее предупреждает: *«опасаюсь, чтобы по пришествии моем... вам не найти меня таким, каким не желаете... чтобы опять, когда приду, не уничтожил меня у вас Бог мой»* (2 Кор. 12, 21). В то же время, мы не раз видим, как апостол искренне благодарит учеников за снисхождение к этому его нездоровью: *«хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им, а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса»* (Гал. 4, 14).

Апостол смиренно принимал назначенное ему испытание, терпеливо перенося страдания, что неизбежно посылаются каждому подвижнику, и особо тем, кто имеет некий сугубый талант для служения Господу – *«чтобы не превозноситься чрезвычайностью откровений»*.

«Зритель незримого и слушатель неизреченного небесен, как Павел»¹, – такими словами ободряет святитель Григорий Богослов всех, кто идет по стопам этого апостола Боговидца.

¹ Григорий Богослов, святитель. Избранные творения. М., Изд. Сретенского монастыря. 2005. С. 17.

ГЕФСИМАНСКАЯ НОЧЬ СТРАЖДУЩЕГО БОГА

В евангельских текстах и творениях святых отцов употребляются слова «молитва» и «моление», казалось бы, весьма близкие по своему значению. Различаем ли мы в своей христианской практике эти понятия?

Апостол Павел, вспоминая Гефсиманскую ночь Спасителя перед Его Крестными страданиями, пишет: «Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес **молитвы и моления** Могущему спасти Его от смерти; и услышан был» (Евр. 5, 7).

Внимательный взгляд преподобного Максима Исповедника сразу отметил неслучайность употребления этих двух терминов: «Молитва есть испрашивание того, что Бог свойственным Ему образом обыкновенно дарует людям. А моление определяется как обещание, или обет, который служащие Богу люди искренне приносят Ему»². Неслучайно

Гравюра «Моление в Гефсиманском саду». Худ. Юлиус Шнорр фон Карольсфельд, 1855 г.

² Максим Исповедник, преподобный. Творения. М., «Мартис». 1993. Кн. 1. С. 189.

эти две составляющие молитвенных воздыханий упоминаются на Литургии в молитве верных: «сотвори ны достойны быти, еже приносить Тебе моления и мольбы, и жертвы бескровныя».

В этом смысле образцом полноты молитвенного делания христианина на все времена является молитва Господа нашего Иисуса Христа в ночь перед Распятием. Эта знаменитая Гефсиманская молитва исторически называется «Моление о Чаше», хотя она включает себя как раз эти две составляющие: молитву и моление. *«И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия [это молитва. – м. М.]; впрочем не как Я хочу, но как Ты [это уже моление. – м. М.]»* (Мф. 26, 39).

В составе этой молитвы сокрыта вся суть жизненных, волевых усилий верующего человека, весь смысл его молитвенного делания. Божественный Учитель дает нам образец молитвы христианина на все времена.

Тогда, во мраке Гефсиманской ночи, зная, что вплотную приблизилось время невыносимых страданий, Спаситель всем Своим человеческим существом постигает ужас предстоящего страшного завершения Его земного пути. Он сейчас абсолютно одинок в этой борьбе с немощью человеческой природы и Ему очень страшно. И он молится Отцу Небесному, точно так, как каждый из нас в опасности просит Бога защитить, уберечь, не допустить совершиться неумолимо приближающимся страшным событиям: *«Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия»*.

И нет здесь ничего нового. Точно так же молились, пребывая в язычестве, все бесчисленные поколения людей своим богам до Рождества Христова. Да и сейчас люди порой с требовательной готовностью принимают лишь эту часть молитвы.

Христианство, однако, начинается лишь со второй ее части, с моления, там, где Спаситель, смиренно склоняя голову, добавляет: *«Впрочем, не как Я хочу, но как Ты»*. Вот в этой-то оговорке и состоит вся суть христианской жизни.

Для христианина все богатства мира сего, успех, благополучие, здоровье, да и сама жизнь, имеют ценность, лишь пока звучит первая часть Гефсиманской молитвы. Как только приходит время произнести *«да будет воля Твоя»* и принять в сердце эту волю Божью, какой бы страшной она ни была, в этот миг рождается христианин, которому теперь ничего не страшно, ибо для него *«жизнь – Христос, и смерть – приобретение»* (Флп. 1, 21).

«БОГ ВСЯКОГО УТЕШЕНИЯ» (2 Кор.1,3)

Жизненный путь каждого христианина непременно являет собой череду посылаемых от Господа скорбей и утешений. *«По мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше»* (2 Кор. 1, 5) – так ободряет нас апостол Павел, не понаслышке хорошо знающий эти две составляющие жизненного пути христианина.

Однако апостол называет и важное условие для получения помощи от Господа в самых критических обстоятельствах, приводя в пример опыт как собственных духовных переживаний, так и его верного спутника Тимофея, в ситуации, когда они уж и *«не надеялись остаться в живых»*. В тех обстоятельствах, пишет Павел, мы *«сами в себе имели приговор к смерти для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых»* (2 Кор. 1, 8). Таким образом Господь вновь, как и в древности, посылая испытание веры Своим избранникам, ставит человека в самые крайние, критические обстоятельства.

Вспомним запредельную скорбь Авраама, готового исполнить Божье повеление о принесении в жертву единственного сына. По сути, Авраам, приняв в сердце готовность уничтожить свое семя, прерывал и свою жизнь, поскольку прерывался его род. По сути, он тоже шел на смерть – *«сам в себе имели приговор к смерти»*. И награда ему от Господа была велика.

«Апостол Павел и укус змеи». Спасо-Преображенский собор Валаамского монастыря. Худ. Влад Гильруг, 2008 г.

Мысль о том, что сама память смертная и внутреннее согласие на возможную близость смерти для христианина есть важнейшие и обязательные составляющие его мировосприятия, неоднократно встречается в трудах апостолов и святых отцов. *«Для меня жизнь – Христос, – пишет апостол Павел, но тут же добавляет: – и смерть – приобретенное»* (Флп. 1, 21).

По мысли апостола, стремление уйти ко Христу, соединиться с Ним – есть самое сокровенное чаяние каждого, кто в полной мере обрел сокровище веры и посвятил себя служению Богу. Об этом, собственно, каждый христианин просит в своих ежедневных молитвах: *«в радость и Божественный чертог славы Его совнидем, идеже празднующих глас непрестанный, и неизреченная сладость зрящих Твоего лица доброту неизреченную»*³.

Однако этот вожденный путь восхождения в Царствие Небесное откладывается

³ Утреннее молитвенное правило. Молитва 5-я свт. Василия Великого.

«Он упал на землю и сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я – Иисус» (Деян. 9, 5)

нами до времени, пока не призовет нас Господь, поскольку есть еще задачи нашего земного служения. Именно об этой антиномии размышляет апостол: *«если жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое»*. При этом апостол не может не признаться: *«имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше»* (Флп. 1, 23).

Нет сомнений, что апостол знает, о чем говорит. Этот избранник Божий, как никто иной, хорошо представляет непостижимое блаженство жизни, уготованное тем, кто сподобится достичь Горних обителей, и душа его искренне вожделеет этого. И это объяснимо, поскольку еще при жизни *«он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать»* (2 Кор. 12, 3).

Тем не менее, апостол завершает свои раздумья и делает окончательный выбор между земным и небесным в пользу продолжения своего миссионерского служения: *«а оставаться во плоти нужнее для вас»* (Флп. 1, 24).

Служение апостолов являло собой особое, невероятное дерзновение, предполагающее ежедневное поправление основополагающих инстинктов человека, служащих задачам самосохранения. *«Мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, – свидетельствует об этом апостол и поясняет, для чего: – чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей»* (2 Кор. 4, 11).

Это очень сложная задача. Те самые *«ризы кожаные»*, в которые облекся человек после грехопадения, когда его земная составляющая попала под Божье определение *«проклята земля за тебя»* (Быт. 3, 17), положила преграду, отделив от людей невидимый мир *«неба»*. С тех пор наши грубые тела, *«смертная плоть наша»*, сделала нас практически невосприимчивыми к духовному миру. И освобождение от этого «скафандра» нам может быть даровано только через его разрушение, через смерть нашего тела.

«Христос и дьявол»
(фрагмент). Худ. Дуччо ди
Буонинсеня. 1308–1311 гг.

«Водворяясь [ενδημοῦντες – вселяясь. – м. М.] в теле, мы устранены от Господа, – сокрушается апостол и добавляет: – желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» (2 Кор. 5-6; 9).

ЛЕКАРСТВО ОТ ГОРДОСТИ

Пришедший в мир Спаситель властно подчинил Себе мир бесовский – этих падших тварей, заставив исполнять Свою волю: *«отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою»* (Кол. 2, 15). В результате они в полной мере стали *«служебными духами»*, как и свидетельствует апостол Павел, поскольку ангелы, даже и павшие, суть исполнители воли Божьей. Они орудие для воплощения Божественного плана спасения каждого, кто пожелал стать на путь, открытый Христом. Этот закон касается как светлых Ангелов, так и падших – бесов. Ибо *«не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?»* (Евр. 1, 14). Дословно по Септуагинте: *«...ради тех, кто намеревается наследовать спасение»*. То есть для нас с вами.

Итак, нечистые *«служебные духи... посылаются на служение»*. Их служение – есть лекарство от человеческой гордости. И эта гордость наша, те самые *«врата медные»*, что затворились пред людьми, легкомыслен-

Гравюра «Атака демонов». Худ. Г. Доре

но променявшими блаженную полноту Эдемской жизни на бесконечный бег по пути «научно-технического прогресса».

Это горькое лекарство от гордости прописано каждому человеку, живущему в этом мире. Разница в результатах этого лечения напрямую зависит от поведения пациента. Мудрый принимает рецепты Врача с благодарностью и с терпением переносит горечь лекарств и болезненность процедур, тогда как надмевающийся глупец, подобно ветхозаветному Антиоху Епифану, *«нисколько не оставляет своей гордости и еще более исполняется высокомерия»* (2 Макк. 9, 7).

Нет сомнений, что чаще всего *«Врач души и телес»* воздействует на человеческую плоть и попускает скорбь болезни как наиболее действенное средство. А иначе ничего не изменить, поскольку *«если плоть благоденствует, то обычно преумножается сила греха. Когда плоть страдает, добродетели, естественно, присуще возрастать»*⁴.

Хорошо, если Господь проявит милость и не отступит от упорствующего глупца, не прекратит Своего врачевания. И тогда *«служебные духи»* выполнят свою «злую» работу, как в том классическом ветхозаветном примере: *«Теперь-то, будучи сокрушен болезнью, начал он оставлять свое великое высокомерие и **приходить в познание**, когда по наказанию Божию страдания его усиливались с каждой минутой. Сам не в силах сносить своего зловония, он так говорил: праведно покоряться Богу, и смертному не должно думать высокомерно...»* (2 Макк. 9, 12-13).

Еще следует отметить, что чем выше планка жизненного призвания человека, тем обстоятельнее и серьезнее методы Божьего лечения. Подчас это выражается в том, что весьма достойным избранныкам

⁴ Максим Исповедник, преподобный. Творения. Богословские и аскетические трактаты. М., ПСТБУ. 1993. Кн. 1. С. 261.

Божиим в течение всего их жизненного пути самым непосредственным образом досаждают нечистые духи. Мы уже касались того обстоятельства, что величайший тайнозритель Божий, апостол Павел, по его собственному свидетельству, носил в себе нечистого духа – это «жало в плоть» или «ангела сатаны», который временами сильно досаждал ему, вводя апостола в болезненное и подчас соблазнительное для посторонних состояние. Однако Павел хорошо понимал, для чего Господь попускает ему эту немощь, ради чего так смиряет Своего верного служителя: «чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений» (2 Кор. 2, 17).

Конечно же, человек слаб, и величайшая беда, живущая в его духовном устройстве, – это неистребимая гордость, честолюбие, стремление к славе, к признанию, к возвышению над другими. Выше мы писали о крайне непростых обстоятельствах служения апостола Павла. Этот первоверховный апостол, имевший столь исключительный статус Божьего избранничества и получавший непосредственно от Христа «чрезвычайные откровения», содержащие в себе основополагающие догматы нашей веры, конечно же, не мог не испытывать искушение этим неистребимым духовным изъяном – гордостью. Некие отголоски этой немощи временами проскальзывают в его словах: «я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов» (2 Кор. 11, 5). Или «Христовы служители? в безумии говорю: я больше. Я гораздо более был в трудах» (2 Кор. 11, 23).

Потому Милосердный Господь заботится о Своем избраннике, посылая «служебного духа», и апостол это хорошо понимает: «дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь ска-

Гравюра «Крещение на Иордане». Худ. Лукас ван Лейден. 1510 г.

зал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 2, 17).

Неоднократно в своих посланиях апостол упоминает эти посылаемые ему Господом смиряющие состояния – «удручения» от «ангела сатаны», и благодарит своих духовных чад за понимание и снисхождение: «я в немощи плоти благовествовал вам, но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им, а приняли меня, как Ангела Божия» (Гал. 4, 13-14) или «был я у вас в немощи и в страхе, и в великом трепете» (1 Кор. 2, 3).

Господь в полной мере дает апостолу благодатных сил для его служения и при этом открывает Павлу тайну этой великой мудрости: «сила Моя совершается в немощи». Апостол хорошо усваивает эту заповедь. «Не полезно хвалиться мне, – повторяет он, – ибо я приду к видениям и откровениям Господним». И «потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова» (2 Кор. 12, 1).

КРЕЩЕНИЕ КАК НАЧАЛО КРЕСТНОГО ПУТИ

Необходимо отметить, что именно славянское слово «Крещение», связанное с тайной Креста и Крестоношения, во всей полноте отражает суть этого Таинства.

В этой связи полезно вспомнить: что мы знаем о крещении Самого Иисуса Христа – Истинного Бога и истинного человека?

Как известно, Иоанн Предтеча призвал народ иудейский приходить на Иордан «креститься в воде в покаяние» (Мф. 3, 11). Это было воспринято неоднозначно, поскольку, как мы знаем, проведение подобных ритуалов в жизни иудеев имело точный перечень причин и строгую регламентацию. Потому религиозная верхушка Израиля, «фарисеи и законники», не приняли такого новшества и «отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него» (Лк. 7, 29).

Естественно, к Иоанну Предтече возникали и другие вопросы: по какому праву и зачем он это делает – «что же ты крестишь?». Тем более, что Иоанн, однозначно утверждая, что он «ни Христос, ни Илия, ни пророк», как бы, отрекался от этого «крещального» права. При этом ему важнее было возвестить иное: «Иоанн всем отвечал: я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Лк. 3, 16). И еще, самое главное, что всем объяснял Иоанн: «для того пришел я крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю» (Ин. 1, 31).

То есть главное служение, к которому призвал Господь Иоанна и ради чего Предтеча пришел на Иордан, куда зазывал и народ иудейский, – это увидеть Христа Спасителя – Сына Божьего – и объявить миру о Его приходе. Предтече Христа от Бога был указан явный признак пришествия Мессии: «Пославший меня крестить в воде сказал мне:

Гравюра «Сошествие Святого Духа в день Пятидесятницы». Худ. Юлиус Шнорр фон Карольсфельд, 1855 г.

на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым, – так об этом рассказывал сам Предтеча, – И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий» (Ин. 1, 33).

Надо сказать, что, увидев долгожданного Мессию, «Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1, 29) и «у Которого я недостойн развязать обувь на ногах» (Деян. 13, 25), Иоанн испугался своего дерзновения и поначалу отказывался крестить Иисуса. Однако Господь напомнил ему о том, что именно «так надлежит нам исполнить всякую правду» и долг Иоанна «увидеть Духа сходящего и пребывающего на Нем» (Ин. 1, 33).

Так что свершилось: «Иисус из Назарета Галилейского крестился от Иоанна в Иордане» (Мк. 1, 9), и, как истинный человек, Христос принял в этом Иоанновом Крещении Благодать Святого Духа: «и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него» (Мф. 3, 16).

Таким образом, Христос по Своему человечеству и как «первенец из мертвых» должен был пройти это Крещение водой и Святым Духом. Он был первым из человеческого рода, кто принял это спасительное Таинство и единственным, кто получил полноту этой благодати непосредственно от Иоанна Крестителя на Иордане.

Казалось бы, Господь выполнил долг по Своей человеческой сущности и в отношении Его Крещения была «исполнена всякая правда». Почему же тогда Господь вновь и вновь говорит ученикам: «Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (Лк. 12, 50)? «Здесь, – поясняет известный толкователь конца XIX века, – конечно, имеется в виду крещение посредством страданий, так сказать погружение (βάπτισμα) в страдания»⁵. Это справедливо, ибо таким образом Господь возводит саму суть Крещения на уровень Крестоношения.

⁵ Лопухин А.П. Токовая Библия. Толкование на Евангелие от Луки. СПб., 1912. Т. 9.

*«Пусти острый серп твой
и обрежь гроздь винограда
на земле, потому что со-
зрели на нем ягоды»*
(Откр. 14, 18).

Гравюра «Жатва Апока-
липсиса». Худ. А. Дюрер

Крещение есть не разовый акт погружения в воду (βαπτισμα) и принятие Печати Дара Духа Святого, а весь скорбный жизненный путь каждого христианина.

Собственно, именно об этом говорит Господь и Своим ученикам: *«чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься»* (Мф. 20, 23). Упоминание в этом контексте *«чашы Моей»* не оставляет сомнений в предстоящем пути испытаний и скорбей на предлагаемом пути *«крещения, которым Я крещусь»*.

Теперь вспомним, как происходило Крещение избранных учеников Христа, Его апостолов. В абсолютном большинстве они были учениками Предтечи и принимали *«крещение Иоанново»*. Но им предстояло восполнить это водное крещение иным великим Таинством, дабы обрести Благодать Святого Духа.

Перед самым Своим Вознесением Воскресший Спаситель *«собрал их, повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима»*, поскольку им предстояло обрести полноту Крещения: *«ибо Иоанн крестил водою, а вы через несколько дней будете крещены Духом Святым»* (Деян. 1, 5). О том, что *«крещение Иоанново»* было *«зачтено»* апостолам и Христос их не перекрещивал Своим Крещением, свидетельствует Евангелие: *«Сам Иисус не крестил, а ученики Его»* (Ин. 4, 2).

Так вот, через десять дней после Вознесения Господня апостолы собрались в Иерусалиме и *«при наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе... И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго»* (Деян. 2, 1-4). Это был уникальный и единственный день в истории христианства, сопровождавшийся особым знамением: *«внезапно*

сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, ... когда собрался народ и пришел в смятение». Так полнота Крещения сошла на апостолов, и надо сказать, не только на них: в этот же день «крестились, и соединилось душ около трех тысяч» (Деян. 2, 41).

Тогда на празднике Пятидесятницы в Иерусалиме состоялся первый акт Крещения Святым Духом «во имя Иисуса Христа» (Деян. 2, 38). Здесь же точка отсчета существования Церкви Христовой и жизненного пути в Крещении каждого будущего христианина.

Есть еще одна компонента нашего крещального пути. Мы не должны забывать об огненной составляющей Крещения, уготованной нам от Бога. Об этом ясно возвещал еще Иоанн Предтеча на Иордане: Господь «будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф. 3, 11).

Водой и Духом мы, христиане, все уже крещены. Обещанное же крещение огнем мы проходим в течение жизни, претерпевая болезни, искушения и скорби, потому как неизбежно «настанет испытание избранным Моим, как золото испытывается огнем» (3 Езд. 16, 74). «Ибо всякий огнем осолится» (Мк. 9, 49), – предупреждает нас Спаситель, дабы «испытанная вера ваша оказалась драгоценнее огнем испытываемого золота» (1 Пет. 1, 7).

Но в полной мере «крещение огнем» нам предстоит пройти в конце времен – мы примем его в Последний День. Это тот страшный и торжественный момент, когда «Ангел, имеющий власть над **огнем**, выйдет от жертвенника и с великим криком воскликнет к имеющему острый серп, говоря: пусть острый серп твой и обрежь гроздья винограда на земле, потому что созрели на нем ягоды» (Откр. 14, 18). Помоги нам Господь достичь этой зрелости во Христе Иисусе.

Гравюра «Смерть богача». Худ. Филип Галле по рис. Мартена ван Хемскерка. Библия Н.И. Пискатора. 1643 г.

«ЗА ВСЕ БЛАГОДАРИТЕ»?

Совершенно невозможное пожелание апостола Павла: «*За все благодарите*» (1 Фес. 5, 18). Как можно благодарить за какое-нибудь кошмарное событие, за страшное горе? Так в миру не принято. Благодарить надо за добро, здоровье, за удачу и т. п. Но апостол поясняет, почему «за все благодарите»: «*ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе*». То есть все, что с нами происходит, послано Им, и это забота о нас со стороны Господа. Все обстоятельства нашей жизни есть явление Его Божественной воли, ведущей нас по пути спасения, о чем мы сами Его неоднократно просили, взывая в своих молитвах: «Господи, спаси и помилуй». Конечно же, Он, услышав эту нашу просьбу, дает то, что сейчас нам полезнее всего испытать, что более всего потребно для нашего спасения.

Следует признать, что эта мудрая мысль была дарована верующим людям еще в глубокой древности: «*Все, что ни приключится тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничтожения будь долготерпелив, ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, – в горниле уничтожения*» (Сир. 2, 4).

Мы же порой стенаем и ропщем, далеко не всегда твердо помня, что «*всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности*» (Евр. 12, 11).

Кроме того, есть неумолимый закон Божественной справедливости, суть которого открывает нам апостол: для того мы, христиане, «*наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром*» (1 Кор. 11, 32). И по-другому не будет. В этой связи можно вспомнить притчу о богаче

Гравюра «Иов Много-страдальный и его друзья». Худ. Юлиус Шнорр фон Карольсфельд, 1855 г.

Грешники в Аду.
Худ. Лука Синьорелли.
Фреска капеллы Сан
Брицио собора в Орвие-
то, Италия. 1499–1502 гг.

и Лазаре. Нищий Лазарь в своей земной жизни жестоко наказывался и не имел радости бытия, а богач, наоборот, имел все и *«каждый день пириествовал блистательно»* (Лк. 16, 19). Когда же богач, оказавшись *«в аде, будучи в муках»*, *«возопив, сказал: умиლოსердись надо мною, ибо я мучаюсь в пламени сем»*, – то именно об этом законе Божьей справедливости ему напомнил патриарх Авраам. Духовный предок всех верующих людей *«Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь»* (Лк. 16, 25).

Можно было бы возразить, что богач не виноват в том, что у него были такие возможности, позволявшие ему *«каждый день пириествовать блистательно»*. Это было бы верно, если бы рядом с его домом не страдал нищий *«Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напиться крошками, падающими со стола богача»* (Лк. 16, 21). Так что и у человека обеспеченного всегда есть возможность не пострадать за свою *«пириественную жизнь»*, если он будет помнить о ближнем и исполнять заповеди Божьи: *«когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных»* (Лк. 14, 13).

Этот совет полезно учитывать не только *«одетым в порфиру и виссон»*, но и каждому, кто заботится о спасении своей души. Тем более, что и об этой возможности позаботился Господь: *«нищих всегда имейте с собою и, когда захотите, можете им благотворить»* (Мк. 14, 7).

НАШЕ СЫНОВСТВО

Размышляя о страданиях как, увы, неотъемлемой части нашей жизни, каждый из нас будет вынужден признать, что весьма непросто научиться принимать их с благодарением, даже памятуя об их целительной силе. Апостол Павел сочувствует нам, хорошо понимая, что человек слаб и *«всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью»* (Евр. 11, 11).

Но есть известное с древних библейских времен утверждение: *«кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому»* (Притч. 3, 12). Об этом многократно писали и святые отцы: человек, о котором особо печется Господь, познается по количеству скорбей, ему посылаемых.

Может возникнуть вопрос: почему обязательно так, неужели нельзя обойтись без этого? Апостол Павел, в свою очередь, спрашивает нас: *«есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?»* И если какой отец не заботится о воспитании сына, то это уже будет не отец, а чужой человек.

То есть не смущайтесь и укрепитесь сознанием того, что *«если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами»* (Евр. 11, 6). Таким путем мы возводимся в достоинство сынов Божиих. Мы же терпели наказания от своих родителей, заботившихся о нашем воспитании. *«Если мы, – говорит апостол, – будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны мы покориться Отцу духов, чтобы жить?»* (Евр. 11, 9). Жить в новом невероятном избранничестве, в немыслимом ранее достоинстве сынов Божиих: *«Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса»* (Гал. 3, 26).

Так что – терпим и благодарим. И более того, помним и боимся: *«Если вы остаетесь без наказания, которое всем общее, то вы не сыны, а незаконные дети»* (Евр. 11, 8).

МУКА ВЕЧНАЯ

Как воспринимать нам слова Господа о вечности мучений, уготованных грешникам: *«И пойдут сии в муку вечную»* (Мф. 25, 46). Сразу оговоримся, что конкретные слова о *«вечной муке»* встречаются в Священном Писании лишь один раз, тогда как о *«жизни вечной»* для праведников Господь говорит необычайно часто и подробно. Можно, конечно, при желании найти пару иных формулировок этой мысли о вечности мучений: *«подлежит он вечному осуждению»* (Мк. 3, 29) или *«они подвергнутся наказанию, вечной гибели»* (2 Фес. 1, 9).

Тем не менее, в истории человечества этот образ вечных мучений в глубинах Ада имел необычайно широкое распространение и активное воспитательное употребление в практике гомилетики и нравственного богословия.

Надпись над воротами Ада:
*«Desine sperare qui hic
 intras (лат.) – Оставь
 надежду, всяк сюда
 входящий».* Гравюра
 «Пред воротами Ада».
 Худ. Г. Доре. Иллюстрация к «Божественной комедии» Данте Алигьери

Мы хорошо знаем, что положение учения Церкви о вечности загробных мук для грешников имеет неоднократно подтвержденный и догматически закрепленный Поместными и Вселенскими Соборами статус. Равным образом, идея всеобщего апокатастасиса⁶ неприемлема в первую очередь потому, что позволяет делать смелые заключения по вопросам, лежащим вне сферы человеческой компетенции. Вопрос Божественного воздаяния, его мера и продолжительность принадлежит лишь Господу: *«Писано бо есть: мне отмщение, Аз воздам»* (Рим. 12, 19).

Потому представляется важным для обеих сторон этих споров помнить, что мы, живущие в сем привременном «мире мер», ничего не знаем о вечности, которой обладает лишь Бог. Мы можем говорить только об относительной вечности, начало которой для нас положил Господь, и в которой мы непременно окажемся либо по Его неизреченной милости, или же по Его справедливому Суду. И в этой относительной вечности мы будем наслаждаться либо блаженной полнотой бытия, или же страдать в адских муках. И продолжаться это будет столь долго, сколь Ему будет угодно – *«Десять ли, сто ли, или тысяча лет, – в аде нет исследования о времени жизни»* (Сир. 41, 6).

Что же касается самого понятия «мука вечная», то в нем, скорее всего, Господь раскрывает нам вовсе не временные характеристики, а само существо этих невыносимых страданий. И эта мука поистине запредельна.

В Аду правят безвременье, вечное мучение и полное отсутствие надежды. Это ощущение вечности полностью нейтрализует спасительное и столь необходимое человеку чувство надежды. У человеческого существа всегда есть надежда. Какие бы ни выпадали нам в нашей жиз-

⁶ Апокатастасис (греч. ἀποκατάστασις – возвращение в прежнее состояние, восстановление) – богословское понятие, используемое, помимо иных случаев, как обозначение конечности наказания для грешников, вплоть до возможности прощения сатаны и его приспешников.

ни страшные обстоятельства, тяжелейшие муки, невыносимые боли и т. п., они всегда носят **временный** характер. Человек помнит, что «все пройдет», и переносит эти муки с надеждой на то, что когда-то они неизбежно закончатся. В Аду же надежды нет.

Поистине гениально прозревал великий Данте Алигьери эту тайну Ада, процитировав надпись на его вратах: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Именно поэтому муки Ада и называются вечными, безнадежными. Они, может быть, по милосердию Божьему, и не будут таковыми во временном измерении, может быть, Господь и простит когда-то грешника, но они являются вечными именно по ощущению этой вечности, из-за отсутствия надежды на их окончание, из-за невозможности хоть в чем-то найти утешение: *«ибо в аде нельзя найти утех»* (Сир. 14, 17).

МУКИ РОЖДЕНИЯ

Сразу после наступившей трагедии грехопадения Господь произносит слова, определившие новые, весьма печальные, аспекты жизни человека: *«В болезни [в скорби] будешь рождать детей»* (Быт. 3, 16). Отныне приход в этот мир нового человека – всегда тяжелейший стресс для каждого человеческого существа, как для матери, так и для ребенка.

И следует признать, что действие этого Божественного приговора о мучительном рождении человека с его появлением на свет вовсе не прекращается, и даже переходит в процесс. И этот процесс, как некая эволюция, процедура рождения, растянутая во времени, продолжает сопровождать всю человеческую жизнь мучениями – скорбными событиями, расстройками, болезнями, проблемами, неурядицами и т. д. Падшее человеческое существо продолжает и дальше испытывать те самые муки рождения, предписанные человеку еще в Эдеме. Правда, теперь он уже мучается, чтобы родиться в иной мир, перейти в иное измерение, чтобы наследовать жизнь вечную. Увы, в этом суть неумолимого закона, произнесенного еще над *«Адамом и женой его»* и подтвержденного вновь Христом Спасителем: *«многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие»* (Деян. 14, 22).

То есть тяготы, скорби и болезни нашей жизни, и особенно завершающий ее, торжественный и непостижимый акт смерти – и есть то самое мучительное наше рождение для блаженства вечной жизни.

Что поделаешь, мучительным было наше начало, мучительна наша жизнь, мучительно и ее завершение. Комфортно и без мучений добраться до Царствия Небесного не получится ни у кого.

Мудрый же христианин не унывает, зная, что каждый должен *«переносить страдания, как добрый воин Иисуса Христа»* (2 Тим. 2, 3), ибо *«нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас»* (Рим. 8, 18).

Содержание

<i>Игумен МИТРОФАН (Баданин)</i> Путь страданий со Христом как уникальная возможность исцеления человеческой природы	5
История преображения: «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян.14, 22)	29
<i>ХОРУЖИЙ Сергей Сергеевич</i> Опыт страдания в православно-аскетической перспективе.....	35
<i>МАЛАХОВ Виктор Аронович</i> Проблема смысла страдания в контексте современного опыта	43
<i>ЛОСКУТОВ Дмитрий Сергеевич</i> Малоизвестные факты истории г. Кандалакши 20–30-х годов XX века.....	65
<i>МАНУЙЛОВ Владимир Михайлович, МАРЧИК Валерий Владимирович</i> О значении изучения духовного и врачебного наследия святителя Луки – профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого в понимании вопроса: «Христианские воззрения на страдания и скорби в спасении человека».....	82
<i>Игумен МИТРОФАН (Баданин)</i> Взгляд святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Крымского, на здоровье и болезни человека	102
<i>Игумен ДАМАСКИН (Орловский)</i> Русская Православная Церковь в период гонений двадцатого столетия. Опыт людских страданий и их плоды	116
<i>ЖИРОВ Владимир Константинович</i> Покорение суете: процессы распада и страдание твари	124
<i>АНЦИФЕРОВА Елизавета Николаевна</i> О христианском понимании страданий: «Чем больше скорбь, тем ближе Бог»	136
<i>Игумен МИТРОФАН (Баданин)</i> Некоторые аспекты духовных причин катастроф и потрясений в жизни современного человека. К десятилетию трагедии АПЛ «Курск»	146

<i>Энци БЪЯНКИ</i> Терпение, болезнь, старость, смерть и вера	158
<i>Протоиерей Олег МИТРОВ</i> Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) о скорбях как о крестоношении.....	170
<i>ЗАЙЦЕВА Лариса Евгеньевна</i> Повседневное покаянное делание как верный путь противодействия скорбям и искушениям (по дневнику св. прав. Иоанна Кронштадтского)	178
<i>БАДАНИНА Ирина Николаевна</i> Рассказ «Счастливая Оля»	192
<i>ШЕСТОПАЛОВ Сергей Семенович, ШЕСТОПАЛОВА Наталья Кузьминична</i> Духовное служение врача в современном мире. Необъяснимые с точки зрения медицины случаи течения заболеваний и чудесных выздоровлений.....	194
<i>Игумен МИТРОФАН (Баданин)</i> Скорбный путь Великого Князя Михаила и его моленной иконы	236
<i>ЧАДАЕВА Алина Яковлевна</i> Святые князья-мученики Иоанн, Константин и Игорь Алапаевские. Отрывки из книги.....	281
<i>Игумен МИТРОФАН (Баданин)</i> XX век как время испытаний и скорбей	307
<i>Архимандрит АМВРОСИЙ (Макар)</i> Значение мученического подвига в евангельской проповеди и христианизация Римской империи	327
<i>МАЛАХОВ Виктор Аронович</i> Между мученичеством и повседневностью: советский опыт	345
<i>ТАЛАЛАЙ Михаил Григорьевич</i> История иконы Божьей Матери «Семь скорбей» времен Второй мировой войны.....	354
<i>Митрополит МИТРОФАН (Баданин)</i> О значении скорбей и болезней в жизни христианина. Из книги митрополита Митрофана «Жемчужные глубины», 2020 г.	367

Христианские воззрения на страдания и скорби в спасении человека

Под редакцией
митрополита Митрофана (Баданина)

Верстка Е. Баландина, О. Марусова
Корректор Е. Черкасова

Подписано в печать 27.12.2019
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 3. Тираж 5000 экз.
Печать офсетная. Заказ

Издательство Мурманской епархии

Выбрать книги, издающиеся в Мурманской епархии,
можно на официальном сайте
<http://mmeparh.cerkov.ru>

Заказ на книги отправлять по электронному адресу:
kerparhia_murmansk@mail.ru
или на почтовый адрес:

183010, Мурманск, ул. Зеленая, д. 11; тел. 8-815-25-97-61

В свободной продаже книги во всех церковных лавках
Мурманской и Североморской епархий,
в книжном магазине «Глобус», Театральный бульвар, д. 8,
а также в книжной лавке Областной научной библиотеки г. Мурманска.